В.И.ЛАН

США

ОТ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Книга, представляющая собой первую часть комплексного исследования на тему «США в период империализма», посвящена рассмотрению основных проблем экономической и социально-политической жизни США за указанный исторический отрезок времени.

На обширном материале показано, как своеобразно протекал в этой стране процесс первоначального накопления и как затем на основе бурного роста концентрации производства, возникновения и развития крупных монополий складывался американский империализм с его агрессивной экспансионистской идеологией и политикой.

В. И. ЛАН

США

ОТ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. И. ЛАН

США:
ОТ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1975

Монография освещает основные проблемы экономической и социально-политической жизни США, исследует процесс зарождения и развития американского империализма от 90-х годов прошлого века до первой мировой войны.

Л $\frac{11105-288}{042(02)-75}$ БЗ—26 № 30—75

© Издательство «Наука», 1975 г.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая работа представляет первую из трех книг, посвященных исследованию процесса зарождения и развития американского империализма. Цель всей работы — освещение исторической основы современной внутренней и внешней политики США, корни которой уходят в прошлое. Поэтому знание этого прошлого необходимо для лучшего понимания настоящего.

Первая книга написана заново. Вторая и третья представляют дополненные и переработанные монографии, опубликованные раньше.

Первая книга охватывает период от 90-х годов прошлого века до первой мировой войны — с зарождения империализма США. В ней освещается возникновение и разгул первых крупных монополий, вдохновителей империалистической экспансии, колониальных захватов, дипломатия доллара, деятельность оппозиции империалистической политике монополий, а также широко показана борьба рабочего класса.

Вторая книга охватывает период от первой до второй мировой войны. Основные вопросы, которые в ней затрагиваются, следующие: роль США в первой мировой войне, в выработке условий Версальского договора и в его заключении; американская интервенция в Советскую Россию; классовая борьба и революционная волна, поднявшаяся в США под влиянием Октябрьской революции; возникновение Коммунистической партии и поход против «красных» в Америке; «просперити» 20-х годов и мировой экономический кризис 30-х годов; «Новый курс» Франклина Рузвельта; восстановление дипломатических отношений с СССР; подъем рабочего движения, раскол АФТ и образование КПП; нейтралитет и отношение США к Мюнхенскому соглашению.

В третьей книге — «США в военные и послевоенные годы» — освещаются возникновение войны на Тихом океане; проблема второго фронта; участие Америки в войне; экономические итоги войны и их влияние на послевоенное промышленное развитие;

милитаризм; «холодная война»; план Маршалла и НАТО; антирабочее законодательство, маккартизм; агрессивная внешняя политика; утеря Соединенными Штатами монополии на атомное оружие; экономическое соревнование двух систем. Рассмотрение этих проблем доведено до начала 60-х годов.

В конце третьей книги дается общее заключение, в котором не только подведен итог всей работе, но и коротко затрагиваются важнейшие события вплоть до середины 70-х годов.

Вся работа завершается обзором основных источников. Сюда входят не только аннотации использованных книг и журналов, но и характеристика материалов конгресса США, служивших главными источниками исследования, протоколов заседаний сената и палаты представителей, а также отчетов и материалов их комиссий.

I

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

1. Зарождение империализма

Национальное богатство и национальный доход. Всемирная Колумбийская выставка. Промышленный рост и технический прогресс. Идеология империализма и ее творцы: адмирал Мэхэн, сенатор Лодж и Теодор Рузвельт.

В первую половину XIX в. Соединенные Штаты овладевали континентом, превращались из 16 штатов на востоке страны в государство, простирающееся от Атлантического до Тихого океана, от Канады до Рио-Гранде и Мексиканского залива.

Во вторую половину XIX в. они осваивали континент, создавали сеть железных дорог, вырубали густые леса, распахивали девственные земли, уничтожали аборигенов. Они завершили столетие как крупнейшая промышленная страна. В обрабатывающей промышленности США занимали второе место в мире десятилетиями раньше, уступая лишь Англии. К концу века роли переменились, о чем говорят приведенные ниже данные (в %) [1]:

	1870 г.	1896—1900 гг.
США	23,3	30,1
Англия	31,8	19,5

Перепись 1890 г. впервые показала, что продукция обрабатывающей промышленности США превосходит по стоимости продукцию сельского хозяйства [2].

В 1896 г. была опубликована книга Мюлхалла «Индустрия и богатство народов», в которой иллюстрировалось состояние национального богатства и дохода США к середине 90-х годов по сравнению с главными странами (табл. 1).

Только относительно — на душу населения — национальное богатство США уступало Англии и Франции, но быстрый рост национального дохода вскоре обеспечил США первенство и в этом отношении. В 1894 г. 75% национального богатства США уже сосредоточивалось в городах с числом жителей не менее

[1] «League of Nations. Industrialization and Foreign Trade», 1945, p. 13.
[2] *Hacker L., Kendrick B.* The United States since 1865, N. Y., 1932, p. 186.

Таблица 1

Национальное богатство и доход США в 1894 г.

Страна	Национальное богатство		Национальный доход	
	общее, млн. ф. ст.	на душу населения, ф. ст.	общий, млн. ф. ст.	на душу населения, ф. ст.
США	16 350	234	3116	44
Англия	11 860	302	1423	36
Франция	9 690	252	1199	31
Германия	8 052	156	1284	25
Россия	6 425	62	1004	12

Источник: *Mulhall M.* Industries and Wealth of Nations. London, 1896, p. 51—52.

8 тыс. человек, где по переписи 1890 г. проживало 29% населения страны.

Первого мая 1893 г. в Чикаго президент Кливленд открыл Всемирную Колумбийскую выставку, устроенную в ознаменование четырехсотлетия открытия Америки. На торжественной церемонии Кливленд сказал: «Мы стоим здесь перед старейшими нациями в мире и указываем на великие произведения, которые здесь выставляем, и не просим снисхождения по причине нашей молодости»[3]. Больше всего американцы старались привлечь внимание к своим научным и техническим достижениям.

К концу гражданской войны, к 1865 г., 94% всей используемой энергии земного шара было получено за счет мускульной силы людей и домашних животных; на долю каменного угля, нефти и других видов топлива падало лишь 5%. В последние десятилетия XIX в. роль каменного угля и нефти в мировом потреблении энергии быстро возрастала. В 1860 г. мировая энергия, полученная с помощью пара, равнялась 9850 тыс. л. с., а в 1895 г.— 55 580 тыс. л. с.[4]

В США добыча источников этой энергии — каменного угля и нефти — увеличивалась с небывалой для других капиталистических стран быстротой. Добыча каменного угля выросла с 18 млн. т в 1860 г. до 270 млн. т в 1900 г., а добыча нефти, начатая в 1859 г. с 2 тыс. баррелей, достигла 64 млн. баррелей в 1900 г. С 1902 г. США вышли на первое место в мире по добыче нефти.

Выплавка чугуна, равнявшаяся 821 тыс. т в 1860 г., дошла до 13 789 тыс. т в 1900 г., а производство стали, составлявшее 68 тыс. т в 1870 г., превысило 10 млн. т в 1900 г. Как по добыче угля, так и по выплавке чугуна и стали США к концу века заняли первое место в мире. Это же относится к развитию железно-

[3] Цит. по: *Эндрус В.* История Соединенных Штатов. СПб., 1905, с. 417.
[4] «American Federationist», December 1964, p. 5.

дорожного транспорта. Протяженность железных дорог выросла с 30 600 миль в 1860 г. до 193 тыс. миль в 1900 г., превысив тем самым общую длину железных дорог всех стран Европы [5].

На выставке в Чикаго демонстрировались новые направления в металлургии с применением достижений химии и электротехники, электросварка металлов, новый способ производства алюминия, основанный на разложении электрическим током окиси алюминия, растворенной в расплавленном криолите, печи с водяной рубашкой для выплавки меди и свинца, динамомашины и другие установки, свидетельствовавшие, что в развитии электротехнической промышленности Америка идет далеко впереди Европы.

В письмах со Всемирной выставки в журнал «Нива», рассказывавших о чудесах новейшей американской техники, отмечалось производство искусственного каучука, охлаждение в жаркое время квартир с помощью специальных труб, в которых происходит быстрое испарение аммиака, очистка сахара электрическим током, электрическое отопление вагонов и т. д.[6] Иллюминация в виде большого электрического фонтана, блиставшая пышной красотой на торжественном открытии выставки, возвещала великое значение нового источника энергии и света в приближавшемся XX веке.

На выставке были широко представлены сельскохозяйственные машины, применение которых сильно повысило производительность труда на американских фермах. Если в 1830 г. для производства одного бушеля зерна требовалось более трех часов человеческого труда, то в 1900 г. в наиболее механизированных хозяйствах — лишь 10 минут [7].

В последней трети XIX в. в условиях технического прогресса в США появилось множество выдающихся изобретателей и конструкторов, среди которых выделялись известные в мире имена: Вестингауз в области железнодорожного транспорта, Белл в сфере связи, Эдисон в электротехнике, Форд в автомобилестроении

Директор Харьковского технологического института В. Л. Кирпичев, командированный на Колумбийскую выставку для ознакомления с американской промышленностью, писал: «Америка есть по преимуществу страна изобретений, в ней беспрестанно появляются новые конструкции; все наперерыв занимаются улучшением приемов производства, машин, аппаратов. Успешность такого общего стремления к усовершенствованию существующего происходит вследствие того условия, что в Америке есть большая потребность в технике, в улучшениях и изобретениях» [8].

[5] «World Almanach», 1928, p. 362.
[6] «Нива», 1893, № 45, с. 1023; № 46, с. 1056—1057.
[7] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 176.
[8] *Кирпичев В. Л.* Отчет о командировке в Северную Америку. СПб., 1895, с. 68.

О росте числа изобретений и усовершенствований нагляднее всего говорят данные патентного бюро в Вашингтоне, которое в 50-х годах выдало 25 200 патентов, а в 90-х годах — 221 500[9]. Один Эдисон получил в последние три десятилетия XIX в. около 800 патентов[10].

Всемирная выставка в Чикаго была самой крупной из всех международных выставок, которые были когда-либо до нее. В ней участвовали около 60 тыс. экспонентов. Ее посетили более 20 млн. человек[11] (все население США по переписи 1890 г. составляло 63 млн.).

Во всем своеобразии развития США в XIX в. определяющую роль играли свободные земли, передвижение населения на Запад и освоение обширных пространств. Быстрый рост промышленности на базе научно-технических достижений во второй половине этого столетия также стимулировался освоением свободных земель на Западе.

Эти земли манили массу рабочих, которых привлекало положение независимых фермеров. Чтобы удержать рабочих на фабриках и заводах или использовать вместо них иммигрантов из Европы, американские капиталисты были вынуждены повышать заработную плату. Не только ныне, но и в XIX в. заработная плата в США была выше, чем в Европе. При более высокой заработной плате американская промышленность могла выдерживать конкуренцию с европейской лишь путем совершенствования техники. Прибыль компаний увеличивалась за счет более интенсивной эксплуатации рабочих, благодаря росту относительной прибавочной стоимости. «Высокая заработная плата,— писал Кирпичев,— явилась главным стимулом, вызвавшим блестящее положение механической промышленности в Америке и распространение машин, заменяющих человека»[12].

На технический прогресс и быстрый промышленный рост опирались при разработке своих теорий идеологи американского империализма. В 90-х годах на политическую арену вышли проповедники молодого американского империализма: военно-морской историк, будущий контр-адмирал Альфред Мэхэн, сенатор Генри Кэбот Лодж и будущий президент Теодор Рузвельт. Они утверждали, что страна «возмужала», что, занимая первое место в мировой экономике, она должна занимать первое место и в мировой политике, что «предначертание судьбы» обязывает ее стать первоклассной военно-морской державой и нести «бремя белого человека».

Теоретической основой для империалистических проповедей служили печатные работы Мэхэна, Лоджа и Рузвельта. Они

[9] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 188.
[10] *Schlesinger A.* The Rise of Modern America. N. Y., 1954, p. 44.
[11] *Глуховский П. И.* Отчет генерального комиссара русского отдела Всемирной Колумбийской выставки. СПб., 1895, с. 142, 146.
[12] *Кирпичев В. Л.* Указ. соч., с. 11.

трое сотрудничали, и между ними велась переписка. Раньше и больше всех успел на поприще пропаганды агрессивной завоевательской политики Мэхэн [13].

В 1897 г. Мэхэн выпустил сборник ряда своих журнальных статей под названием «Заинтересованность Америки в морской силе», в котором предвещал Соединенным Штатам агрессивную политику, базирующуюся на морском могуществе. Сборник представляет собой синтез империалистических вожделений автора, который утверждает: «Хотят ли они или нет, отныне американцы должны направлять свои взоры на внешний мир. Растущее производство страны требует этого. Все больше этого желает общественное мнение. Положение Соединенных Штатов между двумя старыми мирами и двумя океанами обязывает выдвигать такое же требование, которое скоро будет подкреплено сооружением нового пути сообщения, соединяющего Атлантический океан с Тихим... канал на перешейке — неотъемлемая часть будущего США» [14].

В строительстве межокеанского канала Мэхэн видел не только основу господства США в бассейне Карибского моря, но и средство установления американского контроля над мировыми морскими путями. Он доказывал, что Вашингтон должен решать задачи, подобные тем, которые решал римский сенат, когда Рим начал распространять свою власть за пределы Апеннинского полуострова; что контроль над морями ведет к господству над миром: «Контроль над морями с помощью океанской торговли и военно-морского превосходства означает господствующее влияние в мире». Изоляционизм, говорил Мэхэн, устраивал Америку в то время, когда она была слабой, сделавшись сильной, она должна перейти к активной политике, к агрессивным действиям, включая военные. «Война,— писал он,— обычное политическое дело, хотя насильственное и необычное по своему характеру» [15].

США, писал Мэхэн еще в 1890 г., отныне должны поступать так, чтобы ни одно иностранное государство не могло заполучить базу для заправки своего флота ближе 3 тыс. миль от Сан-Франциско. Выступая за аннексию Гавайских островов, он, как и европейские империалисты, оправдывал свои требования «защитой цивилизации». В 1893 г. Мэхэн писал: «Вопрос для всего цивилизованного мира, а не только для самих США стоит так: станут ли в будущем Сандвичевы острова при их важнейшем

[13] В 1890 г. была опубликована его книга «Влияние морской силы на историю», а два года спустя — работа «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю». В 90-х годах он напечатал множество статей на излюбленную им тему и к началу XX в. Мэхэн был уже настолько популярен, что в 1902 г. стал председателем Американского исторического общества.

[14] *Mahan A.* The Interest of America in Sea Power. Boston, 1897, p. 21—22, 52.

[15] Ibid., p. 33, 124, 146—147, 156, 177.

географическом и военном значении в северной части Тихого океана аванпостом европейской цивилизации или китайского варварства». Пугая Китаем, Мэхэн вместе с тем подчеркивал, что в обозримый период угроза его захватническим планам будет исходить совсем от другой страны, с которой, учитывая соотношение морских сил, Америке необходимо сохранить корректные отношения. «Принимая во внимание, что Англия из-за ее большого флота и прочных позиций, занимаемых вблизи наших берегов,— писал Мэхэн,— несомненно является самым страшным из возможных наших врагов, установление полного взаимопонимания с ней составляет первейшую задачу нашей внешней политики» [16].

В течение 20—25 лет, предшествовавших первой мировой войне, Мэхэн способствовал проведению в США большой морской программы, содействовал гонке вооружений всех морских держав.

«Мэхэн,— отмечали известные американские историки,— говорил не о крейсерах, а о дредноутах, не об отдельных кораблях, а о флотах, не о береговой обороне, а о подготовке к наступательным операциям и о господстве на море. Вскоре после появления его работ американский конгресс прекратил разговоры о «военных кораблях, идущих вдоль побережья». Чаще стали слышны слова: «флот, никому не уступающий первенства» [17].

В конце 80-х годов идеологический единомышленник Мэхэна Генри Лодж, будучи еще членом палаты представителей, добился ассигнований на строительство первых трех современных броненосцев, что знаменовало собой начало превращения США в великую морскую державу. Выступая 2 марта 1895 г. в сенате с развернутой агрессивной программой, Лодж требовал аннексии Гавайских островов, сооружения межокеанского канала и строительства большого военного флота. «Аннексия,— утверждал он,— лишь часть обширной политики. США должны иметь могущественный флот, должны прорыть канал через Центральную Америку». Подчеркивая, что морская мощь необходима для величия государства, что именно она дала возможность Риму сокрушить Карфаген, Англии — разбить Наполеона, а Северным штатам — выиграть гражданскую войну, Лодж заявил: «Мы — великий народ; мы контролируем наш континент; мы господствуем в нашем полушарии; наше наследие слишком велико, чтобы расстаться с ним или обращаться с ним легкомысленно. Мы должны его охранять и расширять» [18].

Последователем Мэхэна и Лоджа, энергично выступающим за аннексию чужих территорий и строительство большого флота, был их младший партнер Теодор Рузвельт. Его любимое изре-

[16] *Mahan A.* The Interest of America in Sea Power. Boston, 1897, p. 26, 27.
[17] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 127.
[18] *Garraty J.* Henry Cabot Lodge. N. Y., 1953, p. 152.

чение: «Разговаривай мягко и держи дубинку — далеко пойдешь»[19]. Ратуя за колониальные захваты, он утверждал: «Войны между великими цивилизованными державами вспыхивают ныне все реже и реже. Войны же с варварскими или полуварварскими народами относятся к совершенно другой категории. Достойные лишь великого сожаления, такие войны выражают международные полицейские обязанности...»[20]

В статье «Экспансия и мир», опубликованной в 1899 г., Рузвельт писал: «С варварским народом мир — исключение. На границе между цивилизацией и варварством война, как правило,— нормальное состояние, потому что в условиях варварства она неизбежна»[21]. К варварам Рузвельт относил все население земного шара, за исключением европейцев и их потомков в других частях света.

В речи, произнесенной в том же году в Чикаго, он предостерегал американцев от опасности упустить возможности мирового господства в наступающем веке: «Двадцатый век вырисовывается во всем его значении в судьбах многих государств. Если мы будем лишь созерцать события, если мы будем лениво удовлетворяться только эфемерным и недостойным миром, если мы будем уклоняться от напряженного соперничества, в котором можно выиграть, лишь рискуя жизнью и всем дорогим, более смелые и сильные народы обойдут нас и обеспечат себе господство над миром»[22].

11 декабря 1897 г. Рузвельт писал Мэхэну: «Я согласен со всем, что вы говорите относительно того, каковы будут последствия, если нам не удастся завладеть Гавайскими островами. Это покажет, что мы или утратили или же вообще полностью лишены того властного инстинкта, который только один и может сделать расу великой»[23].

В делении государств и народов на воинственно-экспансионистские и на лениво-нейтральные Т. Рузвельт опережает будущих теоретиков расизма: «Народы, как осуществляющие, так и не осуществляющие экспансию, могут в конечном итоге сойти со сцены; но первые оставляют наследников и славную по себе память, вторые же — ни того, ни другого». Рузвельт видел прообраз будущей Америки в Римской империи, как Муссолини для воображаемой им Италии[24]. Он писал: «Эра Средиземного моря закончилась открытием Америки. Эра Атлантики ныне достигла высшего развития и вскоре должна исчерпать свои возможности. Эра Тихого океана, которой суждено быть вели-

[19] *Roosevelt T.* The Square Deal. N. Y., 1906, p. 179; *Он же.* The Strenuous Life. London, 1903, p. 288.
[20] *Roosevelt T.* The Square Deal, p. 196.
[21] *Roosevelt T.* The Strenuous Life, p. 31.
[22] Ibid., p. 20.
[23] *Roosevelt T.* Letters, vol. I. Harvard, 1951, p. 741.
[24] *Roosevelt T.* The Strenuous Life, p. 37.

чайшей из всех, сейчас, как раз на заре»[25]. И как эра Атлантики совпадала с британским веком, так грядущая эра Тихого океана в его воображении будет американским веком.

Неразлучная троица — Мэхэн, Лодж и Рузвельт — возглавляли кампанию за выход США на широкую империалистическую арену, за перевод внешней политики Вашингтона на путь агрессивных войн и колониальных захватов. Одержимые авантюристической идеей мирового господства Америки, они были неистовы в пропаганде этой идеи.

На основе экономических успехов, промышленного роста и научно-технических достижений, концентрации производства и централизации капитала, сопровождавшихся возникновением и ростом первых современных крупных монополий, развивалась идея экспансии, идеология империализма.

2. Президентская кампания 1896 г.

Оппозиция «антиимпериалистов». Национальный конгломерат пролетариата и АФТ. События в Гомстэде. Чикагская забастовка. Фермерское движение. Спор о монометаллизме и биметаллизме. Национальные съезды. Кандидатуры Брайана и Маккинли. Платформа республиканцев. Два лагеря на выборах 1896 г.

Промышленный рост, быстрая индустриализация северо-восточных штатов явились той питательной средой, в которой сформировались идеологи американского империализма, способствовавшие превращению США в сильную военно-морскую державу. В начале 80-х годов США по мощи своих военно-морских сил занимали 12-е, в 1893 г.— 5-е, в 1900 г.— 3-е место в мире, имея впереди себя только Англию и Францию.

В 90-х годах США были уже достаточно подготовлены в экономическом и военном отношении, чтобы привести в движение империалистическую машину. Но политически к этому была готова лишь капиталистическая верхушка, владельцы растущих промышленно-финансовых корпораций, хозяева молодых монополий, тесно связанных с руководством республиканской партии.

В республиканской партии, особенно в западных штатах, далеко не всем были по душе внешняя политика, которую проповедовали Генри Лодж и Теодор Рузвельт. В демократической партии свою неприязнь выражали открыто и активно даже ее лидеры.

С 1893 до 1897 г. президентом США был демократ Кливленд. Пока он занимал Белый дом, назревавшие события тормозились. В начале 1893 г., еще до того, как Кливленд стал прези-

[25] «Congressional Record», 16.VI 1966, p. 12831.

дентом, вспыхнуло восстание на Гавайских островах. «Случайно» поблизости оказался американский крейсер, который тут же высадил десант в помощь повстанцам. Гавайская королева была свергнута. Новое правительство во главе с американцем объявило острова под американским протекторатом и предложило США их аннексировать. Быстро состряпали соответствующий договор и отправили его на одобрение в сенат США. Как только Кливленд въехал в Белый дом, он отклонил договор вместе с предложением о протекторате и приказал морской пехоте оставить острова.

Теодор Рузвельт в письме Мэхэну назвал эту акцию президента «колоссальным преступлением» [26]. Но пока власть принадлежала демократам, аннексию Гавайских островов пришлось отложить.

Вопрос о том, в каком направлении будет развиваться внешняя политика США, решался в бурной президентской кампании 1896 г. Как и 100 лет тому назад, спор между федералистами и антифедералистами, между Гамильтоном и Джефферсоном, был по существу о том, каким образом должны развиваться экономика и внутренняя политика, так исход борьбы на выборах 1896 г. определил направление внешней политики США. Демократы в какой-то мере, во всяком случае в большей мере, чем республиканцы, старались учитывать настроения избирателей. Во многих штатах значительные круги избирателей выражали недовольство политикой, приведшей спустя год и пять месяцев после выборов 1896 г. к войне с Испанией. В. И. Ленин писал: «В Соединенных Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель...» [27]

По данным переписи 1890 г. около $^2/_3$ населения США считалось сельским, так как проживало в населенных пунктах, насчитывавших менее 2500 человек [28]. В городах с развитием промышленности с каждым годом увеличивался удельный вес пролетариата. Рабочий класс в основной массе не был организован. Перед войной с Испанией, в 1897 г., когда только в обрабатывающей промышленности числилось около 5 млн. рабочих, в Американской федерации труда (АФТ) насчитывалось всего 265 тыс. членов [29]. АФТ со дня ее образования в 80-х годах открыто утверждала, что отстаивает лишь интересы квалифицированных рабочих. В резолюции конференции АФТ, состоявшейся в мае 1886 г. в Филадельфии, подчеркивалось, что тред-юни-

[26] *Roosevelt T.* Letters, vol. I, p. 607.
[27] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 409.
[28] «Statistical Abstract of the United States», 1930, p. 47.
[29] «The American Labor Year Book», 1931, p. 68.

оны были созданы «ради защиты квалифицированных рабочих Америки от нищеты и ради поддержания стандарта американского мастерства и искусства» [30].

Лидеры федерации во главе с ее председателем С. Гомперсом с самого начала заняли оппортунистическую позицию, взяв курс на «классовое сотрудничество». Крупный американский капитал оценил заслуги АФТ. В. И. Ленин отметил, что подкупом отдельных прослоек рабочих «создается связь империализма с оппортунизмом» [31].

Задача буржуазии, действовавшей вкупе с лидерами АФТ, облегчалась тем, что основная масса неорганизованных, неквалифицированных рабочих состояла из иммигрантов, выходцев из различных стран и народов. В 1892 г. Энгельс писал по этому вопросу Шлютеру: «Теперь такой класс уже развился и большей частью организован в тред-юнионы. Но он все еще занимает аристократическое положение и предоставляет — имея на это возможность — не требующую квалификации низкооплачиваемую работу иммигрантам, из которых лишь очень немногие вступают в аристократические тред-юнионы. Но эти иммигранты разделены на бесчисленное множество национальностей и не понимают друг друга, а в большинстве случаев не знают и языка страны. А ваша буржуазия умеет гораздо лучше, чем австрийское правительство, натравливать одну национальность на другую...» [32]

Через год в письме к Зорге Энгельс, говоря о трудностях, стоящих на пути к развитию рабочей партии в Америке, отметил: «Далее — и это особенно важно — иммиграция, разделяющая рабочих на две группы — на коренных и иностранцев, а этих последних опять-таки на: 1) ирландцев, 2) немцев, 3) множество мелких групп — чехов, поляков, итальянцев, скандинавов и пр., которые понимают друг друга только в пределах своей группы. К тому же еще негры. Для того чтобы из всего этого создать единую партию, требуются особо мощные стимулы. Иногда внезапно наступает сильный подъем, но буржуазии достаточно бывает пассивно его переждать, и рабочий класс вновь распадается на разнородные элементы» [33].

Выводы Энгельса, сделанные на основе изучения состава иммигрантов 70 и 80-х годов, еще более верны для следующих двух десятилетий. В 70-х годах около $^3/_4$, а в 80-х годах около $^2/_3$ всех иммигрантов были переселенцы из Англии и Германии, которые более или менее легко ассимилировались в Новом Свете. В последующие же два десятилетия главная масса имми-

[30] *Commons J.* History of Labor in the United States, vol. II. N. Y., 1921, p. 404.
[31] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 423.
[32] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, т. 38, с. 273.
[33] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, т. 39, с. 149.

Таблица 2

Распределение иммигрантов — выходцев из Европы по странам, %

Страна	Годы			
	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1901—1910
Англия	43,3	30,9	18,5	10,6
Германия	31,6	30,7	14,2	4,2
Австро-Венгрия	3,2	7,5	16,6	26,4
Италия	2,5	6,5	18,3	25,1
Россия	1,7	4,5	14,2	19,6
Прочие	17,7	19,9	18,2	14,1

Подсчитано на основании данных: «Statistical Abstract of the United States», 1929, p. 95.

грантов составлялась из людей, труднее ассимилирующихся за океаном, как видно из табл. 2.

На значение сдвигов в составе иммигрантов обратил внимание Ленин, когда в 1913 г. писал, что «американский капитализм вырывает миллионы рабочих отсталой восточной Европы»[34]. Абсолютно иммиграция в Америку из «отсталых стран Старого Света» росла (табл. 3).

Таблица 3

Иммиграция рабочих в США из отсталых стран Европы, тыс.

Страна	Годы			
	1871—1880	1881—1890	1891—1900	1901—1910
Австро-Венгрия	73	354	593	2145
Италия	56	307	652	2046
Россия	39	213	505	1597

Источник: «Statistical Abstract of the United States», 1930, p. 95.

Национальный конгломерат облегчал АФТ отделение рабочей аристократии — наиболее квалифицированных и вместе с тем наиболее американизированных рабочих,— от основной массы пролетариата. «В Соединенных Штатах,— писал Ленин,— иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудшие оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы»[35].

[34] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 24, с. 90.
[35] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 404.

Однако, несмотря на все старания АФТ любыми средствами сохранить мир в промышленности, в первую половину 90-х годов в США происходили жесточайшие классовые бои.

Весной 1892 г. возник конфликт между администрацией и рабочими по вопросу об оплате труда на заводах Карнеги в Гомстэде, близ Питтсбурга. В конце июня компания ультимативно потребовала от рабочих согласия на зарплату, предложенную предпринимателями, и на ведение в дальнейшем индивидуальных переговоров вместо коллективных. Она отказалась признать Объединенный союз рабочих черной металлургии и угрожала впредь не принимать на работу его членов. Рабочие в свою очередь порвали контракты с компанией, потребовали признания союза и вооружились для охраны заводов от штрейкбрехеров. 5 июля в Гомстэд на пароходе прибыло 300 агентов, нанятых компанией. Их появление вызвало первое вооруженное столкновение, в котором было убито 10 человек и свыше 60 ранено. Все попытки сыщиков высадиться на берег были тщетны. На второй день, раздобыв две пушки, рабочие перешли от обороны к наступлению и артиллерийским и ружейным огнем вынудили агентов сдаться. В руки рабочих попало и оружие, и снаряжение их противников. 12 июля в город прибыла 8-тысячная армия. Она оставалась там до конца забастовки, которая продолжалась до 20 ноября.

Эхо гомстэдских событий отозвалось на фабриках и заводах других городов. Питтсбургские рабочие забастовали в знак солидарности с Гомстэдом. Одновременно происходили кровавые столкновения на серебряных рудниках в Айдахо, у железнодорожников Буффало и на шахтах штата Теннесси. В этом штате события приняли крупный размах: шахтеры освободили 1500 заключенных, работавших за мизерную плату.

Крупные сражения между трудом и капиталом происходили в 1894 г. В течение этого года в столкновениях на почве промышленных конфликтов участвовало около 700 тыс. рабочих. Самым крупным из них была чикагская стачка. Она началась на пульмановских вагоностроительных заводах в окрестностях Чикаго. Рабочие, протестуя против сокращения заработной платы, потребовали сохранить ее на уровне 1893 г. Получив отказ, они объявили 11 мая забастовку. Бастующие были членами Объединенного железнодорожного союза, организованного Юджином Дебсом в июне 1893 г. из существовавших железнодорожных братств. В этом союзе было около 150 тыс. человек, и они немедленно выступили в поддержку бастующих в окрестностях Чикаго. Объединенный железнодорожный союз объявил бойкот Пульмановской компании, постановив, чтобы ни один железнодорожник не обслуживал поезда с пульмановскими вагонами.

На помощь владельцам вагоностроительных заводов пришли другие железнодорожные компании, связанные с Пульманом.

В конце июня забастовка охватила 23 железные дороги. Борьба приняла широкий размах и чрезвычайно обострилась. С одной стороны стояли 150 тыс. организованных железнодорожников, с другой — выступивший единым фронтом крупный капитал, который опирался на армию, полицию, суд, весь государственный аппарат. 7 июля были арестованы Дебс и другие руководители забастовки. Все узловые железнодорожные станции заняли войска и полиция. В одном Чикаго против бастующих бросили около 15 тыс. солдат [36]. Рабочие, не подготовленные к затяжной борьбе, 13 июля вынуждены были отступить. Но Чикагскую забастовку надолго запомнили и владельцы компаний, и помогавшие им федеральные власти. Железнодорожное движение было парализовано в 27 штатах. За использование федеральных войск против бастующих рабочих президент Кливленд и демократы поплатились потерей голосов на выборах 1896 г.

События 1892 г. в Гомстэде и чикагская забастовка 1894 г., выражаясь приведенными словами Энгельса, все же были лишь сильным порывом. Они не особенно беспокоили застрельщиков агрессивной империалистической политики, которые учитывали особенности пестрого национального состава пролетариата и роль АФТ. Более того, дискредитация президента Кливленда была Теодору Рузвельту и Генри Лоджу на руку. Они считали, что главное сопротивление осуществлению их планов окажет не рабочий класс, а фермеры. В разгар избирательной кампании, 5 августа 1896 г., Рузвельт отмечал: «В нынешних выборах главную опасность для страны представляют не выходцы из других стран, работающие по найму в наших крупных городах и не имеющие собственности, а огромные массы фермеров, которые владеют собственными земельными участками и являются коренными американцами» [37].

В последние десятилетия XIX в. в США происходило крупное фермерское движение. Железные дороги связали западного фермера с восточным рынком. Поезда, нарушавшие тишину миссурийских долин, способствовали насаждению капиталистических ферм на обширных равнинах к востоку от Скалистых гор. Для западного фермера, который к концу XIX в. был уже полностью втянут в водоворот капиталистической конкуренции, цены стали играть решающую роль. Судьба производителя пшеницы всецело попала в зависимость от промышленной конъюнктуры и железнодорожных тарифов.

Хорошей свободной земли становилось все меньше. Появилась армия арендаторов и сельскохозяйственных рабочих. К 1900 г. $^1/_3$ фермеров были арендаторами, из которых 60%

[36] The Encyclopedia Britannica, 11-th Edition, vol. 25. Cambridge, 1910—1911, p. 1037.
[37] *Roosevelt T.* Letters, vol. I, p. 556.

хозяйств платили за аренду частью урожая подобно крепостным. С каждой переписью число арендаторов возрастало, как это видно из табл. 4 [38].

Таблица 4

Численный рост арендаторских хозяйств в 1880, 1890 и 1900 гг.

Год	Число ферм в стране	Число ферм, обрабатываемых			% обрабатываемых ферм		
		собственниками	арендаторами		собственниками	арендаторами	
			за плату	за часть урожая		за плату	за часть урожая
1880	4 008 917	2 984 306	322 357	702 244	74,5	8,0	17,5
1890	4 564 641	3 269 728	454 659	840 254	71,6	10,0	18,4
1900	5 739 657	3 713 371	752 920	1 273 366	64,7	13,1	22,2

Источник: «Eleventh Census of the United States», vol. XVI, p. 4, 118—119; «Twelfth Census of the United States», vol. V, p. 31.

Но и собственник все больше попадал в зависимость от рынка и железных дорог. Цены на важнейшие фермерские продукты упали за последние 30 лет XIX в. почти на половину. США, правда, не были исключением. Мировой аграрный кризис не щадил и другие страны. Развитие железнодорожного, речного и морского транспорта во второй половине XIX в. открыло рынки для зерна и сельскохозяйственного сырья далеких районов Северной и Южной Америки, Австралии и Индии, России и Балканских стран. Везде капитализм разрушал старые устои, ломал вековые уклады жизни и втягивал в свою орбиту все новые страны. Капитализм заставил производителя пшеницы на берегах Дуная конкурировать с фермерами далекого Канзаса.

Американское сельское хозяйство, будучи наиболее капиталистическим по своему типу, сильно страдало от ударов мирового аграрного кризиса. С 1870 по 1897 г. цены на сельскохозяйственные продукты постоянно снижались. Средняя цена бушеля пшеницы упала с 107 до 63 центов, кукурузы — с 43 до 30, а фунта хлопка — с 15 до 6 центов [39]. Эти цены были, однако, средними только для крупных зажиточных хозяйств и определялись из уровня цен на декабрь каждого года. Между тем средний фермер вынужден был продавать продукцию гораздо раньше и, следовательно, дешевле. «В 1889 г., например, кукуруза

[38] Число собственников в 1900 г. было в действительности гораздо меньшим, так как в табл. 4 в категорию собственников включены фермеры, являющиеся одновременно и арендаторами, и собственниками, а также лица, не владеющие фермой полностью.

[39] *Hicks J.* The Populist Revolt. Minneapolis, 1931, p. 56.

продавалась в Канзасе по 10 центов за бушель, и ее сжигали вместо угля» [40].

Железнодорожные компании сдирали с фермера семь шкур. На главных магистралях аппетиты этих компаний укрощались конкурентами. Владельцы железнодорожных веток, ведущих к главным путям, были сплошь и рядом монополистами. За доставку пшеницы из Миннесоты и Дакоты в Чикаго фермер должен был отдать половину суммы, вырученной за это зерно. В 70-х годах к западу от Чикаго железнодорожные фрахты часто были в 4 раза выше, чем в восточных штатах [41].

Фактически одну половину своей продукции фермер должен был отдавать железнодорожным компаниям, а другую — делить с владельцами элеваторов, которые диктовали свои цены на зерно. Не удивительно, что он влезал в долги, на кабальных условиях платя за кредит от 7 до 40% годовых. Голос аукциониера все чаще слышался на фермах западных штатов. В 1890 г. только 47% фермеров имели незаложенные хозяйства. К началу 90-х годов в некоторых графствах Канзаса около 90% фермерских земель отошли к кредитным компаниям [42]. Фермерам принадлежало лишь около $^1/_4$ национального богатства, а покрывали они $^3/_4$ государственного налога.

Такое ограбление фермера в годы систематического падения цен на продукты сельского хозяйства не могло не всколыхнуть аграрный Запад. Один из лидеров фермерского движения, сенатор Пеффер из Канзаса, отмечал: «Раньше разорившиеся фермеры могли переселиться дальше на Запад. Сейчас двигаться уже некуда. Теперь они вынуждены сражаться за свои старые дома вместо того, чтобы строить новые жилища» [43].

В течение трех последних десятилетий XIX в. в США наблюдались три крупные волны фермерского движения. Каждый раз фермеры старались захватить бразды государственного правления. Но все их попытки были тщетны, так как то, что сравнительно легко давалось крупным плантаторам в первой половине XIX в., было уже недоступно мелким аграриям в последней четверти XIX в.

[40] Ibidem. «Рассказывали, что в 1890 г. фермер в графстве Госпер в Небраске, перестрелял свиней, потому что не мог ни продать, ни избавиться от них... Средняя цена бушеля пшеницы в северо-западных штатах колебалась от 42 до 48 центов, между тем себестоимость бушеля пшеницы составляла на различных фермах от 45 до 67 центов». Дальше приводится весьма красноречивое выступление одного фермера: «Нам говорили два года назад: идите работать, вырастите богатый урожай, — вот все, что вам следует делать. Мы взялись за работу, пахали и сеяли. Дожди шли, солнце сияло, природа улыбалась, и мы вырастили большой урожай, как нам говорили. А что из этого получилось? 8 центов кукуруза, 10 — овес, 2 цента — говядина и ничего не дают за масло и яйца».

[41] «Tenth Census of the United States», vol. II, p. 155.

[42] *Hicks J.* The Populist Revolt, p. 82.

[43] Ibid., p. 86.

В 1890 г. фермерское движение привело к организации популистской (народной) партии.

Каждый раз в фермерском движении центральное место занимало требование «дешевых денег», требование, которое в Америке всегда выдвигалось должниками — еще со времен колониального периода. Программа популистов предусматривала также свободную чеканку серебра. Изнывающие от долгов из-за длительного аграрного кризиса, широкие массы фермеров лелеяли надежду на снижение задолженности путем свободной чеканки падавшего в цене серебра. Популисты обвиняли правительство, что, отстаивая монометаллизм, оно всячески помогает крупному капиталу в ущерб фермерам.

С самого начала существования популистская партия активно участвовала в политической жизни страны. В 1890 г. на выборах в конгресс и в местные законодательные собрания популисты получили 9 мест в палате представителей и 2 — в сенате, 3 места губернатора и большинство мест в 7 законодательных собраниях отдельных штатов. Таких успехов эта партия добилась только на Юге и Западе. В 1892 г. кандидат в президенты от популистов генерал Уивер собрал свыше 1 млн. голосов, причем более 80% приходилось на западные и южные штаты [44]. На выборах 1894 г. за кандидатов популистов голосовало 1,5 млн. человек [45]. На выборах 1896 г. популисты выступали вместе с демократами, которые одобрили идею «дешевых денег», включив в свою программу требование о свободной чеканке серебра. Кандидатом в президенты демократы выдвинули Брайана — сына фермера из западного штата Небраски.

Формально горячий спор между республиканцами и демократами в президентской кампании 1896 г. шел о монометаллизме и биметаллизме. Демократы, учитывая требования популистов, обещали, что серебро наряду с золотом будет равноправным платежным средством, но республиканцы возражали. Фактически в этой кампании фермеры — их популистская партия — дали последний отчаянный бой капиталу северо-восточных штатов за влияние на федеральную исполнительную и законодательную власть.

Популисты указывали на резкие контрасты в условиях жизни богатых и бедных [46]. Один из лидеров популистов Доннели, выступая в штате Миннесота, заявил: «Наше государство было основано простыми людьми, не миллионерами... Мы имеем сейчас два отряда, выстроившиеся в боевом порядке друг против друга, аристократия — против народа. Тридцать тысяч семей владеют половиной богатства страны, в создании которого они

[44] *Haynes E.* Social Politics in the United States. Boston, 1924, p. 165.
[45] «Political Affairs», March 1964, p. 21.
[46] *Hicks J.* The Populist Revolt, p. 331.

не участвовали. Они украли это богатство у трудящихся, построивших это государство» [47].

Наиболее здравомыслящие представители популистов открыто утверждали: «Движение за свободную чеканку серебра — обман» [48]. Это движение затуманивало истинные цели и характер борьбы. Золото, по выражению американского историка Харлоу,— лишь «символ беспощадной алчности и спесивого богатства» [49]. «В избирательной кампании 1896 г.,— писал Харлоу,— нашли свое отражение острые социальные и экономические проблемы, которые возникли в истекшем двадцатилетии... В основе избирательной борьбы лежит массовое недовольство в западных районах страны, олицетворением которого стал подъем популистского движения... Это недовольство дополнилось, кроме того, широко распространившимся мнением, что капиталисты восточных районов и их «тресты» относятся к нуждам народа не только безразлично, но даже враждебно. «Большой бизнес» обвиняется в том, что он использует свое огромное состояние для подчинения правительства своему контролю в корыстных целях» [50].

Том Джонсон, который был мэром города Кливленда многие годы, вспоминая в 1911 г. борьбу в избирательной кампании 1896 г., охарактеризовал ее, как «первый серьезный протест американского народа против монополий, первое широкое выступление народных масс нашей страны против привилегированных классов. Лидеров плутократии испугало не требование свободного обращения серебра. То, что их страшило тогда и чего они боятся сейчас,— это свободное волеизъявление народа» [51].

Программа популистской партии, принятая в г. Омахе в июле 1892 г., наряду с финансовой реформой требовала национализации железных дорог, средств телеграфной и телефонной связи, а также лишения корпораций, равно как и иностранцев, права на земельную собственность.

Однако в дебатах на национальных конвентах и в платформах обеих партий монометаллизм и биметаллизм занимали большое место. Национальный конвент демократической партии открылся в Чикаго 7 июля. Делегаты восточных штатов безуспешно пытались снять с повестки дня вопрос о золоте и серебре. Все громче звучали голоса, что монометаллизм ставит США в рабскую финансовую зависимость от Лондона [52]. Многие делегаты требовали неограниченной чеканки серебра, оценивая его как 16 к 1 по отношению к золоту. Горячая схватка развер-

[47] Ibid., p. 331.
[48] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 315.
[49] *Harlow R.* The Growth of the United States. N. Y., 1925, p. 659.
[50] Ibid., p. 658.
[51] *Hicks J.* The American Nation. A History of the United States from 1865. Boston, 1941, p. 274—275.
[52] *Andrews B.* History of the United States, vol. V. N. Y., 1903, p. 178.

нулась в комиссии по резолюциям, 16 членов которой опубликовали декларацию против биметаллизма, утверждая, что одни США без соглашения с другими государствами не могут установить такое соотношение цены золота и серебра. На пленарном заседании конвента в поддержку этой декларации выступили представители Нью-Йорка, Массачусетса и других промышленных штатов. Им ответил молодой делегат из Небраски У. Брайан, уже зарекомендовавший себя как блестящий оратор. В речи, нашумевшей во всей Америке, он заявил: «На требование сохранения золотого стандарта мы отвечаем: «Вам не удастся сдавить головы трудящихся терновым венцом. Вам не удастся распять человечество на золотом кресте». После этой речи Брайан стал самым сильным кандидатом в президенты от демократической партии. Ранее выше котировалась кандидатура Уильяма Бланда из штата Миссури. После пятого тура голосования Брайан получил необходимые для выдвижения $^2/_3$ голосов. Резолюция, одобряющая свободную чеканку серебра, прошла не столь значительным большинством: 564 против 357.

Уильям Брайан, которому в то время исполнилось 36 лет, оказался самым молодым кандидатом в президенты в истории США [53]. Он был всего на один год старше того возраста, который по Конституции необходим человеку, претендующему на высшую должность в государстве. Сенатор Р. Петигру охарактеризовал Брайана, как фразера и политикана, «неспособного реально мыслить», как лицемера, «невежественного и пустого ума — быстрого в пустяках и бессильного перед серьезными решениями», слава которого «завоевана не тем, что он говорит, а самой манерой говорить».

И в то же время тот же Петигру назвал политическую деятельность Брайана «брайанизмом» [54].

[53] У. Брайан — колоритная и вместе с тем противоречивая фигура в политической истории США. Более 15 лет он был лидером демократической партии. Брайан вырос на ферме отца в штате Иллинойс возле городка Салем, где в 1881 г. окончил местный колледж. В 1887 г. Брайан стал заниматься адвокатской практикой в городе Линкольне штата Небраска, от которого он дважды (в 1890 и 1892 гг.) избирался членом палаты представителей конгресса, и в 1894 г. потерпел поражение на выборах в сенат.

Еще в колледже Брайан выделялся как незаурядный, темпераментный оратор. В дальнейшем он завоевал репутацию одного из самых красноречивых ораторов в стране. Сын состоятельного фермера, молодой Брайан, как принято было в таких семьях на западе США в XIX в., досконально изучал библию, к притчам и мудростям которой в прошлом часто прибегали политические риторы в Америке. Выступая как «проповедник» демократии, как «защитник» тружеников земли на Западе, как хулитель владельцев денежных мешков на востоке, он вместе с тем показал себя как резонер, ханжа и демагог. Он трижды неудачно баллотировался в президенты США, безуспешно занимал пост государственного секретаря (в 1913—1915 гг.) и бесславно закончил свои публичные выступления на пресловутом «обезьяньем» процессе в 1925 г. как враг прогресса, как трубадур реакции и мракобесия.

[54] *Петигру Р.* Торжествующая плутократия. М., 1922, с. 247, 251, 253.

Выдвижение кандидатуры Брайана в 1896 г. сразу же вызвало осложнения. Национальный конвент популистов, открывшийся 22 июля в Сент-Луисе, согласился поддержать кандидатуру Брайана в президенты, но решительно выступил против кандидата в вице-президенты от демократов, которые на своем конвенте в Чикаго в порядке компромисса между представителями аграрных и промышленных штатов сошлись на том, что на пост вице-президента будет баллотироваться Сьюолл от штата Мэн. Сьюолл был банкиром, владельцем судостроительных верфей, но вместе с тем и сторонником свободной чеканки серебра. Популисты отвергли его кандидатуру. Они выбрали кандидатом в вице-президенты члена своей партии Уотсона из южного штата Джорджии.

Выдвижение популистами и демократами единого кандидата в президенты и разных кандидатов в вице-президенты само по себе создало им помеху на выборах. Кроме того, часть популистов не была довольна ни кандидатурой Брайана, ни выдвижением на первый план вопроса о чеканке серебра. Наиболее дальновидные лидеры популистов утверждали, что постановка этого вопроса уводит партию в сторону от решения основных задач и обрекает популистское движение на поражение[55]. В некоторых штатах популисты, отвергавшие блок с демократами, выступали с самостоятельными бюллетенями.

В то же время в демократической партии образовалась группировка недовольных Брайаном и его выступлением против золотого стандарта. 3 сентября в Индианаполисе оппозиция созвала свой конвент и выдвинула собственных кандидатов в президенты и вице-президенты. Из существовавших в 1896 г. 45 штатов лишь в 26 популисты и демократы выступали объединенно.

В республиканской партии тоже образовалась оппозиция. В двухпартийной системе многое смешалось. Значительные группы республиканцев в западных штатах поддержали Брайана, а на востоке многие демократы голосовали за республиканцев. Чаще покидали демократическую партию богачи, что сказалось на ее финансовом положении. Партийная пресса в ряде случаев также меняла свою ориентацию. В Детройте, например, республиканский орган «Джорнал» агитировал за Брайана, а демократическая газета «Фри пресс» выступала против него. В целом республиканцы проводили избирательную кампанию 1896 г. более организованно и искусно, чем демократы. Национальный конвент республиканской партии открылся 16 июня 1896 г. в Сент-Луисе. Принятая на съезде платформа одобрила монометаллизм и высказалась за протекционные тарифы, за аннексию Гавайских островов, за строительство меж-

[55] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 315.

океанского канала в Никарагуа, которым, как было записано в ее платформе, должны владеть Соединенные Штаты, за «освобождение» Кубы из-под власти Испании, за приобретение Вестиндских островов, принадлежавших Дании, и за рост мощи американского военно-морского флота. Бывший губернатор Огайо Уильям Маккинли был избран кандидатом в президенты, а Гобарт из Нью-Джерси — кандидатом в вице-президенты.

За три месяца до выборов политические страсти разгорелись больше, чем когда бы то ни было в президентской кампании в Америке. Теодор Рузвельт утверждал, что сторонников свободной чеканки серебра следует «ставить к стенке и расстреливать». Газеты, поносившие Брайана, называли его «отчаянным авантюристом» и «политическим мошенником»[56]. Брайан проявлял лихорадочную активность. В течение трех месяцев он совершил поездку по 23 штатам и произнес около 600 речей.

Маккинли, наоборот, сидел все время дома. За него действовал его друг, председатель Национального комитета республиканской партии, крупный горнопромышленник, судостроитель и банкир Марк Ханна.

Ханна был не только официальным председателем Национального комитета республиканской партии, но и ее фактическим руководителем. Он открыто выступал как представитель крупного капитала, энергично защищая его интересы. Это он сделал Маккинли кандидатом в президенты, а потом президентом. В республиканской партии Ханна был известен как мастер искусно использовать в политических целях партийный механизм. В серьезный момент ожесточенной борьбы между партиями, когда решался вопрос о направлении внутренней и внешней политики США, крупный капитал полагался на него.

Считая, что как оратор Маккинли не выдерживает никакого сравнения с Брайаном, Ханна решил, что кандидат в президенты от республиканской партии, вопреки традиционному порядку, не должен разъезжать с речами по штатам. В то же время он использовал финансовые трудности своих противников: демократы и популисты в ряде случаев были вынуждены свертывать свою деятельность из-за недостатка денег в партийных кассах.

В разгар предвыборной борьбы Ханна и железнодорожный магнат Хилл открыто обратились к банкам и трестам с воззванием о финансовой поддержке республиканской партии. Нефтяной трест «Стандард ойл» передал тогда Национальному комитету республиканцев 250 тыс. долл., а нью-йоркские банки и крупные банки других городов пожертвовали 0,25% своего капитала. Сам Ханна говорил, что он собрал на президентскую кампанию почти 3,5 млн. долл.[57] Спустя 35 лет «Нью-Йорк

[56] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 316.
[57] Ibid., p. 317.

таймс» утверждала, что расходы Ханны в избирательной кампании 1896 г. составили 17 млн. долл.[58] В эту сумму вошли лишь те пожертвования, которые получил один только Национальный комитет республиканцев. Комитеты штатов, городов и местных партийных организаций имели собственные доходы.

Собрав большой денежный фонд, республиканцы пригласили 1400 платных опытных ораторов, подкупили местные газеты, распространили тонны листовок, наняли множество оркестров и снабдили многочисленные клубы предвыборной литературой, флажками, афишами, плакатами и другими средствами агитации, что в общем с лихвой компенсировало красноречие Брайана. В рабочих районах республиканские ораторы не упускали случая напомнить, что президент-демократ Кливленд направлял войска против бастующих рабочих.

В последние дни перед выборами широко распространялся слух, что победа Брайана не принесет трудящимся ничего, кроме несчастья. Банки оповестили фермеров, что в этом случае лишат их ипотечного кредита. Промышленники открыто пугали, что закроют фабрики и заводы в случае победы демократов на выборах. «Если Брайан победит во вторник,— говорили они,— не стоит приходить на работу в среду». Они заключали контракты на поставку товаров условно, заявляя, что заказы будут действительны лишь при победе Маккинли [59].

Несмотря на все старания и преимущества республиканцев, Брайан оказался близким к победе. Он получил больше голосов, чем в последующих выборах 1900 и 1908 гг., когда баллотировался на пост президента США при более многочисленном избирательном корпусе. Маккинли собрал в 1896 г. 7036 тыс., а Брайан 6468 тыс. голосов. Брайан победил в 11 штатах, образующих «прочный юг», и в 11 западных штатах. Во всех индустриальных штатах победил Маккинли.

Выборы 1896 г. рельефно выделили два лагеря. К одному примкнули промышленные, к другому аграрные штаты. В бурной президентской кампании 1896 г. аграрные штаты Запада и Юга сделали последние отчаянные попытки объединенными усилиями сдержать растущее господство промышленно-финансовых и железнодорожных компаний, вырвать у них контроль над федеральным правительством. Но они проиграли.

Препятствия, стоявшие на пути к установлению неограниченной власти монополий внутри страны и к проведению их агрессивных планов за пределами США, были сняты.

[58] «New York Times», 9.X 1932.
[59] *Harlow R.* Op. cit., p. 670; *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 317—318.

3. Маккинли и «предначертание судьбы»

Президент на стыке двух эпох. Кабинет старых консерваторов. «Под контролем капитала». «Предначертание судьбы». Завоевательная программа Гибсона и Бивериджа. Некомпетентный «огайский политик». Тарифы Маккинли и Дингли.

Уильям Маккинли был 25-м президентом. Он не отличался ни как оратор, ни как государственный деятель, ни как политический лидер, обладающий интеллектом, разносторонними знаниями и интересами. Он был средним человеком, средним американцем и средним президентом. Ореол, созданный вокруг него после смерти как вокруг «святого», объясняется тем, что он подобно Аврааму Линкольну вначале своего второго президентского срока был убит. Но независимо от того, как оценивали его поведение в Белом доме, Маккинли занимал пост президента США не только на рубеже двух веков, но и при смене двух эпох в истории американского и мирового капитализма.

В. И. Ленин писал: «XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала»[60].

В избирательной кампании 1896 г. была разбита организованная оппозиция росту необузданной власти монополий внутри страны и их агрессивным замыслам за границей.

Маккинли образовал кабинет из консервативных старых богачей, рекомендованных Марком Ханной. Министром финансов стал президент Первого национального банка Чикаго Гейдж, министром внутренних дел — нью-йоркский банкир Блисс, военным министром — крупный владелец деревообделочных предприятий Алжер из Мичигана. Своим постоянным государственным секретарем он также сделал человека с солидным состоянием — Джона Хея, предварительно отправив его на год послом в Англию[61]. Лишь один ответственный пост, пост контролера денежного обращения, Маккинли поручил молодому человеку — своему земляку по штату Огайо 31-летнему Чарлзу Дауэсу, который принимал живейшее участие в деятельности Ханны, приведшей к победе республиканцев в избирательной кампании 1896 г. Маккинли говорил тогда, что Дауэс завоевал его сердце[62]. Дауэс спустя более четверти века приобрел международную известность в связи с его репарационным планом. В 20-х годах его имя стало символом экспансии американского капитала

[60] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 343.

[61] Маккинли нужно было место в сенате для Марка Ханны. Поэтому он соблазнил 74-летнего сенатора Шермана на должность государственного секретаря. Вскоре после того, как Ханна занял место Шермана в сенате, президент США заменил в государственном департаменте Шермана Хеем.

[62] *Leech M.* In the Days of McKinley. N. Y., 1959, p. 68.

в Европу, содействовавшего восстановлению военно-промышленного потенциала Германии. В 1902 г. Дауэс основал крупнейший банк в Чикаго.

Вступление Маккинли на должность президента США ознаменовало собой, несмотря на принятие в 1890 г. антитрестовского закона Шермана, усиление движения за создание крупнейших монополий. Почти каждый день газеты сообщали об очередных объединениях в промышленности и на транспорте. За один 1897 г. были созданы новые корпорации с номинальным капиталом в 3,5 млрд. долл.[63]

Известный американский историк Генри Адамс, который более 30 лет наблюдал и изучал жизнь и деятельность обитателей Белого дома, который как потомок бывших президентов США имел постоянный доступ в Белый дом и в государственный департамент, назвал 90-е годы поворотными в истории американского государства. В эти годы, писал Адамс, происходила не просто окончательная капитуляция страны перед капитализмом, а капитуляция перед его верхушкой, перед финансовыми магнатами, которые централизовали капитал и фактически контролировали всю промышленность. Страна, утверждал Адамс, «находится сейчас больше, чем когда бы то ни было, под контролем капитала»[64].

Вместе с укреплением своей власти внутри страны банки и тресты готовили воинственную экспансию за границей, несмотря на то, что вступление США на путь империалистических захватов встречало известное сопротивление. В Америке многие чтили Джефферсона, который заявлял, что захват, завоевание чужих территорий противоречат принципам США.

После смерти Джефферсона эти принципы многократно и грубо нарушались. Достаточно напомнить, что США захватили больше половины территории Мексики. Генерал Грант, являвшийся участником войны с Мексикой в 1846—1848 гг. и ставший потом президентом США, писал в своих мемуарах по поводу этой войны: «По сей день я рассматриваю войну, возникшую в результате аннексии Техаса, как одну из самых несправедливых войн, которые когда-либо сильное государство вело против слабого»[65]. Но если раньше речь шла о территориальных захватах на Американском континенте, то к концу XIX в. в Вашингтоне заговорили о завоеваниях за морями и океанами.

После победы Маккинли на выборах 1896 г. круг последователей Мэхэна и Лоджа расширялся. Все больше появлялись «теоретики», доказывавшие, что судьба неотвратимо предписала величие Америки, предначертала ей избранное, господствующее положение среди народов. Сам Маккинли заявил в 1898 г.: «Нам

[63] *Josephson M.* The President Makers. N. Y., 1940, p. 6.
[64] *Adams H.* Letters, vol. II. Boston, 1938, p. 96; *Josephson M.* Op. cit., p. 8—9.
[65] *Grant U. S.* Personal Memoires, vol. I. London, 1885, p. 53.

необходимы Гавайи так же и даже гораздо больше, чем Калифорния. Таково предначертание судьбы»[66].

Вслед за тем президент США проявил «заботу» о Филиппинах. В империалистических кругах Вашингтона доказывали, что для сохранения в руках США Филиппин обязательна аннексия Гавайских островов, а для защиты Гавайев необходим форпост на Филиппинах. Господствующие круги США обуял захватнический воинственный угар. Столичная газета «Вашингтон пост» в редакционной статье писала: «Новое сознание овладело нами — сознание силы,— и с ним появился новый аппетит, жажда демонстрировать нашу мощь. Это можно сравнить с тем, как запах крови действует на хищника»[67]. Член палаты представителей Гибсон, обосновывая в своем выступлении в конгрессе в 1898 г. империалистическую, завоевательную политику, сказал: «Богатство, власть и слава — три главные цели человеческих стремлений. Эти три цели преследовали викинги две тысячи лет тому назад... Старый дух викингов витает в стране. Он определяет настроение нашего народа. Народ готов прокладывать свой путь. «Веление судьбы» — его платформа, его призыв, его вера, его боевой клич. Побуждаемый этим духом и этими принципами, народ Соединенных Штатов берет новый курс»[68].

Напыщенную, изобиловавшую расовыми бредовыми теориями речь произнес еще за 35 лет до прихода Гитлера к власти друг Генри Лоджа и Теодора Рузвельта сенатор Биверидж в конгрессе США: «Бог готовил народы, говорящие по-английски, и тевтонские народы в течение тысячелетия не к тому, чтобы они вели пустой, ленивый, самодовольный образ жизни. Нет! Он сделал нас главными организаторами на свете для того, чтобы водворить порядок там, где господствует хаос. Он вселил в нас дух прогресса, чтобы подавлять силы реакции на всей земле. Он сделал нас знатоками государственной администрации, чтобы мы могли управлять дикими и инертными народами. Если бы не эта наша сила, мир бы снова впал в состояние варварства и тьмы. Из всей нашей расы бог выделил американский народ как своего избранника, которому в конечном счете суждено руководить возрождением мира»[69].

27 апреля 1898 г., через два дня после того, как конгресс объявил состояние войны с Испанией, Биверидж, выступая в Бостоне, заявил: «Судьба начертала политику для нас. Мировая торговля должна быть и будет нашей. И мы овладеем ею так, как нас учила наша мать-родина — Англия. Мы создадим торговые посты во всем мире как распределительные пункты американских товаров. Мы заполним океаны нашим торговым флотом.

[66] *Beinberg A.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 263.
[67] Ibid., p. 289.
[68] Ibid., p. 266.
[69] Ibid., p. 306.

Мы построим военно-морской флот сообразно нашему величию. Большие самоуправляющиеся колонии, торгующие с нами под нашим флагом, вырастут на наших торговых путях. Наши институты будут следовать за нашим флагом на крыльях торговли. Американские законы, американские порядки, американская цивилизация и американский флаг будут утверждены на берегах, на которых до сих пор царствуют проклятие и невежество, но которые впредь будут превращены в прекрасные и цветущие»[70].

Политические круги, возглавляемые Марком Ханной, Гибсоном и Бивериджем, привели Уильяма Маккинли в Белый дом. Генри Адамс охарактеризовал Маккинли как некомпетентного третьестепенного огайского политика[71]. Один биограф американских президентов писал, что Ханна выбрал своей креатурой Маккинли «как хороший пластический материал в умелых руках». Миккинли отличался редким качеством для человека, занимающего высший государственный пост в Соединенных Штатах: он не имел врагов, по крайней мере, так считали, пока он не стал президентом[72]. По спорным вопросам высказывался обыкновенно неопределенно и туманно, так что сторонники противоположных мнений не имели оснований для выступлений против него. Биография Миккинли вполне подходила для того, чтобы рекламировать его перед избирателями[73].

[70] *Pratt J.* Expansionists of 1898. Baltimore, 1936, p. 228.

[71] *Adams H.* Op. cit., vol. II, p. 196.

[72] *Agar H.* The American Presidents. London, 1933, p. 261.

[73] *Rhodes J.* The McKinley and Roosevelt Administrations. N. Y., 1923, p. 13. Предки Маккинли — шотландцы, ирландцы и английские пуритане — прибыли в Америку и обосновались в Пенсильвании еще до войны за независимость в первой половине XVIII в. Потомки переселенцев колониального периода по сей день считаются в буржуазных кругах США гражданами «первого сорта», «стопроцентными американцами». Оба его прадеда по отцовской и материнской линии участвовали в войне за независимость. Сам Маккинли служил в союзной армии во время войны между Севером и Югом в полку, которым командовал Хейс, ставший впоследствии президентом США. Перед демобилизацией в 1865 г. ему присвоили звание майора. Приказ об этом подписал сам Авраам Линкольн.

У. Маккинли родился в городке Найлсе штата Огайо в 1843 г. ровно через 100 лет после прибытия его первого предка из Англии в Пенсильванию. Он был седьмым в семье, где было девять детей. Его отец имел железоделательное предприятие, но разорился ко времени, когда Уильям в возрасте 17 лет поступил в колледж. Молодому Маккинли еще до ухода в 1861 г. в армию пришлось учительствовать и работать клерком на почте. Все эти биографические данные вполне соответствовали требованиям, предъявленным в США для баллотировки на высокую выборную должность.

После демобилизации Маккинли (как обычно делали молодые люди, готовящиеся к политической карьере) изучал право. В 1867 г. он открыл юридическую контору в городе Кантоне штата Огайо и начал активную деятельность в местной организации республиканской партии, добившись к 1876 г. избрания в палату представителей конгресса США, в которой с двухлетним перерывом пробыл до 1891 г. В 1891 и 1893 гг. его избирали

Занимая, как правило, неопределенную, гибкую позицию в дискуссиях на актуальные темы, Маккинли отличился твердостью в борьбе за высокие тарифы. В этом деле он проявлял свои верноподданнические чувства к большому бизнесу с таким рвением, что завоевал полное доверие и вызвал восхищение хозяев крупных промышленных и финансовых корпораций. Ханна, писал один американский историк, «разделял его веру в протекционистский тариф, как в нечто священное, чего не должны касаться неопытные руки»[74].

К концу XIX в., когда демократическая партия в основном перешла на позиции крупного капитала, тарифный вопрос оставался одним из немногих, по которым можно было отличать демократов от республиканцев. В. И. Ленин отмечал: «После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин»[75].

В 1890 г. Маккинли, будучи председателем Комиссии путей и средств палаты представителей, занимающейся государственными доходами, в частности таможенными поступлениями, внес в конгресс билль о новом протекционистском тарифе. Новый тариф вступил в силу в октябре 1890 г. как тариф Маккинли. В результате повысились таможенные пошлины на промышленную продукцию, особенно на продукцию тяжелой промышленности, испытывавшую иностранную конкуренцию. Для успокоения фермеров были также повышены пошлины на пшеницу, кукурузу и другие продукты сельского хозяйства, которые почти не импортировались.

Тариф Маккинли вызвал большое недовольство. Через месяц после его принятия происходили выборы в конгресс. Республиканцы потеряли большинство голосов в палате представителей. Сам автор тарифа провалился на выборах. Через два года республиканцы потеряли большинство голосов также в сенате и уступили Белый дом демократам.

Высокие таможенные пошлины вызвали отрицательную реакцию и за границей. Иностранные государства рассматривали их как запретительные и готовили ответные меры против импорта американских товаров. Активность председателя Комиссии

губернатором штата Огайо. На этом посту Маккинли старался заигрывать с рабочими, посредничал в конфликтах между трудом и капиталом, склоняя спорящие стороны к компромиссу, к арбитражу. При нем законодательное собрание штата приняло законы об охране труда железнодорожных и трамвайных рабочих. Но свое настоящее лицо Маккинли показал в 1894 г., когда вместе с железнодорожниками пульмановских вагоностроительных заводов бастовали углекопы Огайо, которые держались особенно стойко. Маккинли заполнил рабочие районы полками национальной гвардии.

[74] *Rhodes J.* Op. cit., p. 10.

[75] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 22, с. 193.

путей и средств палаты представителей никак не согласовывалась с деятельностью государственного секретаря США Блэйна. В 1889 г. Блэйн созвал в Вашингтоне первый панамериканский конгресс, на котором добивался образования американского таможенного союза. По инициативе Блэйна к тарифу Маккинли было принято добавление, согласно которому президент мог на взаимных началах с другими странами снижать пошлины на некоторые товары. Уже в 1892 г. Блэйн подписал ряд соглашений с латиноамериканскими государствами о взаимном снижении тарифов.

За введение тарифа 1890 г. поплатились на выборах 1892 г. и республиканцы, и сам Маккинли. Но крупный финансово-промышленный капитал увидел в авторе этого тарифа верного и надежного лидера республиканской партии и оценил его заслуги. После поражения республиканцев на выборах 1892 г. тариф Маккинли был пересмотрен. Таможенные пошлины на металл, уголь и железную руду были значительно снижены: на чугун — с 6,72 до 4 долл., а на сталь — с 13,44 до 7,84 долл. за тонну.

Сразу же после прихода Маккинли в Белый дом, в марте 1897 г., палата представителей после бурных прений приняла закон о повышении таможенных пошлин, который вступил в силу в июле того же года как тариф Дингли. Маккинли подписал закон в тот же день, когда закончилось голосование в сенате. Тариф Дингли установил самые высокие таможенные пошлины за всю предыдущую историю США[76]. Маккинли, заняв высший пост в государстве, сразу же продемонстрировал свою преданность большому бизнесу. Но более точно и определенно он себя проявил в подготовке войны с Испанией.

4. «Блестящая маленькая война»

Кубинский вопрос. Тайна гибели корабля «Мэн». Херст раздувает военную истерию. Позиция европейских держав. Война с Испанией. Захват Гавайских и других тихоокеанских островов. Доктрина Хея. Выборы в 56-й конгресс. Президентская кампания 1900 г. Итоги выборов.

«Блестящая маленькая война» — так государственный секретарь США Джон Хей окрестил испано-американскую войну. К этой короткой войне в Вашингтоне готовились долго. Она имела для США длительные исторические последствия.

Победа республиканцев на выборах 1896 г. расценивалась как признание того, что конфликт с Испанией из-за Кубы может быть решен только вооруженным путем. Республиканская партия, обвиняя в своей предвыборной платформе Мадрид в том, что он не в состоянии защищать жизнь и имущество американ-

[76] *Rhodes J.* Op. cit., p. 39.

ских граждан в этой испанской колонии, обещала, что будут приняты необходимые меры для предоставления острову независимости.

Претензии на право защищать жизнь и имущество своих граждан являлись трафаретным камуфляжем страны-агрессора, ищущего повод для нападения, для захвата чужой территории. Такой предлог не раз использовали усиливающиеся империалистические круги Вашингтона, направляя свои взоры на остатки обширных заатлантических владений Испании.

Испанская колония Куба, лежащая невдалеке от США, привлекала внимание государственного департамента с начала XIX в. В первой половине XIX в., пока США оставались аграрной, несильной по сравнению с великими европейскими державами страной, в Вашингтоне опасались перехода Кубы от ослабевшей Испании к Англии, считавшейся в прошлом самым опасным, а ныне — потенциальным врагом заатлантической республики. В этот период в Вашингтоне всячески поощряли господство Мадрида над Кубой.

Положение изменилось к середине века, после аннексии Соединенными Штатами Техаса и захвата Калифорнии, Аризоны и Новой Мексики. Расширив свои владения у берегов Мексиканского залива, США пытались завладеть Кубой. В 50-х годах в Белом доме и конгрессе строились планы покупки этого острова. Президент США Бьюкенен предлагал за Кубу 200 млн. долл. Вопрос был отложен в связи с обострением в США борьбы между Севером и Югом, приведшей в 1861 г. к гражданской войне.

После гражданской войны Куба опять стала занимать главное место в испано-американских отношениях. В течение многих лет США оказывали систематическую поддержку кубинским повстанцам. Широкие размеры восстание приняло в начале 1895 г. Руководители восстания были связаны с сенатором Лоджем и другими лидерами республиканской партии[77]. Двухсоттысячная испанская армия оказалась не в состоянии подавить восстание. В начале 1896 г. новый генерал-губернатор Вейлер издал приказ о переселении в течение восьми дней жителей острова из сельских районов, захваченных повстанцами, в города, где испанская администрация сохраняла свою власть. Многие кубинцы были согнаны в лагеря, заподозренные американские граждане подвергались арестам. Конгресс США потребовал активного вмешательства правительства на стороне восставших. В апреле 1896 г. он принял резолюцию, объявившую на Кубе состояние войны. Это означало признание сражавшихся в партизанских отрядах кубинцев воюющей стороной, что позволяло США в дальнейшем оказывать им помощь на законных основаниях.

[77] *Josephson M.* Op. cit., p. 66.

Однако пока в Белом доме оставался Кливленд, резолюция конгресса не проводилась в жизнь. Положение радикально изменилось, когда в марте 1897 г. президентом США стал Маккинли. Новый президент сразу поднял вопрос о «защите» Кубы от испанского произвола. Правда, официально Маккинли утверждал, что желает разрешить проблему Кубы мирным путем Переезжая в Белый дом Маккинли говорил уходящему с поста президента Кливленду, что если ему удастся во время пребывания на высшем посту избежать войны, то он будет «самым счастливым человеком на свете»[78]. Но в Мадриде не без основания сильно сомневались в миролюбии нового президента. Там поняли, что события принимают серьезный и опасный для Испании оборот.

Взвесив соотношение сил, Испания шла от уступки к уступке лишь бы предотвратить войну с США. В октябре 1897 г. был отозван генерал Вейлер, прозванный «мясником» за свои злодеяния. Новому губернатору Бланко было поручено отменить приказы о концентрации сельского населения в городах и строго следить за тем, чтобы ни один гражданин США не подвергался аресту. Американского посла в Мадриде заверили, что Кубе будет предоставлена автономия, как только на острове установится порядок.

Однако по совету генерального консула США в Гаване Вашингтон решил направить к берегам Кубы военный корабль «Мэн» для того, чтобы американские граждане на острове чувствовали себя в большей безопасности. Государственный департамент заверил испанцев, что «Мэн» совершает дружественный визит. В конце января 1898 г. «Мэн» прибыл в Гавану. Его встретили салютом. Губернатор острова устроил для команды прием как для официальных гостей Испании. Готовился ответный визит испанского крейсера в Нью-Йорк.

Вечером 15 февраля 1898 г. «Мэн», стоявший в Гаванской бухте, взорвался. 266 человек команды погибли. Испанское правительство выразило американскому правительству соболезнование и обещало со своей стороны всяческое содействие для выяснения обстоятельств, приведших к этой катастрофе. Чрезвычайная комиссия США по расследованию причины взрыва заключила, что корабль был уничтожен подводной миной. Но кто организовал и совершил диверсию, выяснить не удалось. Джон Лонг, который был морским министром в правительстве Маккинли, опубликовал в 1903 г. книгу, где он писал: «Тайна гибели «Мэн» остается нераскрытой». Во всяком случае, трудно было поверить, что испанское правительство, которое так сильно опасалось войны с США, было в какой-то мере замешано во взрыве. Но этой войны во что бы то ни стало желали очень влиятельные силы в США. Сенатор Лодж, Теодор Рузвельт,

[78] Цит. по: *Josephson M.* Op. cit., p. 66.

который с 1897 г. был помощником морского министра, Джон Хей и другие давно готовились к войне с Испанией. Лозунг «Помни «Мэн»» облетел все штаты. В воздухе запахло военной прибылью. Сенатор Тэрстон из Небраски открыто заявил 25 марта 1898 г.: «Война с Испанией увеличит оборот и доход каждой американской железной дороги, она увеличит продукцию каждой американской фабрики, она будет стимулировать каждую отрасль промышленности и внутреннюю торговлю»[79].

Немало содействовал военной истерии Уильям Рэндолф Херст. В 1898 г. ему исполнилось всего 35 лет, но он уже три года возглавлял основанный им крупный издательский концерн. Позже он хвастал, что потратил 3 млн. долл. для того, чтобы вызвать войну с Испанией[80].

За неделю до гибели «Мэн», 9 февраля 1898 г., Херст опубликовал в своей газете «Нью-Йорк джорнал» похищенное личное письмо испанского посланника в Вашингтоне де Ломе своему другу на Кубе. В нем Маккинли получил нелестную характеристику и был назван «дешевым, угодливым политиканом». Посланник немедленно подал в отставку, а испанское правительство объявило, что оно не может нести какой-либо ответственности за его частное письмо. Но эпизод оказался на руку сторонникам войны в США. Он ускорил ход событий.

После взрыва «Мэн» американо-испанские отношения обострялись с каждым днем. 6 апреля все великие державы Европы — Англия, Россия, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия — обратились к президенту США и предложили свое посредничество в решении спора мирным путем. Ничто не помогло. Соединенные Штаты, как говорили тогда, так же сильно хотят войны, как Испания ее не хочет.

Единственным государством, которое действительно могло влиять на Вашингтон и мешать его воинственным силам реализовать их замыслы, была Англия. Но в Лондоне, учитывая перспективы англо-германского соперничества и назревание конфликта в Южной Африке, решили заручиться расположением США. В то время как Германия и Франция открыто осуждали «придирчивый, запугивающий» тон Вашингтона в разговоре с Мадридом, англичане одобряли позицию государственного департамента. 5 апреля 1898 г., за три недели до начала испано-американской войны, Джон Хей доносил из Лондона, что в британской столице поощряют немедленную аннексию Кубы Соединенными Штатами[81].

13 мая 1898 г., через три недели после начала войны, британский министр колоний Чемберлен заявил в публичной речи, что Англия должна установить «постоянную дружбу с нашим родст-

[79] Цит. по: *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 236.
[80] *Sears L.* A History of American Foreign Policy. N. Y., 1938, p. 439.
[81] *Josephson M.* Op. cit., p. 85.

венником по ту сторону Атлантики». В этой речи он говорил о важности союза между двумя великими англосаксонскими народами. Открыто выражал также свои симпатии к США в их конфликте с Испанией британский премьер Солсбери.

В начале апреля распространились слухи, что, если на Испанию нападут Соединенные Штаты, ей на помощь выступят Германия и Франция. В ответ лондонский «Спектейтор» писал 9 апреля: «Если Америка действительно подверглась бы нападению коалиции континентальных государств, Англия оказалась бы на ее стороне не позднее чем через двадцать четыре часа».

Позиция, занятая Англией, убедила Мадрид, что дальше медлить нельзя, что если США начнут военные действия, то Испания потеряет не только Кубу. 10 апреля 1898 г. американский посол в Мадриде Вудфорд телеграфировал лично Маккинли, что испанское правительство готово предоставить Кубе автономию, независимость или уступить ее Соединенным Штатам, оно согласно поступить так, как пожелают в Вашингтоне [82].

Но сейчас США одна Куба уже не устраивала. Подобно тому как в 1846 г. в конфликте с Мексикой президент Полк не желал удовлетвориться одним Техасом, так через 52 года в споре с Испанией президент Маккинли не хотел удовлетвориться одной Кубой. Маккинли скрыл от народа и от конгресса телеграмму Вудфорда от 10 апреля о том, что Испания до войны фактически готова была на «безусловную капитуляцию» [83]. 11 апреля он направил конгрессу воинственное послание, в котором, утверждая, что все его усилия сохранить мир не увенчались успехом, предложил объявить войну.

Официально США объявили войну Испании 25 апреля. В палате представителей за войну было подано 311 голосов против 6, а в сенате за —42, против —35. Очевидно, если в сенате было бы известно о телеграмме Вудфорда, то предложение Маккинли не прошло бы.

Главную роль в войне играл флот, который оказался лучше подготовленным, чем армия. В регулярной армии США ко времени прихода Маккинли в Белый дом числилось всего 27 тыс. человек. К началу войны она была увеличена до 62 тыс., а ее максимальная численность в военное время достигла 280 тыс. В апреле и мае 1898 г. Маккинли предлагал завербовать в армию 200 тыс. добровольцев, хотя в большинстве из них не было надобности. Среди добровольцев выделялся кавалерийский полк, набранный из ковбоев, индейцев и спортивных команд колледжей. Этот полк назвали «буйные всадники». Его укомплектовал и им командовал Теодор Рузвельт. До того как стать командиром лихого кавалерийского полка, Рузвельт больше года был

[82] *Fish C.* American Diplomacy. N. Y., 1916, p. 415.
[83] *Beard Ch.* and *M.* The Rise of American Civilization, vol. II. N. Y., 1930, p. 371—372.

помощником морского министра. Он прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять флот и соответствующим образом его дислоцировать. Еще за полгода до потопления «Мэн» в Гаванской бухте Рузвельт писал Лоджу, что азиатская эскадра США должна быть готова для взятия Манилы [84]. С начала 1898 г. этой эскадрой, стоявшей у японских берегов, командовал коммодор Дьюи. В феврале Рузвельт телеграфировал Дьюи: «Направьте эскадру в Гонконг. Пополните запасы угля. В случае объявления войны Испании ваша задача проследить, чтобы испанская эскадра не ушла от азиатских берегов, а затем — наступательные операции на Филиппинских островах» [85].

На далеких Филиппинах вооруженные силы США начали боевые действия раньше, чем на соседней Кубе. 30 апреля вечером американская эскадра из шести кораблей под командованием Дьюи вошла в Манильскую бухту, где стоял устарелый, хотя и более многочисленный испанский флот. Бой происходил на следующий день. 11 испанских кораблей были уничтожены. Эскадра Дьюи вся уцелела. Испанцы потеряли 381 человека убитыми и ранеными. У американцев было лишь 7 легко раненых. Манилу американцы не могли взять до тех пор, пока не были присланы подкрепления из США. В конце июля американская армия численностью в 10 700 человек, поддержанная филиппинскими повстанцами под руководством Агинальдо, повела наступление на столицу архипелага. Испанский гарнизон в Маниле сдался 13 августа, на другой день после подписания протокола о прекращении военных действий между США и Испанией.

Кубу с начала войны блокировали морские силы США. Все же 19 мая испанской эскадре в составе четырех крейсеров и трех эсминцев под командованием адмирала Сервера удалось пройти в бухту Сантьяго на юго-востоке страны и стать там под прикрытие береговых батарей. 3 июля, когда американские войска подходили с суши к Сантьяго, испанская эскадра вынуждена была оставить бухту и принять бой. В течение нескольких часов она потеряла три крейсера и два небольших корабля. Адмирал Сервера был взят в плен вместе с выжившими офицерами и матросами. Этим поражением завершился закат когда-то самой могущественной морской державы, неудачи которой начались тремя столетиями раньше гибелью «Непобедимой армады».

За разгромом флота последовала капитуляция сухопутных сил на Кубе. 26 июля Испания запросила мира. 12 августа был подписан протокол о прекращении военных действий. Мирный договор был заключен в Париже. Его подписали 10 декабря 1898 г. на следующих условиях: Испания признает независимость Кубы, которая временно остается под оккупацией американских

[84] *Beard Ch.* and *M* The Rise of American Civilization, vol. 11. N. Y., 1930, p. 375.
[85] *Rhodes J.* Op. cit., p. 70.

войск. Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины отходят к США: первые два — как компенсация за военные расходы, а последние — за выкуп в 20 млн. долл. Однако для становления своего господства на Филиппинах Америке пришлось затратить гораздо большую сумму и вести на архипелаге ожесточенную войну, которая — как увидим дальше — затянулась на годы.

Выйдя из испанской войны с колониальными владениями в Вест-Индии и на Тихом океане, американский империализм бросился на другие, еще не захваченные великими державами тихоокеанские острова. Судьба Гавайских островов была окончательно решена. 7 июля 1898 г. США их аннексировали. Тремя днями ранее американский флаг был поднят на острове Уэйк. В ноябре 1899 г. Америка заключила соглашение с Германией о разделе между ними островов Самоа. Одновременно она присвоила себе ряд мелких островов в Океании.

Захват Филиппин, Гуама, Гавайских и других тихоокеанских островов означал для американского империализма, помимо овладения ценными торговыми и стратегическими базами на мировых океанских путях, приобретение форпостов, проложение путей к «желтому континенту». Но вход в эту заманчивую страну оказался занятым. Когда американцы сменили испанцев на Филиппинах, китайские берега были уже охвачены щупальцами старых империалистических хищников. США ничего не оставалось делать, как выступить в качестве защитника равноправия всех держав в небесной империи.

6 сентября 1899 г. государственный секретарь Джон Хей обратился к державам с предложением установить принцип «открытых дверей» в Китае для торговли и навигации. Это обращение получило название доктрины Хея, предусматривающей равные возможности для всех держав в Китае. В XX в. доктрина Хея занимала большое место во внешней политике США. В дальнейшем мы к ней будем возвращаться. Пока отметим ее особенность, которую в Вашингтоне старались использовать впоследствии не только на Дальнем Востоке. Провозглашенное равенство фактически сулило особые выгоды Америке. Инициаторы доктрины Хея были уверены, что при росте национального богатства и промышленного производства в США политика «открытых дверей» и равные возможности в торговле обеспечат Америке ведущее место в эксплуатации великой страны, занимающей по численности населения первое место в мире.

Принцип равных возможностей США продемонстрировали в следующем, 1900 г., когда они вместе с шестью европейскими державами и Японией участвовали в подавлении народного антиимпериалистического Ихэтуаньского восстания, названного за границей неправильно «боксерским восстанием». Они также вместе с другими империалистическими державами участвовали в дележе контрибуции в сумме 333 млн. долл., наложенной на Китай как наказание за восстание. И здесь Хей снова заговорил

о своей доктрине. В ноте, посланной державам 3 июля 1900 г., он подчеркнул необходимость соблюдения принципа равных возможностей в торговле со всеми частями Китайской империи, а также сохранения целостности ее территории.

В конце 1900 г. сам Хей готов был нарушить свою доктрину. Он завел секретные переговоры о получении морской базы для США в бухте Самса на юге Китая. Но активное вмешательство Японии сорвало эти переговоры. В Вашингтоне об этом факте промолчали и продолжали твердить о своей верности доктрине «открытых дверей» как основе всей политики США на Дальнем Востоке.

Победа в войне отразилась на внутренней политике прежде всего в очередной президентской кампании, развернувшейся в первый год нового века. Лидеры стоявшей у власти республиканской партии играли на патриотических чувствах. Они твердили, что за жертвы корабля «Мэн» США под руководством Маккинли отомстили в «блестящей войне» малой кровью. Всего в вооруженных силах США за время этой войны было убито в сражениях 369 человек, умерло не столько от ран, сколько от тифа, дизентерии и желтой лихорадки 2081 и было ранено 1662 человека.

Легкая победа, приобретение заморских владений, которыми щеголяли заправилы республиканцев, уже имели внутриполитические последствия в 1898 г. На выборах в 56-й конгресс в ноябре этого года правящая партия сохранила большинство в обеих законодательных палатах. Число популистов в палате представителей сократилось с 26 до 7. На промежуточных выборах в конгресс, какими были выборы 1898 г., оппозиционная партия, как правило, выигрывает. В избирательной борьбе активно участвовал сам президент США, разъезжая с речами по стране. Свое большинство в новом конгрессе республиканцы расценивали как свидетельство одобрения избирателями войны и ее результатов. Крупнейший штат страны Нью-Йорк избрал в 1898 г. Теодора Рузвельта, ставшего военным героем, своим губернатором.

В марте 1899 г. по инициативе Маккинли конгресс принял акт, по которому золото окончательно закреплялось в качестве единственной основы валюты в стране.

В июне 1900 г., когда республиканцы собрались на свой съезд в Филадельфии, не было никаких сомнений в том, что их кандидатом в президенты на предстоявших в ноябре выборах будет Маккинли. Вначале неизвестна была лишь кандидатура вице-президента, так как Гобарт, занимавший этот пост, умер в 1899 г. После некоторых размышлений и разногласий съезд решил, что самым сильным преемником Гобарта будет популярный губернатор Нью-Йорка Рузвельт, который как герой войны еще больше укрепит позиции Маккинли и обеспечит республиканцам победу на выборах.

На съезде в Филадельфии ораторы открыто восхваляли империалистическую политику, ратовали за установление мирового господства Америки. Представитель крупного капитала Депью заявил: «Американский народ производит в год на два миллиарда долларов продукции больше, чем он может потреблять. Мы справляемся с этим положением. Божественным провидением, искусством Маккинли управлять государством и доблестью Рузвельта и его коллег мы имеем наш рынок на Кубе... в Пуэрто-Рико... на Гавайях... на Филиппинах, и мы стали соседями 800-миллионного населения, а Тихий океан ныне выглядит как американское озеро. Благодаря мастерству наших сограждан мы производим товары лучше и дешевле, чем любая другая страна в мире... Пусть растет продукция... потому что мир наш. Мы завоевываем его принципами республиканцев»[86].

В октябре 1900 г., перед выборами, кандидат на пост вице-президента Рузвельт писал, что «желает видеть США господствующими на берегах Тихого океана», что он выступает за переизбрание Маккинли, «потому что сейчас, на заре нового столетия, мы хотим, чтобы гигант Западного полушария, самая большая республика, над которой когда-либо сияло солнце, с успехом выступила в соревновании за национальное величие»[87].

В демократической партии с 1896 г. лидером был Брайан. Но многие в ее рядах считали, что в 1900 г. на выборах больше шансов будет у героя войны с Испанией, и выдвигали кандидатуру Дьюи.

Хотя исход войны был решен разгромом испанского флота у берегов Кубы, в официальных кругах США больше рекламировалась, а в стране особое ликование вызывала победа Дьюи в Манильской бухте. Президент США сразу же сделал его контр-адмиралом, а Рузвельт телеграфировал ему: «Каждый американец у вас в долгу». Конгресс намного превзошел президента, присвоив Дьюи ранг адмирала флота. Такое высокое воинское звание до него в США не присваивалось никому. В сентябре 1899 г., когда Дьюи вернулся в Америку, ему устроили торжественный прием в Вашингтоне и Нью-Йорке. Президент преподнес ему от имени конгресса меч почета. Университеты награждали Дьюи учеными степенями, а штаты умоляли осчастливить их своим визитом. Восторг дошел до того, что города, улицы, новые изделия промышленности, а также новорожденных стали называть именем адмирала.

Америке, которая вышла на мировую империалистическую арену как великая морская держава, понадобился свой Нельсон, и его обнаружили у тех далеких берегов, где почти четыре сто-

[86] *Beale H.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. N. Y., 1962, p. 80.
[87] Ibid., p. 81.

летия тому назад погиб прославленный Магеллан. Морской бой в Манильской бухте сравнивали с Трафальгарским сражением.

В качестве дара благодарного народа национальному герою в стране собрали деньги для строительства роскошного особняка. На средства, пожертвованные жителями Нью-Йорка, построили арку Дьюи подобно арке Тита в Риме и Триумфальной арке в Париже. Ее соорудили предварительно из легкого материала как временную, поскольку спешили к торжественной встрече победоносного коммодора. В дальнейшем предполагалось ее перестроить в постоянную, облицованную мрамором. Но обстоятельства так изменились, что и временную арку снесли.

3 апреля 1900 г. адмирал Дьюи заявил, что, выполняя волю народа, он готов служить ему на посту президента США. Но к этому времени его слава начала тускнеть. Популярность недавнего капитана первого ранга-коммодора, пристальное внимание к нему в стране, всестороннее изучение новоиспеченного национального героя все больше вскрывало его ограниченность, его интеллектуальную скудость. Постепенно выяснилось, что победой в Манильской бухте США обязаны не флотоводческому таланту Дьюи, а небоеспособности испанского флота. Однако больше всего подорвала репутацию Дьюи его женитьба, с чем никак не смогли смириться стопроцентные американцы, восторгавшиеся адмиралом и жертвовавшие деньги на особняк и арку его имени в Нью-Йорке. В конце 1899 г. 62-летний адмирал женился на католичке. В широких кругах населения США, примыкавших к различным направлениям протестантской церкви, католики давно считались гражданами второго сорта. К концу века с усилением притока иммигрантов-католиков, неприязнь к ним еще больше усилилась. Дьюи не только женился на католичке, но и преподнес ей в подарок особняк, построенный на деньги, собранные протестантами. Стопроцентные американцы, бурно выражавшие свое восхищение адмиралом, совершенно в нем разочаровались. Они расценивали его действия как кощунство. Заявление Дьюи в апреле 1900 г. о своей готовности служить американскому народу в Белом доме не встретило отклика даже у тех, кто всего несколько месяцев тому назад усердно его восхвалял. Об облицовке мрамором арки, сооруженной в его честь на Мэдисон-сквер, «забыли». Впоследствии ее разобрали и вывезли на свалку.

Когда кандидатура Дьюи отпала, Брайан оказался единственным кандидатом в президенты от демократической партии. Во время «маленькой войны» Брайан, хотя он и не стал национальным героем, проявлял воинственный пыл, подражая Рузвельту. Он, правда, не возглавлял эскадрон лихих наездников, но объявил, что готов всячески служить Маккинли. Он помог вербовать добровольцев в Небраске, стал полковником и отправился во главе эшелона на Кубу. Доехать до места назначения

ему не пришлось. Окончание военных действий застало его и его полк во Флориде. Так к достоинствам Брайана прибавился чин полковника в «блестящей войне».

Национальный конвент демократической партии собрался 4 июля в городе Канзас-Сити. Соперников там Брайан не имел. Он единогласно был избран кандидатом в президенты США. Кандидатом в вице-президенты избрали Эдлая Стивенсона из штата Иллинойс. Биметаллизм на этот раз сулил еще меньше шансов на победу на выборах, чем в 1896 г. В предвыборной дискуссии, не отказываясь от биметаллизма, Брайан в качестве основного вопроса выдвигал борьбу против монополий во внутренней и против империализма во внешней политике. Он требовал установления эффективного контроля федерального правительства над трестами и другими монополиями, а также запрещения выпуска «разводненных акций» (т. е. акций, превышающих по своей номинальной стоимости действительный капитал, вложенный в предприятие). Объявляя себя антиэкспансионистом, Брайан высказался за предоставление колониям независимости. Он обещал, что если станет президентом, то немедленно созовет чрезвычайную сессию конгресса, на которой поставит вопрос о независимости Филиппин.

В платформе демократической партии говорилось: «Мы утверждаем, что ни одно государство не может долго существовать, будучи наполовину республикой и наполовину империей, и мы предупреждаем американский народ, что империализм за границей приведет быстро и неизбежно к деспотизму внутри страны» [88]. Платформа обещала независимость Филиппинам, неустанную борьбу против монополий, а также свободную чеканку серебра. Она осудила тарифный акт 1897 г. как укрепляющий тресты.

Антимонополистические выступления Брайана обеспечивали ему немалое число голосов среди определенных слоев избирателей. Но в то время эти выступления не доходили до многих из тех, на кого они были рассчитаны. У Брайана оказались слишком сильные противники, которые максимально использовали победу в войне в своих интересах. К тому же высокая хозяйственная конъюнктура благоприятствовала правящей партии. Состояние экономики всегда отражается на результатах президентских выборов. Все же демократы набрали почти столько же голосов, сколько в предыдущей президентской кампании, а республиканцы — лишь немногим больше, чем в 1896 г.

В 1900 г. впервые в президентской кампании участвовала социалистическая партия. Эта партия существовала с 1897 г. как социал-демократическая. Социалистической она стала называться в 1901 г., после съезда в Индианаполисе, где она объединилась с частью, отколовшейся от социалистической рабочей партии,

[88] *Hacker L., Kendrick B.* Op. cit., p. 355.

руководимой известным деятелем рабочего движения США Даниэлем Де Леоном.

Во главе социал-демократической, а потом социалистической партии стал Ю. Дебс, который был организатором и президентом Объединенного американского союза железнодорожников, руководившего знаменитой стачкой 1894 г. на вагоностроительных заводах Пульмана.

Создав в 1897 г. социал-демократическую партию, Дебс и его сторонники задумали отыскать «кратчайший путь» к социализму. Они проектировали колонизацию малозаселенного западного штата, как образцово-показательного, где общество строится на социалистических началах, которому — как они считали — будут подражать все штаты.

Ко времени избирательной кампании 1900 г. социал-демократическая партия отказалась от утопической идеи колонизации. С тех пор она стала уделять главное внимание избирательным кампаниям. Реорганизованная и переименованная в 1901 г. в социалистическую партию, она возвещала переход к социализму через парламентаризм. Естественно поэтому ее активное участие в общенациональных и местных выборах. В 1900 г. социал-демократическая партия выступала на выборах в неблагоприятных условиях. Перед объединением, которое происходило в следующем году, ее ряды раздирали воюющие между собой фракции. Ее кандидат в президенты США Дебс получил на выборах около 95 тыс. голосов.

6 ноября 1900 г. основную массу голосов разделили между собой, как обычно, кандидаты двух больших партий. Маккинли получил 7220 тыс., а. Брайан — 6358 тыс. Из 45 штатов Брайан победил лишь в 17. По сравнению с 1896 г. он потерял пять западных штатов: Канзас, Юту, Южную Дакоту, Вайоминг и Вашингтон.

Выборы 1900 г. закрепили итоги войны. Маккинли и Рузвельт символизировали власть крупного капитала внутри страны и его империалистические устремления за границей. Вместе с победой на президентских выборах республиканцы снова получили большинство в обеих палатах конгресса. Уния республиканцев и большого бизнеса демонстрировалась неприкрыто. Промышленные, финансовые и железнодорожные компании, ревностные защитники золотого стандарта и протекционистских тарифов, беспощадные эксплуататоры трудящихся торжествовали. Америка с шумом завершила XIX в. Она вышла на мировую империалистическую арену.

II

ВСТУПЛЕНИЕ В ДВАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

1. Двенадцатый ценз

Прогнозы технико-экономического развития. Всемирная выставка в Сент-Луисе. Рост населения. Иммиграционные билли. Рост городов. Общее и техническое образование. Монокультурное сельское хозяйство. Удельный вес промышленности в экономике. Первая электростанция. 60-часовая рабочая неделя.

В 1790 г., вскоре после окончания войны за независимость и образования государства, через 7 лет после подписания Версальского договора, по которому Англия признала победу 13 восставших американских колоний, проводилась всеобщая перепись. Это была первая в мире периодическая перепись. С тех пор в соответствии с Конституцией переписи в США проводятся каждые 10 лет.

В 1900 г. перепись проводили в двенадцатый раз. Двенадцатая перепись, или иначе ценз, вызвала большой интерес и в США, и во всем мире. Он подвел итоги развитию страны за столетие, почти за все время существования республики. На основе технических достижений в XIX в. много говорили и писали о том, что сулит Америке наступающий новый век.

Когда наступил XX век, никто еще не занимался планированием народного хозяйства, не было еще таких выражений, как «программирование экономики», тем более не было таких научных дисциплин, которые занимаются исследованием будущего развития техники и экономики, как нашумевшая футурология. Они зародились лишь во второй половине века.

Однако прогнозов технико-экономического развития было немало в Америке, как и в Европе. Ими занимались задолго до появления научно-фантастических романов Жюля Верна и Уэллса. Ими увлекались не только писатели-фантасты.

В России, например, в 1837 г. в речах, произнесенных по случаю строительства первой в стране железной дороги, предсказывали, что в XX в. люди будут ездить на «телегах без лошадей» и летать на «металлических птицах».

Наступление XX в. ознаменовало начало иной исторической эпохи, 1900-й год было годом на стыке эпох. Сама дата как буд-

то обязывала подытожить прошлое и предсказывать будущее. Для такой молодой страны, как США, которая за свою короткую, немногом более чем вековую историю независимости продемонстрировала замечательные технические достижения и выдвинула немало талантливых изобретателей, ученых и конструкторов, полет мысли в столь знаменательную дату, когда сменяются века, казался естественным, само собой разумеющимся.

Генеральный секретарь американского павильона на Парижской всемирной выставке 1900 г. Пекк писал: «Взоры всего мира направлены сейчас на Америку, которая изумляет своей морской доблестью и вызывает желание узнать, что это дитя Запада покажет в грядущие годы» [1].

Предсказывали, что в новом столетии США с их огромными естественными ресурсами и энергичным населением добьются дальнейшего большого экономического роста, но главным образом говорили о количественном росте. В Америке, как и в Европе, преобладало мнение, что вершины техники уже достигнуты и что новинки, появившиеся в конце XIX и начале XX вв.,— автомобиль и самолет — не найдут широкого применения.

Распространенный американский журнал «Литерери дайджест» предсказывал появившемуся тогда автомобилю весьма скромные перспективы. 14 октября 1899 г. «Литерери дайджест» писал: «Безлошадный экипаж — роскошь для богатых, и хотя его цена в будущем, вероятно, снизится, он никогда, конечно, не станет таким предметом широкого пользования, как велосипед» [2].

Особый скептицизм вызывали опыты строительства самолета. За два месяца до исторического полета братьев Райт известный американский астроном Ньюком «абсолютно доказал» несостоятельность идеи самолета [3]. Он писал: «Пример птицы не доказывает, что человек может летать». Перечисляя огромные трудности, связанные с созданием летательного аппарата, Ньюкомб утверждал, что, если даже все трудности будут преодолены, нельзя ожидать, чтобы такой аппарат поднял больше одного человека [4].

Даже Герберт Уэллс, с его богатой фантазией, написавший в 1908 г. «Войну в воздухе», сказал при наступлении нового века: «Я не считаю вероятным, что аэронавтика станет когда-нибудь играть какую-то роль в серьезной модификации транспорта и связи» [5].

Касаясь перспектив использования подводной лодки, Уэллс утверждал: «Я должен заявить, что мое воображение, несмотря даже на все его преувеличения, отказывается видеть в любом

[1] «North American Review», January 1899, p. 33.
[2] *Sullivan M.* Our Times, vol. I. N. Y., 1926, p. 365.
[3] «New York Times Magazine», 9.IV 1967, p. 68.
[4] Об этом см.: *Sullivan M.* Op. cit., p. 366.
[5] Ibid., p. 370.

типе подводной лодки нечто большее, чем аппарат, способный делать что-либо другое, чем душить свою команду и идти на морское дно»[6].

Такого же мнения придерживалась американская печать. В январе 1902 г. журнал «Атлэнтик мансли» утверждал, что в области транспорта и связи техника достигла своей вершины: «На глазах у нынешнего поколения земной шар опоясали железом и сталью. Телеграфный кабель практически упразднил земные расстояния. Развитие этих средств связи остановилось, и остановилось окончательно»[7].

В 1878 г., когда Эдисон демонстрировал свое нашумевшее изобретение, британская парламентская комиссия объявила, что электрический свет Эдисона «не заслуживает внимания ни практиков, ни ученых»[8]. В конце XIX в. в Англии серьезно обсуждалось предложение о закрытии Королевского патентного бюро, так как считалось, что все важные изобретения уже сделаны[9].

Прогнозы касались и таких проблем, как война. В Америке утверждали, что в наступающий цивилизованный XX век не будут иметь места позорящие человеческий род войны.

Как и с чем США пришли к двадцатому столетию, рассказывали десять томов двенадцатого ценза. Каждый том насчитывает около тысячи страниц.

Континентальная территория США увеличилась в XIX в. в 3,5 раза, с 892 тыс. до 3 млн. 027 тыс. квадратных миль. Вместе с Аляской она выросла в 4 раза. В 1935 г. журнал «Форчун» писал: «С 1776 г. армия США захватила чистейшим военным завоеванием больше земли, чем любая другая армия в мире, за исключением лишь британской... Англия с тех пор завоевала около 3 млн. 500 тыс. кв. миль, а США (включая покупку Луизианы, отнятой у индейцев) — около 3 млн 100 тыс.»[10] Эти завоевания почти всецело приходятся на XIX век, а на Американском континенте — главным образом на первую половину века.

В начале 1967 г. известный американский историк Генри Коммаджер, выступая в комиссии по иностранным делам сената, отметил, что в прошлом веке площадь США расширилась в результате присвоения чужих земель: «В течение полувека мы утроили нашу территорию за счет французских, испанских, мексиканских и британских владений»[11]. От одной Мексики США оторгли вооруженным путем более половины и лучшую часть ее территории, ныне включающей штаты Техас, Нью-Мексико, Аризону, Калифорнию, Неваду, Юту, часть Колорадо и Вайоминга. Эта площадь равна территории Англии, Ирландии, довоенной

[6] «North American Review», September 1901, p. 409.
[7] Цит. по: *Sullivan M.* Op. cit., vol. I, p. 364.
[8] «New York Times Magazine», 9.IV 1967, p. 68.
[9] «Sunday Times», 15.I 1967.
[10] «Fortune», September 1935, p. 48.
[11] «New York Times Magazine», 12.III 1967, p. 132.

Германии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Бельгии и Голландии, вместе взятых.

США, вступая в XX век, говорил Комманджер в своем выступлении, забыли уже, что территория, на которой находятся Калифорния, Техас и другие штаты, вооруженным, коварным путем были захвачены у Мексики, но мексиканцы этого не забыли и вряд ли когда-нибудь забудут.

США захватывали чужие территории не только с помощью оружия. Они действовали и мечом, и долларом. Но, приобретая землю за деньги, Соединенные Штаты покупали ее, как правило, у тех, кто владел ею лишь номинально. Самая большая территория, которую США приобрели за деньги, это Луизиана, купленная в 1803 г. у Наполеона за 15 млн. долл. Луизианой тогда назывались нынешние земли между Миссисипи и Скалистыми горами, за исключением Техаса и Нью-Мексико,— свыше $^1/_4$ нынешней территории страны. До Семилетней войны (1756—1763 гг.) Луизиана принадлежала Франции, потом отошла к Испании , а в 1800 г. Испания вернула ее Франции.

Ни Франция, ни Испания никогда эту обширную территорию не осваивали и не знали, где она начинается и где кончается. Все эти просторы занимали индейцы, с которыми малочисленные и редкие французские и испанские гарнизоны сталкивались мало, и земель у них не отнимали.

Иное положение создалось, когда Луизиана отошла к Соединенным Штатам. Началось заселение этого края, индейцев безжалостно сгоняли с их земли. Почти целый век США вели против них войны, пока не завладели всей территорией. Индейцы отчаянно сопротивлялись, неоднократно наносили серьезный урон войскам США. Окончательно они сложили оружие в конце прошлого века, после того, как на Западе дали последний бой завоевателям. Таким образом, основные земли, официально приобретенные за доллары, фактически также были завоеваны огнем и мечом. Воинственность, стремление к захватам, которые в господствующих кругах США столь активно проявились в 90-х годах и привели к войне с Испанией, имели к этому времени уже вековую традицию.

В начале XX в., к столетию покупки Луизианы, в Сент-Луисе открылась всемирная выставка, иллюстрировавшая достижения заатлантической республики, в частности — штатов, расположенных к западу от Миссисипи. Выставка заняла площадь в 500 га. Она стоила 50 млн. долл., превысив более чем в 3 раза сумму, выплаченную столетием раньше за Луизиану. Ко времени открытия выставки на земле прежней Луизианы существовали 14 штатов, которые производили половину мяса и больше половины хлеба в стране. В западных районах этих штатов разрабатывались богатые месторождения цветных и драгоценных металлов.

Как и территория, население США росло в XIX в. быстрее, чем почти во всех других странах. В 1800 г. оно составляло

5 308 тыс., а в 1900 г.—76 млн. человек. За 100 лет оно возросло более чем в 14 раз. В каждом десятилетии XIX в. численность населения увеличивалась более чем на 20%, а в 40-х годах этот процент превысил 35[12]. К началу XX в. население США росло быстрее в 2 раза, чем население Германии, и в 3 раза, чем население Англии. Быстрый рост населения в большей мере был обязан иммиграции, которая сильно увеличилась в 40-х годах. С тех пор до конца XIX в. в США эмигрировало 18 млн. 500 тыс. человек, из них более 5 млн.— за одни 80-е годы.

Белое население США к концу XIX в. состояло из иммигрантов и их потомков. Авраам Линкольн в свое время подчеркнул, что туземцами в Америке являются только индейцы. Для подавляющего большинства эмигрантов переезд через океан не только в начале и в середине века, когда еще курсировали парусные корабли, но и позже был связан со значительными трудностями и лишениями. Лишь наиболее смелые и предприимчивые решались расставаться с родными краями, пересекать океан и строить в тяжелых условиях новую жизнь в далекой чужой стране. В результате иммиграция имела не только количественное, но и качественное значение. Она привела в Америку миллионы энергичных, находчивых, изобретательных людей.

В 1913 г. В. И. Ленин писал: «Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»[13].

В июне 1900 г., согласно двенадцатому цензу, из 76 млн. 303 тыс. человек населения 67 млн. относилось к белому населению, а 9 млн.— к цветному. Из белого населения лишь 61% родились в Америке. Иммигранты и их дети составляли 39% белого населения страны. Среди взрослого населения этот процент был еще выше. В возрасте свыше 21 года иммигранты и их дети составляли 44% белого населения.

Из 26 млн. белых иммигрантов, насчитывавшихся в США в 1900 г., выходцы из Германии составляли 30%, из Ирландии — 19, из Англии —12, из Скандинавии —8, из России и Польши — 5%. В следующем десятилетии положение резко изменилось. Если в 1900 г. выходцев из России числилось всего около 0,5 млн., то в 1901—1910 гг. из России в Америку эмигрировали уже 1 млн. 600 тыс.[14]

Почти 90% иммигрантов проживало в 15 штатах. В штате Нью-Джерси американцы иностранного происхождения составляли в 1900 г. 54,4% всего населения, в Коннектикуте — 58,2%, в Нью-Йорке —60,1, в Массачусетсе —62,7, в Род-Айлэнде —65,4, в Иллинойсе —52, в Монтане —58,9, в Мичигане —57,1, в Висконсине —71,5, в Миннесоте —75,5, а в Северной Дакоте —78,9%.

[12] Все цифры, касающиеся населения, в данной главе взяты из книги: «Abstract of the Twelfth Census of the United States». Washington, 1904.
[13] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 24, с. 91.
[14] «Statistical Abstract of the United States», 1930, p. 37, 95.

В Калифорнии и трех штатах Скалистых гор — Аризоне, Неваде и Юте — американцев иностранного происхождения также было более половины всех жителей.

В южных штатах, где широко применялся дешевый труд негров, иммигрантов было очень мало. В Виргинии, Северной и Южной Каролине, Джорджии, Алабаме, Миссисипи, Арканзасе и Теннесси жители, которых относили к лицам иностранного происхождения, составляли менее 5% белого населения этих штатов.

Немцы, которых насчитывалось 30% всего населения иностранного происхождения в Америке, были сосредоточены в трех восточных промышленных штатах — Нью-Йорке, Пенсильвании и Нью-Джерси — и в центральных промышленных и аграрных штатах — Мичигане, Иллинойсе, Висконсине, Огайо, Индиане, Айове, Миссури, Канзасе и Небраске. В штате Нью-Йорк числилось свыше 1 млн. 200 тыс. немцев, в Пенсильвании — около 650 тыс., а в перечисленных центральных штатах — 4,5 млн. Ирландцы селились в Нью-Йорке, где их было около 1 млн. 200 тыс., и в промышленных районах Новой Англии, где их насчитывалось до 1 млн. Они составляли значительные группы также в крупных городах Иллинойса, Огайо и Калифорнии. Вообще ирландские иммигранты осели почти исключительно в больших городах.

В отличие от ирландцев, скандинавы оседали, как правило, в сельских районах — в Миннесоте, Висконсине, Северной и Южной Дакоте, Иллинойсе и Айове. В Миннесоте и Северной Дакоте скандинавы в 1900 г. составляли около 30% всего населения.

За исключением выходцев из Скандинавии и частично немцев и чехов, иммигранты устраивались в основном в городах. В 1900 г. в городах с населением в 25 тыс. человек и выше более $^1/_4$ их жителей родилось за границей. В населенных пунктах до 25 тыс. человек число жителей, родившихся за границей, составляло менее 10%.

В прошлом в США приветствовали иммигрантов. В 1864 г. федеральное правительство создало специальное бюро для поощрения иммиграции. Вслед за тем ряд западных штатов, в частности Висконсин и Миннесота, создали свои бюро с агентствами за границей с целью привлечения эмигрантов из Европы в их штаты. Быстрый рост промышленности и сельского хозяйства в последней трети XIX в. был бы немыслим без использования труда многих миллионов иммигрантов.

Вместе с развитием промышленности и увеличением численности рабочего класса в США росло рабочее движение, возникали политические организации рабочего класса. Еще в 1869 г. появились первые организации Международного общества рабочих. В 1872 г. в Нью-Йорке состоялся конгресс Североамериканской федерации Первого Интернационала. В том же году было решено перенести штаб-квартиру Генерального Совета Интернационала из Лондона в Нью-Йорк. Секции Международ-

ного общества рабочих в США состояли из немецких и других эмигрантов из Европы, привезших в Америку идеи научного социализма. Иммигранты играли активную роль в возникших впоследствии социалистических партиях, а также в стачках, ставших историческими. Это дало повод американским капиталистам утверждать, что рабочее движение и социалистические идеи — зло иностранного происхождения, что иммигранты распространяли радикальные, разрушительные доктрины.

С конца 80-х годов в стране стали раздаваться голоса об ограничении иммиграции и об установлении контроля над ней. Эти настроения усиливались в 90-х годах и в первые годы XX в. Неприязненному отношению к иммиграции содействовали два обстоятельства: изменение ее состава и исчезновение свободных земель, которые привлекали некоторые слои рабочих, стремившихся стать независимыми фермерами.

Генри Лодж бил тревогу, заявляя, что организации иностранцев «опасны для закона и порядка и враждебны всем американским институтам» [15].

Созданная в 80-х годах Американская федерация труда (АФТ), заботившаяся только о верхушке рабочего класса, обвиняла иммигрантов в конкуренции на рынке труда. Председатель АФТ Гомперс рассматривал эту конкуренцию как величайшую угрозу в наступавшем веке [16].

Первые официальные ограничения иммиграции коснулись китайцев, искавших заработков на тихоокеанском побережье США. Еще в 1868 г. между Вашингтоном и Пекином было заключено соглашение, названное Бурлингамским, которое предусматривало беспрепятственную миграцию китайцев в США и обратно. С ростом их численности в Калифорнии началась кампания за отмену этого соглашения. Уже в 1871 г., в разгар расовой ненависти, в Лос-Анджелесе линчеванию подверглись 15 китайцев. В 1882 г. конгресс принял закон, запрещающий иммиграцию китайских рабочих в течение 10 лет. В 1892 г. этот запрет был продлен еще на 10 лет, а в 1902 г.— стал бессрочным.

В 90-х годах конгресс делал попытки контролировать состав иммигрантов, прибывающих и из Европы. В частности, в 1891 г. член палаты представителей Генри Лодж внес законопроект, требующий установления для иммигрантов образовательного ценза. Однако конгресс отклонил предложение Лоджа. Через пять лет, в 1896 г., Лодж, уже будучи сенатором, вновь внес в конгресс билль об иммиграции. На сей раз конгресс его одобрил. Но президент Кливленд за два дня до ухода из Белого дома, 2 марта 1897 г., наложил вето на этот закон. Однако активность Лоджа и его приверженцев в конгрессе продолжалась: наряду с требова-

[15] Цит. по: *Hacker L., Kendrick B.* The United States since 1865. N. Y., 1932, p. 141.
[16] *Sullivan M.* Op. cit., vol. I, p. 372.

ниями установления образовательного ценза и проведения медицинского осмотра эти представители наиболее реакционных кругов, опасавшихся новых социальных идей, особенно настаивали на проверке политической благонадежности иммигрантов. Лодж требовал оградить США от «ультрасоциалистов».

В 1903 и 1907 гг. были установлены новые правила проверки иммигрантов. В 1907 г. конгресс решил создать специальную комиссию для детального изучения всей проблемы иммиграции. В 1911 г. комиссия опубликовала результаты своих работ в 40 с лишним томах. В числе ее предложений выделялся пункт, гласивший, что «иммиграция должна быть качественно и количественно такой, чтобы не создавалось больших затруднений для процесса ассимиляции». Комиссия заключила, что необходимо усилить отбор иммигрантов, не останавливаясь перед тем, что это может привести к снижению темпов промышленного роста.

Конгресс неоднократно принимал законы об иммиграции, которые, как и в прошлом, содержали требование установления образовательного ценза. Однако исполнительная власть не соглашалась с решением конгресса. Так, в 1913 г. на такой билль наложил вето президент Тафт, а в 1915 и 1917 гг.— Вильсон. В то же время в 1917 г. вступил в силу закон, запрещающий иммиграцию выходцев из всех стран Азии.

Первая мировая война резко сократила наплыв иммигрантов из Европы. В 20-х годах иммиграционные законы пересматривались несколько раз. В 1929 г. была установлена годовая квота всей иммиграции — 150 тыс. человек. Но и эта квота, которая сократила иммиграцию во много раз, была обставлена, как увидим в дальнейшем, такими формальностями, что и она не заполнялась. Во всяком случае, для рабочих из континентальной Европы, которые ранее составляли основную массу иммигрантов в США, двери в эту страну, за редким исключением, были закрыты.

Иммиграция до поры до времени в известной мере смягчала негритянскую проблему. Многомиллионная масса людей, прибывавшая из Европы, уменьшала в XIX в. удельный вес негров в населении страны. Третий ценз (1810 г.) показал, что негры составляли 19% населения США. К 1860 г. этот процент снизился до 14,1, к 1880 г.— до 13,1, а к 1900 г.— до 11,6. В дальнейшем, с резким сокращением иммиграции, ожидали, что удельный вес негритянского населения не только не будет падать, а несколько повысится, так как в абсолютном выражении оно растет быстрее, чем белое.

В 1900 г., согласно двенадцатому цензу, цветное население состояло из 8 млн. 834 тыс. негров, 90 тыс. китайцев, 24 тыс. японцев и 237 тыс. индейцев. Китайцы и японцы не представляли проблемы. Их было немного. Въезд китайцев был запрещен, а японцев — чрезвычайно затруднен. К тому времени бывшие

хозяева Западного полушария, гордые аборигены Америки, стали причинять все меньше беспокойства белым завоевателям. С каждым цензом их численность убывала. Их стали называть вымирающими племенами. Только с 1880 до 1890 г. численность индейцев сократилась на 11,4%. В 1890 г. их насчитывалось 248 тыс., а в 1900 г.— 237 тыс. человек.

Из всего цветного населения США к началу нового века лишь негры представляли проблему, растущую, обостряющуюся, актуальную в настоящем и еще более важную в будущем. Около 90% негров жило на Юге. В южных штатах расовая ненависть белого населения достигла большего накала, чем рабовладельческой аристократии до гражданской войны. В пяти южных штатах негры в 1900 г. составляли более 45% населения, а в двух штатах — почти 60%: в Южной Каролине 58,4% всего населения, а в Миссисипи — 58,5%. В 88 графствах, образующих единый массив в шести штатах от Южной Каролины до Луизианы, численность негров была более чем в 2 раза выше численности белого населения. В отдельных графствах белое население составляло незначительное меньшинство. В одном графстве штата Арканзас негры превышали численность белых в 6 раз, в одном графстве в Южной Каролине — в 10 раз, а в одном графстве в Миссисипи в 16 раз. Везде негры были наиболее эксплуатируемыми людьми, составляя на плантациях Юга основную массу издольщиков, плативших, как и крепостные, арендную плату частью урожая.

Во всех южных штатах негры были абсолютно бесправны. 15-я поправка к конституции США запрещает лишение права голоса по признаку расы или цвета кожи. Законы отдельных штатов обошли федеральную конституцию. Они установили для пользования правом голоса образовательный ценз и другие условия, лишившие основную массу негритянского населения избирательных прав. К этим условиям относились «хорошее поведение», «регулярная работа», сознательность, «способность понимать конституцию штата» и др. Экзаменаторы и регистраторы на Юге состояли исключительно из белых; их задача заключалась в том, чтобы не допустить негров к избирательным урнам.

С наступлением XX в. многие видели, что индустриализация Юга и рост миграции негров на Север изменят их социальный состав, увеличат в их среде процент промышленных рабочих, повысят грамотность негритянского населения. Это в свою очередь приведет к усилению его борьбы за равноправие. Если в XIX в. негритянский вопрос существовал на Юге, то к началу XX в. он стал приобретать все большее значение и на Севере.

Иммиграция, ускорившая рост численности населения страны, содействовала расширению старых и возникновению новых городов.

За последние 30 лет XIX в. население США удвоилось, число городов, насчитывающих 200 тыс. человек и более, выросло с 7

до 19, а общая численность их населения поднялась с 3 млн. 360 тыс. до 11 млн. 800 тыс. За эти 30 лет население, например, Балтимора увеличилось с 267 тыс. до 509 тыс., Филадельфии — с 647 тыс. до 1294 тыс., Бостона — с 251 тыс. до 561 тыс., Сан-Франциско — с 118 тыс. до 352 тыс., Нью-Йорка — с 1 млн. 478 тыс. до 3 млн. 437 тыс., Чикаго — с 299 тыс. до 1 млн. 098 тыс.

Особенно выросли за это время новые города на западе: в Миннеаполисе, насчитывавшем в 1870 г. 13 тыс. жителей, их число увеличилось до 203 тыс. в 1900 г., в Лос-Анджелесе, где проживало 6 тыс. человек в 1870 г., спустя 30 лет было уже 100 тыс. Население Денвера, составлявшее в 1870 г. менее 5 тыс., дошло к двенадцатому цензу до 134 тыс., а в Сиэтле за это время число жителей выросло с одной до 81 тыс.

Вступление США в XX век совпало с окончанием своеобразного периода их истории.

Движение населения на Запад, на свободные земли, завершилось. Вместе с исчезновением свободных земель начали меняться нравы и обычаи, установленные поселенцами пограничных штатов.

Важнейшим стимулом, питавшим вековое движение человеческого потока с Востока на Запад, была земля. Каждый здоровый, достаточно сильный человек, способный преодолеть невзгоды дикого необжитого края и устоять в борьбе с индейцами, мог получить бесплатно или на льготных условиях участок земли — в размере 64 га (гомстэд) и стать самостоятельным фермером с земельным владением, считавшимся в Европе поместьем. Не меньше манила и свобода необъятного Запада.

В течение столетия освоения богатейшего края на Западе вырабатывались свои традиции, нравы, нормы и уклад жизни. Переселенцы, прокладывавшие путь через леса и прерии, передвигавшие рубежи все дальше и дальше на запад, были индивидуалистами, нетерпимыми к ограничениям, налагаемым законами и властями. У них складывались свои правила и своя этика.

Богатейшие земли Запада давали обильные урожаи хлебов, леса — строительный материал, а стада бизонов — неограниченное количество мяса. Энергичным, предприимчивым и вместе с тем суеверным и легковерным переселенцам казалось, что богатства и возможности Запада неисчерпаемы.

В течение столетия свободные земли были отдушиной для энергичных людей, недовольных ограничениями, буржуазными порядками, капиталистической эксплуатацией на востоке страны. Каждый молодой человек, не желавший быть наемным рабочим или клерком, каждый, кого не устраивало подчинение хозяину или начальнику, имел возможность «уйти на Запад», чтобы стать независимым фермером и добывать свой хлеб тяжелым трудом, простыми доступными способами и средствами, известными с древнейших времен.

Вести о свободном Западе доходили до Европы, и оттуда через океан и Аллеганы устремились проповедники утопического социализма — свои идеи они пытались претворить в жизнь на просторах американского Запада. Обилие дешевых земель, находящихся вдали от промышленных центров и надзора властей, при умеренном климате делало эти территории главной ареной всякого рода социальных экспериментов. «В течение минувшего столетия,— писал историк М. Хилкуит,— в различных частях Соединенных Штатов существовало несколько сотен коммунистических обществ, и количество людей, принимавших в то или иное время участие в этих экспериментах, исчисляется сотнями тысяч» [17].

Свободные земли достались не только фермерам. Многие миллионы гектаров земельных массивов были расхищены железнодорожными и другими компаниями, которые захватили не только землю, но и богатства ее недр. XIX век принес американскому капиталу такое первоначальное накопление, какого не знала ни одна колониальная держава. История обогащения большинства американских архимиллионеров и миллиардеров связана с железнодорожными манипуляциями и аферами, с расхищением общественных земель.

Заселению Запада содействовали трансконтинентальные железные дороги. Но его целину подняли, его девственные земли вспахали и обработали миллионы сельских тружеников.

С окончанием XIX в. закончилась романтика Запада, завершился период освоения щедрых природных богатств. Прекращение массового передвижения на свободные земли имело серьезные социально-экономические последствия как на западе, так и на востоке страны [18]. Уже в конце XIX в. западный фермер, как мы видели, все больше втягивался в водоворот капиталистической конкуренции, все больше попадал в зависимость от внутреннего и мирового рынка, от железнодорожных и заготовительных компаний.

Не меньшими были изменения и на востоке страны, где поколениями целинная, обетованная земля на западе в представле-

[17] *Хилкуит М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1919, с. 14.

[18] «Постоянное сокращение открытой границы,— пишет профессор Шлезингер,— происходившее со времени гражданской войны до 90-х годов, означало исчезновение той социальной силы, которая была крепка в Америке начиная с ранних времен. Бедняк, будь то храбрый и честолюбивый человек, или чем-то недовольный, всегда мог, перебравшись на Запад, избавиться от угнетающих условий в старых частях страны. Запад служил источником экономического оздоровления и колыбелью крепкого американизма. Больше того, перемещение беспокойных и недовольных умов из центральных восточных районов в страну больших возможностей действовало как предохранительный клапан, сдерживающий социальные недовольства» (*Schlesinger A.* Political and Social History of the United States. N. Y., 1927, p. 278).

нии широких народных масс ассоциировалась с перспективой избавления от гнета капитала и возможностями строительства независимой жизни в краю изобилия.

Освоение Запада страны создавало особые возможности для перехода из низших в высшие классы. Крупнейший владелец сталелитейных заводов конца прошлого века Эндрю Карнеги был сыном ткача. Железнодорожный магнат Хилл, который в 90-х годах владел сетью железных дорог на севере США, вплоть до Тихого океана, а также большим торговым флотом, доставлявшим грузы с его железных дорог прямо в Гонконг, Шанхай и Иокогаму, начал свой труд как приказчик в деревенской лавке. С такого же уровня — с помощника бухгалтера с окладом 200 долл. в год — стал развивать свою активность Джон Рокфеллер, впоследствии — самый богатый человек в истории США и, возможно, в мировой истории.

Известный американский социолог Райт Милс приводит данные, свидетельствующие, что в 1900 г. 39% крупнейших богачей США были выходцами из низших слоев населения. В XX в. этот процент резко сократился. К 1950 г. он снизился до 9[19]. Однако возникшая в прошлом легенда о безграничных возможностях в США продолжает по инерции жить и поныне.

Известную роль в своеобразном развитии не только политической, но и экономической истории США XIX в. сыграло отсутствие милитаризма в тот период XIX в. Американские историки не раз старались доказать преимущества отсутствия всеобщей обязательной воинской повинности, которая связана с большими непроизводительными расходами и отрывом от полезного труда молодых людей в самые цветущие годы. В этом смысле Америка в прошлом выгодно отличалась от Европы. Однако к концу XIX в., когда Соединенные Штаты превращались в империалистическую державу, появились новые взгляды на армию. Так, в сентябре 1897 г. идеолог империализма Мэхэн в статье «Перспективы двадцатого века», признавая, что в экономическом отношении армия — это бремя для народа, говорил о большом воспитательном значении всеобщей обязательной воинской повинности, а это, по его мнению, важнее ее отрицательных сторон. Служба в армии, утверждал Мэхэн, является для молодежи школой порядка, подчинения и дисциплины, а казарма тренирует и готовит к будущей активной жизни не хуже, чем колледж[20]. Так у порога XX в. теоретик американского империализма проповедовал превращение США в милитаристское государство.

Почти до конца XIX в. в экономике США преобладало сельское хозяйство. В сельском хозяйстве наряду со свободными землями, крупными размерами фермерских хозяйств, а также благоприятными природными условиями, как и в промышленно-

[19] *Милс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 143—144.
[20] «Harper's New Monthly Magazin», September 1897, p. 524—525.

сти, сказывался своеобразный отбор рабочей силы. К началу XX в. средний американский фермер, сеявший пшеницу, производил зерна в 3 раза больше, чем соответствующий английский фермер, в 4 раза больше, чем французский, и в 5 раз больше, чем средний немецкий крестьянин.

В молодой американской промышленности производительность труда также была намного выше, чем в Европе.

Немалую роль в росте производительности труда сыграло то большое внимание, которое уделялось развитию общего и технического образования. К началу нового века расходы на образование в США (в среднем на душу населения) превышали примерно в 2,5 раза соответствующие расходы Англии и Германии — стран, которые занимали в этом отношении первое место в Европе[21]. В 1900 г. неграмотные в возрасте от 10 лет и старше составляли среди белого населения лишь 6%. Среди цветного населения в силу расовой политики этот процент был высок: у негров он был равен 45, а у индейцев — 56[22]. Но индейцы практически не участвовали в экономической жизни, не имели никакого значения для народного хозяйства, а негры тогда использовались почти исключительно на неквалифицированной работе — в основном в сельском хозяйстве и в качестве домашней прислуги.

К концу XIX в. в США функционировали свыше 60 колледжей, готовивших специалистов по сельскому хозяйству. Каждый штат имел не меньше одного такого колледжа. При колледжах для фермеров создавались краткосрочные курсы усовершенствования. Кроме того, в соответствии с федеральным законом 1887 г. в каждом штате — обычно при колледжах — были созданы опытные сельскохозяйственные станции. Наряду с этим правительство США выделяло средства для поездок большого числа специалистов во все части света с целью изучения достижений сельского хозяйства в других странах. Только за один 1904 г. США ввезли из разных стран около 1500 новых сортов семян и растений[23]. Как за 146 лет до нашего летосчисления римский сенат приказал перевести на латинский язык 28 томов, описывающих достижения земледелия, захваченных в разрушенном Карфагене, так на рубеже XIX и XX столетий каждый штат соревновался в заимствовании положительных результатов в ведении сельского хозяйства другими народами.

США вступили в XX век с промышленностью, которая по стоимости своей продукции намного превышала стоимость продукции сельского хозяйства. Но сельское хозяйство все еще занимало большое место в экономике, а аграрные штаты играли

[21] «North American Review», October 1902, p. 545.
[22] «Abstract of the 12th Census of the United States», p. 16.
[23] *Bogart E.* Economic History of the American People. N. Y., 1935, p. 522; *Hacker L., Kendrick B* Op. cit., p. 177—178.

значительную роль в политике. В 1900 г. сельское население США по численности в 1,5 раза превысило городское. В населенных пунктах, насчитывавших 8 тыс. и более человек, тогда проживало лишь $^1/_3$ населения страны. В 90-х годах около 70% стоимости экспорта США составляли продукты сельского хозяйства.

Во второй половине XIX в. обрабатываемая площадь в стране увеличилась почти в 4 раза. За это время удельный вес США в мировом производстве пшеницы вырос более чем в 2 раза. В 1900 г. США дали 23% всего мирового сбора пшеницы. В 1860—1900 гг. сбор кукурузы увеличился более чем в 3, пшеницы — почти в 4, овса — в 5,5, а ячменя — в 7,5 раза.

Рост продукции происходил главным образом за счет расширения обрабатываемой площади. До конца XIX в. сельское хозяйство продолжало оставаться экстенсивным. С 80-х годов на фермах США стали усиленно внедряться машины. По оценкам цензa уже в 1880 г. около 80% урожая пшеницы были убраны жатвенными машинами. Сельскохозяйственные машины до начала XX в. были на конной тяге. В 1900 г. на фермах США имелось 24 млн. лошадей и мулов. Лишь в XX веке, с распространением автомобилей, а потом и тракторов, сельскохозяйственные машины также получили механические двигатели.

В последние десятилетия XIX в. в американском земледелии наблюдались не только количественные изменения. По мере продвижения железных дорог к Тихому океану фермерское хозяйство на Западе превращалось из самоудовлетворяющегося в монокультурное. К концу века фермер, как правило, продавал все, что производил, и покупал все, что потреблял. Его хозяйство стало капиталистическим, и его судьба теперь полностью зависела от внутреннего и мирового рынка. Хороший урожай в других частях света вызывал падение цен, разорял массу американских фермеров, тех фермеров, которые не выдерживали капиталистической конкуренции.

В течение 30 лет, предшествовавших президентству Маккинли, в США наблюдалось общее падение цен на сельскохозяйственные продукты. Капиталистическое ведение сельского хозяйства дало свои плоды. Несмотря на большие участки плодородной земли, на широкое использование машин и рабочего скота и на другие преимущества сельского хозяйства, большинство американских фермеров имело низкий доход. Согласно двенадцатому цензу, в 1899 г. $^3/_5$ всех ферм имели валовую продукцию менее чем в 500 долл., а около $^1/_3$ — менее чем в 250 долл.[24] Разоренные фермеры, задавленные долгами, превращались из собственников в арендаторов. К 1900 г., как мы видели, более 35% ферм находились в руках арендаторов[25].

[24] *Leroy-Beaulien P.* The United States in the Twentieth Century. N. Y., 1906, p. 83.

[25] *Bogart E.* Op. cit., p. 520.

В результате в конце XIX в. в аграрных штатах росло недовольство, возникало фермерское движение протеста.

С конца XIX в. в хозяйстве США стала преобладать промышленность. В дальнейшем ее удельный вес в экономике страны увеличивался с каждым годом. За вторую половину века стоимость валовой продукции обрабатывающей промышленности возросла в 13, а чистой продукции — в 12 раз. Промышленный подъем обеспечил большой рост национального богатства. За последние 20 лет XIX в. национальное богатство США увеличилось в 2,5 раза — с 43 млрд. 642 млн. долл. в 1880 г. до 91 млрд. в 1900 г.[26]

В 1900 г. сельское хозяйство по занятости еще занимало первое место. В нем работало 36% самодеятельного населения страны, в промышленности — 24%, в торговле и на транспорте — 16%. В дальнейшем удельный вес самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве США, уменьшался.

Индустриализация страны не только увеличила, но и изменила структуру экспорта. За одно последнее десятилетие XIX в. экспорт США увеличился в 3 раза. За три года, с 1900 до 1902, общая стоимость экспорта США выросла по сравнению с 1880—1882 гг. на 72%, стоимость сельскохозяйственного экспорта на 34%, а промышленного — на 250%.

За вторую половину XIX в. население США утроилось. Общая продукция сельского хозяйства выросла за это время более чем в 3 раза. Между тем капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность, увеличился за эти 50 лет в 19 раз, а число рабочих — в 5,5 раз. С 1860 г. до конца века в США выпуск промышленной продукции увеличился примерно в 7 раз (в Германии — в 2 раза, в Англии — в 1,5 раза).

В США существовали благоприятные условия, обеспечившие быструю индустриализацию страны: обширная территория, не разделенная, как в Европе, на ряд государств с национальными валютами и таможенными барьерами; быстрый рост населения, расширявший внутренний рынок; рост капиталистических ферм, увеличивший спрос на предметы промышленного производства; обилие естественных ресурсов, в частности громадных запасов угля, железной руды, нефти и т. д.; большой приток отборной, как мы уже отметили, рабочей силы и капитала из-за границы; строительство трансконтинентальных железных дорог и др. Ко всему этому следует добавить, что в Америке не было, в отличие от Европы, средневековых, феодальных каст, привычек и традиций, продолжавших сковывать инициативу широких слоев народа и в эпоху капитализма. В Америке легче и быстрее, чем в Европе, внедрялись машины, поощрялись изобретения и новшества, распространялись технические знания.

Новый век наступил как эпоха стали и электричества, без

[26] «North American Review», July 1900, p. 103.

которых в дальнейшем были бы невозможны механизация, стандартизация и массовое производство. Если к 70-му году XIX в. стали производилось менее 70 тыс. тонн в год, то к концу века ее объем превысил 10 млн. т в год. В 1880 г. менее $^1/_3$ производимого в США чугуна было превращено в сталь, а в 1900 г.— $^4/_5$.

Использование электричества как источника энергии находилось в конце XIX в. еще в начальной стадии. В 1900 г. в стране работала лишь 1 электростанция мощностью свыше 5 тыс. л. с. Через четверть века ток давали более 50 электростанций мощностью свыше 100 тыс. л. с. каждая. В 1902 г. в США было произведено 4 млрд. 768 млн. квт-ч электроэнергии. К 1930 г. эта цифра дошла до 100 млрд., а в 1965 г. перевалила за 1 триллион.

Подобная же картина наблюдалась в развитии автомобильного транспорта. Конец XIX в. был лишь предысторией. В сентябре 1892 г. на улицах Чикаго появилась «самодвижущаяся телега», вызвавшая такой интерес и такое любопытство публики, что потребовалось вмешательство полиции, чтобы освободить дорогу. Это был первый автомобиль в Америке. Он работал на электрическом аккумуляторе и принадлежал Уильяму Моррисону из города Де-Мойн. Хотя автомобиль чаще всего ассоциируется с США, это европейское, а не американское изобретение. Еще в 1874 г. в Лондоне Дэвид Саломонс создал автомобиль, работавший на электрических батареях. В 1885 г. в Германии Карл Бенц построил первый автомобиль с бензиновым двигателем. В 1892 г. во Франции автомобиль впервые в мире получил пневматические шины. Америка заимствовала плоды творческого труда европейских изобретателей и превратила автомобиль в символ своих производственных и технических успехов.

До 1905 г. в Англии автомобилей было больше, чем в Америке. Но в Англии, как и на континенте Европы, автомобили тогда еще делались кустарно и вручную. Между тем в Америке к этому времени уже начали их производить на специальных станках, которые имелись на отдельных заводах.

История американской автомобильной промышленности больше всего связана с жизнью и деятельностью Генри Форда. Впервые Форд собственноручно построил автомобиль в 1892 г. Но он считается не первым, а третьим создателем этой машины в США. Первая американская автомобильная компания возникла в 1896 г. За последующие 10 лет появилось более 1000 таких компаний. К концу первой четверти XX в. из них уцелели лишь 15.

В 1900 г. в Нью-Йорке была организована первая автомобильная выставка. Более $^1/_3$ площади выставки занимали автомобили, работавшие на электрических аккумуляторах, а почти все остальное пространство было заставлено автомобилями с паровыми двигателями. Но вскоре бензиновый двигатель быстро вытеснил своих конкурентов.

В 90-х годах автомобили в США, как и в Западной Европе, строились по индивидуальным заказам. Первый автомобильный завод в Америке, выпускавший серийную продукцию одной модели, был построен фирмой Олдса в Детройте в 1900 г. В первый год он выпустил 400, а в третьем году — уже 4 тыс. машин. Этот завод положил начало американскому массовому производству в XX в. Компания Форда, ставшая символом массового производства, была основана в 1903 г.

В 1895 г. в США было около 300 автомобилей, в 1900 г.— 8 тыс., в 1910 г.— 468 тыс., в 1920 г.— свыше 9 млн., а в 1972 г. более 106 млн., из них — 86,4 млн.— легковых.

По мере роста числа автомобилей строились и улучшались дороги. В 1900 г. в США было менее 10 миль асфальтированных дорог, а через четверть века их протяженность превысила 20 тыс. миль.

В 1900 г. на фабриках и заводах 10-часовой рабочий день и 60-часовая рабочая неделя считались общепринятыми. Заработная плата в Америке была лишь немного выше, чем в Европе. В 1900 г. средний годовой заработок рабочего и членов его семьи составлял у углекопов в США 550, в Англии 495 и в Германии 391 долл.; в сталелитейной промышленности — 663 долл. в США, 4589 долл. в Англии [27].

В конце века заработная плата американского рабочего не только не росла, но даже сокращалась. В 1900 г. общее число рабочих в фабричной промышленности США увеличилось по сравнению с 1890 г. на 25%, а общая сумма заработной платы выросла лишь на 23%. В 1890 г. среднегодовая заработная плата в обрабатывающей промышленности США равнялась 445 долл., а в 1900 г.—438 долл. [28]

Такое положение объяснялось главным образом тем, что в стране усилился приток иммигрантов из тех стран, где заработная плата была ниже, чем в США. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться капиталисты. Указывали также на другие причины, например на рост удельного веса неквалифицированных рабочих в промышленности. Но как бы то ни было в период расцвета американского капитализма, в годы, когда промышленное производство США заняло первое место в мире, статистика отметила процесс не только относительного, но и абсолютного обнищания пролетариата.

Двенадцатый ценз отразил изменения не только в структуре и численности рабочего класса, но и в характере американского капитализма. Производство все больше концентрировалось в руках монополий, трестов.

[27] *Leroy-Beaulien P.* Op. cit., p. 331—332.
[28] Ibid., p. 326.

2. Правда о трестах

Концентрация производства. Рост монополий. Исследование Муди. Крупнейшие тресты. Железнодорожные короли. Дома Рокфеллера и Моргана. Сговор Рокфеллера с железнодорожными компаниями. Захват нефтепроводов. Крушение соперников. Взрыв в Буффало. «Школа» коррупции. Место в сенате — за доллары. «Питомники» архимиллионеров. «Антитрестовские» законы. Власть монополий.

Последние годы старого и первые годы нового века ознаменовались в США созданием и развитием крупных монополий, господствовавших в экономике США на протяжении последующих десятилетий. В. И. Ленин писал: «Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века.»[29]. Ленинские слова верны и для Соединенных Штатов Америки.

В последние десятилетия XIX в. американская промышленность с каждой переписью все более концентрировалась. В 1870 г. средний капитал предприятия в обрабатывающей промышленности равнялся 6 тыс. 720 долл., а в 1900 г.— 19 тыс. 20 долл. На предприятиях сельскохозяйственных машин эти цифры соответственно составляли 16 тыс. 800 и 220 тыс. 600 долл., в хлопчатобумажной промышленности — 147 тыс. и 443 тыс. долл., в производстве железа и стали — 162 тыс. и 858 тыс. долл.[30]

Ленин отмечал, что «концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии»[31]. В США переход к монополиям облегчался и ускорялся тем, что производство концентрировалось не только на крупных предприятиях, но и в большей мере, чем в Европе, в крупных корпорациях. В 1900 г. корпорации, которым принадлежало лишь 12,7% предприятий обрабатывающей промышленности, дали 64,6% всей ее продукции. В судостроительной промышленности этот процент дошел до 74, в химической — до 81, в металлургии — до 84, в хлопчатобумажной — до 90[32].

Наиболее крупные корпорации превращались в монополии. В конце XIX и начале XX в. монополии в деловых кругах США чаще всего были известны как тресты, вернее, трестами называли любое капиталистическое объединение, стремившееся к монополии в промышленности, на транспорте, в области связи и в коммунальном хозяйстве.

К началу XX в. тресты, по утверждению известного историка американской экономики Богарта, «контролировали более или менее полно добычу нефти, антрацита и соли, производство табака, сахара, растительного масла, чугуна и стали, меди, паро-

[29] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 315.
[30] *Bogart E.* Economic History of the American People. N. Y., 1935, p. 566; *Sullivan M.* Our Times, vol. II. N. Y., 1927, p. 264.
[31] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 311.
[32] *Leroy-Beaulieu P.* N. Y., 1906, p. 190—191, 194.

ходов, говядины, крахмала, муки, конфет, жевательной резинки, льда, глюкозы, печенья, спичек, виски, удобрений, консервных банок, сельскохозяйственных машин, паровозов, писчей бумаги, школьной мебели, канализационных труб, стеклянных изделий, резиновых товаров, пуговиц, кожаных изделий, электроаппаратуры и др.» [33].

В 1904 г. в Нью-Йорке было опубликовано исследование Джона Муди «Правда о трестах» [34]. Муди выступил как защитник трестов. Его не трогало то, что тресты разоряют фермеров, устанавливают монопольные цены на товары и грабительские тарифы на железных дорогах, то, что в результате активной деятельности концентрированного капитала в 90-х годах, как мы видели, снижалась заработная плата, а также то, что монополии стали движущей силой внешнеполитической экспансии.

Муди, правда, признает, что «термин «монополия» противен более или менее всем». Он также признает, что «концентрация контроля над богатством несомненно представляет собой проблему, серьезность которой невозможно скрывать или умалчивать». Но вместе с тем он приходит к заключению, что тресты, организованные на базе концентрации производства, дали США «возможность создать за прошедшие 20 лет больше богатства, чем за все время со дня открытия Америки».

Муди доказывает, что антитрестовские законы — неэффективны, никчемны и вздорны. Известный федеральный антитрестовский закон Шермана, принятый в 1890 г., как будто лишь содействовал развитию трестов. Муди писал: «Как показывает статистика, почти все большие... тресты были созданы после принятия этого антитрестовского закона, и несмотря на него». Законодатели, по его мнению, не имели ни малейшего намерения покончить с трестами или мешать их возникновению и развитию.

В начале своего исследования Муди присоединяется к точке зрения Рокфеллера на тресты: «Остановить объединение индивидуальных накоплений капитала все равно, что задержать прогресс, остановить шествие цивилизации, декретировать умственный застой и деградацию человечества. Пытаться какими-то средствами или способами мешать организации промышленных ассоциаций и объединению капитала до любой степени, вызываемых неуклонно растущей мировой торговлей, это все равно, что стараться помешать образованию облаков, выпадению дождей или течению рек».

И не удивительно — Муди сам провел много лет на Уолл-стрите, где накопились его знания и сформировались его взгляды. Он предоставил в распоряжение читателя богатый, досто-

[33] *Bogart E.* Op. cit., p. 580—581.

[34] *Moody J.* The Truth about the Trusts. N. Y., 1904. Приведенные в этом параграфе факты, цифры и цитаты, на которые нет специальных ссылок, взяты из данной книги Муди.

верный материал, такие факты и цифры, которые независимо от интерпретации автора сохраняют и поныне свою ценность. Для изучения истории возникновения и развития трестов, истории установления господства монополий в экономике США исследование Муди продолжает оставаться первостепенным источником. Муди подсчитал, что в промышленности, на транспорте, в области связи и на предприятиях общественного пользования функционируют свыше 440 трестов с общим акционерным капиталом в 20 млрд. 379 млн. долл.

Насколько эта цифра характеризует мощь трестов, видно из того, что к 1900 г. весь капитал, инвестированный в обрабатывающую промышленность страны, составлял около 9 млрд. долл., а все национальное богатство страны оценивалось в 88 млрд. долл.[35]

К семи крупнейшим трестам, оперировавшим в США на 1 января 1904 г., Муди относил следующие:

Тресты	Год организации	Число охваченных предприятий	Акционерный капитал, млн. долл.
Объединенная медная компания	1899	11	175
Американская металлообрабатывающая компания	1899	121	202
Сахарный трест	1891	55	145
Табачный трест	1901	150	503
Международная пароходная компания	1902	6	171
«Стандард ойл»	1899	400	97
Стальной трест	1901	785	1370
Всего . . .		1528	2663

В то же время важнейшими железными дорогами страны владели шесть крупных монополистических групп:

Группа компаний	Акционерный капитал, млн. долл.
Вандербильта	1169
Пенсильванской железной дороги . .	1823
Моргана	2265
Гульда — Рокфеллера	1369
Гарримана — Кун-Леба	1321
Мура	1070
Всего	9017

Наряду с трестами-гигантами в промышленности функционировали 298 трестов меньшего масштаба с общим капиталом в

[35] «Historical Statistic of the United States». Washington, 1961, p. 151, 410; «North American Review», July 1900, p. 103.

4 млрд. 055 млн. долл.; 13 трестов с общим капиталом в 528 млн. долл. находились в процессе реорганизации; восемь трестов с общим капиталом в 630 млн. долл. господствовали в области связи, а 103 с капиталом в 3106 млн. долл.— на предприятиях, обслуживающих города и штаты электричеством, газом, местным транспортом и др. К этому Муди добавил десять средних железнодорожных компаний с общим капиталом в 380 млн. долл. В итоге получается сумма в 20 млрд. 379 млн. долл.

Муди признает, что трест является монополией. Он приводит определение треста, данное советником компании «Стандард ойл» Доддом, согласно которому трест создается с целью «монополизировать производство... фиксировать или увеличивать цены на товары». Вместе с тем Муди утверждает, что выгоды от монополии превышают причиняемое ею зло, так как без монополии, без трестов американская промышленность, по его мнению, не имела бы такого роста, какого она достигла к началу XX в.

Муди отмечает злоупотребления трестов, «разводнение» акций и те бедствия, которые такие манипуляции приносят мелким держателям ценных бумаг, вкладывающим свои накопленные с трудом сбережения в сомнительные, рискованные дела. Он показывает, как за три года акции 100 ведущих промышленных компаний упали на 43% и как акции Стального треста понизились за это время примерно до четверти их наивысшей стоимости.

Наконец, Муди показывает, как львиная доля колоссальных средств американских трестов контролируется двумя крупнейшими представителями монополистического капитала — Рокфеллером и Морганом, которые господствуют в промышленности, на железных дорогах, в области связи, в банковском деле, а также на предприятиях, обслуживающих коммунальное хозяйство.

В то же время он приходит к выводу, что «современный трест является естественным результатом эволюции социальных условий и этических норм, которые установлены в настоящее время между людьми как необходимые элементы развития цивилизации».

Несмотря на апологетические тирады в адрес монополий, тот же Муди собрал и опубликовал неоспоримый материал, который демонстрирует грабительскую, хищническую природу трестов в первые годы их возникновения и развития. Приведем очень коротко основные сведения о нескольких главных американских трестах.

Первым и самым крупным трестом XIX в. считается рокфеллеровская нефтяная компания «Стандард ойл». Само слово трест появилось в 1879 г., когда в результате реорганизации этой компании ее акционерный капитал был передан совету доверенных — «trustees» (отсюда «trust» — трест).

В 1882 г. трест Рокфеллера окончательно оформился. К этому времени он поглотил 14 компаний, установил контроль над 26 другими компаниями и стал хозяином 80% предприятий нефте-

перерабатывающей промышленности и 90% нефтепроводов США [36]. В течение 10 лет он укреплял и расширял свою монополию над добычей, сбытом в стране, а также экспортом нефти и нефтяных продуктов из США.

В эти годы нарастало движение против монополий в фермерских штатах, которые в первую очередь страдали от их грабительских цен. Это движение сыграло определенную роль в возникновении и борьбе популистской партии и привело в 1890 г. к принятию антитрестовского закона Шермана. Особый критике подвергался нефтяной трест Рокфеллера. Муди писал: «Компания «Стандард ойл» подвергалась, вероятно, наиболее жестоким нападкам. Ее методы и цели обсуждались, критиковались и осуждались больше любого другого промышленного объединения».

Через два года, после принятия закона Шермана в 1892 г., трест «Стандард ойл» был формально распущен. Но фактически он, как мы сейчас увидим, продолжал действовать. В 1899 г. трест был узаконен под названием «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Новая нефтяная корпорация практически объединила 20 компаний, образовавших раньше трест. К этим компаниям относились фирмы, известные как «Стандард ойл» штатов Нью-Йорк, Огайо, Индиана, Кентукки и др. Вскоре «Стандард ойл оф Нью-Джерси» поглотил другие корпорации: нефтяную компанию Тихоокеанского побережья, Камберлендский нефтепровод, Питтсбургскую компанию по добыче природного газа и другие, завладел богатейшими новыми нефтеносными землями Калифорнии и Техаса. К началу 1904 г., когда Муди опубликовал свою книгу, «Стандард ойл оф Нью-Джерси» контролировал 84% внутренней торговли нефтью и 90% экспорта. Одно время этот контроль охватывал 95% всего нефтяного дела страны.

В 1882 г., когда окончательно сформировался нефтяной трест, выплаченные дивиденды составляли 6% акционерного капитала; в 1892 г. этот процент дошел до 12; в 1899 г. дивиденды выросли до 33%, а в 1901 г.— до 48%. В первые годы XX в. ежегодные чистые прибыли нефтяного треста превышали 50% всего его капитала [37].

[36] *Nevins A.* Op. cit., vol. I, p. 396.

[37] История треста «Стандард ойл» и всего нефтяного дела в Америке тесно связана с жизнью и деятельностью Джона Рокфеллера, умершего в 1937 г. в возрасте 97 лет.

В 1859 г., когда в западной Пенсильвании была открыта нефть, Джону Рокфеллеру, работавшему бухгалтером в Кливленде за 25 долл. в месяц, исполнилось 20 лет. Через три года он начал заниматься очисткой нефти кустарным способом. Учитывая растущий спрос на керосин, расчетливый, не расположенный к азартным, рискованным спекуляциям и вместе с тем решительный и беспощадный, молодой Рокфеллер оказался одним из первых, кто правильно оценил перспективу «черного золота». Решив вести дело в более крупном масштабе, он объединился с 1867 г. с некоторыми нефтепромышленниками и создал фирму, превратившуюся в 1870 г. в компанию «Стандард ойл» штата Огайо с акционерным капиталом в 1 млн. долл.

Насколько формальный роспуск рокфеллеровского треста в 1892 г. не изменил его сущности, видно из следующих слов Муди: «Хотя трест в том виде, в каком он существовал, был формально распущен, это ни в коей мере не означало распада «Стандард ойл». Напротив, консолидация усилилась, так как доверенные лица сохранили в своих руках большинство акций во всех компаниях, которые образуют трест. Некоторые из них объединились в более крупные, поэтому их значение возросло».

Рокфеллеровский трест развернул бурную деятельность и за границей. В начале XX в. ему принадлежали, как уже говорилось, 90% экспорта американской нефти. Он имел свой большой нефтеналивной флот и агентуру во всех частях земного шара, где вел конкурентную борьбу с Ротшильдами и Нобелями, торговавшими на мировых рынках русской нефтью. Он прибавлял к активу торгового баланса США 60 млн. долл. в год. Его акционерный капитал, составлявший в июне 1899 г. 97 млн. 500 тыс. долл., вырос к началу 1904 г. до 650 млн. долл.

В металлургии крупнейшей монополией в начале нового века стал Стальной трест, основанный в апреле 1901 г. под руководством крупнейшего в стране банкира Джона Пирпонта Моргана. Создание этого треста явилось результатом процесса быстрого сращивания финансового капитала с промышленным.

Стальной трест часто изображается как самое типичное промышленное объединение США в XX в. В него вошли 10 крупных компаний, которым принадлежало около $^3/_4$ сталелитейной промышленности США. Каждая из них образовалась в результате слияния ряда конкурирующих корпораций.

Главными фирмами, вошедшими в Стальной трест, были Стальная компания Карнеги с капиталом в 160 млн. долл. и Федеральная стальная компания с капиталом в 100 млн. долл. Их директора — Карнеги, Гери и Шваб — убедились, что руководимые ими компании в условиях США недостаточно сильны для того, чтобы диктовать на рынке свои цены. Они решили слиться и создать новый стальной гигант с капиталом в 1 млрд. долл. Для выполнения этих планов Гэри и Шваб обратились к крупнейшему в стране банкиру Моргану и предложили ему финансировать новое предприятие. Так в 1901 г. Джон Пирпонт Морган стал во главе гигантского Стального треста.

Акционерный капитал треста ко времени его образования оценивался в 1 млрд. 265 млн. долл. Его правление разработало всеобъемлющую производственную и финансовую программу. В третьей статье Устава, где формулируются цели создания треста, говорится:

Тогда в руках Рокфеллера находилось лишь 4% нефтяной промышленности США. Но через семь лет его компания владела уже 95% этой отрасли. Его главное преимущество в борьбе с конкурентами сводилось к тому, что ему удавалось с помощью железнодорожных компаний пользоваться особо льготными тарифами при перевозке нефти и нефтяных продуктов.

«Производить железо, сталь, марганец, кокс, медь, древесину и другие материалы, а также все предметы, состоящие полностью или частично из железа, стали, меди, дерева или других материалов.

Приобретать, владеть, арендовать, использовать или разрабатывать любые земли, содержащие залежи угля, железа, марганца, строительного камня, иной руды или нефти, а также леса и любые земли, пригодные тресту.

Добывать или извлекать другим путем или перемещать уголь, руду, строительный камень, минералы и лесоматериалы из любого участка земли, который трест приобрел, арендовал или занял другим способом, а также из любых других земельных участков.

Покупать, продавать или совершать другие сделки и перевозки железа, стали, марганца, меди, строительного камня, руды, угля, кокса, леса и других материалов, а также любых предметов, состоящих полностью или частично из этих материалов.

Строить мосты, здания, машины, корабли, паровозы, вагоны и различное оборудование, железные дороги, лодки, стапели, элеваторы, водные сооружения, газовое и электрическое оборудование, виадуки, водопроводы, каналы и другие водные пути, а также любые другие виды транспорта, продавать или перемещать их другим способом или сохранять и использовать, за исключением того, что трест не должен содержать или эксплуатировать железную дорогу или канал в штате Нью-Джерси».

С этой незначительной оговоркой третья статья предусматривает фактически, что Стальной трест может заниматься всем, чем угодно. Помимо перечисленных целей большая часть статьи посвящена финансовым операциям треста, а также задачам поглощения в дальнейшем других корпораций.

Стальной трест стал хозяином многих шахт, рудников, цементных заводов, нефтяных, газовых и других предприятий в различных штатах, а также за границей. Ему принадлежали 400 крупных заводов, 87 589 акров земли с залежами угля, 1 467 миль железных дорог, 428 паровозов и 23 185 вагонов, 75 доменных, 116 сталеплавильных и 357 пудлинговых печей, 68 блюмингов, сляббингов и заготовочных станов, 6 рельсопрокатных, 22 проволочных и 27 трубопрокатных заводов, 21 завод тяжелого металлургического оборудования, 25 заводов металлоконструкций и др. Ему также принадлежало множество океанских и речных кораблей. Только по Великим озерам курсировали 115 пароходов Стального треста. В 1902 г. на его предприятиях были заняты 168 тыс. рабочих. Со дня основания в 1901 г. до первой мировой войны этот трест открыл 268 агентств в 60 странах [88].

[88] *Schlesinger A.* The Rise of Modern America 1865—1951. N. Y., 1954, p. 260.

В области связи монопольные позиции заняла в 1900 г. «Американ телефон энд телеграф компани». До того времени она контролировала лишь телефонные и телеграфные линии дальнего расстояния. В 1900 г. она овладела всей системой Белла, в которую входило большинство действовавших в стране телефонов. Система Белла объединяла 36 корпораций, владевших средствами связи в отдельных штатах и городах. К концу 1903 г. эта система обслуживала 3 млн. 655 тыс. телефонных аппаратов.

«Американ телефон энд телеграф компани» овладела средствами связи страны, когда в этой отрасли хозяйства происходила фундаментальная реконструкция. Телеграфные и телефонные линии в больших городах стали прокладываться под землей. К концу 1903 г. около 55% всех линий связи уже приходилось на подземные кабели. В это время осуществлялась также стандартизация телефонных аппаратов и обновление оборудования центральных телеграфных и телефонных станций.

На железнодорожном транспорте к началу XX в. оперировали шесть монополистических групп. В 1903 г. в их руках находилось свыше 80% всей железнодорожной сети страны, то есть около 165 тыс. миль из 204. Общий капитал групп достигал свыше 9 млрд. долл. Стоимость всех железных дорог равнялась 12 млрд. долл.

Первая — группа Вандербильта объединила 132 корпорации. Она владела железными дорогами общей протяженностью около 22 тыс. миль, в частности такими известными в США линиями, как Нью-Йорк — Сентрал, Нью-Йорк — Чикаго — Сент-Луис, Эри, Чикаго — Северо-Запад, Чезапик — Огайо и др. Акционерный капитал группы составлял 1 млрд. 169 млн. долл.

Вторая — Пенсильванская группа. Ей принадлежало пять железных дорог протяженностью в 19 300 миль. Акционерный капитал исчислялся в 1 млрд. 823 млн. долл. Одна собственно Пенсильванская дорога владела более чем половиной этих линий — 10 780 миль.

Третья — Моргановская группа. Она была самой крупной, в нее входило 225 корпораций, владевших железными дорогами протяженностью 47 200 миль, наиболее важными из которых являлись система железных дорог Атлантического побережья, Северная Тихоокеанская и Великая Северная железнодорожная система. Ее акционерный капитал равнялся 2 млрд. 265 млн. долл.

Четвертая — группа Гульда — Рокфеллера. Ей принадлежало 12 железных дорог протяженностью 28 150 миль. Акционерный капитал группы составлял 1 млрд. 369 млн. долл. Главными линиями считались Миссури — Тихоокеанская система, система Денвер — Рио-Гранде, системы Миссури — Канзас—Техас и Чикаго — Милуоки — Сент-Пол. Кроме того, Рокфеллер имел

значительные интересы в некоторых железнодорожных компаниях, не входивших в эту группу.

Пятая — группа Гарримана — Кун-Леба. В ее состав входило 85 корпораций, владевших железными дорогами протяженностью около 23 тыс. миль. Акционерный капитал — 1 млрд. 321 млн. долл. Крупнейшие линии: Союзная Тихоокеанская железная дорога и система железных дорог Южной Тихоокеанской компании длиною почти 10 тыс. миль.

Шестая — группа Мура. В ее руках находились железные дороги протяженностью в 25 тыс. миль. Акционерный капитал — 1 млрд. 70 млн. долл.

Из 39 тыс. миль железнодорожных линий с общим капиталом менее 3 млрд. долл., не являвшихся собственностью упомянутых групп, лишь около 25 тыс. миль, включавших второстепенные малорентабельные линии, считались независимыми. Остальные контролировались теми же группами.

Монополия в области железнодорожного транспорта усиливалась тем, что шесть крупных групп были тесно связаны между собой персональной унией и другими отношениями. Руководящие лица в группе Моргана занимали также видное место в Пенсильванской группе и на железных дорогах Гульда и Мура. Интересы группы Рокфеллера — Гульда были представлены в большей или меньшей степени во всех остальных группах, а также в большинстве «независимых» линий [39].

«Те же лица,— писал Муди,— которые господствуют над железнодорожной системой страны, держат в своих руках крупнейшие промышленные тресты. Интересно и важно отметить, что эти влиятельные капиталисты, контролирующие железнодорожный трест, являются теми же лицами, которые диктуют политику и контролируют Стальной трест, Нефтяной трест, Медный трест, Табачный трест, коммунальное хозяйство города Нью-Йорка и много других предприятий такого рода, больших и малых».

Над всем комплексом монополистического капитала США возвышались две фигуры — Рокфеллер и Морган. С их именами к началу XX в. ассоциировались крупнейшие тресты страны.

[39] Муди, исследуя и анализируя процесс установления господства нескольких крупнейших банкиров над железными дорогами, пришел к заключению: «Все это вместе составляет гигантскую «общность интересов», или железнодорожный трест, объединяющий эти интересы наиболее удивительными и сложными связями, взаимозависимостью. В то время как номинально железные дороги страны находятся под контролем почти двух тысяч корпораций, в действительности они представляют собой гигантский транспортный трест, в котором господствует горстка финансистов... Эти финансисты господствуют не только в своих группах, но, как сказано выше, наиболее влиятельные из них — Рокфеллер, Морган, Гарриман, Гульд и Вандербильт — имеют свои интересы и господствуют во всех группах. Таким путем они объединяют целиком железнодорожную систему страны в это большое «общество», или «трест». Верховное, доминирующее влияние Рокфеллера и Моргана чувствуется в большей или меньшей степени во всех группах».

Рокфеллеровский «Стандард ойл» считается родоначальником трестов, но интересы Рокфеллера отнюдь не ограничивались нефтяной промышленностью и смежными с ней отраслями. Он контролировал медный, табачный и сотни менее крупных трестов. Его влияние также чувствовалось в морганов ском Стальном тресте. Имена директоров «Стандард ойл» числились в правлениях многих других известных монополий. Рокфеллеровские интересы доминировали в предприятиях общественных услуг большого Нью-Йорка, капитал которых превышал к началу нашего века 725 млн. долл. Они также были велики и в коммунальном хозяйстве ряда других крупнейших городов.

К началу XX в. возросли финансовые операции Рокфеллера. Сеть его крупных банков и страховых компаний возглавлялась известным во всем мире «Нэшнл сити бэнк».

Муди утверждал, что промышленные, финансовые и коммерческие интересы Рокфеллера можно оценить лишь приблизительно, так как «их разветвление настолько разнообразно и обширно, что нельзя провести четкую линию, отделяющую интересы, в которых Рокфеллер преобладает, от тех, в которых он не преобладает».

Уступая Рокфеллеру в промышленности и в коммунальном хозяйстве, Морган занимал первое место в железнодорожном и банковском деле. Он олицетворял новую роль банков. Раньше их задача сводилась к посредничеству в платежах, к тому, чтобы собирать бездействующий денежный капитал и предоставлять его в виде кредита капиталистам и другим лицам, которые могли доказать, что этот кредит чем-то обеспечен. Новая роль означала установление банковского контроля над промышленными компаниями и содействие продаже выпускаемых ими акций. В. И. Ленин, касаясь этой новой роли банков, писал: «По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»[40]

Муди отмечал, что неверно распространившееся мнение о том, будто Морган и Рокфеллер ведут между собою «войну». Это мнение имеет еще хождение и в наши дни. В действительности же отношения между двумя архимиллионерами, возглавлявшими монополизированный промышленно-финансовый капитал США, были более чем дружественными. Их капиталы, их интересы переплетались настолько тесно, что Муди допускал воз-

[40] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 326.

можность называть контролируемые ими корпорации «единой большой рокфеллеро-морганов ской группой».

Указывая, что рокфеллеровская и морганов ская группы имеют доминирующее влияние на весь огромный трестовский капитал США, Муди заключает: «Эти две гигантские группы совместно... составляют сердце производственной и коммерческой жизни государства. Все остальные группы служат артериями, тысячами нитей пронизывающими жизнь нашей страны, заставляя чувствовать свое влияние в каждом доме, в каждой деревушке. Все они связаны и зависимы от этого большого центрального источника, влияние которого господствует над ними всеми».

С тех пор, когда были опубликованы цитируемые строки, прошло более 70 лет. За это время многое изменилось в технике и экономике США. В 1903 г. Муди насчитал всего 318 промышленных трестов с общим капиталом в 7 млрд. 245 млн. долл. В 1973 г. общие активы 500 крупнейших промышленных корпораций страны равнялись почти 555,5 млрд. долл.[41] Крупнейшие автомобильные компании — «Дженерал моторс» и «Форд», которых в начале века еще не было, по стоимости своей продукции вышли на первое и третье место соответственно. Но рокфеллеровский «Стандард ойл», переименованный в Эксон, и морганов ский Стальной трест по-прежнему остаются ведущими среди американских монополий[42].

По чистым доходам, равнявшимся в 1973 г. 2 млрд. 443 млн. долл., и по активам (13 млрд. 583 млн. долл.) Эксон был на первом месте среди промышленных трестов страны. Стальной трест по своим активам (6 млрд. 918 млн. долл.) занимал тринадцатое место.

Морганов ская «Америкен телефон энд телеграф компани» в 1971 г. имела валовой доход в 18 млрд. 511 млн. долл., а чистый доход — 2 млрд. 192 млн. долл. В 1900 г. весь ее акционерный капитал составлял лишь 392 млн. долл. В 1971 г. чистый доход «Стандард ойл оф Нью-Джерси» равнялся 1 млрд. 517 млн. долл., а «Дженерал моторс» — 1 млрд. 936 млн. долл.[43]

О деятельности крупнейших американских трестов накопилась большая литература. В конце XIX и в первые годы XX в. эта литература в США отличалась своей критикой и разоблачениями. После первой и особенно после второй мировой войны в условиях расширения влияния мира социализма и усиления борьбы двух общественных систем во все большем числе стали выходить книги, воспевающие создателей крупных трестов как «капитанов индустрии», организаторов гигантских монополий, как «гениев благоденствующей Америки».

[41] «Fortune», May 1974, p. 231.
[42] Ibidem.
[43] «World Almanach», 1973, p. 112.

Американские историки сочинили немало подслащенных биографий первых и последующих организаторов монополий. Ретушируя и гримируя их истинное лицо, они представляли рокфеллеров и вандербильтов филантропами и благодетелями, выдавая коварство за мудрость, а злодеяние за героику.

В 1953 г., например, в США была опубликована двухтомная работа под названием «Исследование власти. Джон Д. Рокфеллер — промышленник и филантроп». Аллан Невинс с претензией на объективность на протяжении почти тысячи страниц восторгается одиозной фигурой Рокфеллера, возвеличивает его не только как хозяйственного организатора, но и как альтруиста, филантропа, всячески нападая на тех, кто еще в конце прошлого века осмеливался разоблачать мошеннические операции «Стандард ойл» [44].

Показательно, что в современной американской литературе возвеличивают вампира и представляют его как человека, обремененного заботами о прогрессе цивилизации. О таких заботах говорит и сам Рокфеллер в своих мемуарах. Он утверждает, что его успех обусловлен якобы отсутствием корыстных целей, что его интересовала не нажива, а обеспечение Америки и всего мира дешевым керосином, служившим в последние десятилетия XIX в. основным средством для освещения домов и улиц [45].

Фальсификация действительности, однако, обнаруживается, когда мы сопоставляем утверждение Невинса и ему подобных с материалами и документами официальных учреждений США, а также с тем, что было установлено наиболее солидными американскими буржуазными историками, в работах которых прослеживается неумолимая правда. Для иллюстрации расхождения между мнимой и подлинной деятельностью американских монополий достаточно привести некоторые сведения из истории первого и крупнейшего в XIX в. треста — того же рокфеллеровского «Стандард ойл», занимающего ведущее место в монополистическом капитале США и в XX в.

Чарльз и Мэри Бирд в своей работе «Развитие американской цивилизации», говоря о деятельности «Стандард ойл», пишут: «Это хроника необычных и незаконных методов, беспощадной конкуренции, опасных интриг, безжалостного уничтожения соперников. Частные компании создают вооруженные отряды для захвата нефтепроводов. Люди, обычно невредные, крадучись под покровом ночи, уничтожают материальные ценности и устрашают лиц, отказывающихся выполнять их приказания... Пресса подкуплена. Редакторы нанимаются для ведения пропаганды и распространения клеветы на тех промышлен-

[44] *Nevins A.* Study in Power. J. D. Rockefeller, Industrialist and Philantropist, vol. I. N. Y., 1953, p. 402.

[45] *Рокфеллер Дж.* Искусство разбогатеть. СПб., 1910, с. 86, 164, 178.

ников, которые решили отстоять свою независимость... Представители компаний действуют в законодательных и судебных органах, заставляя законодателей, губернаторов и судей работать по одному образцу. Взяточничество, интриги и угрозы, сопровождаемые шантажом, принимают такие размеры, что самый внимательный наблюдатель часто не в состоянии обнаружить, где честность начинается и продажность кончается. Политика, законодательство и юстиция становятся беспомощными, за исключением тех случаев, когда речь заходит о защите интересов капиталистов, добывающих, перевозящих и перерабатывающих нефть» [46].

В разных районах страны «Стандард ойл» устанавливал разные цены на нефть: высокие — там, где его монополия была абсолютной, и совсем низкие — там, где велась борьба за уничтожение конкурентов. За границей нефть продавалась по демпинговым ценам за счет ограбления потребителя в самих США.

Между тем пойманный с поличным Рокфеллер, все отрицая, утверждал, что его компания отнюдь не уничтожает своих конкурентов. «Мы,— писал он,— не вмешивались никогда в дела конкурентов, не пытались разорять их соперничеством в понижении цен или системой шпионажа» [47].

Сенатор Роберт Лафоллет, характеризуя «филантропию» Рокфеллера, сказал: «Рокфеллер жертвует на филантропические цели двумя руками, а грабит — многими... Он — величайший преступник нашего времени».

В конце прошлого века в конгресс США и законодательные собрания ряда штатов поступало множество жалоб на «Стандард ойл». В них приводились вопиющие факты нарушения рокфеллеровским трестом федеральных и местных законов, бесцеремонного попрания элементарных правил. Для расследования создавались комиссии и подкомиссии. О варварских методах «Стандард ойл», о развращении этим трестом издателей, блюстителей и толкователей законов были собраны кипы разного рода информации.

Все было установлено, доказано и неоднократно зафиксировано в многочисленных досье, накопившихся по делу «Стандард ойл», в федеральной столице и в столицах отдельных штатов. Но на тресте это никак не отразилось. Его прибыли не сокращались, а, наоборот, неуклонно росли. Чистые доходы выросли с 8 млн. долл. в 1885 г. до 55 млн. долл. в 1900 г. и до 83 млн. долл. в 1906 г. На долю одного Рокфеллера приходилось от $^1/_4$ до $^1/_3$ этой суммы [48]. К концу XIX в. «Стандард ойл» стал уже не единственным, а лишь одним из источников обогащения Рокфеллера. В 1901 г. его состояние оценивалось в 200 млн. долл.,

[46] *Beard Ch.* and *M.* The Rise of American Civilization, vol. II. N. Y., 1930, p. 177—178.
[47] *Рокфеллер Дж.* Указ. соч., с. 93, 97.
[48] *Nevins A.* Op. cit., vol. II, p. 300, 478; *Hacker L., Kendrick B.* Op cit., p. 287.

а в 1913 г. в 900 млн. долл. За время первой мировой войны оно почти утроилось и в 1920 г. оценивалось в 2 млрд. 500 млн. долл. Рокфеллер при жизни устроил свои дела так, что после смерти в 1937 г. налог на его наследство был уплачен всего с суммы в 26 410 837 долл. Все состояние, за исключением этой суммы, Рокфеллер при жизни заблаговременно передал своему сыну и другим наследникам [49].

Не нес ответственности «Стандард ойл» и за то, что его вооруженные шайки организовывали взрывы и аварии на железных дорогах, терроризировали непослушных, устраивали нападения на рабочих, занятых у отстаивавших независимость от Рокфеллера компаний.

Если замалчивать уже было нельзя, следовало заявление треста о том, что его охрана проявила слишком много усердия и нарушила полученные распоряжения. Только один раз дело об уголовных преступлениях «Стандард ойл» дошло до суда. Это было в 1886 г. в так называемом «деле Буффало». И то — как мы увидим дальше — служащие треста, связанные с преступлением, не понесли никакого наказания. И не удивительно. Разветвленная сеть рокфеллеровской агентуры существовала не только на железных дорогах и в конкурирующих компаниях, но и в руководящих государственных и общественных учреждениях. Поэтому многочисленные улики, несмотря на их достоверность, оказались недостаточными для привлечения «Стандард ойл» к ответственности.

Тех нефтепромышленников, которых не удалось покорить, Рокфеллер в покое не оставлял. В борьбе с ними «Стандард ойл» не пренебрегал никакими средствами.

О преступной деятельности родоначальника трестов, его мошеннических проделках и уголовных авантюрах довольно полно говорят официальные материалы конгресса США и законодательных собраний штатов, обследовавших монополии, в частности «Стандард ойл». Материалы, относящиеся к «Стандард ойл», были частично использованы в двух нашумевших работах, опубликованных в Америке 70 и 80 лет назад. Первая—книга Генри Ллойда «Богатство против всеобщего благосостояния» [50], опубликованная в 1894 г., вторая — «История «Стандард ойл компани» [51] (в двух томах) Айды Тарбелл, опубликованная в 1903 г. Обе работы — не строго научные исследования. Книга Ллойда — острый памфлет. Работа Айды Тарбелл драматизирует события, придавая им характер борьбы «героев» и «злодеев», благородных и подлых людей. Тем не менее в работах Генри Ллойда и Айды Тарбелл столько достоверных фактов,

[49] *Nevins A.* Op. cit., vol. II, p. 300, 424; *Klein H.* Dynastic America and These Who Own It. N. Y., 1921, p. 155.
[50] *Lloyd H.* Wealth Against Commonwealth. N. Y., 1894.
[51] *Tarbell I.* The History of the Standard Oil Company, vol. II. London, 1905.

столько документального материала, что первый в мире трест предстает перед читателем во всей его неприглядности. В материалах, собранных Ллойдом и Тарбелл, обнажается весь духовный и нравственный маразм буржуазной Америки на рубеже XIX и XX вв., в период установления господства монополий.

Коснемся прежде всего так называемых «мирных» методов «Стандард ойл». Наиболее ярко они проявились в соглашениях Рокфеллера с железнодорожными компаниями, вернее в его ультимативных условиях железным дорогам и пароходным линиям, занимавшимся перевозкой нефти.

Еще примерно за 10 лет до создания «Стандард ойл» Рокфеллер заключил секретное соглашение с Пенсильванской железнодорожной компанией, по которому она обязывалась удвоить тариф на перевозку нефти его соперников и проводить в дальнейшем такие изменения в тарифах, какие будут выгодны рокфеллеровской компании. Как установила торговая комиссия палаты представителей, в 1872 г. подобные секретные соглашения были заключены и с другими железнодорожными компаниями. По этим соглашениям Рокфеллер платил за перевозку нефти половину, а иногда и меньше половины того, что платили его соперники. Если высокие железнодорожные тарифы оказались недостаточно эффективными средствами и соперники «Стандард ойл» не сдавались, железнодорожные компании не предоставляли им цистерн, вынуждая их перевозить нефть в бочках, что еще больше увеличивало расходы на ее транспортировку. Таким образом Рокфеллеру удавалось разорять и устранять своих конкурентов одного за другим. Соглашения обязывали администрацию железных дорог информировать Рокфеллера о состоянии дел его конкурентов, т. е. по сути дела заниматься промышленным шпионажем.

Рокфеллер, признавая, что администрация железных дорог предоставляла его компании скидки, вместе с тем утверждал, что это приносило больше барыша железнодорожным компаниям, чем «Стандард ойл» [52]. Разумеется, подобные соглашения заключались и соблюдались не по гуманным соображениям или из-за взаимного уважения. Все решалось соотношением сил, соотношением долларов. Противники Рокфеллера складывали оружие лишь после ожесточенных схваток, после того, как все средства борьбы были использованы.

Бывали случаи, когда и Рокфеллеру приходилось отступать. Пример этого — упорная борьба «Стандард ойл» с тремя нефтепромышленниками города Кливленда — Скофилдом, Шармером и Тийглом. Они еще в 1876 г. вошли в соглашение с Рокфеллером, по которому получили установленную квоту на переработку нефти. Через четыре года он узнал, что этот лимит был превышен, нефти было переработано больше, чем разрешалось. В ре-

[52] *Рокфеллер Дж.* Указ. соч, с. 83, 86.

зультате доставка сырой нефти на предприятия «нарушителей соглашения» была прекращена. Скофилд и его компаньоны заявили протест и обратились к общественному мнению, к суду, доказывая, что трест сам постоянно и грубо нарушал соглашение. Но ничто не помогло. Хозяева «Стандард ойл» утверждали, что не мешают им перерабатывать нефти столько, сколько они хотят. Но в то же время «Стандард ойл» взвинтила тарифы на перевозки очищенной и доставку сырой нефти, что оказалось для компаньонов разорительным. За перевозку одной бочки нефти от Кливленда до Чикаго «Стандард ойл» платил во второй половине 1881 г. 35 центов, а его соперники — 70. На жалобы Скофилда, Шармера и Тийгла представитель железной дороги отвечал: прежде чем говорить о льготных тарифах, дайте нам столько же грузов, сколько дает «Стандард ойл».

Подробности борьбы Рокфеллера с кливлендскими нефтепромышленниками получили огласку. Судебное разбирательство дела выявило истинные методы обогащения Рокфеллера — манипуляции на железных дорогах. После нескольких лет тяжбы в судебных инстанциях штата Огайо, в 1886 г. слушание было перенесено в Верховный суд Соединенных Штатов. Но, видимо, решив, что овчинка выделки не стоит, Рокфеллер прекратил тяжбу. Слишком много она нашумела, а Рокфеллер шума не любил.

Широкие слои населения, которым стало известно о грабительских операциях Рокфеллера, начали возмущаться, протестовать. Потребители керосина заговорили, что Рокфеллер по сути дела облагает их специальным налогом, используя высокие железнодорожные тарифы на перевозку нефти.

Еще большим основанием для подобных протестов послужил конфликт Рокфеллера с нефтепромышленником Райсом. Конфликт в 1885 г. стал предметом судебного разбирательства. Позже, в 1888 г., его рассматривала комиссия конгресса по расследованию деятельности трестов. Дело получило широкую огласку и вызвало сильное возмущение в стране.

Конфликт возник из-за соглашения, заключенного в 1883 г. «Стандард ойл» и железной дорогой Цинциннати — Мариетта. Опасаясь, что постройка нефтепровода лишит дорогу нефтяных грузов, которые занимали значительное место в ее перевозках, ее владелец согласился перевозить нефть «Стандард ойл» по 10 центов за бочку, а нефть других владельцев — по 35 центов, причем всю разницу (25 центов) передавать «Стандард ойл».

Нефтепромышленник Райс, пострадавший на этой сделке, обратился в суд. Дело стало широко известным и вызвало большое недовольство в стране. Комиссия конгресса США была вынуждена им заняться. Как всегда в таких случаях, Рокфеллер, опасавшийся шума, дипломатично отступил, возложил вину на своих служащих, которые якобы переусердствовали. 29 марта 1890 г. в газете «Нью-Йорк Уорлд» было опубликовано интервью Рокфеллера. «В таком крупном деле, как наше,— лицемерно

заявил он,— где используются услуги столь многих агентов, иногда совершаются поступки, которые мы не одобряем. Мы их поправляем, как только они доходят на нашего сведения. Населению становится известно о неправильных делах, но оно никогда не слышит об их исправлении» [53].

Мы остановились на этих двух соглашениях Рокфеллера с железнодорожными компаниями не потому, что они наиболее характерны, а потому, что, дойдя до суда и получив гласность, вскрыли жульнические методы ограбления населения Рокфеллером. Сами же соглашения, наоборот, менее характерны и менее показательны. Рокфеллеру было свойственно не отступление, не уступка и примирение, а уничтожение и поглощение конкурентов. Но, как правило, становились известными лишь цели и результаты этой типичной для Рокфеллера деятельности. Средства же, примененные в борьбе, менее всего доступны для наблюдения и изучения. Одним из таких средств служили соглашения «Стандард ойл» с железнодорожными компаниями. Эти соглашения были строго секретными. Поэтому при изучении деятельности первого в мире треста приходится останавливаться на операциях, которые для него менее показательны, но которые, став в виде исключения известными, обнажали кое-какие коварные методы Рокфеллера. Эти методы обнаруживались тогда, когда конфликт между «Стандард ойл» и его жертвами доходил до судебного разбирательства.

Однако грабительские операции Рокфеллера редко доходили до сведения суда, гораздо чаще жалобы на «Стандард ойл» бесследно исчезали в канцелярских дебрях местных и федеральных судов.

Формально местные и центральные судебные и законодательные органы занимались деятельностью треста со времени его создания. Так, еще в 1879 г. суд в штате Пенсильвания выдвинул против Рокфеллера и его восьми компаньонов обвинение в том, что они создали секретную организацию, чтобы обеспечить себе абсолютную монополию на закупку, продажу и переработку нефти. Они обвинялись также в том, что, пользуясь незаконными средствами, вынуждали владельцев железных дорог перевозить нефть «Стандард ойл» и его конкурентов на условиях, диктуемых Рокфеллером, что они нечестным способом устанавливали монопольные цены для получения чрезмерных и незаконных прибылей. Началась волокита, затянувшаяся на многие месяцы. Губернатор штата Пенсильвания Гейт под разными предлогами отказывался предать Рокфеллера суду. Несколько месяцев спустя после того, как было выдвинуто обвинение, противник «Стандард ойл» нефтепромышленник Кэмпбелл в телеграмме губернатору угрожал, что, если Рокфеллер немедленно не будет предан суду, он добьется этого с помощью обществен-

[53] Цит. по: *Tarbell I.* Op. cit., vol. II, p. 85—86.

ного мнения, через печать. Ему ответили, что процесс нельзя начать из-за болезни прокурора, от которого зависят все формальности. Дело тянулось около года. «Стандард ойл» к ответственности не был привлечен, а Кэмпбеллу пришлось отказаться от борьбы и удовлетвориться тем, что Рокфеллер согласился принять его в свой круг.

Владельцы железных дорог, как мы видели, помогли Рокфеллеру поглотить многих конкурентов. Они помогли ему также стать полным хозяином нефтепроводов.

К началу XX в. почти вся сырая нефть, добывавшаяся в США, переправлялась к месту назначения по системе нефтепроводов. За исключением немногих коротких линий местного значения, все крупные нефтепроводы, соединявшие нефтяные районы с промышленными центрами и портами восточного побережья и Великих озер, к этому времени были в руках «Стандард ойл». Стоимость переправки нефти по трубам была в 2 раза ниже ее перевозки железнодорожным путем. Будучи монопольным владельцем магистральных нефтепроводов, «Стандард ойл» не допускал, чтобы другие нефтепромышленники использовали это средство транспортировки нефти. Трест заставлял их продавать ему свою нефть по им же установленной цене. Выбора не было: перевозить нефть по железной дороге было настолько дорого, что конкурировать с Рокфеллером, переправлявшим нефть по трубам, они никак не могли. В результате рокфеллеровский трест оказался единственным покупателем сырой нефти на месте ее добычи и единственным продавцом на месте ее сбыта.

Сооружение нефтепроводов, ставших главным средством транспортировки сырой нефти, естественно вызвало недовольство железнодорожных компаний. И они препятствовали их строительству, но не тому, которое вел Рокфеллер.

Прокладка каждого протяженного нефтепровода всегда была связана с пересечением какой-то железной дороги. В США железные дороги частные. Помимо самих путей железнодорожным компаниям, как правило, принадлежат широкие полосы земли по обеим сторонам линии. Железнодорожные компании вправе разрешать или запрещать прокладку нефтепровода через свои земли. Тресту «Стандард ойл» это разрешалось, а его конкурентам нет.

Тактика администрации железных дорог объяснялась отчасти тем, что «Стандард ойл», используя свои нефтепроводы, продолжал оставаться крупным поставщиком железнодорожных грузов. По трубам переправлялась только сырая нефть, переработанная же перевозилась преимущественно в цистернах. Рокфеллер сумел также заинтересовать лично директоров крупных железнодорожных компаний и привлечь их на свою строну. С их помощью он к началу XX в. владел обширной системой нефтепроводов, связывающей все важные пункты добычи и сбыта нефти в стране.

Строительство нефтепроводов началось не по инициативе Рокфеллера и его компании, так же как и в добыче нефти, он не был первым.

В конце 1878 г. группа независимых нефтепромышленников решила построить первый нефтепровод от нефтеразработок к восточному побережью. Была создана компания «Тайдуотер» как последняя надежда аутсайдеров в борьбе с Рокфеллером. Несмотря на все препятствия, чинимые Рокфеллером, нефтепровод был проложен и в июне 1879 г. начал успешно и по дешевым ценам перекачивать нефть. Тогда Рокфеллер приступил в спешном порядке к строительству ряда нефтепроводов, создав для этого в 1881 г. специальную «Национальную транзитную компанию», получившую от законодательного собрания штата Пенсильвания исключительные права заниматься любым делом, кроме банковского, в любой части земного шара.

Одновременно Рокфеллер начал беспощадную борьбу с «Тайдуотер». Железнодорожные компании всецело выступили на его стороне. Цены на нефть были снижены почти в 8 раз. Война кончилась тем, что в октябре 1883 г. «Стандард ойл» поглотил компанию. К этому времени протяженность рокфеллеровских нефтепроводов дошла до 3 тыс. миль, по которым из нефтепромыслов Пенсильвании ежемесячно перекачивалось 1,5 млн. бочек нефти. С поглощением «Тайдуотер» монополия Рокфеллера на магистральные нефтепроводы страны стала абсолютной.

Сделавшись полным хозяином нефтепроводов, Рокфеллер в середине 80-х годов развернул борьбу за устранение независимых нефтепромышленников. В 1885 г. «Стандард ойл» заключил секретное соглашение с Пенсильванской железной дорогой, по которому железной дороге компания предоставляла 26% всех своих нефтяных грузов, направлявшихся к восточному побережью, взамен чего она обязалась устанавливать такие фрахты на перевозку нефти конкурентов, какие были выгодны Рокфеллеру. Сразу же фрахты были повышены в 1,5 раза, т. е. конкуренты были вынуждены платить за доставку нефти к побережью в 4 раза дороже, чем он. Дело доходило до того, что соперникам Рокфеллера приходилось нефть, добытую в Пенсильвании, отправлять не кратчайшим путем к побережью, а везти на Север и дальше через Канаду.

Жертвы махинаций Рокфеллера в течение ряда лет жаловались в межштатную торговую комиссию, в обязанности которой входит обуздание несправедливой деятельности трестов, но практически безрезультатно. Доходы «Стандард ойл» не снижались.

Овладев нефтепроводами и подчинив своему контролю перевозку нефтяных грузов по железным дорогам, «Стандард ойл» принялся за торговлю, не только оптовую, но и розничную. Там, где продавался керосин других компаний, трест открывал собственные магазины и лавки, где по пониженным, убыточным це-

нам продавались все товары, которыми торговали непокорные конкуренты. Несдававшиеся разорялись.

Волчий закон конкуренции «Стандард ойл» соблюдал точно и беспощадно. Вскоре все торговцы керосином и другими нефтепродуктами приходили к выводу, что сопротивляться бесполезно. После устранения конкурентов трест устанавливал свои цены на нефтепродукты, которые с лихвой покрывали расходы на «войну цен».

Нефтепромышленники, соперничавшие с Рокфеллером, вели отчаянную борьбу за существование. Они добились внесения в конгресс законопроекта о регулировании торговли между штатами, который по сути был направлен против монополии Рокфеллера. Они добились также принятия ряда мер против Пенсильванской железной дороги, ставшей орудием в руках Рокфеллера. Они, наконец, проложили первый нефтепровод к побережью. Однако к 1880 г. Рокфеллер вышел победителем и стал монополистом. С тех пор в течение 10 лет, несмотря на то, что нефтепроводы сильно сократили расходы, несмотря на технические усовершенствования в добыче нефти и на открытие новых нефтеносных земель, цены на нее никогда не опускались до уровня 1879 г., установившегося в результате острой конкурентной борьбы. К 1890 г. наблюдалось некоторое снижение цен на нефть треста, что было вызвано появлением нового конкурента при содействии немецкого капитала на внутреннем рынке и ростом конкуренции России на европейском и азиатском рынках.

На внутреннем рынке, там, где только появлялся какой-либо конкурент, «Стандард ойл» старался его уничтожить снижением цен. Обследование, проведенное в 1901 г. промышленной комиссией США, например, показало, что цены на нефть треста в Индианаполисе были почти в 2 раза ниже, чем в других городах штата Индиана, потому что в нем появился конкурент. Такая же картина наблюдалась в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Мерилэнде, Канзасе и других штатах.

В 1894 г. Центральный рабочий союз города Нью-Йорка жаловался прокурору штата, что нефтяной трест заставляет потребителя в этом городе платить за керосин в 2 раза больше, чем в Филадельфии, и в 3 раза больше тех, кто покупает в Нью-Йорке керосин для экспорта.

В 1889 г. комиссия конгресса США, обследовавшая деятельность трестов, выявила, что во многих городах, где только возникала конкуренция на нефтяном рынке, начиналась «война цен», т. е. борьба за уничтожение конкурентов путем резкого снижения цен. Приводились данные по 50 городам южных штатов, где на рынке нефти стали действовать конкуренты. В городе Остине (штат Техас) цена за один галлон нефти была снижена с 22 до 10, в Мемфисе (штат Теннесси) — с 16 до 8, в Литтл-Роке (штат Арканзас) — с 16 до 5 центов и т. д.[54]

[54] *Lloyd H.* Op. cit., p. 424.

Там, где не было соперников, монопольная цена не колебалась. В 1899 г. в промышленной комиссии США спросили компаньона Рокфеллера Роджерса: «Почему за 20 лет «Стандард ойл» ни разу не снизил цены на перекачку нефти по нефтепроводам хотя бы на один цент». Роджерс ответил: «Мы делаем бизнес не для развлечения, а ради долларов» [55].

Цены, как и нефтепроводы и железнодорожные фрахты, превращенные Рокфеллером в орудие установления и укрепления своей монополии, относились, повторяем, к «мирным» методам деятельности треста «Стандард ойл». Там, где они оказывались недостаточными, трест прибегал к вооруженным нападениям, взрывам и поджогам. Из диверсионных актов, совершенных «Стандард ойл», лишь один стал предметом рассмотрения в суде. Это было так называемое «дело Буффало». Во время реорганизации этого треста служащий одного нефтеперегонного завода в городе Рочестере Мэтьюс решил создать собственное нефтеперерабатывающее предприятие в городе Буффало. Мастером нового предприятия в 1881 г. стал Альберт Миллер, который ранее работал на предприятии «Стандард ойл» в Рочестере. В результате открытия нового нефтеперегонного завода цены на нефтепродукты в Буффало понизились в 3 раза [56]. По заданию управляющего рочестерским предприятием «Стандард ойл» Эвереста Миллер в июне 1881 г. организовал взрыв на нефтеперегонном заводе в Буффало. Диверсия оказалась неудачной. Предполагалось, что пламя охватит большую площадь, где были размещены нефтяные резервуары. Но ветер изменил направление, и пожар закончился уничтожением всего лишь 175 бочек нефти.

Сразу после взрыва Миллер исчез, впоследствии он появился в Калифорнии, где получал 4 тыс. долл. в год за согласие быть вдали от Буффало [57]. Через некоторое время ему предложили 5 тыс. долл. в год с тем, чтобы он уехал в Европу [58].

Улики против «Стандард ойл» и компаньонов Рокфеллера были настолько вескими, что суд, несмотря на долгую волокиту, все же не осмелился оставить его без последствий. Дело слушалось в суде первой инстанции лишь в марте 1885 г., т. е. почти через 4 года после преступления, а во второй инстанции — в мае 1886 г. К ответственности были привлечены компаньоны Рокфеллера Роджерс, Арчбелд и Макгрегор. В зале суда находился и сам Рокфеллер. 14 дней допрашивали свидетелей. Миллер признался и подробно рассказал, как его подкупом и шантажом заставили совершить диверсию. «Стандард ойл» защищали крупнейшие адвокаты. Решалась в известной мере судьба треста.

[55] Цит. по: *Tarbell I.* Op. cit., vol. II, p. 255.
[56] *Lloyd H.* Op. cit., p 294.
[57] Ibid., p. 255.
[58] Ibid., p. 267.

Целая орава сыщиков и наемных свидетелей опутала Миллера еще задолго до суда. Содержатель одного ресторана, выступая как свидетель, показал, что Миллер назвал в его присутствии дело о взрыве в Буффало «вздорным, но денежным» [59].

Суд закончился тем, что Роджерс, Арчбелд и Макгрегор «вышли сухими из воды», управляющему Эвересту и его сыну окончательный приговор был вынесен лишь в мае 1888 г. Они были признаны виновными в совершении уголовного преступления и приговорены к году тюремного заключения и штрафу в 250 долл. каждый. Потом приговор был смягчен и ограничен одним денежным штрафом. «Стандард ойл» должен был уплатить также 250 тыс. долл. по гражданскому иску за ущерб, нанесенный во время взрыва. Однако дело завершилось летом 1889 г. тем, что трест уплатил лишь 85 тыс. долл. Из этой суммы владелец потерпевшего предприятия Мэтьюс по существу не получил ни одного цента [60]. За годы борьбы со «Стандард ойл» он настолько разорился, что в январе 1888 г. его предприятие перешло в другие руки. 85 тыс. долл. едва хватило на оплату долгов предприятия и на гонорар адвокатам. «Дело Буффало» послужило уроком каждому, кто помышлял о тяжбе с Рокфеллером.

Мы остановились на диверсии в Буффало, потому что ее подробности выявлены и подтверждены судом. Другие более крупные диверсионные акты на предприятиях противников Рокфеллера даже в тех редких случаях, когда они были доведены до сведения суда, не удостоились публичного разбирательства. В 1888 г., например, в конгрессе США было объявлено об уничтожении нефтепровода компании «Атлас», конкурировавшей со «Стандард ойл». Но трест не был привлечен к ответственности. Известен случай, когда вооруженная группа, нанятая Рокфеллером для разрушения нефтепровода, использовала пушку. Но и это осталось без последствий.

К началу XX в. «Стандард ойл» подчинил своему контролю крупные железные дороги, угольные шахты, а также трамвайное дело, газ и электроснабжение во многих больших городах. К этому времени трест стал решающей политической силой, заручившись поддержкой многих членов конгресса США и законодательных собраний ряда штатов. «Через руководителей избирательными кампаниями, в которых деньги «Стандард ойл» использовались на президентских выборах, он даже подчинил своему контролю президентов США»,— писал перед первой мировой войной Генри Клайн [61]. «Политические деятели штатов и городов,— продолжает Клайн,— подкуплены корпорациями, в которые инвестированы капиталы «Стандард ойл». В Нью-Йорке, например, деньги предприятий общественного пользования обычно

[59] *Tarbell I.* Op. cit., vol. II, p. 102.
[60] Ibid., vol. II, p. 106.
[61] *Klein H.* Standard Oil or the People N. Y, 1914, p. 100.

подавляют волю населения, в результате они наживаются за счет финансов города»[62].

«Чтобы достигнуть этого,— говорит далее Клайн,— необходимо подкупать лидеров политических партий. «Стандард ойл» через рокфеллеров играет сейчас роль добродетеля в политическом аппарате Нью-Йорка — города, где инвестирована большая доля состояния Рокфеллера и где сосредоточена пятая часть национального богатства»[63].

Подкуп политических деятелей, практиковавшийся Рокфеллером, далеко не ограничивался одним Нью-Йорком. В таких крупных промышленных штатах, как Пенсильвания и Огайо, «Стандард ойл» контролировал все избирательные кампании. В 1884 г., например, было установлено, что Генри Пэйн стал сенатором от Огайо, потому что Рокфеллер сумел подкупить законодательное собрание штата[64].

Сын Генри Пэйна, Оливер Пэйн был казначеем «Стандард ойл». Пэйн-младший признал, что выборы его отца в сенат стоили ему 100 тыс. долл.[65] В течение двух лет многие американские газеты подробно описывали, как «Стандард ойл» купил для Пэйна место в сенате США. Но Пэйн по-прежнему оставался сенатором. На очередных выборах в законодательное собрание штата Огайо избиратели потребовали расследования этого дела. В начале 1886 г. вновь избранное законодательное собрание обратилось к сенату с просьбой проверить, имеет ли Пэйн законное основание числиться сенатором. Дело передали комиссии сената по выборам, которая в июле 1886 г. высказалась против удовлетворения просьбы законодательного собрания штата Огайо. Подавляющее число членов комиссии, прошедших в сенат не без помощи денег, весьма сочувственно отнеслось к «попавшему в беду» Пэйну.

Решение комиссии три дня обсуждалось в сенате США. Напрасно отдельные сенаторы возмущались. Сенатор Фрэй, не согласный с выводами комиссии по выборам, спросил: «Должна ли компания «Стандард ойл», являющаяся крупнейшей монополией в Соединенных Штатах Америки, власть которой ощущается на каждом дюйме территории страны и которая распоряжается экономикой, железными дорогами, людьми и вещами, контролировать также и сенат?»[66]

Большинство членов сената по существу дало утвердительный ответ на поставленный вопрос. 44 сенатора проголосовали против проверки мандата Пэйна, за — 17. Правда, кое-кто из сенаторов еще выступал с критическими заявлениями. Так, сенатор

[62] *Klein H.* Standard Oil or the People. N. Y., 1914, p. 100.
[63] Ibidem.
[64] В то время выборы в сенат проводились законодательными собраниями штатов.
[65] *Tarbell I.* Op. cit., vol. II, p. 114.
[66] Ibid., p. 116.

Гор говорил, что он не понимает, как сам Пэйн может спокойно заседать в сенате, не настаивая на расследовании выдвинутых против него обвинений, «когда губернатор его штата, когда обе палаты законодательного собрания его штата жалуются нам, что его место в сенате Соединенных Штатов куплено, когда второй сенатор от его штата встает и говорит нам, что в этом не сомневается преобладающая часть населения Огайо, независимо от партийной принадлежности»[67].

Однако подобные выступления никакого воздействия на Пэйна, как и на большинство сенаторов, не имели. Как в сенате, так и за его стенами, Пэйн ощущал крепкую поддержку всесильного треста. Он невозмутимо игнорировал такого рода выступления, нагло продолжал заседать в сенате, голосуя против любого билля, направленного на ущемление хотя бы и в малейшей степени власти монополий.

Таково было положение в конце прошлого века в высшем законодательном органе Соединенных Штатов. В законодательных собраниях отдельных штатов, там, где были сильны интересы Рокфеллера, «Стандард ойл» проявлял свою власть еще более открыто, грубо и нагло. В 1883 г., например, Франклин Гоуэн, обращаясь к членам законодательного собрания Пенсильвании и имея в виду политические аферы, совершенные в нефтяных районах этого штата, сказал: «Если бы действия, представленные сейчас вашему вниманию, позволяла себе какая-нибудь страна Европы или Азии в течение 6 месяцев, а не 16 лет, как у нас, корона и скипетр ее правителя были бы повержены в прах. Добрый же, честный, терпеливый, многострадальный народ нашего штата все это молчаливо переносит»[68].

«Стандард ойл» — первый и крупнейший трест XIX в., но не единственный в Америке. Уже к концу XIX в. тресты заняли значительное место почти во всех отраслях промышленности страны.

В 1888 г. в США была опубликована книга В. Кука «Тресты», в которой перечислялись отрасли промышленности, попавшие в той или иной мере под контроль трестов. К этим отраслям хозяйства относились добыча нефти, железной руды и антрацита, производство чугуна и стали, сельскохозяйственных машин, железнодорожных рельсов, металлических труб, гвоздей, меди, свинца, каучука, спичек, сахара, растительного масла и многое другое. Всего в США насчитывалось тогда около 400 трестов[69].

Каждый новый трест, подражая и копируя «Стандард ойл», вел ожесточенную борьбу за монопольные цены. Через год после создания в январе 1887 г. треста по производству льняного мас-

[67] Ibid., p. 119.
[68] Цит. по: *Lloyd H.* Op. cit., p. 115.
[69] *Hicks J.* Populist Revolt. Minneapolis, 1931, p. 79.

ла, цена за один галлон этого продукта выросла с 38 до 52 центов[70]. Такая же картина наблюдалась после создания трестов в производстве цветных металлов. С июля 1887 г. до октября 1888 г. цена на медь (например, в Нью-Йорке) поднялась более чем на 75%. Медь, себестоимость которой оценивалась с доставкой на нью-йоркский рынок в 5,75 цента за фунт, продавалась по 18,50 цента[71].

Монопольные цены охранялись и поддерживались высокими протекционистскими тарифами. После принятия тарифа Маккинли в 1890 г. глава Сахарного треста Хевмейер заявил в одной из сенатских комиссий: «Мы ставим себе задачу контролировать цены на сахар в США. Об этом нужно заявить прямо». На вопрос, сколько американцам приходится переплачивать на сахаре, Хевмейер ответил: «За три года — около 25 млн. долл.»[72]

Вместе с трестами росли архимиллионеры — вандербильты, рокфеллеры, гульды, усиливался процесс аккумуляции богатства на одном полюсе и нищеты на другом. Многие в Америке начали сознавать, что колоссальное богатство, создаваемое народным трудом, становится достоянием горстки монополистов, присваивающих это богатство нечестным путем. В стране зрело сильное недовольство, вылившееся в массовое движение против трестов. В печати появились интересные подсчеты, что можно было бы создать для народа на средства, награбленные монополиями.

Особое недовольство вызвало хозяйничанье монополий в фермерских штатах. Выросшее тогда среди фермеров, игравших немалую роль в экономике и политике США, популистское движение было направлено против грабительской практики железнодорожных компаний и промышленных трестов. Дело дошло до того, что в президентской кампании 1888 г. обе главные политические партии сочли необходимым высказать свое отношение к трестам. В платформе республиканцев говорилось: «Мы заявляем о нашем осуждении всех комбинаций капитала, осуществляемых в трестах или в других подобных объединениях». В платформе демократов было сказано: «Когда разрешают существование трестов и комбинатов... предают интересы народа»[73].

В результате массового движения против монополий конгресс США и законодательные собрания ряда штатов были вынуждены принять антитрестовские законы. В марте 1889 г. фермерский Канзас был первым штатом, принявшим такой закон. В том же году за ним последовали Северная Каролина, Теннесси и Мичиган, а в следующем — Северная Дакота, Оклахома, Монтана, Луизиана, Иллинойс, Миннесота, Миссури и Нью-Мексико. Во второй половине 90-х годов, когда в результате президентской

[70] *Baker C.* Monopolies and the People. N. Y., 1890, p. 15.
[71] Ibidem.
[72] *Петигру Р.* Торжествующая плутократия. М., 1922, с. 77—78.
[73] *Sullivan M.* Our Times, vol. II. N. Y., 1927, p. 310.

кампании 1896 г. обострилась борьба вокруг монополий, антитрестовские законы были приняты еще в ряде штатов, в том числе в промышленных штатах Нью-Йорка и Огайо.

В то же время четыре штата — Нью-Джерси, Делавэр, Западная Виргиния и до некоторой степени Мэн — поощряли деятельность монополий. Особенно старались политические деятели Нью-Джерси. Вознаграждения, получаемые от монополистических компаний за надежную защиту в Нью-Джерси, позволяли заправилам этого штата снижать местные налоги. Поэтому там нашлось немало сторонников законов, благоприятствующих трестам. В 1889 г. штат Нью-Джерси оказался первым, узаконившим так называемую держательскую компанию. Такая компания, подчиняющая себе десятки и сотни корпораций с помощью контрольных пакетов акций,— по существу та же монополия в новом обличии. В 1896 г. в Нью-Джерси был принят новый закон, разрешавший любой корпорации покупать акции и облигации других корпораций этого или любого другого штата. По закону штата налог на право создавать корпорации был в 6 раз ниже, чем в Нью-Йорке или Пенсильвании.

Штат Делавэр оказался для монополий еще более благодатным, чем Нью-Джерси. Корпорации, действующие в Нью-Джерси в соответствии с местным законом, должны иметь один день в год для собрания своих акционеров в этом штате. Делавэр и этого не требовал. Поэтому на его территории особенно охотно размещали свои правления тресты, находившиеся там лишь номинально. Дело дошло до того, что после окончания первой мировой войны в городе Вильмингтоне (штат Делавэр) на верхнем этаже сравнительно небольшого здания разместили свои официальные правления около 10 тыс. корпораций. Их аппарат занимал лишь три нижних этажа, причем фасад каждого этажа имел всего десять окон. К началу XX в. около 95% трестов страны были зарегистрированы как законные корпорации штатов Нью-Джерси и Делавэр[74]. Так, строгие антитрестовские законы одних штатов тресты обошли мнимым переводом своих правлений в другие штаты.

Конечно, федеральные власти могли воздействовать на Нью-Джерси и Делавэр с тем, чтобы они не злоупотребляли правами, которые федерация предоставляет каждому штату. Но федеральные антитрестовские законы были сформулированы очень расплывчато, фактически не только не ущемляя интересов трестов, но, наоборот, благоприятствуя их аферам.

Под давлением протестов широких слоев населения против варварских методов наживы, высоких железнодорожных тарифов на перевозку сельскохозяйственных продуктов и против монопольных цен конгресс 2 июля 1890 г. принял известный анти-

[74] *Sullivan M.* Op. cit., vol. II, p. 336.

трестовский закон — акт Шермана, признавший незаконным «любое объединение в форме треста или в иной форме, имеющее целью ограничить торговлю между штатами или с иностранными государствами».

Под понятие «иной формы» подводились и рабочие организации. Это предоставило возможность Верховному суду и юристам не только толковать закон так, как они хотели, но и дало крупному капиталу новый козырь в борьбе против рабочего класса. Впервые антитрестовский закон Шермана был использован в 1894 г. против бастовавших железнодорожников. Дебс и другие лидеры исторической забастовки в Чикаго были арестованы на основании того, что стачка препятствовала внутренней и внешней торговле США.

Ровно через год после принятия акта Шермана суд оправдал Сахарный трест, сосредоточивший в своих руках 98% производства сахара-рафинада в стране. Трест обвинялся в установлении монопольных цен на продукцию своих заводов, чего, как мы видели, не отрицал и сам его председатель. Однако в постановлении суда говорилось, что в процессе расследования установлена монополия в производстве сахара, а монополия в торговле им не доказана, поэтому закон Шермана в данном случае не имеет силы.

Даже в тех редких случаях, когда суд формально выносил обвинительный приговор на основании федеральных или местных законов, компании по существу не страдали. Им приходилось лишь менять свою вывеску. Лучшим примером в этом отношении может служить рокфеллеровский «Стандард ойл». В 1892 г. Верховный суд штата Огайо признал трест незаконным, но он фактически продолжал существовать и лишь в 1899 г. принял форму держательской компании под названием «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Через 12 лет, в 1911 г., под давлением общественности рокфеллеровским трестом занялся Верховный суд США. Формально тогда он был разделен на 38 самостоятельных компаний, фактически же он продолжает функционировать по сей день, а его деятельность и сфера влияния с тех пор неизмеримо расширились.

В годы первой мировой войны официальные лица в Вашингтоне разъясняли, что антитрестовские законы касаются только «нечестных» трестов. В 1920 г. суд решил, что деятельность Стального треста «благоразумна» и не чрезмерно ограничивает торговлю. Так крупнейшие тресты оказались в разряде «честных компаний» и попали под защиту закона.

Антитрестовское законодательство фактически узаконило тресты. И акт Шермана 1890 г., и билли, принятые впоследствии, лишь ускорили процесс трестирования американской промышленности. Президент Гамильтонского института Иенкс, эксперт по этому вопросу, а вместе с тем человек, которого отнюдь нельзя заподозрить в нелояльном отношении к трестам, отмечал в

1928 г., что «обзор мероприятий, проведенных против монополий, свидетельствует о провале антитрестовской политики» [75].

Бывший сенатор Петигру, характеризуя после первой мировой войны итоги тридцатилетней «борьбы» против трестов, пришел к следующему выводу: «Внимательный обзор всего законодательства с момента принятия в 1890 г. антитрестовского закона Шермана и до настоящего времени убеждает меня в том, что конгресс последовательно стремился скорее к покровительству трестам, нежели к их разрушению, и что его политика вырастила эти мощные синдикаты, эксплуатирующие американский народ...»

В 1920 г. решено было сохранить жизнь Стальному тресту на том основании, что этого требует государственная политика. Вряд ли можно найти лучшие комментарии к создавшейся ситуации, чем интервью, данное судьей Гари после объявления постановления суда: «Вынесенное постановление создает безграничное чувство уверенности в прочности частной собственности и в возможности свободного развития промышленной инициативы» [76].

Логика капиталистического развития привела к тому, что в наше время в США ведется открытая кампания за отмену антитрестовских законов. В марте 1966 г. журнал «Форчун» выступил со статьей под названием «Антитрестовские мероприятия в эру радикальных изменений», которая вторично появилась в виде специального приложения к номеру этого журнала за март 1967 г. В ней утверждается, что антитрестовские законы... бьют по тем компаниям, которые подняли экономику США на вершину мирового капитализма. По мнению журнала, эти законы были уместны и понятны в конце прошлого века, но сделались анахронизмом в годы больших изменений, когда монополии стали неизбежным результатом современного индустриального развития, когда новейшая технология, диверсификация производства и огромные затраты на научно-исследовательские работы доступны лишь крупным корпорациям. Аргументы против трестов, казавшиеся разумными в устах Брайана, заключает «Форчун», в наши дни равносильны совету принести в жертву «материальное благополучие во имя социальных, политических и моральных идеалов» [77].

Конечно, в XX в. многое изменилось. Существенные изменения претерпело американское и все мировое капиталистическое хозяйство, особенно с начала второй половины нашего века, когда развернулась научно-техническая революция. Но аргументы защитников монополистического капитала, доводы противников антитрестовских законов остались такими, какими они были в XIX в. Еще на рубеже нашего столетия «Стандард ойл», как мы

[75] A Century of Industrial Progress. N. Y., 1928, p. 290.
[76] *Петигру Р.* Указ. соч., с. 78—79.
[77] «Fortune», March 1966, p. 225

видели, утверждал, что борьба против монополий равносильна выступлению против «поступательного шествия цивилизации». Еще в 1900 г. губернатор штата Нью-Йорк Теодор Рузвельт заявил в законодательном собрании этого штата, что деятельность трестов вытекает из «неизбежного развития нашей современной индустриальной жизни», что многое из содержащегося в антитрестовских законах нельзя осуществить, «не повернув вспять современный прогресс» [78].

Напрасно, однако, беспокоились Рокфеллер и Теодор Рузвельт в прошлом, а редакция журнала «Форчун» — в наше время. Никогда антитрестовские законы по-настоящему не соблюдались. Дело не только в том, что обе основные партии — республиканская и демократическая — связаны с монополиями персональной унией и зависят от них в финансовом отношении, не только в том, что их лидеры, правительство и решающие силы в конгрессе в XX в. представляют плоть и кровь монополистического капитала. В США любое правительство, любая партия, стоящая у власти, зависят от состояния экономики. Поскольку монополистический капитал захватил в экономике ключевые позиции и держит в своих руках хозяйственные рычаги страны, выступление федеральных властей против трестов равносильно подтачиванию собственных опор. Высокая хозяйственная конъюнктура — лучший козырь правящей партии в избирательной борьбе.

В эпоху империализма все больше распространяется, все больше укрепляется власть крупных корпораций, господство монополий в экономике страны. Чем больше растет влияние монополистического капитала в экономике, тем меньше оснований полагать, что федеральные власти, как и местные, будут соблюдать антитрестовские законы.

Монополии контролируют всю политическую жизнь США. Они держат в своих руках федеральные и местные законодательные учреждения, губернаторов и судей, колледжи и университеты. Каждая крупная корпорация имеет представителей в Вашингтоне и в законодательных собраниях штатов, а также содержит мощный пропагандистский аппарат и огромное число официальных и тайных эмиссаров во всех уголках страны.

Везде — в федеральной столице и в столицах отдельных штатов — промышленные, железнодорожные и другие монополии срослись с партийно-политическим механизмом государства. Дж. Линкольн-Стеффенс, активно разоблачавший в последние годы XIX и в первые годы XX вв. коррупцию политических деятелей, продавшихся трестам, писал: «Каждый раз, когда я пытался расследовать источники политической коррупции в каком-либо городе, оказывалось, что поток коррупции разветвляется в самых неожиданных направлениях, превращаясь в сеть вен и артерий столь сложную, что трудно составить ясную картину.

[78] «Fortune», March, 1966, p. 129.

Этот поток направляется от политики в русло пороков и преступлений, от политики в бизнес и снова возвращается в политические каналы» [79].

Такова утренняя заря, предыстория монополистического капитала США, такова правда о трестах.

3. Антрацитовая стачка

Специальные ассоциации предпринимателей. Гражданский промышленный союз. Национальная гражданская федерация. Условия труда шахтеров. Конфликты на шахтах. Забастовка 1902 г. Президентская комиссия. Уроки стачки.

США шагнули в XX век как крупнейшая промышленная страна, хозяйственные высоты которой заняли монополии. Помимо того, что интересы монополий защищали правительственный и партийный аппараты, федеральные и местные законодательные органы, суд и полиция, к началу нового века в стране существовали специальные организации крупного капитала для борьбы с рабочими.

Первые объединения предпринимателей для борьбы с рабочими организациями появились в США еще в первой половине прошлого века. Так, в 1825 г. бостонские капиталисты объединились и совместно выступили против движения за сокращение рабочего дня. В 60-х годах XIX в. в Нью-Йорке, Массачусетсе, Мичигане и других штатах возникли генеральные и вспомогательные — отраслевые — ассоциации предпринимателей. Одна детройтская газета описывала в 1864 г. задачи этих организаций следующим образом: «Каждая ассоциация уполномочивалась фиксировать и регулировать время от времени максимальный уровень заработной платы различным категориям рабочих ее предприятий, а также устанавливать минимальные цены на товары и тарифы на различные виды работ. Генеральная ассоциация состоит из самых способных представителей вспомогательных ассоциаций. В ее обязанности входит следить, чтобы все ассоциации соблюдали существующие правила, а также разрешать споры, которые возникают между отдельными ассоциациями или внутри ассоциации» [80].

В последней четверти XIX в. в США возникло примерно 15 национальных ассоциаций предпринимателей. Наиболее воинствующей считалась основанная в 1895 г. Национальная ассоциация промышленников, которая в первые годы XX в. насчитывала около 3 тыс. членов. Она имела специальный фонд в 1,5 млн. долл. для борьбы с организациями рабочих и содержала не

[79] Цит по: *Sullivan M.* Op. cit., vol. II, p. 328.
[80] Цит. по: *Commons J.* History of Labour in the United States, vol. II. N. Y., 1921, p. 27.

менее 12 тыс. агентов и шпионов в профессиональных союзах[81].

В 1903 г. некоторые национальные ассоциации предпринимателей слились, основав Гражданский промышленный союз Америки. В 1905 г. он объединял несколько сот тысяч промышленников. Союз выступил с пространной программой борьбы против организованного труда, в частности против коллективных договоров и «закрытой мастерской».

В поисках более изощренных и гибких методов дезорганизации пролетариата предприниматели вытащили на свет старую, обанкротившуюся более 100 лет назад теорию об общности интересов рабочих и работодателей. Еще на заре капитализма, в 1789—1790 гг., в США возникли общие союзы рабочих и фабрикантов: ассоциации рабочих и предпринимателей в Провиденсе, Нью-Йорке, Бостоне и других городах. В первые же годы XIX в. предприниматели были изгнаны из профсоюзов. Рабочие уже тогда убедились, что их интересы противоположны интересам хозяев. Через 100 лет знакомый нам республиканский босс Марк Ханна незадолго до своей смерти в 1904 г. подготовил план организации классового сотрудничества на основе общих союзов рабочих и капиталистов. Задуманная им организация возникла в 1904 г. в Чикаго под названием Национальная гражданская федерация (НГФ), которая объединяла крупных капиталистов и реакционных лидеров профсоюзов. В списках федерации значились фамилии Моргана, Дюпона, Лоджа и других крупнейших магнатов. Вице-президент Американской федерации труда (АФТ) Мэтью Уолл стал заместителем председателя гражданской федерации.

Национальная гражданская федерация ставила своей задачей оказание помощи в решении больших социальных и промышленных проблем, стоявших перед Америкой. Истинная же цель этой организации состояла в том, чтобы не допустить развития забастовочного движения. В декабре того же года был создан промышленный отдел федерации для содействия сотрудничеству между трудом и капиталом и обеспечения мира в промышленности. Федерация открывала огромные возможности для систематического подкупа лидеров АФТ. Она формально признала профсоюзы, после чего председатель АФТ Гомперс и его сподвижники начали проповедовать «деловое сотрудничество» профсоюзных бюрократов и крупных капиталистов, направленное против рабочего класса.

Между тем рабочий класс в своей массе вступил в XX век неорганизованным. В 1900 г. в США числилось 13 млн. наемных рабочих[82], а в профсоюзах насчитывалось всего 791 тыс.[83], что составляло 6% общего числа рабочих. Но и этот процент факти-

[81] *Хилкуит М.* Указ. соч., с. 248.
[82] «Historical Statistics of the United States». Washington, 1960, p. 74.
[83] Ibid., p. 97.

чески был ниже, так как в рабочие профсоюзы входили и некоторые категории служащих. Кроме того, из 791 тыс. членов профсоюзов 548 тыс., или около 70%, принадлежали к АФТ, которая, как было показано, защищала интересы лишь квалифицированных, преимущественно американских и американизированных рабочих. Лидеры АФТ соревновались со своими партнерами — капиталистами по Национальной гражданской федерации в проповеди классового сотрудничества. Более 90% рабочего класса США, главную массу которого составляли выходцы из других стран, оставались неорганизованными.

Крупный капитал, создавая монополистические объединения, имел благоприятные условия для эксплуатации рабочего класса.

Мы видели, что в 90-х годах, в период расцвета американского капитализма, заработная плата в промышленности падала, особенно там, где трудились иммигранты, где было много выходцев из Восточной и Юго-Восточной Европы. Примером в этом отношении могла служить угольная промышленность, в частности антрацитовый бассейн в Пенсильвании, где состав рабочих был крайне пестрым: «там насчитывалось чуть ли не 20 различных национальностей» [84].

В то время, как, например, в 1896—1900 гг. среднегодовая заработная плата рабочих в обрабатывающей промышленности США составляла 416 долл., а на железных дорогах —544 долл., углекоп за свой тяжелый, вредный и опасный труд получал в среднем лишь 337 долл. в год [85]. В антрацитовых шахтах средний заработок был еще ниже, в 1902 г. он составлял в среднем лишь 22 долл. в месяц [86].

Тяжелая нужда заставляла шахтеров посылать своих детей с ранних лет на заработки в шахты. Шахтовладельцы охотно эксплуатировали детский труд: за одинаковую работу подросток получал $^2/_3$, а иногда и менее того, что получал взрослый рабочий [87]. Шахтеров, работавших сдельно, постоянно обвешивали и обмеривали при приеме добытого угля. Немалую роль в снижении жизненного уровня шахтеров сыграли хозяйские лавки, где продукты были самого низкого качества, а продавались по высоким ценам. Десятичасовой рабочий день считался тогда нормальным, а некоторые категории горняков, например те, которые занимались откачкой воды из шахт, трудились по 12 часов в смену.

Непомерно тяжелые условия труда, упорный отказ предпринимателей удовлетворить требования о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня вызвали протесты шахтеров. В 1902 г. вспыхнула антрацитовая стачка, вошедшая в историю

[84] *Иелн С.* Из истории забастовочного движения в США. М., 1950, с. 138.
[85] «Historical Statistics of the United States», 1961, p. 91.
[86] *Иелн. С.* Указ. соч., с. 134.
[87] «Report to the President on the Anthracite Coal Strike», Washington, 1903, p. 184.

рабочего движения США как одно из самых крупных сражений труда с капиталом, занявшее в свое время большое место во всей общественной и политической жизни страны.

Это забастовка углекопов была первой крупной стачкой в XX в. и вместе с тем завершающей в серии крупных выступлений, потрясавших США в последней четверти XIX в. и ставших историческими. Правда, антрацитовая стачка, в отличие от исторических железнодорожных забастовок конца прошлого века, охватывала лишь ограниченный район в Пенсильвании. Но этот район тогда имел большое значение для густо населенных северо-восточных штатов, где уголь служил основным топливом. С ростом городов спрос на антрацит увеличивался. В 1901 г. его добыча достигла 60 млн. т [88].

С 70-х годов залежи антрацита начали захватывать железнодорожные компании. К началу XX в. им принадлежало более 90% антрацитовых месторождений [89]. Эти железнодорожные корпорации контролировались и финансировались Морганом. Так, углекопы в борьбе за повышение заработной платы и улучшение условий труда столкнулись с самым концентрированным монополистическим капиталом, занимавшим господствующие позиции.

Борьба между углекопами и шахтовладельцами во главе с Морганом носила острый характер. Остроту ей придавало то обстоятельство, что бастующие не ограничивались требованиями об улучшении условий жизни. Они настаивали также и на признании хозяевами антрацитового бассейна союза углекопов и «закрытой мастерской», против которой предприниматели впоследствии боролись всеми средствами в течение почти полувека (в 1947 г. они добились от конгресса принятия специального акта, объявлявшего «закрытую мастерскую» незаконной).

Когда конфликт вылился в стачку, в борьбу активно вмешались сенатор Генри Лодж, председатель национального комитета республиканской партии сенатор Марк Ханна и сам президент. Уже одно участие этих лиц в конфликте свидетельствовало о том, что стачка углекопов стала национальным событием, что она вышла за рамки экономической борьбы и приобрела общественное и политическое значение.

Забастовка 1902 г. является прямым продолжением забастовки 140 тыс. углекопов антрацитовых копей 17 сентября 1900 г. Стачку 1900 г., вспыхнувшую менее чем за 2 месяца до президентских выборов, постарались использовать в партийных интересах. Оппозиционная демократическая партия решила ее использовать, чтобы нажить на ней политический капитал. Ее газета писала: «Выступление 140 тыс. углекопов против нищенской заработной платы и различных форм жестоких издева-

[88] «Report to the President on the Anthracite Coal Strike», p. 22.
[89] Ibidem.

тельств привлекло пристальное внимание всего американского народа к определенным сторонам маккинлиевского процветания... Никакое истинное и постоянное процветание не может основываться на деградации столь многих тысяч людей» [90].

Марк Ханна и другие боссы республиканской партии, опасавшиеся отрицательного влияния стачки на избрание Маккинли, оказывали давление на своих друзей на Уолл-стрите, стараясь убедить их, что политическая обстановка заставляет предпринимателей пойти на компромисс с углекопами. По предложению Моргана 26 сентября 1900 г. в его конторе Ханна как президент Национальной гражданской федерации и председатель ее промышленного отдела встретился с владельцами антрацитовых копей. Ханна мрачными красками старался нарисовать опасность, «угрожавшую» крупному американскому капиталу в случае избрания президентом США Брайана, и несчастье, которое принесет этому капиталу приход к власти популистского правительства [91]. Шахтовладельцы пошли на уступки. Было достигнуто временное соглашение, действительное до апреля 1901 г., а потом продленное до апреля 1902 г. Заработная плата повышалась на 10%. 29 октября шахтеры возобновили работу. Это соглашение рассматривалось как перемирие: шахтовладельцы расценивали свою уступку как вынужденную, сделанную по политическим соображениям, рабочие остались недовольны, потому что их требования о сокращении рабочего дня и признании предпринимателями союза углекопов не были удовлетворены.

Весь 1901 год председатель союза углекопов Джон Митчелл развивал большую активность, встречался с Ханной и Морганом. У Моргана он безрезультатно добивался содействия в открытии официальных переговоров между союзом углекопов и шахтовладельцами. Митчелл, будучи одним из главных соратников Гомперса и ярым поборником сотрудничества с предпринимателями, пытался сделать все, что было в силах, для того, чтобы конфликт в антрацитовой промышленности не превратился в стачку.

На конференции представителей шахтеров в Шамокине в марте 1902 г. было выдвинуто требование о повышении заработной платы на 20% для работающих сдельно и о сокращении продолжительности рабочего дня с 10 до 8 часов без снижения заработной платы для остальных углекопов.

Митчелл предложил шахтовладельцам совместно обсудить это требование. Но те, считая, что такое обсуждение было бы равносильно признанию союза, категорически отвергли это предложение. Митчелл просил Национальную гражданскую федерацию о посредничестве, но из этого ничего не вышло.

[90] Цит. по: *Cornell R.* The Anthracite Coal Strike of 1902. Washington, 1957, p. 53—54

[91] Ibid., p. 54—55.

Шахтеры, все еще надеясь на мирный исход конфликта, предложили компромисс: повысить заработную плату на 10% и сократить рабочий день до 9 часов. Но шахтовладельцы упорствовали, они не шли ни на малейшие уступки, полностью игнорировали союз углекопов. После этого стало очевидно, что стачка неизбежна. Митчелл писал известному профсоюзному деятелю, неутомимому организатору углекопов Матушке Джонс и другим, что забастовка вспыхнула вопреки его желанию и советам [92].

Забастовка началась 12 мая и продолжалась до 23 октября. Лишь в Пенсильвании в ней участвовало 147 тыс. человек. Вместе с присоединившимися к ней рабочими из других штатов стачка охватила 184 тыс. шахтеров [93]. Добыча антрацита в 1902 г. сократилась по сравнению с 1901 г. более чем на 40%. Фонд помощи, собранный союзом углекопов и распределенный среди бастующих, составил 1 млн. 800 тыс. долл.[94]

Бастующие ожидали от союза углекопов, что он не ограничится материальной помощью и объявит стачку солидарности. Вопрос решался на национальном съезде углекопов, открывшемся 17 июля в Индианаполисе. За кулисами съезда орудовали Гомперс и Ханна, которым через Митчелла удалось провести резолюцию, отвергающую всеобщую стачку горняков. Отказ съезда объявить всеобщую забастовку разочаровал бастующих и усилил упорство владельцев антрацитовых копей. Но рабочие держались стойко. Не помогли и попытки сломить их волю с помощью штрейкбрехеров и солдат.

С самого начала стачки шахтовладельцы усилили вооруженную охрану копей, пытаясь с ее помощью защищать штрейкбрехеров. В результате столкновений бастующих с охраной были убиты два шахтера. В районы, охваченные забастовкой, были направлены части национальной гвардии, которые к концу стачки насчитывали 8750 солдат [95]. Командующий этими частями генерал Гобин приказал стрелять в каждого, кто бросит в солдат камень или как-либо помешает им выполнять свои обязанности. Размах и острота стачки были столь значительны, что президент США для ее подавления собирался использовать федеральные войска [96]. Военный министр Рут доложил ему, что 10 тыс. солдат регулярной армии готовы для немедленной отправки в антрацитовый бассейн [97]. До этого дела не дошло, так как вскоре в октябре стачка окончилась.

Хотя шахтовладельцы заранее подготовились к стачке, сделали значительные запасы угля, но по мере продолжения забастовки они иссякли. В Нью-Йорке, Пенсильвании и других шта-

[92] *Cornell R.* Op. cit., p. 91—94.
[93] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США, т. 3. М., 1966, с. 92.
[94] «Report to the President on the Anthracite Coal Strike», p. 36—37.
[95] *Cornell R.* Op. cit., p. 151—153.
[96] *Roosevelt T.* An Autobiography. N Y., 1929, p. 474—475.
[97] *Cornell R.* Op. cit., p. 213.

тах с каждой неделей, с каждым днем все больше ощущалась нехватка топлива. Стали закрываться заводы. С наступлением осени цены на антрацит резко возросли. В конце сентября за 1 т угля, которая раньше стоила 5—6 долл., платили 15—20 долл.[98]

В промышленных городах, расположенных на побережье Атлантики, где антрацит использовался не только для отопления, но и для приготовления пищи, создавшееся положение вызвало сильное недовольство широких слоев населения. Поскольку бастующие с самого начала шли на компромисс, а предприниматели отказывались идти на малейшие уступки, общественное мнение складывалось против шахтовладельцев. Этому способствовало также то обстоятельство, что широкие массы народа были убеждены в том, что шахтеры ведут справедливую борьбу. Как писали газеты, не было никакого сомнения в том, что симпатия американского народа — на стороне бастующих рабочих антрацитовых копей[99]. Даже в конгрессе раздавались голоса в пользу национализации антрацитовой промышленности, о передаче ее в ведение федерального правительства или администрации штата Пенсильвании[100]. На массовом митинге в Нью-Йорке была принята резолюция, в которой говорилось, что «пришло время, когда нельзя больше допускать, чтобы какай-либо человек или корпорация полностью распоряжались имуществом, которое жизненно необходимо всему народу»[101]. За переход антрацитовых шахт в собственность правительства США высказался съезд демократической партии штата Нью-Йорк.

Между тем приближались очередные выборы в конгресс. Республиканская партия у избирателей ассоциировалась с монополистическим капиталом, с крупными корпорациями, выступающими против интересов трудящихся, против их справедливой борьбы. Марк Ханна и Генри Лодж, опасаясь, как и в 1900 г., что антрацитовая стачка, если она не закончится до ноябрьских выборов, даст выигрыш оппозиционной демократической партии, активно вмешались, чтобы добиться соглашения между бастующими и шахтовладельцами. Еще больше беспокойства проявляли местные лидеры республиканской партии в северо-восточных прибрежных штатах.

В конце сентября за одну неделю президент получил три письма от Генри Лоджа. Сенатор утверждал, что за непомерно высокие цены на уголь избиратели на предстоящих выборах накажут правящую партию. Он отметил, что даже некоторые консервативные деятели предлагают лидерам республиканцев объявить в своей платформе об изъятии антрацитовых шахт у

[98] Ibid., p. 173—174.
[99] Ibid., p. 165.
[100] Ibid., p. 219.
[101] *Фонер Ф.* Указ. соч., с 97.

их владельцев [102]. На такой шаг, говорил Лодж, соглашаться не следует. В то же время он советовал оказать давление на шахтовладельцев с тем, чтобы они пошли на какие-то уступки.

В ответном письме президент сообщил, что он послал военного министра Рута для переговоров с Морганом.

Вслед за тем президент пригласил Митчелла и директоров антрацитовых компаний в Белый дом на совещание, которое открылось 3 октября. Шахтовладельцы наотрез отказались не только от каких бы то ни было уступок, но и от признания права председателя Объединенного союза углекопов вести с ними переговоры от имени бастующих.

Президент взывал к патриотизму шахтовладельцев. Митчелл готов был положиться на «объективность» президента или на беспристрастный арбитраж. Но на шахтовладельцев доводы главы государства не возымели никакого действия. Они требовали привлечения лидеров союза углекопов к ответственности на основании антитрестовского закона Шермана подобно тому, как были арестованы в 1894 г. лидеры железнодорожной стачки.

После провала совещания в Белом доме энергичную деятельность развернули Национальная гражданская федерация и Национальная ассоциация промышленников (НАП). Секретарь Национальной гражданской федерации Изли пытался свести Митчелла с железнодорожным магнатом Гарриманом. Тесно связанный с Морганом, Гарриман был склонен убедить шахтовладельцев согласиться на арбитраж.

6 октября президент выдвинул план, согласно которому шахтеры возвращаются на работу, а он назначает комиссию для обследования положения в антрацитовой промышленности и изучения существа разногласий между сторонами. Он обещал сделать все, чтобы добиться соглашения в соответствии с выводами комиссии. Забастовщики отвергли план президента, и Митчелл вынужден был ответить, что он не может согласиться с предложением, которое не дает никакой гарантии даже малейших уступок со стороны шахтовладельцев.

11 октября яхту Моргана «Корсар» посетил военный министр Рут. Через два дня Морган прибыл в Вашингтон. После совещания с президентом он заявил, что шахтовладельцы согласны передать спор на рассмотрение комиссии, назначенной президентом, и что они обещают соблюдать ее решение в течение трех лет, если углекопы немедленно приступят к работе.

20 октября собрался съезд бастующих. Митчелл два дня убеждал делегатов одобрить третейское разбирательство. 21 его предложение было принято. Через два дня углекопы вернулись на работу.

24 октября начала работу президентская комиссия. 18 марта 1903 г. комиссия вручила президенту свой отчет. В нем призна-

[102] *Cornell R.* Op. cit., p. 175.

валось, что заработная плата рабочих в антрацитовых шахтах ниже, чем у других рабочих соответствующей квалификации и подготовки. Предлагалось повысить на 10% заработную плату шахтерам-сдельщикам, ввести 8-часовой рабочий день для машинистов, кочегаров и рабочих, обслуживающих насосы, и 9-часовой рабочий день для остальных горняков; сверхурочную работу оплачивать пропорционально рабочему дню [103].

Гомперс и Митчелл изображали решение комиссии как большую победу шахтеров, гораздо большую, чем это было на самом деле. Председатель АФТ даже назвал это решение «блестящим окончанием стачки» [104].

Шахтеры далеко не были удовлетворены результатами работы комиссии. Они не видели в ее рекомендациях должной компенсации за почти полугодовую упорную борьбу. Комиссия не предлагала шахтовладельцам признать союз углекопов. Более того, девятый пункт ее решения фактически предлагал узаконить «открытую мастерскую», куда принимаются рабочие независимо от их членства в профсоюзе [105].

Многие профсоюзные деятели, особенно Матушка Джонс, критиковали чрезмерно уступчивую позицию Митчелла.

Антрацитовая стачка 1902 г. была борьбой между монополистическим капиталом, который выступал единым фронтом, возглавлявшимся НАП, и наиболее эксплуатируемыми, наименее организованными рабочими — углекопами. Эта борьба наглядно продемонстрировала унию монополистического капитала, правительства и лидеров республиканской партии. Она продемонстрировала также сплоченность шахтеров, состоявших в основном из иммигрантов, представителей почти 20 национальностей, их организованность и дисциплинированность в борьбе, способность успешно вести ожесточенную борьбу с могущественными корпорациями, на стороне которых были правительство, правящая партия, полиция и войска.

Стачка разоблачила соглашательскую, антирабочую политику лидеров АФТ во главе с Гомперсом. Последние вместе со своими коллегами по Национальной гражданской федерации, учитывая уроки антрацитовой стачки, стали изобретать более изощренные способы «обеспечения мира» в промышленности.

Уроки извлекли также горнорабочие, наиболее активные, боевые отряды которых стали искать в борьбе с капиталом новые организационные формы вне АФТ.

Их упорная, напряженная борьба в 1902 г. показала, что монополистический капитал США, вступая в XX столетие с экспансионистской, империалистической программой на мировой арене, сталкивается внутри страны с грозной проблемой классовой борьбы.

[103] «Report to the President on the Anthracite Coal Strike», p. 80—81.
[104] *Cornell R.* Op. cit., p. 234.
[105] «Report to the President on the Anthracite Coal Strike», p. 83.

III

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ И ЕГО ПОЛИТИКА «БОЛЬШОЙ ДУБИНКИ»

1. Теодор Рузвельт

Самый молодой президент. Противоречивый политик. «Макрейкеры». «Спаситель» капитализма. Влияние Джеймса и Дьюи. Отклик на реформистские идеи в Западной Европе. Родословная. Член законодательного собрания. Комиссар полиции Нью-Йорка. Командир полка «буйных всадников». Губернатор штата Нью-Йорка. Вице-президент США.

6 сентября 1901 г. Уильям Маккинли при посещении панамериканской выставки в Буффало был смертельно ранен. Через восемь дней он скончался. Согласно конституции его пост занял вице-президент. Так Теодор Рузвельт в возрасте 42 лет стал 26-м президентом США — самым молодым в истории страны.

Рузвельт был президентом в начале новой эпохи — эпохи империализма, в годы, когда США превращались в мировую державу. 26-й президент не просто возглавлял государство и правительство в период кардинальных внешнеполитических изменений, но и олицетворял происходивший поворот. Он был не только проводником новой империалистической политики, но и ее конструктором.

В воинственных, захватнических проповедях не уступали Рузвельту и такие идеологи американского империализма, как адмирал Мэхэн, сенаторы Лодж и Биверидж. Но деятельный и решительный президент не только проповедовал агрессивную внешнюю политику, но и проводил ее в жизнь.

Рузвельт занялся активной политической деятельностью как раз в то время, когда окрепший монополистический капитал США решительно приступил к осуществлению своих империалистических замыслов. В историю внешней политики США Рузвельт вошел как автор пресловутой доктрины **«большой дубинки»**, которую, по его выражению, всегда нужно держать наготове в мировой политике. «Разговаривай мягко и держи дубинку — далеко пойдешь» стало его девизом во взаимоотношениях с иностранными государствами.

Президент развивал активную деятельность не только во внешней, но и во внутренней политике. Он активно вмешивался

в экономику, в дела корпораций, в операции трестов, банков и железных дорог. Уже в начале своего первого президентского срока, в 1902 г., Рузвельт совершил поездку по Новой Англии и Западным штатам, выступая с речами, в которых впервые в истории страны глава исполнительной власти выдвигал программу активного вмешательства государства в экономику.

В дальнейшем он утверждал, что нельзя вести успешно хозяйство «в соответствии с практикой и теорией, на которых экономика базировалась 60 лет назад, не отказавшись от паровой и электрической энергии, не уничтожив не только большие города и современное хозяйство и промышленность, но и все достижения нашей цивилизации». Хозяйство, продолжал он, «должно контролироваться в интересах всего общества», а это, по его словам, может быть достигнуто лишь одним путем — «предоставлением соответствующих функций контроля одному органу, способному осуществлять такие полномочия,— федеральному правительству»[1].

В этом отношении он на три десятилетия опередил своего дальнего родственника Франклина Рузвельта. Он опередил будущих американских президентов и в выдвижении идеи международной полицейской силы. Он так же раньше их осознал роль России в новом веке: «На свете нет такого государства,— заявил он,— которое больше, чем Россия, определяет судьбу грядущих лет»[2].

В США Теодора Рузвельта причисляют к самым выдающимся президентам, доходя до утверждения, что Вашингтон основал республику, Линкольн сохранил ее от раскола, а Рузвельт возродил и обновил ее. Уолтер Липпман писал, что «семь лет его президентства были решающим периодом в американской истории»[3].

26-й президент США был человеком широких интересов. Франклин Рузвельт считал его одним из тех людей, которые во всей истории США особо выделялись универсальностью интересов и знаний[4]. Теодор Рузвельт был историком, натуралистом, выдающимся оратором, незаурядным литератором. Его разностороннее образование сочеталось с большим трудолюбием. Книги, брошюры, статьи и опубликованные речи Рузвельта насчитывают более двух тысяч названий[5].

Жизнь и деятельность каждого президента изучены, исследованы и освещены в книгах и статьях. Жизнь Теодора Рузвельта

[1] *Blum J.* The Republican Roosevelt. Harvard, 1954, p. 117.
[2] Ibid., p. 135.
[3] Цит. по: *Lare J.* The Essential Lippman. N. Y., 1965, p. 487.
[4] *Roosevelt F.* Looking Forward. N. Y., 1933, p. 11.
[5] Рузвельт прожил 60 лет. Из них почти 40 лет он занимался политикой. За это время он написал около 150 тыс. писем — в среднем более десяти писем в день. (*Bishop J.* Theodore Roosevelt and His Time, vol. I. N. Y., 1920, p. VII—VIII).

занимает в этом отношении одно из первых мест. 26-й президент был своеобразным государственным деятелем. Многие книги о о нем содержат противоречивые, диаметрально противоположные характеристики.

В энциклопедии «Американа» Теодор Рузвельт изображается как «человек привлекательных качеств»[6]. Американские историки утверждают, что в общественной жизни США, за исключением, может быть, Томаса Джефферсона, никогда не было другого человека, который бы так хорошо знал, как завоевывать расположение других людей[7]. В вопросах расовых некоторые считали его даже прогрессивным. Был такой случай: пять недель спустя после того, как Рузвельт стал президентом, он пригласил в Белый дом негра — Букера Вашингтона. Гость обедал вместе с президентом и его семьей. Это был образованный человек, глава технического учебного заведения для негров в Алабаме. Он родился рабом. «Дерзость» Рузвельта расисты южных штатов резко осудили. Газета «Таймс» города Ричмонда по этому поводу писала: «Одним поступком Рузвельт развеял благосклонное теплое отношение, нараставшее к нему на Юге». Губернатор Джорджии Кандлер произнес: «После того, что случилось, ни один уважающий себя белый не может иметь какие-либо отношения с президентом»[8]. Сенатор Тиллмен заявил, что, пока Рузвельт занимает Белый дом, его ноги там не будет[9]. На эти выпады Рузвельт ответил, что будет приглашать Букера Вашингтона на обед «так часто, как пожелает»[10]. Однако Букера Вашингтона больше не приглашали в Белый дом. Но позиция Рузвельта в расовом вопросе оценивалась как лояльная.

Немало биографов и лично знавших его людей аттестовали Рузвельта весьма нелестно. Они утверждали, что это был мнимый, притворный радикал, «виртуозный демагог, боящийся социализма и революции»[11]. Он отнял руководство прогрессивным движением у Роберта Лафоллета, а потом — сокрушил это движение. В. И. Ленин назвал Теодора Рузвельта «любезный шарлатан»[12].

26-й президент жаждал власти. У него были замашки диктатора[13]. В 1904 г. появилась карикатура, изображающая Рузвельта надевающим корону и заявляющим: «Государство — это я, Теодор I, король Америки»[14].

Марк Твен и Генри Ллойд, автор нашумевшей книги «Богатство против всеобщего благосостояния», называли Рузвельта

[6] «The Encyclopedia Americana», vol. 23, p. 685.
[7] *Hacker L., Kendrick B.* The United States since 1865. N. Y., 1932, p. 382.
[8] Цит. по: *Sullivan M.* Our Times, vol. III. N. Y., 1930, p. 138.
[9] *Pringle H.* Theodore Roosevelt. N. Y., 1931, p. 422.
[10] Ibid., p. 249.
[11] *Aaron D.* Men of Jood Hope. N. Y., 1961, p. 248, 250—251.
[12] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 22, с. 194.
[13] *Blum J.* Op. cit., p. 8, 38, 107.
[14] Цит. по: *Sullivan M.* Op. cit., vol III p. 76.

«поддельным либералом»[15]. В 1901 г. Ллойд назвал Рузвельта «драчливым милитаристом», а в 1903 г. «бешеной собакой»[16]. Сумасшедшим назвал его даже лидер республиканской партии Марк Ханна[17].

Сам Рузвельт выступал в позе безукоризненного моралиста. Он даже позволил себе читать нравоучение Золя и Диккенсу, Горькому и Толстому. Однако сенатор Петигру развеял миф о высоконравственном президенте, уличив Рузвельта в нарушении присяги в связи с делом об уплате налогов[18]. Еще больше о «нравственности» президента говорят его собственные слова. В 1902 г. Рузвельт писал, что его они «в малейшей степени не волнует убийство любого количества людей, если это достаточно оправдано»[19].

Конечно, биографы Рузвельта имели дело с противоречивым политиком, суждения которого казались «слишком радикальными для консерваторов и слишком консервативными для радикалов»[20]. Чтобы иметь представление о Теодоре Рузвельте как о человеке и политике, необходимо представить себе условия, в которых он рос, воспитывался и действовал.

Когда закончилась гражданская война между Севером и Югом, Рузвельту шел седьмой год.

Препятствия, стоявшие на пути быстрого развития капитализма в Америке, были сняты. Наступили годы бурного роста промышленности, транспорта, заселения и освоения огромных пространств на Западе. В то же время происходило расхищение общественных земель и естественных богатств железнодорож-

[15] *Aaron D.* Op. cit., p. 247.
[16] Ibid., p. 251—252.
[17] *Blum J.* Op. cit., p. 22.
[18] «После окончания испанской войны,— писал Петигру,— Рузвельт поселился в городе Вашингтоне. Так как он унаследовал большое состояние в Нью-Йорке, нью-йоркский податной инспектор внес его в лист плательщиков штата Нью-Йорк на крупную сумму. Рузвельт отклонил налог, показав под присягой, что он живет не в штате Нью-Йорк, а в городе Вашингтоне и что, не будучи гражданином Нью-Йорка, он не подлежит обложению по законам этого штата. Вскоре после этого случая партийный босс Платт явился к Рузвельту и предложил ему выставить свою кандидатуру на должность нью-йоркского губернатора. Рузвельт живо возразил, что он не может быть губернатором, так как он не гражданин Нью-Йорка, и сослался на инцидент со своим отводом налогов. На это Платт заметил: «Герой Сан-Хуана, кажется, струсил». Рузвельт ответил со свойственной ему театральностью и красноречием, что он не трус и выставит свою кандидатуру. После выборов, когда он должен был принять официальную присягу в качестве губернатора штата Нью-Йорк, ему пришлось свидетельствовать, что он — гражданин этого штата. Но с тех пор, как он заявил под присягой, что не является гражданином этого штата, не прошло еще достаточно времени для приобретения прав гражданства. Услужливые юристы помогли преодолеть это затруднение, разъяснив, что проживание в Вашингтоне с целью избежать уплаты налогов по штату Нью-Йорк еще не может якобы служить основанием для отвода кандидатуры Рузвельта на пост губернатора.
[19] Цит. по: *Pringle H.* Op. cit., p. 176.
[20] *Schlesinger A.* The Rise of Modern America, 1865—1915. N. Y., 1954, p. 213.

ными и другими компаниями, сказочно росли их состояния. Вместе с тем нигде не создавались такие контрасты, не образовывалась такая пропасть между богатством и нищетой, как в Америке. И нигде в последней четверти XIX в. не развивались такие ожесточенные классовые бои, такие бурные схватки между трудом и капиталом, как в США. Нигде также в последние десятилетия прошлого века не имело место такое массовое организованное фермерское движение против хозяйничанья железнодорожных и промышленных корпораций, как в Америке. Как мы видели, несмотря на все преимущества американского сельского хозяйства, подавляющее большинство фермеров США имело низкий доход, а хозяйство более трети всех ферм к концу XIX в. вели арендаторы.

С завершением массового переселения на свободные земли социальные противоречия умножались и обострялись. Нью-йоркская газета «Уорлд» писала, что никогда США не были столь близки к социальной революции, как во времена, когда Рузвельт сменил Маккинли в Белом доме [21].

Хозяева крупнейших банков, трестов, железных дорог, господствуя в экономике, с каждым годом все больше распространяли свою власть и на политическую жизнь страны. Ко времени, когда Рузвельт стал президентом, в стране было широко распространено мнение, что один закон существует для богатых, а другой — для бедных, один закон — для владельцев корпораций, а другой — для простых людей [22].

Преемник Рузвельта Уильям Тафт, отмечая итоги развития США в конце XIX в., писал: «Тридцать лет мы были свидетелями необычайного материального развития. Увлеченные расширением наших материальных возможностей и превращением нашей страны в богатейшую в мире, мы забыли самих себя. Поощряя инвестиции капитала, мы почти полностью передали политическую власть тем, кто контролирует корпоративное богатство, и нам угрожает плутократия» [23].

Генри Ллойд говорил, что «U. S. A.» в действительности означают не Соединенные Штаты Америки, а «Соединенные синдикаты Америки». Власть этих синдикатов стала огромной. Железнодорожный магнат Гарриман хвастался, что для защиты своих интересов может купить любое число сенаторов и конгрессменов и членов законодательных собраний штатов, а когда нужно — и суд» [24].

Сам Рузвельт, оценивая положение, когда он сменил Маккинли в Белом доме, писал: «Ни в одной другой стране в мире не были накоплены столь огромные состояния. Ни в одной другой

[21] Цит. по: «Encyclopedia Britannica», vol. 19, p. 538
[22] Ibidem.
[23] Цит. по: *Schlesinger A.* The Rise of Modern America, p. 200
[24] Ibidem.

стране в мире нет такой власти у людей, владеющих этими состояниями. Эти люди почти всегда действуют с помощью и через посредство гигантских корпораций, которые они контролируют. Власть могущественных промышленных владык страны неимоверно увеличилась. Между тем способы наблюдения за ними или борьбы с их злоупотреблениями по отношению к народу, применяемые государством, остались архаичными и поэтому практически неэффективными. Суд — не странно, но в высшей степени прискорбно — к большому вреду народу и его собственному положению в течение четверти века был в целом агентом реакции. Его решения, которые оказывались враждебными интересам народа, были настолько противоречивы, что страна и отдельные штаты оставались почти беспомощными перед крупными промышленными объединениями»[25]. Однако далее словесных обличений дело не шло.

В 90-х годах XIX в. и в первые годы нового столетия в США широко распространялась литература, разоблачавшая хищничество монополий и продажность политических деятелей. Рузвельт в речи 17 марта 1906 г. назвал авторов этой литературы «разгребателями грязи» («макрейкерами»). В начале века этот термин (muck-rakers) стал нарицательным. Помимо Генри Ллойда и Айды Тарбелл, к ним относили Линкольна -Стеффенса, Дэвида Филлипса, Эптона Синклера, Сэмуэла Адамса, Теодора Драйзера, Густава Майерса, Фрэнка Норриса, Роберта Геррика, Крона Гарленда, отчасти — Марка Твена и Джека Лондона. Не только издатель Макклюр, отличавшийся разоблачением фальши и лжи в господствующих кругах США, но даже Херст в 1906—1907 гг. напечатал серию статей Филлипса под общим заголовком «Измена сената». Сенаторы были «разобраны по косточкам». Филлипс показал, как 75 из всех 90 членов сената были на содержании у железнодорожных компаний и ряда могущественных трестов. Сенат стали называть «клубом богачей».

Говоря о морали партийных боссов, сам Рузвельт нашел нужным признать: «Босс достигает власти не обыкновенными средствами, а секретными и, как правило, развращенными. Некоторые из худших самых сильных боссов в нашей политической истории совсем не занимали общественных должностей или занимали незначительные должности. Они никогда не апеллируют ни к интеллекту, ни к совести. Их работа совершается за закрытой дверью. Босс может руководить конвентами, использовать в своих целях членов законодательных органов, контролировать назначение и смещение должностных лиц и служить посредником между коррумпированной политикой и незаконным бизнесом»[26].

[25] *Roosevelt T.* An Autobiography. N. Y., 1941, p. 423—424.
[26] Ibid., p. 149.

В 1904 г. биржевой делец Лоусон, который обслуживал на рынке ценных бумаг крупнейших промышленников, раскрыл в печати грязные махинации промышленных воротил. Журнал, на страницах которого Лоусон рассказывал о сокровенных тайнах хозяев Америки, за один год увеличил свой тираж более чем в 5 раз [27].

Раскрытие жульничества и коррупции в правящих капиталистических и политических кругах, демонстрация «изнанки» Америки будоражили общественное мнение.

Разоблачительная литература в известной степени отражала глубокие социальные процессы, происходившие в стране, свидетельствовала о том, что разговоры о США, как о стране, которая никогда ранее не была так близка к социальной революции, имели основание.

В этой обстановке Теодор Рузвельт пытается выступать в роли спасителя капитализма в Америке. Опасаясь революции и отвергая «философию и метод действий марксистских социалистов», Рузвельт уверял, что можно повышать жизненный уровень масс без ущерба для богатых [28].

Выступая против злоупотреблений монополий, против коррупции партийных боссов и государственных чиновников, за поощрение реформистских профсоюзов, за социальные реформы и мир в промышленности, за проведение программы, которую он позже назвал «новым национализмом», Рузвельт исходил отнюдь не только из боязни революции: он учитывал и изменения во внутриполитической жизни США в результате заселения свободных земель, а также изменения в международном положении страны. Океан перестал служить надежным барьером, обеспечивающим изоляцию Америки от европейских и мировых дел. «Атлантический океан,— утверждали в США,— стал лишь большим каналом» [29].

Как один из идеологов американского империализма Рузвельт считал, что для успешного осуществления задуманной им внешней политики для превращения США в великую державу необходимо прежде всего навести порядок у себя дома. Идея «нового национализма» представлялась как мечта о единстве нации, о социальной гармонии внутри страны.

Рузвельт не выступал против монополистических корпораций, наоборот, он считал, что без них не было бы такого стремительного роста национального богатства. В своем первом послании конгрессу 3 декабря 1901 г. он отмечал, что концентрация производства естественна и желательна. Во втором еже-

[27] «Everybody's Magazine» (*Sullivan M.* Op. cit., vol. III, p. 89—90).

[28] *Blum J.* Op. cit., p. 27, 60, 114. Рузвельт выразил мысль, которую 60 лет спустя Джон Кеннеди, вступая в должность президента, сформулировал: «Если общество не может помочь многим, которые бедны, оно никогда не сможет спасти немногих, которые богаты».

[29] *Croly H.* The Promise of American Life. N. Y. 1914, p. 18.

годном послании в декабре 1902 г. он заявил: «Ни в коем случае мы не должны сдерживать крупное предпринимательство... не должны уступать место, которое наша страна завоевала в индустриальном мире»[30]. Повторив, что крупные корпорации являются продуктом «неизбежного развития современной промышленности», он сказал: «Мы ничего хорошего не сможем добиться в области надзора и регулирования деятельности корпораций, пока точно не уясним, что мы на них не нападаем, а лишь стараемся покончить с любым злом, которое они причиняют... Мы выступаем против дурного управления, а не против богатства»[31].

«Находясь два срока на посту президента,— отметил Д. Аарон,— он ничего не предпринимал, что могло бы задеть дом Моргана, и, не задумываясь, помог укреплению Стального треста, одобрив присвоение Фриком и Гэри акций компании угля и железа штата Теннесси»[32].

Как отмечает Шлезингер, Рузвельт не раз подчеркивал, что он против ограничения деятельности крупных капиталистических объединений и требует лишь принятия такого законодательства, которое «при сохранении их преимуществ»[33] устраняло бы злоупотребления со стороны этих объединений. Такое законодательство, по мнению Рузвельта, могло быть эффективным лишь при контроле хозяйственной деятельности федеральным правительством. Таким образом, был поставлен вопрос: должно ли хозяйство развиваться, как и раньше, самотеком, остаются ли для экономики в силе слова Авраама Линкольна, что то правительство лучше, которое правит меньше, или настало время, когда государство должно активно вмешиваться в хозяйство, контролировать и регулировать его.

О Рузвельте говорили, что его программа установления государственного контроля над экономикой и общего усиления федеральной власти означает попытки достижения целей Джефферсона средствами Гамильтона[34]. Джефферсон и Гамильтон — фигуры, олицетворявшие два политических крыла в годы американской революции и в первые два десятилетия после окончания войны за независимость. Джефферсон верил в народ. Гамильтон же твердил, что народ неспокоен и непостоянен, что он редко рассуждает правильно[35]. Джефферсон говорил о народном суверенитете, о народном правительстве, о том, что в управлении государством должны в той или иной мере участвовать широкие массы, Гамильтон утверждал, что только богатые и знатные по

[30] Цит. по: *Blum J.* Op. cit., p. 116.
[31] Цит. по: *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 233.
[32] *Aaron D.* Op. cit., p. 248.
[33] *Schlesinger A.* The Rise of Modern America, p. 206.
[34] *Croly H.* The Promise of American Life. Harvard, 1965, p. XVIII.
[35] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1923, p. 199.

происхождению люди призваны управлять государством, а народ следует держать от власти подальше.

Джефферсон активно боролся против власти капитала, против «союза капитала и государства», против концентрации богатства в немногих руках, против эксплуатации трудящихся. Следовательно, если верно, что Рузвельту импонировали методы Гамильтона, то в таком случае никак нельзя согласиться, что он преследовал цели Джефферсона.

Д. Аарон, автор книги о прогрессивном движении в США, называя Рузвельта «псевдо-прогрессивным», писал: «Он презирал Джефферсона со всей силой своих предшественников — федералистов»[36]. Джефферсон в глазах Рузвельта был «наиболее некомпетентным главой исполнительной власти в американской истории»[37].

Как отмечают биографы и американские историки, теоретической основой политики Рузвельта были положения книги Брукса Адамса «Закон развития и упадка цивилизации»[38], в частности утверждения о необходимости усиления власти централизованного правительства и империалистической экспансии США. Эта книга имела большое влияние на мировоззрение и практическую деятельность 26-го президента США.

Коротко суть философии автора состояла в том, что он пытался обосновать «предначертание судьбы», наступление «американского века». Как отмечал Аарон, Брукс Адамс, щеголяя своим шовинизмом, заявил во время испано-американской войны: «Я экспансионист, я империалист»[39].

Хотя Рузвельт не во всем соглашался с Адамсом, в частности с его предсказанием о вырождении американского общества[40], он полностью разделял негодование Адамса в отношении власти новых финансовых и промышленных королей, которые в погоне за наживой пренебрегают этическими соображениями. «Их поведение,— писал Адамс,— в личной жизни и в обществе шокирует более культурных людей»[41].

После короткого флирта с либералами и прогрессивным движением Адамс изменил свои взгляды и стал теоретиком сильной централизованной власти и империалистической экспансии. Адамс утверждал, что движущей силой человеческой деятельности являются страх и алчность. Но эти же силы, по его мне-

[36] Федералистами называли партию Гамильтона.
[37] *Aaron D.* Op. cit., p. 250.
[38] *Adams B.* The Law of Civilization and Decay. N. Y., 1897. Адамс родился в 1848 г. Его отец был послом в Англии, а дед и прадед — президентами США. Не нуждаясь в добывании средств к существованию, он много путешествовал и немало писал. В своих сочинениях, в частности в книге «Закон развития и упадка цивилизации», он пытался на основе мировой истории осмыслить прошлое и предсказать будущее США.
[39] *Aaron D.* Op. cit., p. 267.
[40] *Adams B.* The Theory of Social Revolution. N. Y., 1914, p. 35, 226—227.
[41] Цит. по: *Blum J.* Op. cit., p. 33.

нию, подтачивают цивилизацию, ведут ее к гибели. В середине 90-х годов, опасаясь революции, он выступал против популистов, против профсоюзов. В то же время он рьяно защищал монополии. В 1901 г. он писал, что тресты должны быть приняты как краеугольный камень современной цивилизации. В письме сенатору Лоджу Адамс уверял, что Америка «ведет великую борьбу за национальное превосходство», что «мы должны либо стать хозяевами, либо нас сокрушат»[42].

Адамс высмеивал разговоры о прочном, длительном мире: «Судьбы человечества зовут к войне. Одни народы уничтожают другие или же сами оказываются уничтоженными»[43].

Ратуя за сильное, централизованное правительство, Брукс Адамс твердил, что политика США должна быть настолько же эффективна и гибка, как и их экономика. «Мы должны выработать новый курс, новые методы,— писал он,— мы должны сокращать самостоятельность штатов, иметь централизованное правительство или нас ждет провал»[44]. Развивая свою идею, он выступал за существенное изменение государственного устройства США, создание своего рода системы государственного капитализма с крупными корпорациями, действующими под строгим контролем и соблюдающими железную дисциплину. Его рекомендации некоторые даже называли «государственным социализмом». Сам же он утверждал, что предлагает «социальную революцию»[45].

О разработанном им государственном строе Адамс говорил: «Назовите это, как хотите: империя, диктатура, республика или что-нибудь другое, но перед нами — те же проблемы, которые стояли перед Цезарем в Риме, когда он подавил грабительскую банду сенаторов во главе с Брутом, убившим его за это. Мы должны иметь власть достаточно сильную, чтобы обеспечивать всем равенство перед законом, или нас ввергнут в хаос»[46]. В своей «Теории социальной революции» он утверждал, что «индустриализм создал условия, которые нельзя больше контролировать старыми капиталистическими методами»[47].

Таковы взгляды псевдопрогрессивного «философа» Брукса Адамса, который порой демагогически апеллировал к антикапиталистическим настроениям народа и имел сильное влияние на президента США.

Другое произведение, взгляды и идеи которого разделял Теодор Рузвельт, была известная в США книга Герберта Кроли «Перспективы американской жизни»[48].

[42] *Aaron D.* Op. cit., p. 268.
[43] Ibid., p. 270.
[44] Цит. по: *Aaron D.* Op. cit., p. 265—266.
[45] Ibid., p. 271—272, 276.
[46] Ibid., p. 273—274.
[47] *Adams B.* The Theory of Social Revolution, p. 3.
[48] *Croly H.* The Promise of American Life.

Основатель известного журнала «Нью рипаблик» Кроли в отличие от Брукса Адамса опирается в своих рассуждениях не на мировую историю, а на развитие самих США. Его книга отличается от произведений Адамса также тем, что она не столько влияла на Рузвельта, сколько была написана под влиянием его деятельности как президента. Назвав эту работу «наиболее глубоким за многие годы исследованием, освещающим наши национальные проблемы», Рузвельт нашел в ней то, что долго искал [49].

У Кроли Рузвельт заимствовал лозунг «новый национализм», использованный им в борьбе за президентское кресло на третий срок.

Рузвельт, признавая, что в социальной жизни США с каждым годом накапливается все больше взрывчатых веществ, считал, что полагаться в дальнейшем на самотек опасно для самого существования капитализма в Америке. Выход он видел в смягчении классовых противоречий путем усиления власти федерального правительства и активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны.

Кроли назвал выход, предлагаемый Рузвельтом, «новым национализмом», считая, что необходимо отказаться от «традиционного американского патриотического фатализма», что концепция автоматического развития США должна быть заменена целеустремленностью, сознательной направленностью [50]. «Поколением раньше считали, что, если человек остается бедным и нуждающимся, его нищета была его собственной виной, потому что американская система предоставляла всем гражданам благоприятные возможности. Однако теперь недовольные бедняки начинают обвинять за свою нищету несправедливую политическую и экономическую организацию» [51]. Кроли утверждал, что политическая жизнь США нуждается в трансформации, которая должна прежде всего сводиться к усилению федеральной власти [52]. В свою очередь федеральная власть, по мысли Кроли, должна опираться на силу: «Во внутренних делах она зависит не только от общественного мнения, но, в случае необходимости, и от силы оружия» [53]. Еще более важна, по мнению Кроли, сила во внешней политике: «Война была и может быть полезным и оправданным инструментом национальной политики» [54]. Как пример справедливых войн Кроли приводит войны Пруссии с Австрией и Францией, происходившие по инициативе Бисмарка перед объединением Германии. Он также оправдывал колониальные захваты, утверждая вопреки историческим фактам, что

[49] *Croly H.* The Promise of American Life, p. XXIII.
[50] *Croly H.* Op. cit., Harvard, 1914, p. 20.
[51] Ibid., p. 20—21.
[52] Ibid., p. 50, 170, 270.
[53] Ibid., p. 255.
[54] Ibidem.

«колониальную экспансию современных государств следует рассматривать не как причину войны, а как предохранительный клапан, дающий возможность ее избежать» [55]. В этом вопросе тезисы Кроли перекликались с тезисами проекта резолюции международного социалистического конгресса, проходившего в 1907 г. в Штутгарте, в которой говорилось: «Конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие».

В. И. Ленин, называя эти слова «чудовищной фразой», писал: «На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного миросозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверства. Это — отступление в сторону Рузвельта, сказал один американский делегат» [56].

Защитник политики колониализма, хулитель джефферсоновской демократии, Кроли восхищался политикой «большой дубинки», которую Рузвельт осуществлял в международных делах, и превозносил его как реформатора во внутренней политике.

Общефилософской основой взглядов Рузвельта и его единомышленников считают работы основоположников американского прагматизма Уильяма Джеймса и Джона Дьюи.

Когда Рузвельт учился в Гарварде, Джеймс был там профессором. В 1890 г. Джеймс опубликовал работу «Принципы психологии», которые он после назвал «прагматизм» — «философия действия».

Дьюи назвал свою версию прагматизма «инструментализмом», главная цель которого — проведение необходимых в создавшихся условиях социальных реформ с целью сглаживания классовых противоречий и преграждения пути революционному марксизму.

В соответствии с «философией» прагматизма сторонники реформ, ссылаясь на факты, ставили вопросы: «Кому выгодна нерегулируемая экономика? Обеспечивает ли свободная конкуренция равные возможности для всех? Дает ли государственное вмешательство в хозяйственную деятельность положительные или отрицательные результаты?» В поисках ответов на эти вопросы Рузвельт и его приверженцы осуждали пассивное правительство, утверждения консерваторов, что экономические законы проявляются более эффективно, когда они действуют стихийно. Они требовали активного вмешательства федерального правительства и местных властей в деятельность промышленных и финансовых монополий, установления контроля над условиями труда, борьбы против злоупотреблений трестов и коррупции политических деятелей.

[55] Ibid, p 261
[56] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 16, с. 82

В то время разговоры о реформах были в моде не только в Америке, но и в Европе, в частности в Англии, печать которой имела в те годы немалое влияние на общественную мысль в США. Сам Рузвельт с раннего возраста по своему воспитанию и развитию, по деловым отношениям его отца, по своим семейным традициям и родственным узам был тесно связан с Западной Европой. С детских лет он неоднократно проводил длительное время в европейских странах [57].

Теодор относился к седьмому поколению Рузвельтов, живших на Манхэттене. Его предки по отцовской линии занимались банковским делом и торговлей, часто торговлей с европейскими странами, богатели как собственники земельных участков, а предки по материнской линии были плантаторами, принадлежали к рабовладельческой аристократии Юга. Прадед Рузвельта нажил в Нью-Йорке большое по тому времени состояние, а дед и отец умножили унаследованное богатство. Теодор Рузвельт появился на свет в условиях комфорта и роскоши. Но он оказался хилым и болезненным. Состояние здоровья не позволяло ему посещать школу, и он учился у хороших домашних учителей [58].

В 1876 г. Рузвельт поступил в Гарвардский университет. Еще студентом он начал писать свою первую книгу «История морской войны 1812 г.», выдержавшую впоследствии восемь изданий.

[57] Теодор Рузвельт родился 27 октября 1858 г. в Нью-Йорке. Его родители происходили из старинных американских семей. Первый Рузвельт — Клаас Мартенсен ван Рузвельт — пересек океан и поселился на острове Манхэттен в 1644 г., примерно через 20 лет после основания голландцами города Новый Амстердам, переименованного в 60-х годах XVII в. в Нью-Йорк.

[58] Он рано научился читать, и как часто физически слабые дети увлекался книгами. Он жадно читал Фенимора Купера и Майн Рида, «Путешествия» Ливингстона. Особенно его занимали книги по естествознанию.

Десятилетним мальчиком он совершил с семьей первое заокеанское путешествие, посетил Англию, Францию, Германию, Швейцарию и Италию. В Англии семья гостила у двух братьев матери Рузвельта, которые эмигрировали в Ливерпуль после окончания гражданской войны в США как активные воины в лагере южан. Старший брат служил адмиралом во флоте Конфедерации.

Через три года Рузвельт совершил вторую заграничную поездку. На этот раз помимо Западной Европы он осматривал достопримечательности Египта, путешествовал по Нилу, посетил исторические места Палестины и Греции.

Подростком Рузвельт по настоянию отца уделял большое внимание спорту, чтобы улучшить свое здоровье. Он брал уроки бокса и борьбы, учился стрелять из ружья и ездить верхом. Его физическое состояние укреплялось, хотя от приступов астмы он долго окончательно не мог избавиться.

С боксом он не расставался даже в Белом доме. В 1904 г. один молодой артиллерийский офицер, с которым президент США боксировал, нанес Рузвельту сильный удар в глаз. Еще до окончания второго срока его президентства Рузвельт на этот глаз окончательно ослеп. Он тщательно скрывал свой дефект (подробнее об этом см.: *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 41)

В этой работе уже тогда он выступал за политику с помощью «дубинки», доказывая, что США должны быть постоянно во всеоружии, обрушивался на Джефферсона и на его преемника Мэдисона, обвиняя их в том, что их «преступная глупость» привела США к войне 1812 г. совершенно неподготовленными.

Рузвельт поступил в Гарвард с намерением стать ученым-натуралистом, а, окончив университет, решил заняться политикой. По воспитанию и наклонностям он был республиканцем, хотя его взгляды и высказывания по социальным вопросам импонировали демократам, что впоследствии дало Брайану повод для обвинения Рузвельта в краже его идей [59].

В конце 1881 г. 23-летний Рузвельт был избран членом законодательного собрания штата Нью-Йорк как независимый республиканец. В этом собрании он оказался самым молодым. Рузвельт утверждал тогда, что симпатизирует принципам демократов, но не согласен с их практической деятельностью: «Я не могу,— пояснял он,— примкнуть к партии, которая, по крайней мере в моем городе и моем штате, состоит в большинстве своем из людей порочных и неграмотных» [60].

Большинство членов законодательного собрания штата состояло из коррумпированных политиков, которых выдвинул партийный аппарат и для которых работа в нем давала средства к существованию [61]. «Взятки, шантаж, вымогательство лежали в основе большинства законодательных актов» [62]. Молодой депутат Рузвельт, материально обеспеченный, имел возможность занимать независимое положение. Он развернул энергичную деятельность против воровства и казнокрадства и приобрел популярность. Он был избран на второй срок подавляющим большинством голосов в условиях, когда в штате Нью-Йорк республиканцы терпели неудачи одну за другой. Самый молодой депутат стал лидером оппозиции в законодательном собрании.

В июне 1884 г. 25-летний Рузвельт возглавил нью-йоркскую делегацию на национальном конвенте республиканской партии в Филадельфии. По его рекомендации негр Линч из штата Миссисипи был избран временным председателем конвента. Рузвельт стал партийной фигурой национального масштаба.

Ему предлагали баллотироваться на следующий срок в законодательное собрание или выставить свою кандидатуру в конгресс США. Он решительно отказался от обоих предложений. Семейные огорчения его сильно потрясли: в том году в один день умерли его мать и жена, которая оставила двухдневную дочь. Он решил временно отойти от политической жизни, поселившись

[59] *McCaleb W.* Theodore Roosevelt. N. Y., 1931, p. 30.
[60] Ibid., p. 31.
[61] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 7.
[62] *McCaleb W.* Op. cit., p. 30.

в Дакоте на принадлежавшем ему ранчо, где стал заниматься скотоводством, охотой, а также литературной деятельностью [63].

Начало президентской кампании и национальный съезд республиканской партии в 1888 г. застали Рузвельта в Европе. Он поспешил домой, произнес множество речей в граничащем с Дакотой штате Миннесота в пользу кандидата республиканцев Гаррисона. Когда в 1889 г. Гаррисон стал президентом, он назначил Рузвельта членом правительственной комиссии по реформе гражданской службы. Еще в законодательном собрании Нью-Йорка он был известен как сторонник борьбы с коррупцией.

Работа в этой комиссии на протяжении шести лет (большей частью в качестве ее председателя) дала ему возможность популяризовать свою активность в общеамериканском масштабе.

В США в течение целого века складывался обычай, согласно которому государственный пост является своего рода наградой за партийные заслуги. Правда, с 1883 г. существовал федеральный закон, требующий соблюдения делового принципа при приеме на государственную службу, но закон постоянно нарушали, и никто к ответственности за это не привлекался. Рузвельт, как только стал членом правительственной комиссии, отправился в Нью-Йорк, где обследовал условия приема служащих в таможню. В опубликованном им отчете утверждалось, что работа таможни характеризуется «расхлябанностью, небрежностью и мошенничеством», что ее руководители открыто высмеивают и преступно нарушают правила, определяющие их обязанности. Он проверял работу федеральной службы также в ряде важнейших западных штатов. В результате были сняты с работы некоторые почтмейстеры, а обследование почтамта в Балтиморе вовлекло Рузвельта в конфликт с министрами почты и финансов. В дело вмешалась комиссия конгресса, которая нашла обвинения, выдвинутые Рузвельтом против почтового ведомства, обоснованными.

Имя Рузвельта становилось все более известным. Влиятельные лица, среди которых были сенаторы и члены палаты представителей, оказывали давление на президента Гаррисона, требуя увольнения ретивого ревизора. Но популярность Рузвельта настолько выросла, что президент не решился на такой шаг. Более того, демократ Кливленд, сменивший в начале 1893 г. Гаррисона в Белом доме, оставил республиканца Рузвельта членом правительственной комиссии.

Рузвельт ушел из комиссии в мае 1895 г., когда ему предложили пост комиссара полиции города Нью-Йорка.

[63] С тех пор в течение ряда лет он почти каждый год публиковал новую книгу. Его перу принадлежат «Охотничьи походы ранчмена»; «Жизнь ранчо и охотничьи тропы»; «История Нью-Йорка»; «Охотник в дикой местности»; «Жизнь Оливера Кромвеля» и др. В многочисленных произведениях по каждому поводу, а иногда без всякого повода Рузвельт протаскивал мысль, что вооруженная, воинственная Америка — его идеал.

Департамент полиции Нью-Йорка он возглавлял 2 года. Еще в бытность свою членом законодательного собрания штата он настаивал на принятии мер против злоупотреблений полиции города Нью-Йорка.

Биограф Рузвельта Тэйер, например, писал о моральном состоянии полиции Нью-Йорка: «Шайки хулиганов, бандитов и убийц творили свои пиратские дела, не думая о наказании, так как делили свою добычу с блюстителями закона» [64].

Рузвельт далеко не искоренил беззакония и злоупотреблений полиции Нью-Йорка. Но зато он успешно рекламировал каждый свой удачный шаг.

Все, что Рузвельт делал до середины 90-х годов, было лишь подготовкой к осуществлению его заветной мечты внести собственный вклад в разработку практической политики господствующего класса, уже явно рвавшегося к экспансии и агрессии.

Бурную президентскую кампанию 1896 г. в кругах республиканской партии, с которыми Рузвельт общался, расценивали как свидетельство национального кризиса и «угрозы революции» [65]. Популистское движение там рассматрвали как продолжение ожесточенных классовых боев 1892 г. в Гомстэде и 1894 г. на заводах Пульмана в Чикаго, голодных походов безработных 1894 г., в частности похода на Вашингтон из штата Огайо под руководством Кокси. Нью-йоркская газета «Трибюн», комментируя движение безработных во главе с Кокси, утверждала, что это — «заговор анархистов, направленный на свержение капитала» [66].

Летом 1896 г., в разгар президентской кампании, Рузвельт обратился к председателю Национального комитета республиканской партии Марку Ханне и предложил ему свои услуги. В октябре 1896 г., выступая за выдвижение кандидатуры Маккинли на пост президента, Рузвельт заявил, что Брайан, Дебс, Кокси и другие им подобные «не имеют власти, чтобы соперничать в своих действиях с Маратом, Барером и Робеспьером, но по своим воззрениям и моральному облику они поразительно напоминают руководителей террора во Франции» [67].

Ханна поручил Рузвельту отправиться в западные штаты для выступлений перед теми аудиториями, на которые речи Брайана произвели наибольшее впечатление. На митинге в Чикаго Рузвельт заявил, что «государство находится в самой большой опасности со времени гражданской войны, что на карту поставлена честь Соединенных Штатов, что Брайан и Альтгельд по существу отрицают заповеди «не укради» и «не убий» [68]. Он вер-

[64] *Thayer W.* Theodore Roosevelt. Boston — New York, 1919, p. 98—99.
[65] *Pringle H.* Op. cit., p. 152—154.
[66] Цит по: *Зубок Л.* Очерки истории США. М., 1956, с. 151.
[67] Цит. по: *Pringle H.* Op. cit., p. 153.
[68] Ibid., p. 163.

нулся в Нью-Йорк, уверенный, что внес свою лепту в победу республиканцев на приближавшихся выборах.

После окончания избирательной кампании друг Рузвельта Генри Лодж отправился в город Кантон для переговоров с Маккинли о поощрении главы полиции Нью-Йорка за заслуги перед партией. Вновь избранный президент согласился, что Рузвельт достоин высокого поста в правительственном аппарате. Но у него, считал Маккинли, горячая голова, которая не совсем подходит для ответственной должности, связанной с внешней политикой или с военным делом. Тем не менее Лоджу удалось с помощью Ханны и будущего государственного секретаря Хея убедить Маккинли, что Рузвельта следует назначить первым помощником морского министра.

Морским министром в кабинете Маккинли стал бывший губернатор Массачусетса Джон Лонг, человек консервативный и осторожный. Лонг неоднократно отсутствовал, и фактически всю работу по подготовке военно-морского флота к наступательным операциям сосредоточил в своих руках Рузвельт.

Весной 1897 г. Рузвельт, исполнявший в то время обязанности морского министра (Лонг в это время находился на отдыхе), распорядился перебросить американские военные корабли к Гавайским островам.

До своего назначения на важный пост заместителя морского министра Рузвельт уже более 10 лет проповедовал идею строительства большого военного флота. 3 мая 1897 г. он писал своему политическому единомышленнику Мэхэну, что США должны построить 12 новых броненосцев, причем половину из них — на берегах Тихого океана[69]. Через три месяца в письме генералу Вильсону Рузвельт доказывал: «Мы не можем соревноваться в морских силах с Англией... Но я думаю, что мы должны быть впереди Германии»[70].

2 июня Рузвельт произнес воинственную речь в военно-морском колледже в Ньюпорте, в которой утверждал, что государственный департамент должен выполнять задачи адмиралтейства, а не наоборот. Он заявил: «В нашей стране нет ни малейшей опасности в чрезмерном усилении военного духа...— опасность как раз в противоположном настроении... Дипломатия совершенно бесполезна, когда за ней стоит сила; дипломат — слуга, а не хозяин солдата»[71].

С первого дня пребывания на новом посту в Вашингтоне Рузвельт готовился к войне, которую он жаждал. Гибель военного корабля «Мэн» 15 февраля 1898 г. и опубликование письма испанского посланника в Вашингтоне за неделю до этого оказались ему на руку. Но еще за полгода до этих событий он говорил

[69] *Pringle H.* Op. cit., p. 171.
[70] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 79.
[71] Ibid., p. 74—76.

Лонгу, что целесообразно не ждать, а направить военно-морские силы против Испании [72].

18 ноября 1897 г. Рузвельт писал, что азиатская эскадра США должна быть готова для атаки Филиппин, а атлантическая эскадра — Кубы и что война с Испанией принесет Соединенным Штатам немало выгод. В частности, она заставит американский народ «думать не только о материальных достижениях. Она принесет пользу нашим вооруженным силам», станет для них испытанием в настоящих сражениях [73].

В декабре 1897 г. коммодор Дьюи по инициативе Рузвельта отправился на Дальний Восток, чтобы принять командование над азиатской эскадрой США. После гибели корабля «Мэн» Рузвельт твердил президенту Маккинли, что только война «совместима с нашей национальной честью» [74]. Через 10 дней после взрыва в Гаванской бухте Рузвельт, исполняя обязанности морского министра, направил телеграмму коммодору Дьюи. За два месяца до официального объявления войны, 25 февраля, Рузвельт приказал командующему азиатской эскадрой подготовиться к захвату Филиппин. Инструкции о подготовке к войне с Испанией в тот же день были направлены европейской и южноатлантической эскадрам американского флота. По всем линиям из морского министерства шли распоряжения, означавшие, что война неизбежна. В обращении к конгрессу исполняющий обязанности морского министра просил санкционировать неограниченную вербовку в военный флот.

Лонг, отмечая торопливые, опасные действия своего заместителя в тот день, писал: «Он действовал как слон в посудной лавке» [75]. На следующий день, 26 февраля, Лонг прервал свой отдых и поспешил в министерство. С тех пор он больше никогда не поручал своему первому помощнику исполнение обязанностей министра. Но Рузвельт уже свое дело сделал. Отменить его распоряжение было нельзя. Действия Рузвельта опирались на влиятельную силу в конгрессе: «В течение всего этого периода,— подчеркивал он,— я находился в теснейшей связи с сенатором Лоджем, консультировался с ним или уведомлял его о всех предпринимаемых мною шагах» [76].

Спустя 12 лет, в 1910 г., президент Тафт, вспоминая события 1898 г., уверял: «Если бы не Теодор Рузвельт, мы никогда не смогли бы объявить войну, ибо это был он и только он, кто получил от конгресса достаточное количество снаряжения, чтобы поддержать любой наш возможный блеф реальной силой» [77].

[72] *Pringle H.* Op. cit., p. 175.
[73] Ibid., p. 176.
[74] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 89.
[75] Цит. по: *Beale H.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power, N. Y., 1962, p. 69.
[76] Ibidem.
[77] Ibid., p. 70—71.

25 апреля 1898 г. США объявили войну Испании. В мае Рузвельт оставил морское министерство и отправился в Техас в город Сан-Антонио, где был назначен сбор добровольцев в полк «буйных всадников». Во главе этого полка он участвовал в боях на Кубе и вернулся домой «героем Сан-Хуана» (возвышенность у города Сантьяго-де-Куба, во взятии которой участвовали «буйные всадники»).

Властный босс республиканской партии штата Нью-Йорк сенатор Платт тут же предложил ему баллотироваться в губернаторы штата. Партийный съезд штата единогласно выдвинул кандидатуру Рузвельта, который получил большинство на выборах. Первого января 1899 г. он стал губернатором.

За два года губернаторства Рузвельт постоянно конфликтовал с Платтом. Споры происходили преимущественно из-за налогов на корпорации и назначений на важные посты, в частности на должности руководителей строительными работами в штате. И корпорации, и лица, занимавшие доходные должности, были источником, из которого поступали крупные суммы в партийную кассу республиканцев. Платт настаивал на том, чтобы это обстоятельство учитывалось при установлении налогов на корпорации и при распределении ответственных постов. Рузвельт доказывал, что он лучше его оппонентов защищает интересы корпораций, но следует учитывать, что в стране враждебно относятся к богатым. Поэтому, говорил он, необходимо «тщательно заботиться о том, чтобы богатство не давало никакого основания для оправдания таких враждебных настроений» [78].

Уже в первом году пребывания Рузвельта на высшем посту в штате Нью-Йорк Платт и его аппарат старались избавиться от своенравного губернатора и в 1900 г., воспользовавшись избирательной кампанией, Платт решил выдвинуть кандидатуру Рузвельта в вице-президенты. Для губернатора Нью-Йорка должность вице-президента США — не повышение. Губернатор крупнейшего штата страны потенциально более сильная кандидатура на пост президента США, чем вице-президент.

Вице-президент США в конце XIX в. не имел никаких прав и никаких обязанностей. Он являлся председателем сената, но не имел в нем, как и ныне, права голоса, за исключением случаев, когда голоса разделялись пополам, чего почти не бывало. После второй мировой войны президенты США давали вице-президентам ответственные поручения, привлекали их к участию в важных правительственных комиссиях и комитетах. Но в прошлом, тем более в конце XIX в., это не практиковалось. По Конституции должность вице-президента сулит большие возможности эвентуально: смерть президента США автоматически освобождает Белый дом для вице-президента.

[78] Цит. по: *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 123.

Рузвельт не ожидал смерти Маккинли. Он всячески отказывался от выдвижения своей кандидатуры в вице-президенты. Он говорил, что не хочет числиться в должности, в которой ничего нельзя делать, что по своему возрасту и характеру он не подходит для бездеятельного и лишенного фактического влияния поста вице-президента, что он желает остаться еще на срок губернатором Нью-Йорка [79]. В письмах сенатору Лоджу в феврале 1900 г. Рузвельт открыто говорил, что его выдвигают кандидатом в вице-президенты, потому что хотят освободиться от него. В письме Платту 7 февраля Рузвельт утверждал, что предпочитает стать профессором истории, чем вице-президентом США [80].

Национальный съезд республиканской партии, открывшийся 19 июня 1900 г. в Филадельфии, решил подавляющим большинством голосов — в целях обеспечения уверенной победы Маккинли на выборах — выдвинуть кандидатом на пост вице-президента Рузвельта независимо от его согласия. Рузвельт, присутствовавший на съезде в качестве делегата от Нью-Йорка, расценил выдвижение его кандидатуры на новую должность как конец его политической карьеры [81].

Рузвельт стал вице-президентом в марте 1901 г. Через полгода перед ним неожиданно открылись самые большие возможности. Он достиг высшей политической карьеры, мыслимой в США.

2. Усмирение Филиппин

Мрачная страница американской истории. Филиппинская республика. США развязывают войну. Комиссия Шермана. Злодеяния экспедиционной армии США. Опустошение Лусона. Концентрационные лагеря. «Антиимпериалистическая лига».

Рузвельт, унаследовавший на три с половиной года Белый дом у Маккинли, отличался от своего предшественника. В то же время Маккинли и Рузвельт были солидарны в проведении новой внешней империалистической политики. Особенно их действия совпадали в расправе с филиппинцами.

Война США против Филиппин началась до того, как Рузвельт стал президентом, даже до того, как его выбрали вице-президентом. Но Рузвельт не только завершил эту войну. Еще в бытность его губернатором Нью-Йорка он пустил в ход «дубинку», активно участвовал в деле, покрывшем позором американский империализм.

«Нет, пожалуй,— писал сенатор Петигру,— в американской истории более мрачной страницы, чем описания наших деяний на Филиппинах» [82]. В 1898 г. по Парижскому договору США

[79] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 134—135.
[80] Ibid., p 135, 136.
[81] Ibid , p. 139—140.
[82] *Петигру Р.* Указ. соч., с. 297.

вынудили Испанию уступить им архипелаг за 20 млн. долл., намереваясь превратить его в свою колонию. Интересы населения совершенно не принимались в расчет. Представитель Филиппин на Парижской мирной конференции Агонсильо категорически возражал против этой сделки. США купили архипелаг, как феодальную вотчину, собираясь установить там колониальный режим, подобный пуэрториканскому. Между тем в отличие от Пуэрто-Рико на Филиппинах задолго до испано-американской войны существовали крупные организованные силы, которые боролись за независимость. Участники национально-освободительного движения вначале лелеяли надежду, что американцы помогут им сбросить гнет испанцев. Но они вскоре разочаровались, убедившись, что Вашингтон решил занять место Мадрида, что их родина остается колонией, только перешедшей к другому хозяину.

За два года до начала испано-американской войны на Филиппинах вспыхнуло восстание против испанского ига. Весной 1897 г. страна была объявлена республикой. Президентом был избран 28-летний Эмилио Агинальдо. Он как ставленник имущих классов пошел на соглашение с колониальной администрацией. Испанцы удержали свою власть, но обещали провести реформы. Лидерам восстания испанцы обещали 800 тыс. песо с тем, чтобы они уехали за границу. Агинальдо обосновался в Гонконге, выжидая удобного случая для возвращения на родину. Такой случай ему предоставила испано-американская война. Коммодор Дьюи, не имея достаточно сил для ведения войны против испанцев на суше, решил воспользоваться отрядами филиппинских повстанцев.

В ходе войны с Испанией, после разгрома испанского флота в Манильской бухте, 19 мая 1898 г., Агинальдо вернулся на американском военном корабле на Филиппины, когда в стране нарастало национально-освободительное движение. 12 июня в Кавите была объявлена независимость Филиппин. Было образовано правительство во главе с Агинальдо. Через неделю Испания с большим опозданием сообщила, что предоставляет Филиппинам автономию. Но никто с этим не посчитался. В июле вся территория страны, кроме Манилы, оказалась в руках восставшего народа. 6 августа Агинальдо в обращении «ко всем державам цивилизованного мира» призвал признать Филиппины независимыми, а восставший народ — воюющей стороной.

Между тем в августе 1898 г., когда испанский гарнизон в Маниле капитулировал перед восставшими, американцы помешали вооруженным силам филиппинцев, осаждавшим столицу, вступить в пределы города. Запрещение филиппинским частям входить в столицу их страны сразу раскрыло перед ними захватнические планы правительства США, его стремление сохранить архипелаг как американскую колонию. С тех пор недоверие местного населения к американцам постоянно нарастало. Отно-

шения между оккупационной армией и вооруженными силами филиппинцев все более ухудшались.

4 января 1899 г. на Филиппинах была опубликована декларация Маккинли о том, что «Соединенные Штаты взяли в свои руки верховное управление островами» и распространяют свое военное управление в Маниле на весь архипелаг. Сенатор Петигру назвал эту декларацию «прямым объявлением войны»[83]. Ровно через месяц, 4 февраля, американцы атаковали вооруженные силы Филиппин. Так США начали войну против филиппинского народа, затянувшуюся на годы. К началу войны в американской оккупационной армии насчитывалось около 20 тыс. солдат. В ходе военных действий ее численность увеличивалась и дошла до 100 тыс. По данным военного командования США, до 16 июля 1902 г. на Филиппины были отправлены из Америки 128 тыс. человек[84].

Филиппинцы сражались самоотверженно, но они не были обучены и вооружены настолько, чтобы долго противостоять американской армии в открытых боях. К тому же среди руководителей филиппинской республики не было единства. Обнаружились разногласия между правительством и командованием вооруженными силами: Агинальдо готов был вступить в переговоры и пойти на соглашение, а командующий основными вооруженными силами республики генерал Антонио Луна настаивал на продолжении и активизации вооруженной борьбы за независимость Филиппин.

В марте 1899 г. в Манилу прибыла специальная правительственная комиссия США во главе с президентом Корнельского университета Шерманом. Под влиянием общественного мнения и протестов в связи с действиями вооруженных сил США на Филиппинах Маккинли направил эту комиссию для выяснения положения на месте.

Правительство Агинальдо установило контакт и вступило в переговоры с комиссией Шермана. 5 июля 1899 г. главный противник соглашения с американцами, ярый сторонник продолжения беспощадной борьбы с империалистическими захватчиками генерал Луна был убит личной охраной Агинальдо.

К концу 1899 г. филиппинская армия как организованная сила с общим командованием практически перестала существовать. Вооруженная борьба против американских захватчиков превратилась в народную партизанскую войну.

Ожесточенная война продолжалась еще около 3 лет. В этой войне Агинальдо заметной роли не играл. Более того, с весны 1901 г. он даже стал выступать за полное примирение с американцами.

[83] *Петигру Р.* Указ. соч., с. 300.
[84] *Storey M.* Secretary Root's Record Boston, 1902, p. 53.

В ноябре 1899 г. Агинальдо и ближайшие его помощники укрылись в глухом уголке горного района острова Лусон, откуда их руководство партизанской войной могло быть лишь местным и незначительным. Однако американцы, переоценивая роль Агинальдо в этой войне, не переставали за ним охотиться. Весной 1901 г. им удалось коварным способом его захватить. Подробности пленения Агинальдо не во всех источниках одинаковы. Бывший генерал-губернатор Филиппин, сын президента США Теодор Рузвельт-младший так описывает этот эпизод: «На острове Лусон живет небольшая группа превосходных вояк, называемых «макабеби», считающихся по преданию потомками испано-мексиканских солдат, переправленных в прошлом на Филиппины для поддержки колониальной администрации. Эти вояки преданно служили испанцам, а потом также верно американцам. Американский генерал Фенстон вполне доверился подкупленному им отряду «макабеби». В соответствии с задуманным планом этот отряд численностью около 80 человек под видом партизан 29 марта 1901 г. привел в лагерь Агинальдо генерала Фенстона и четырех американских офицеров, связанных и якобы захваченных в плен. Агинальдо не подозревая обмана, радостно их принял. Тем временем «партизаны» развязали и вооружили американцев и при их помощи захватили Агинальдо и его штаб» [85].

Через три недели после пленения Агинальдо уже присягал на верность оккупантам. Изменник обратился к филиппинскому народу с призывом прекратить борьбу, сложить оружие и отдать себя на милость «великому народу Северной Америки». Немало командиров партизанских отрядов повиновались призыву Агинальдо и прекратили борьбу. Но на этом война не кончилась.

Подавление сопротивления филиппинцев американскому нашествию продолжалось самым безжалостным и жестоким образом.

Вести о зверствах на Филиппинах, несмотря на все попытки их замолчать, просачивались и доходили до Соединенных Штатов. Осуждая действия американцев на Филиппинах, Марк Твен заявил: «Мы заставили наших еще неиспорченных молодых людей вскидывать к плечу позорное ружье и совершать бандитские дела под флагом, которого бандиты привыкли бояться, а не следовать за ним. Мы обесчестили Америку» [86].

Первые сведения о злодеяниях на Филиппинах появились в американской печати в 1900 г., когда в США вернулась группа солдат, участвовавших в войне. Солдаты сообщали, что американцы использовали против филиппинцев пули дум-дум [87].

Под давлением широкой кампании протеста, развернувшейся

[85] *Roosevelt T.* Colonial Politics of the United States, N. Y., 1937, p. 142; *Rhodes J.* The McKinley and Roosevelt Administrations. N. Y., 1923, p. 202.
[86] «The Worker», 15.I 1967.
[87] Цит. по. *Schott G.* The Ordeal of Samar. N. Y., 1964, p. 156.

как в самих Соединенных Штатах, так и за рубежом в январе 1902 г. в специальной сенатской комиссии началось слушание показаний о зверствах американской армии на Филиппинах. Большинство комиссии состояло из республиканцев, в нее входил и сенатор Биверидж. Председателем комиссии был Генри Лодж. Такой состав комиссии, естественно, не благоприятствовал обнародованию всех злодеяний завоевателей на Филиппинах. Тем не менее в результате работы комиссии были опубликованы материалы, свидетельствующие о жестокости и злодеяниях оккупационной армии США [88].

Ряд материалов сенатской комиссии содержится в книге М. Стори «Деятельность военного министра Рута», опубликованной в 1902 г., и совместном труде М. Стори и М. Личауко, вышедшей в 1926 г. под заглавием «Завоевание Филиппин Соединенными Штатами» [89].

Вот только несколько взятых из книги Стори фактов о зверствах оккупантов. Участник первого боя с филиппинцами 4—5 февраля 1899 г. Адамс сообщал: «Там оказалось 1008 убитых ниггеров и большое число раненых. Мы сожгли все их дома. Я не знаю, сколько ребята из Теннесси убили мужчин, женщин и детей. Пленных не брали» [90]. Главный остров архипелага — Лусон — был опустошен. Начальник карательной экспедиции генерал Белл сообщал 3 мая 1901 г. в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что на одном Лусоне в результате войны за истекшие два года уничтожена шестая часть туземного населения — 616 тыс. [91]

4 февраля 1902 г. в сенат США поступило показание конгрессмена, посетившего Филиппины: «Наши солдаты были беспощадны. Они истребляли мужчин, женщин и детей, пленных и заключенных, активных участников восстания и заподозренных лиц, начиная с десятилетних мальчиков. Как правило, считали, что филиппинец не намного лучше собаки, а место его — на мусорной свалке. Наши солдаты пытали людей соленой водой, чтобы «заставить их говорить», брали в плен тех, кто поднимал руки и без сопротивления сдавался, а через час без малейшего доказательства принадлежности к повстанцам их ставили на мост и расстреливали одного за другим. Они падали в воду, и насквозь простреленные тела плыли по течению для устрашения других» [92].

Генерал Фенстон, «прославившийся» при захвате Агинальдо, отдал приказ расстрелять всех пленных [93]. Капитан Гленн, офи-

[88] «United States. 57-th Congress. 1-st Session. Senate Document N 331».
[89] *Storey M., Lichauco M.* The Conquest of the Philippines by the United States, 1898—1925. N. Y., 1936.
[90] *Storey M.* Op. cit., p. 10.
[91] Ibid., p. 26.
[92] Ibid, p. 27
[93] *Schott G.* Op. cit., p. 157.

цер штаба американской армии, приказал сжечь город Игбарас на острове Панай, и город с населением в 10 тыс. жителей был сожжен дотла. Тем самым есть основания рассматривать массовые расстрелы и разрушения не как произвол отдельного командира, а как планомерный курс американского командования[94].

В стране создавались концентрационные лагеря. Штрафной лагерь для филиппинцев американцы соорудили также на острове Гуам[95]. 4 ноября 1901 г. американская газета «Таймс», издававшаяся в Маниле, сообщила, что генерал Смит, наводивший «порядок» на острове Самар, приказал всем его жителям филиппинцам переселиться в несколько прибрежных городов, предупредив, что тот, кто после установленного срока окажется за их пределами, будет немедленно расстрелян. Дела Смита полностью совпадали с его словами. В приказе генерала Смита майору Уоллеру говорилось: «Убивайте и сжигайте... превратите Самар в голую пустыню... В плен не берите... Чем больше будете убивать и сжигать, тем больше это меня удовлетворит»[96]. На вопрос Уоллера, с какого возраста филиппинец подлежит уничтожению, ответ гласил: с десятилетнего. Достоверность этих инструкций генерала Смита подтвердил военный министр Рут в письме президенту Рузвельту.

Уоллер сообщил 23 ноября 1901 г., что капитан Бирс был отправлен им с отрядом в Лируан и в соответствии с его инструкцией он уничтожил там все деревни[97].

В указанных книгах приводятся материалы и документы, рисующие мрачную картину пыток, изощренных мучений, которым американцы подвергали свои жертвы на Филиппинах: «Туземцев подвешивали за большие пальцы ног к веткам деревьев и разжигали под ними костер, чтобы жар и дым вынудили их к признанию... Если описанные пытки бесчеловечны, то водная процедура — сущий ад: туземца бросают на землю, связывают или держат за руки и за ноги, подкладывают что-нибудь под голову. Его попытки сопротивляться бесполезны. С помощью бамбуковой палки или зажимая нос, ему открывают рот и начинают вливать воду. Несчастному остается либо ее глотать, либо задыхаться... В него вливают уже четвертый галлон, пятый... Теперь на него страшно смотреть. Боль страшная! В таком состоянии он не может говорить; для этого надо удалить воду. Иногда это происходит естественным путем, но бывает, что для ускорения процедуры на жертву вскакивают и топчут ее, чтобы поскорее выжать воду». Подобным процедурам подвергались сотни и тысячи филиппинцев. Один американский сержант показал,

[94] Ibid., p. 165.
[95] *Storey M.* Op. cit., p. 60.
[96] *Storey M., Lichauco M.* Op. cit., p. 141—142.
[97] Ibidem.

что у него на глазах через такие пытки проходили по 200—300 туземцев [98].

Официально Маккинли утверждал, что США не могут «предоставить филиппинцев самим себе, ибо они не подготовлены для самоуправления, и самостоятельность Филиппин привела бы вскоре к такой анархии и таким злоупотреблениям, какие были бы хуже испанской войны» [99]. Уже одно такое утверждение президента США вызывало недовольство и протесты в стране и в конгрессе. Оно противоречило сообщениям, поступавшим в то время в Вашингтон из Манилы, в частности донесению Дьюи о том, что Филиппины гораздо лучше подготовлены к самоуправлению, чем Куба. А ведь по мирному договору 1898 г. с Испанией Кубе предоставлялась независимость.

Против превращения Филиппин в американскую колонию в США выступали антиимпериалистически настроенные группы и лица. К началу XX в. в США существовала Антиимпериалистическая лига, насчитывавшая около 1,5 млн. членов [100]. К ней принадлежали Марк Твен и другие известные писатели.

В работе лиги принимали участие ряд членов конгресса.

Тогда в стране еще были довольно сильны изоляционистские тенденции. На выборах 1900 г. демократическая партия пыталась нажить капитал на этих настроениях и как свой большой козырь в борьбе против республиканцев использовала превращение Филиппин в колонию. Против этого выступали не только кандидат в президенты от демократической партии Брайан, не только бывший президент от этой партии Кливленд, но и бывший президент республиканец Гаррисон. Против доводов Маккинли, что США распространяют свою власть на филиппинцев для того чтобы их «воспитать, поднять и цивилизовать», выдвигались возражения такого рода: «Япония, предоставленная самой себе, в течение одного поколения ушла вперед дальше, чем индийские колонии Англии в течение целого столетия. То же может произойти и с филиппинцами» [101].

Свирепость оккупационных войск на Филиппинах увеличивала число сторонников предоставления им независимости и активизировала их деятельность. Но сообщения о жестокостях на далеких тихоокеанских островах доходили до американцев уже после окончания избирательной кампании 1900 г.

В этой кампании губернатор штата Нью-Йорк Теодор Рузвельт, развивая кипучую деятельность, горячо выступал за превращение Филиппин в колонию США. В сентябре и в начале октября он проехал свыше 20 тыс. километров по западным

[98] *Storey M.* Op. cit., p. 65.
[99] *Губер А.* Филиппинская Республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961, с. 214.
[100] «The Worker», 15.I 1967.
[101] *Эндруз В.* История Соединенных Штатов, с. 544.,

штатам и произнес почти 300 речей. Рузвельт утверждал, что покупка Филиппин у Испании означает, что Маккинли в 1898 г. совершил то же самое, что Джефферсон в 1803 г., когда он приобрел Луизиану у Франции. Подавляющее большинство жителей Луизианы, продолжал он, было решительно против этой сделки с Наполеоном, но Джефферсон никогда не спрашивал их мнения. Поэтому, заключил Рузвельт, демократы, которые боготворят Джефферсона, напрасно критикуют правительство республиканцев за аннексию Филиппин, так как по существу Маккинли повторил лишь то, что за 95 лет до него сделал основоположник демократической партии [102].

Такая аналогия абсурдна. Аннексия Филиппин не выдерживает никакого сравнения с делом о покупке Луизианы: Соединенные Штаты не воевали с Францией, и Джефферсон не побеждал Наполеона. Недовольство переходом в другое подданство выражало лишь французское население Нового Орлеана. Основное население обширной территории Луизианы, состоявшее из индейцев, боролось против США не потому, что оно непременно хотело остаться под властью Наполеона, а потому, что американцы — как мы уже отметили — в отличие от французов заселяли этот край, отнимая земли у коренных жителей. Филиппинцы же активно боролись против колониального режима — как испанского, так и американского. Они сопротивлялись чужеземному гнету, откуда бы он ни исходил. Но Рузвельт не только сравнивал захват группы островов в Тихом океане с покупкой Луизианы, но и заявлял: «Филиппины составляют ныне часть американской территории. Уступать их значило бы то же самое, что уступать какую-то территорию Америки» [103]. Аналогия скорее напрашивается с тем, что вооруженные силы США совершали вблизи филиппинских островов по ту сторону Южно-Китайского моря, спустя более 65 лет: во время интервенции во Вьетнаме. 4 июля 1902 г. президент Рузвельт заявил, что усмирение Филиппин завершено. Однако волнения там не прекращались.

Прямые расходы США на проведение операции по усмирению оценивались в 170 млн. долл.[104]— в 8,5 раза больше той суммы, которую Испания получила за продажу Филиппин. Позже в США подсчитали, что Филиппины обошлись им в 300 млн. долл., не считая 14 млн. долл., расходовавшихся ежегодно на содержание там постоянных вооруженных сил[105]. В то время 300 млн. долл. считались очень крупной суммой даже для богатой Америки. Достаточно напомнить, что в 1900—1907 гг. годовой бюджет США никогда не доходил до 600 млн. долл.

[102] *Beale H.* Op. cit., p. 73.
[103] Ibid., p. 75.
[104] *Schlesinger A.* Political and Social History of the United States. N. Y., 1927, p. 482.
[105] *Rhodes G.* Op. cit., p. 212.

3. «Американское Средиземноморье»

Стратегическое значение района Карибского моря. «Жемчужина» Больших Антильских островов. Панамская афера. Договор Хея — Бюно-Варильи. Тайна 40 млн. долл. Подданные, но не граждане США. Оккупация Гаити и Доминиканской Республики. Венесуэльский конфликт. Экспансия в Мексику. «Арбитр» стран Центральной Америки.

Страны бассейна Карибского моря ввиду их близости к США с давних пор привлекали внимание Вашингтона. К началу XX в. эти территории стали крупным поставщиком тропических фруктов в США. К этому времени США, которые сами долгое время ввозили капитал, стали превращаться в его экспортера, и первые шаги в этом отношении они сделали в странах Карибского моря.

С ростом экспансионистских, империалистических устремлений Вашингтон начал рассматривать Карибское море и Мексиканский залив как «Американское Средиземноморье», как внутреннее море или даже озеро США. Со времени испано-американской войны государственный департамент уделял исключительное внимание странам бассейна Карибского моря. Особенно активен в усилении давления и распространении влияния США на эти страны был Теодор Рузвельт. Империалистическая политика Рузвельта в этом районе дала впоследствии основание утверждать: «Куба не более независима, чем Лонг-Айленд. Остров Сан-Доминго со своими двумя негритянскими республиками не более независим, чем штат Нью-Йорк. Никарагуа и Панама — только по названию республики и суверенные владения» [106].

«Жемчужина» Больших Антильских островов, Куба была ареной активной дипломатии и экспансии США еще задолго до испано-американской войны. Среди многочисленных островов, разбросанных в районе Карибского моря, Куба — самый большой. Вытянутый с запада на восток на 1200 км, он занимает важное положение на пути из США к Панамскому перешейку.

Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы оценить то большое стратегическое значение, которое американские экспансионисты во главе с Теодором Рузвельтом придавали Кубе. Еще во время провозглашения «доктрины Монро», в 1823 г., государственный секретарь США Джон Квинси Адамс предсказывал, что Куба будет аннексирована Соединенными Штатами не позднее чем через 50 лет [107].

Тем не менее спустя 75 лет, несмотря на близость, а возможно благодаря ее близости к США, в Вашингтоне решили не превращать Кубу в американскую колонию подобно Филиппинам и Пуэрто-Рико, а извлекать все важные для США преимущества, оставляя ее формально независимым государством.

[106] *Ниринг С., Фримэн Д.* Дипломатия доллара. Л., 1926, с. 103.
[107] «North American Review», January 1902, p. 19.

В объединенной резолюции конгресса США 19 апреля 1898 г. о войне с Испанией Кубе была обещана полная независимость. В этой резолюции говорилось: «Соединенные Штаты настоящим заявляют, что они не имеют никакого умысла или намерения устанавливать свой суверенитет, юрисдикцию или контроль на указанном острове, а лишь стремятся к его умиротворению. Они подтверждают свою решимость после достижения этой цели предоставить управление и контроль над островом его народу» [108]. В испано-американском мирном договоре, подписанном в Париже 10 декабря 1898 г., подтверждается, что оккупация Кубы Соединенными Штатами должна продолжаться лишь до образования на острове собственного правительства. После эвакуации в начале 1899 г. испанских войск на Кубе была создана военная администрация США во главе с генералом Леонардом Вудом. Под его наблюдением 15 сентября 1900 г. на Кубе состоялись выборы в конституционное собрание, которые, хотя и назывались всеобщими, в действительности не были таковыми. Право голоса имели взрослые кубинцы мужского пола, умеющие читать и писать, владеющие личной собственностью не менее чем в 250 долл. или служившие в кубинской армии и «с честью из нее уволенные». Проведенная же в 1899 г. перепись показала, что $^2/_3$ жителей Кубы были неграмотны.

Спустя 9 лет, в 1908 г., когда население Кубы насчитывало около 2500 тыс. человек, на выборах, происходивших в том году, в голосовании участвовало менее 200 тыс. избирателей [109].

5 ноября 1900 г. генерал Вуд открыл в Гаване конституционное собрание, которое завершило свою работу 21 февраля 1901 г. принятием Конституции кубинского государства, в основном напоминавшей Конституцию США. Но главный вопрос об отношениях между США и Кубой в будущем, который больше всего интересовал Маккинли и Теодора Рузвельта, Конституция Кубы обошла молчанием, несмотря на все давление со стороны генерала Вуда.

Еще до принятия Конституции по приказу из Вашингтона генерал Вуд потребовал, чтобы Основной закон Кубинской Республики учитывал следующие пункты: 1) правительство Кубы никогда не заключит соглашения, по которому устанавливается контроль иностранного государства над любой частью ее территории или ущемляется ее независимость другим способом; 2) оно не должно получать займы, по которым выплата процентов превзойдет обычные доходы государства, остающиеся после покрытия текущих государственных расходов; 3) Соединенным Штатам предоставляется право интервенции в целях защиты независимости Кубы или для оказания помощи ее правительству; 4) все распоряжения военной администрации США

[108] *Hill H.* Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927, p. 69.
[109] Ibid., p. 89.

в период оккупации должны соблюдаться; 5) Соединенным Штатам на Кубе должна быть предоставлена территория для сооружения морских баз.

Конституционное собрание, несмотря на то, что его члены были избраны под наблюдением Вуда, возражало против этих требований. Оно готово было принять первый и четвертый пункты, но отвергало остальные как несовместимые с государственным суверенитетом страны. Третий и пятый пункты явно противоречили первому пункту. Собрание создало специальную комиссию для выработки правил, которые должны были регулировать отношения между США и Кубой в будущем. В рекомендациях комиссии отсутствовало право США на интервенцию и на сооружение военно-морских баз США на Кубе.

Специальная комиссия по взаимоотношениям с Кубой существовала тогда также и в сенате США. Ее председателем был сенатор Орвилл Платт из штата Коннектикут. 2 марта 1901 г. конгресс США одобрил предложения Платта, внесенные в виде дополнения к биллю о содержании армии. Поправка Платта означала установление американского протектората над Кубой и состояла из восьми пунктов, которые включали пять требований генерала Вуда, а также положения о мерах борьбы против эпидемий, о статусе острова Пинос, а также о том, что оговорки, содержащиеся в поправке Платта, должны быть отражены в бессрочном договоре между Кубой и Соединенными Штатами.

Печать латиноамериканских стран расценила поправку Платта как выражение империалистических замыслов правящих кругов США, цель которых — лишить Кубу свободы и независимости.

В апреле 1901 г. делегация в составе пяти членов конституционного собрания направилась в Вашингтон, чтобы выразить протест Кубы против поправки Платта. Делегацию приняли Маккинли и Рут. Президент в вежливой, но категорической форме дал понять, что конституционное собрание не может рассчитывать на какие-либо изменения в решении конгресса о взаимоотношениях США с Кубой.

Хозяином положения на острове оставалась оккупационная армия США. Конституционное собрание Кубы вынуждено было уступить силе: 12 июня 1901 г. оно одобрило поправку Платта как приложение к новой Конституции страны. В мае 1903 г. между США и Кубой был подписан договор, включивший в себя все положения поправки Платта, но еще до заключения договора в феврале 1903 г. США получили право на создание базы на востоке Кубы — Гуантанамо, а на северо-западе — Баиа-Онда. Правительство Кубы выторговало оговорку, что ее суверенитет на территории этих баз сохранится. В условиях, когда поправка Платта лишала Кубу ее суверенитета на всей территории острова, эта оговорка почти ничего не значила. К тому же кубинское правительство согласилось на установле-

ние в Гуантанамо и Баиа-Онда контроля и юрисдикции США. Вашингтон обещал выплачивать за аренду баз ничтожную сумму — всего лишь 2000 долл. в год.

В мае 1902 г. ставленник США Эстрада Пальма стал президентом Кубы. Генерал Вуд передал ему свою власть. Американская пехота была эвакуирована, но на укрепленных участках побережья осталась артиллерия США.

Политические отношения между США и Кубой оставались такими, какими их хотели видеть в Вашингтоне. Отношения же в экономической области никак не были определены.

К трехлетию установления господства США над Кубой американская печать подвела некоторые итоги: страна находилась в тяжелом положении, население бедствовало, около $^3/_4$ собственности сосредоточили в своих руках иностранцы: испанцы, американцы, англичане и немцы [110].

Спустя четверть века известная книга Луиса Араквистана «Агония Антилл» подводила итоги многолетнему хозяйничанью США на Кубе: «Североамериканский капитал, который хлынул в страну, захватил в свои руки сахарную промышленность... Свободный земледелец исчезает. Его заменяет арендатор, получивший в аренду землю сахарного завода на таких условиях, что он становится вечным должником латифундий, с веревкой на шее, затягивающейся все туже, без надежды на избавление... Постепенно земледелец Кубы низводится до состояния, подобного рабству римского колоната... Владельцы, акционеры и администрация иностранных обществ пользуются привилегированным положением по сравнению с кубинцами...

Для утверждения привилегированного положения иностранцев беззастенчиво и без угрызений совести пускаются в ход все средства против рабочего и его организаций, нарушается свобода личности, собраний и объединений, свобода передвижений, а иногда даже право на саму жизнь. Если рабочий, особенно пропагандист или организатор, не отступает перед угрозами и не поддается подкупу, его заключают в тюрьму, если он местный уроженец, или выселяют, если он иностранец. Или же... он исчезает таинственным образом» [111].

Теодор Рузвельт, исходя из стратегических и военно-политических соображений, в своем послании конгрессу 3 декабря 1901 г. предложил снизить тарифы на кубинский экспорт. Обсуждение этого вопроса затянулось на два года. В ноябре 1903 г. Рузвельт созвал по этому вопросу чрезвычайную сессию конгресса. 10 ноября в своем послании конгрессу он утверждал, что поправка Платта «включает этот остров в нашу систему международной политики». Отсюда, заключил президент, вытекает

[110] «North American Review», December 1901, p. 772.
[111] *Araquistan L.* La Agonía Antillena. Madrid, 1928, p. 212, 213, 284.

необходимость, чтобы Куба в какой-то степени вошла в рамки экономической системы США.

16 декабря 1903 г. конгресс, наконец, согласился снизить тарифы на 20% при условии, что таможенные пошлины на товары, экспортируемые на Кубу из США, будут сокращены на 25—40%. Частичный, с большим перевесом в пользу США, компромисс, на который пошел конгресс, был весьма далек от решения проблем кубинской экономики. Вскоре эта неприкрытая колониальная политика вызвала на Кубе серьезные политические последствия.

Наиболее грубо и бесцеремонно Теодор Рузвельт использовал политику «большой дубинки» при отторжении Панамы от Колумбии.

Рузвельт не раз говорил, что во всей его политической деятельности ничего не дало ему большего удовлетворения и ничто он не считал более важным, чем сооружение Панамского канала. «Самое важное, что я предпринял во внешней политике, когда был президентом,— отметил Рузвельт в автобиографии,— относится к Панамскому каналу»[112]. Со свойственным ему цинизмом он писал после своего ухода из Белого дома: «В истории США много славных страниц, но в ней нет более славных, чем те, которые рассказывают о средствах, обеспечивших нам право прокладывать Панамский канал»[113].

Мысль о канале между Атлантическим и Тихим океаном на перешейке Центральной Америки жила веками. В первой половине XIX в. этот вопрос служил предметом дипломатической активности и споров США и Англии. В декабре 1846 г. США в разгар агрессивной войны против Мексики добились подписания Колумбией, которая тогда называлась Новой Гренадой, договора о мире, дружбе, торговле и навигации. В этом договоре специальная 35-я статья касается транзитного пути между океанами через Панамский перешеек. Новая Гренада заверяла, что такой путь — будь то водный канал или сухопутная дорога — всегда будет открыт для США. Соединенные Штаты со своей стороны обязывались гарантировать нейтральное положение перешейка и суверенитет Новой Гренады над этой ее территорией.

В то время Англия, а затем и Франция проектировали строительство такого межокеанского канала. В апреле 1850 г. США подписали соглашение с Англией, известное как договор Клейтона — Бульвера, по которому стороны обязались гарантировать нейтрализацию будущего канала и не распространять свою власть ни на какую территорию Центральной Америки. Канал разрешалось строить частным компаниям под контролем США, Англии и других дружественных держав, которые согласны присоединиться к гарантии его нейтрального статуса.

[112] *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 512.
[113] Цит. по: *Hill H.* Op. cit., p. 30—31.

Договор Клейтона — Бульвера вызвал в США недовольство и критику. Утверждали, что канал на территории Америки, находящийся в общем владении США и европейских держав, несовместим с «доктриной Монро». Этот тезис горячо отстаивал и обосновывал впоследствии Теодор Рузвельт [114].

В 1880 г. в связи с намерением французской компании приступить к прорытию канала через Панамский перешеек президент Хейс заявил, что любой канал, который может быть сооружен между Атлантическим и Тихим океаном, должен находиться под американским контролем и что его берега должны рассматриваться как «часть береговой линии США» [115].

Хей фактически денонсировал договор Клейтона — Бульвера. В Вашингтоне утверждали, что США «переросли» соглашение 1850 г. Но Англия еще долго настаивала на своих правах, вытекавших из договора. Дипломатическая борьба между Лондоном и Вашингтоном вокруг данного вопроса продолжалась до конца XIX в. Лишь в 1901 г., в разгар англо-бурской войны, общее изменение британской политики по отношению к США, заинтересованность Лондона в дружбе с Вашингтоном привели к тому, что соглашение 1850 г. о межокеанском канале было заменено новым договором, который в ноябре 1901 г. подписали государственный секретарь США Хей и английский посол в Вашингтоне Паунсфот.

Новый договор Хея — Паунсфота в его окончательном варианте фактически признал за США исключительное право на строительство канала и его управление. Он предоставил Вашингтону свободу действий в этом деле. В первоначальном проекте договора говорилось о запрещении строительства в зоне канала военных укреплений. Но в окончательном его виде об этом уже не упоминалось. Правда, в нем отмечалось, что «основное положение о нейтрализации» сохраняется. Но нейтралитет будущего канала обеспечивается не совместной гарантией ряда государств, как предусматривал договор Клейтона — Бульвера, а одними Соединенными Штатами. Односторонние гарантии, когда только США могли охранять и наращивать вооружения в зоне канала, ничего не значат.

Договор Хея — Паунсфота, несмотря на оговорку о сохранении «принципа нейтрализации», фактически установил, что будущий межокеанский канал в экономическом, политическом и военном отношении будет находиться полностью во власти США.

Соглашение с Англией рассматривали в Вашингтоне как главное мероприятие в деле обеспечения за США неограниченного права на строительство и эксплуатацию канала. Что касается мнения других государств, и прежде всего тех, на террито-

[114] *Hill H.* Op. cit., p. 33.
[115] *Latané J.* America as a World Power. N. Y., 1907, 205.

рии которых предполагалось прорыть канал, то это считали в Вашингтоне второстепенным вопросом, не вызывающим особых забот.

До 1902 г. еще не было решено, где пройдет трасса канала — в Никарагуа или на Панамском перешейке. Ранее руководство республиканской партии и президент Рузвельт предпочитали Никарагуа. Весной 1899 г., с окончанием испано-американской войны, вопрос о строительстве межокеанского канала стал актуальным и неотложным. Президент Маккинли поручил специальной комиссии во главе с контрадмиралом Уокером определить наиболее подходящую трассу.

В конгрессе США решающее значение имела стоимость строительства. Уокер доложил президенту, что осуществление никарагуанского проекта обойдется в 190 млн. долл., а панамского — в 144 млн. долл., не считая 109 млн. долл., которые придется выплатить французской компании, уже занимавшейся строительством канала на перешейке.

В 1883 г. французский инженер и дипломат Фердинад Лессепс, руководивший строительством Суэцкого канала, развернул работы по прорытию канала на Панамском перешейке. Через 6 лет созданная им компания потерпела скандальный крах из-за хищений и коррупции, в которой были замешаны даже члены правительства и ряд депутатов французского парламента. К 1889 г. компания затратила 260 млн. долл., что превысило более чем в 2 раза намеченную смету, а выполнено было менее $^1/_2$ всех работ. 600 тыс. рядовых французов — держателей акций панамской компании — потеряли свои сбережения [116]. Слово «панама» приобрело скандальную известность и стало символом крупного мошенничества, связанного с коррупцией высокопоставленных лиц.

Обанкротившаяся французская компания требовала за проведенные ею работы и за передачу ее прав и имущества компенсацию — 109 млн. долл. Это означало, что панамский вариант канала обойдется Соединенным Штатам в 253 млн. долл., на 63 млн. дороже, чем никарагуанский.

9 января 1902 г. палата представителей решила большинством голосов (309 против двух) уполномочить президента строить межокеанский канал в Никарагуа. Этот вариант энергично поддерживал сенатор Морган. Он возглавлял кампанию против сооружения канала на Панамском перешейке, доказывал, что в Панаме неблагоприятные геологические и климатические условия, что не только строительство, но и навигация через Панамский канал между восточным и западным побережьем США обойдется на 5760 тыс. долл. в год дороже, чем через канал в Никарагуа [117].

[116] *Pringle H.* Op. cit., p. 303.
[117] «North American Review», May 1902, p. 682—683.

В это время в дело активно вмешались два очень влиятельных американца и один молодой предприимчивый француз. Первым был новый президент США Теодор Рузвельт, а вторым — нью-йоркский адвокат, глава юридической конторы (где впоследствии партнерами были Аллен и Джон Фостер Даллес) Уильям Кромвель, который в Вашингтоне был лоббистом, защищавшим интересы оскандалившейся панамской компании. В 1900 г. Кромвель добился того, что национальный конвент республиканской партии заменил в своей платформе формулировку «канал в Никарагуа» словами «канал на перешейке». За это (как он сам впоследствии признал) Кромвель вручил Марку Ханне 60 тыс. долл. в фонд президентской кампании[118]. Кромвель говорил своим французским клиентам: «Мы должны осуществлять наши планы на уровне наполеоновской стратегии»[119].

Третьим участником дела стал главный инженер панамской компании ловкий спекулянт француз Бюно-Варилья.

В 1894 г. была организована новая панамская компания с целью завершения работ своей обанкротившейся предшественницы. Но добыть необходимые для этого средства ей никак не удавалось. Одно слово «панама» отталкивало любого акционера. Единственное, что ей оставалось — передать свои права и имущество Соединенным Штатам. Это дело было поручено Кромвелю. Ему помогал Бюно-Варилья.

Намерение палаты представителей санкционировать строительство канала в Никарагуа встревожило панамскую компанию: в октябре 1904 г. истекал 25-летний срок, на который в свое время французская компания получила концессию на Панамском перешейке. Создавалась угроза потерять все, что французы вложили в концессию. Панамская компания сразу же снизила цену на свои права и имущество со 109 до 40 млн. долл., до той суммы, которую комиссия Уокера считала возможным выплатить этой компании. В результате проектная стоимость строительства канала на Панамском перешейке оказалась на 6 млн. долл. ниже, чем стоимость планируемых работ в Никарагуа. Число сторонников панамского варианта увеличилось. Сам президент Рузвельт, который ранее считал территорию Никарагуа более подходящей, просил палату представителей пересмотреть свое решение о трассе канала.

19 июня сенат, а затем палата представителей приняли, наконец, предложенный сенатором Спунером акт о строительстве канала на Панамском перешейке и об уплате панамской компании не более 40 млн. долл., если в разумный срок удастся договориться с Колумбией. В противном случае следует приступить к сооружению канала на территории Никарагуа. 28 июня 1902 г., Рузвельт утвердил решение конгресса. Акт Спунера вступил в силу.

[118] *McCaleb W.* Op. cit., p. 148.
[119] *Harding E.* The Untold Story of Panama. N. Y., 1959, p. 8.

Кромвель подготовил текст этого решения и проект договора о канале с Колумбией. Он также составил по этому вопросу речь для Марка Ханны в сенате. Лидер республиканцев Ханна, не предполагая, что впоследствии сам Кромвель публично объявит о внесении им 60 тыс. долл в избирательный фонд республиканской партии, заявил в своем выступлении в сенате: «Я повторяю, я повторяю с гордостью как американский гражданин,— что это великое дело не вдохновлялось какими-либо эгоистическими или узкими соображениями»[120].

Переговоры с Колумбией начались в Вашингтоне 31 марта 1902 г., почти за 3 месяца до вступления в силу акта Спунера. С колумбийской стороны в них участвовал посланник Конча. Он категорически отклонял все предложения Хея, так как они означали покушение США на суверенитет Колумбии в зоне канала[121]. Требования США оказались столь невыносимыми, что Конча, не желая дальше лично участвовать в переговорах, уехал в Боготу, и их продолжал поверенный в делах Колумбии Эрран. Государственный секретарь США Хей вносил все новые и новые пункты и оговорки. В них содержалось недвусмысленное требование об отказе Колумбии от своего суверенитета в зоне канала, от контроля над судебными органами США в этой зоне, а также от ведения переговоров с новой панамской компанией. Требования США были настолько жесткими и вызывающими, что и Эрран отказался их принять. Однако ультиматум Хея, угрожавшего перенести строительство канала в Никарагуа, все же заставил поверенного в делах Колумбии уступить.

22 января 1903 г. в присутствии Кромвеля был подписан договор Хея — Эррана, по которому новой компании Панамского канала разрешалось продать свое имущество и права на концессию Соединенным Штатам, получавшим таким образом на Панамском перешейке полосу земли шириной в 6 миль для строительства межокеанского канала. США со своей стороны обещали сразу же уплатить Колумбии 10 млн. долл., а спустя 9 лет после обмена ратификациями выплачивать 250 тыс. долл. ежегодно. Договор был заключен на 99 лет, но США получали исключительное право продлевать его каждый раз по истечении срока его действия на такое же количество лет. Кромвелю за содействие сделке был обещан 1 млн. долл.[122]

Из Боготы, где не знали, что Эрран на все уже согласился, телеграфировали, чтобы он воздержался от подписания договора.

Президент Рузвельт знал об этой позиции колумбийского правительства, но, тем не менее, безотлагательно 23 января отправил договор на утверждение в сенат, где он натолкнулся на сильную оппозицию. Однако 17 марта 1903 г. договор все же одобрили.

[120] *McCaleb W.* Op. cit., p. 150—151.
[121] «North American Review», January 1904, p. 129.
[122] *McCaleb W.* Op. cit. p. 151

В Колумбии договор Хея — Эррана вызвал возмущение и в печати, и в широких кругах населения. 24 марта, через неделю после одобрения договора американским сенатом, газета «Эль Коломбиана» писала: «В истории своего бурного и несчастного существования Колумбия еще не переживала более трудного момента, чем принятие договора, написанного в Вашингтоне»[123].

Недовольство вызывало прежде всего лишение Колумбии суверенитета над зоной канала и права на ведение переговоров с французскими концессионерами, а также мизерность компенсации, которую США обещали выплачивать за большие права, полученные ими на перешейке. В работе, опубликованной в 1927 г. Чикагским университетом, отмечалось: «Основание для неудовлетворения компенсацией видно из факта, что за первые 10 лет канал принес Соединенным Штатам более 100 млн. долл. дохода. В 1921 г. сенатор Лодж, последовательно защищавший курс Рузвельта, оценил претензии Колумбии в Панаме в 50 млн. 147 тыс. долл.[124]

Посланник США в Боготе Бопре доносил весной и летом 1903 г. в Вашингтон, что Колумбия договор не ратифицирует[125].

Из Вашингтона последовали угрозы. 9 июня Хей телеграфировал Бопре: «Правительство Колумбии явно недооценивает серьезности положения. Переговоры о канале начались по инициативе Колумбии, которая несколько лет форсировала этот вопрос. Предложения, представленные Колумбией, были, наконец, приняты нами с незначительными изменениями. В результате достигнутого соглашения наш конгресс отменил свое прежнее постановление и решил одобрить панамскую трассу. Если сейчас Колумбия отклонит договор или чрезмерно будет откладывать его ратификацию, дружеское взаимопонимание между двумя государствами будет так серьезно скомпрометировано, что в следующую зиму конгресс может принять такие акции, о которых каждый друг Колумбии будет жалеть»[126].

Угрожающая телеграмма, составленная по совету Кромвеля, явно была не в ладах с фактами. Конгресс принял акт Спунера не в результате соглашения с Колумбией, а за семь месяцев до него. Но Хей в данном случае не считался ни с фактами, ни с правом. Он поручил Бопре довести содержание телеграммы до сведения министра иностранных дел Колумбии, а если тот пожелает, вручить ему ее копию в виде меморандума[127]. Одновременно в американской печати появилось конкретное описание того, во что выльется угроза Хея. 14 июня 1903 г. нью-йоркская газета «Уорлд», сообщив, что накануне Кромвель имел продол-

[123] Цит. по: *Гонионский С. А.* История Панамской «революции». М., 1958, с. 84.
[124] Цит. по: *Hill H.* Op. cit., p. 51.
[125] Ibidem.
[126] *Harding E.* Op .cit , p 19—20
[127] Ibid., p. 20.

жительную беседу с президентом Рузвельтом, подробно описала будущую «революцию» в Панаме. 5 июля газета даже назвала точную дату «восстания»: 3 ноября 1903 г. Местные выборы, намеченные в США в этот день, пояснила газета, отвлекут внимание американской прессы от событий в Панаме.

Кромвель имел своих людей и в Панаме, и в Боготе. Губернатором Панамы в августе 1903 г. был назначен сенатор Обальдия, явный сторонник отделения этой провинции от Колумбии. 11 сентября 1903 г. посланник США в Боготе писал Хею: «Сепаратистские тенденции сенатора Обальдии хорошо известны»[128]. А раньше, 31 августа, в телеграмме Хею в связи с назначением нового губернатора Панамы американский посланник сообщил о своем разговоре с Обальдией, который информировал его о том, что, принимая новую должность, он предупредил президента Колумбии: «если Панама сочтет необходимым восстать с целью обеспечения строительства канала, он станет на ее сторону»[129].

Несмотря на решительные протесты в колумбийском сенате, президент Колумбии Маррокин одобрил назначение Обальдии на этот пост.

Как и предвидел Кромвель, меморандум Хея от 9 июня 1903 г. вызвал в Боготе негодование. Кромвель, не сомневаясь, что Колумбия отвергнет ультиматум, сразу же связался с несколькими панамскими сепаратистами для того, чтобы оторвать территорию перешейка от Колумбии и объявить его самостоятельным государством[130].

20 июня 1903 г. открылась сессия конгресса Колумбии, на которой обсуждался договор Хея — Эррана. Через 10 дней на закрытом заседании сената был зачитан меморандум Хея. Специальная комиссия сената предложила в начале августа одобрить договор, если США согласятся с девятью поправками к нему. Главные поправки сводились к следующему: в договоре между суверенными государствами нельзя ссылаться на односторонний акт Спунера; американское судопроизводство в зоне канала будет противоречить колумбийской Конституции; так как в соглашении о концессии предусматривалось, что компания Панамского канала не может передавать свои права и имущество на перешейке иностранному государству без согласия Колумбии, необходимо договориться с правительством Колумбии о передаче прав на Панамский канал Соединенным Штатам[131].

Хей предупреждал, что США не согласятся и с малейшими изменениями в договоре, что внесение каких бы то ни было изменений будет рассматриваться в Вашингтоне как подрыв доверия к правительству Колумбии[132].

[128] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 281.
[129] Ibid., p. 280.
[130] «Congressional Record», 5.III 1964, p. 4371.
[131] «North American Review», January 1904, p. 128.
[132] *Hill H.* Op. cit., p. 52.

Непримиримость, надменность государственного секретаря диктовалась позицией президента и правительства США. 14 июля 1903 г. Рузвельт писал Хею: «Передайте Бопре со всей решительностью, что эти презренные людишки в Боготе должны понять, как сильно они рискуют и какой серьезной опасности подвергают собственное будущее» [133].

12 августа сенат Колумбии единогласно отклонил подписанный договор. Обсуждение вопроса продолжалось в колумбийском конгрессе и после отказа сената от его ратификации. Однако 31 октября конгресс завершил свою работу, оставляя в силе решение сената от 12 августа.

Члены конгресса были единодушны в том, что договор Хея — Эррана незаконен, так как установление суверенитета США над частью колумбийской территории несовместимо с ее Конституцией [134].

Сразу же после отказа колумбийского сената от ратификации договора Кромвель организовал в американской печати антиколумбийскую истерию. 15 августа газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала заявление председателя комиссии по иностранным делам сената США Куллома, сделанное после встречи с президентом Рузвельтом: «Хорошо, мы можем заключить другой договор, но не с Колумбией, а с Панамой».

15 сентября Рузвельт в письме Хею говорил о необходимости обеспечения строительства канала в Панаме «без дальнейших разговоров с глупыми, продажными тварями в Боготе» [135]. А двумя днями ранее Хей писал Рузвельту, что на перешейке произойдет восстание «против неразумного и продажного правительства, ныне сидящего в Боготе» [136].

«Восстание» готовили Кромвель и Бюно-Варилья. В Панаме у них было с полдюжины сепаратистов, главным из которых считался врач Амадор, служивший на Панамской железной дороге. Остальные принадлежали к высшей администрации этой дороги.

У сепаратистов не было ни партии, ни какой-либо организации, ни денег, ни тем более вооруженных отрядов. Но правительство США обещало поддержать их своими военно-морскими силами и деньгами.

В конце августа Амадор отправился в США, чтобы выработать план действий и получить средства на нужды «восстания». В Вашингтоне, как утверждал сенатор Морган, Амадор секретно, поздно ночью, совещался с Рузвельтом [137]. Впоследствии сын Амадора рассказывал, что, по свидетельству его отца, он не собирался «рисковать жизнью» без заверения в поддержке лично

[133] *McCaleb W.* Op. cit., p. 153.
[134] «North American Review», January 1904, p. 130—131.
[135] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 278.
[136] *McCaleb W.* Op. cit., p. 159.
[137] *Harding E.* Op. cit., p. 85; *McCaleb W.* Op. cit., p. 159.

от президента США. Во время встречи Рузвельт положил руку на плечо Амадора и сказал: «Действуйте, доктор, мы будем с вами до конца»[138].

10 октября Рузвельт писал редактору журнала «Ревью оф ревьюс» Альберту Шоу, что он был бы «в восторге, если бы Панама стала независимым государством»[139].

Перед возвращением в Панаму, 18 октября, Амадор писал из Нью-Йорка сыну в Бостон, служившему врачом в армии США: «Мне кажется, что план хорош. Часть перешейка объявит о своей независимости, а США не допустят, чтобы на нее напали какие-либо силы Колумбии»[140]. Далее в письме говорилось, что по плану к новой роспублике, которая будет находиться «под защитой США», должна присоединиться и остальная территория перешейка.

19 октября в соответствии с директивой Рузвельта морское министерство отдало приказ, чтобы несколько военных кораблей США сосредоточились в Атлантическом и Тихом океанах неподалеку от Панамского перешейка[141]. С 21 по 31 октября семь кораблей американского военно-морского флота легли курсом на перешеек[142].

27 октября Амадор вернулся в Панаму. Бюно-Варилья снабдил его не только деньгами, но и текстом Декларации независимости и Конституции нового государства. Амадор привез с собой даже флаг будущей Панамской республики, сшитый мадам Бюно-Варилья, обмотав его вокруг тела.

Вечером 2 ноября американский крейсер «Нашвилл» прибыл в порт Колон на юго-востоке Панамского перешейка. Туда же направился военный корабль «Дикси» с 450 солдатами морской пехоты на борту. Одновременно корабли тихоокеанского флота США держали курс на город Панаму, расположенный на западе перешейка. Американские военные корабли, сосредоточенные у перешейка, получили приказ: «Поддерживайте беспрерывное железнодорожное движение. Если вооруженные силы будут угрожать нормальному сообщению, оккупируйте полосу вдоль железнодорожной линии. Не допускайте высадки каких-либо вооруженных сил — правительственных или повстанческих — в любом пункте в пределах 50 миль от Панамы»[143].

Командир крейсера «Нашвилл» по прибытии его в Колон телеграфировал морскому министру в Вашингтон, что «на перешейке нет ни революции, ни каких бы то ни было беспорядков»[144]. Это сообщение вызвало беспокойство в государствен-

[138] *Harding E.* Op. cit., p. 86.
[139] *McCaleb W.* Op. cit., p. 161.
[140] Ibidem.
[141] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 282.
[142] *Callcott W.* The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920. Baltimore, 1942, p. 154.
[143] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 282.
[144] *Hill H.* Op. cit., p. 61.

ном департаменте, где с нетерпением ожидали вестей о смене власти в Панаме. 3 ноября в 15 часов 40 минут исполняющий обязанности государственного секретаря США Лумис телеграфировал американским консулам в Панаме и в Колоне: «Сообщено о восстании на перешейке. Немедленно и исчерпывающе информируйте департамент». В 20 часов 15 минут был получен ответ от консула в Панаме Эрмана: «Восстания еще нет. Предполагается, что оно произойдет ночью. Положение критическое». Через полтора часа последовала вторая телеграмма от Эрмана: «Восстание произошло сегодня в 6 часов вечера; кровопролития нет. Служащие армии и флота взяты под стражу. Правительство будет создано этой ночью» [145].

«Революция» протекала по расписанию. Сначала события развивались только в городе Панаме. Начальник гарнизона генерал Уэртас был подкуплен и присоединился к заговорщикам. 3 ноября в 6 часов вечера на площади в Панаме перед группой собравшихся был поднят флаг, который Бюно-Варилья вручил Амадору. Но Амадор и его сообщники были приведены в замешательство действиями канонерки «Богота», стоявшей на рейде и произведшей несколько залпов по городу. Ответные выстрелы береговой батареи побудили «Боготу» уйти. Этим и закончилась вооруженная борьба за город Панаму. На поле битвы остался один убитый. Он оказался китайцем.

Гораздо больше беспокойства причиняла Амадору и его хунте канонерка «Картахена», прибывшая рано утром 3 ноября в город Колон, имея на борту около 500 солдат под командованием генералов Тобару и Амайя, направлявшихся в Панаму. Если бы этим войскам удалось добраться до места назначения, с «революцией» в Панаме было бы покончено.

Однако высадившиеся с «Картахены» войска дальше города Колона двигаться не могли. Командир «Нашвилла» Хуббард в соответствии с инструкциями из Вашингтона заявил, что не допустит передвижения войск через перешеек в любом направлении; в свою очередь и управление панамской железной дорогой, связанное с Кромвелем и Бюно-Варилья, заблаговременно угнало весь подвижной состав на западное побережье. Лишь генералам Тобару и Амайя предоставили вагон для поездки в Панаму, а их солдаты и офицеры остались в Колоне. Когда Тобару и Амайя прибыли в Панаму, генерал Уэртас их арестовал. Арестован был также губернатор Обальдия. Но это было сделано только для вида, как символ отделения Панамы от Колумбии. Обальдия был немедленно освобожден.

Полковник Торрес, оставшийся во главе колумбийских войск в Колоне, узнав об аресте его начальников в Панаме, угрожал, что если арестованные не будут немедленно освобождены, то он сожжет Колон и расстреляет живущих в этом городе американ-

[145] *Hill H.* Op. cit., p. 62.

цев. Но его удалось очень быстро утихомирить. Он получил взятку в 8 тыс. долл. от панамской железной дороги, после чего согласился погрузить подчиненные ему войска на английский пароход и отправить их домой за счет американцев. «Картахены» к тому времени уже не было в колонской бухте. Еще раньше, заметив, что «Нашвилл» направляет дула своих пушек в ее сторону, она снялась с якоря и ушла.

Не успел английский пароход с колумбийскими войсками скрыться за горизонтом, как американский офицер поднял панамский флаг над Колоном. Так присоединился к «революции» портовый город на востоке перешейка.

Формально Декларация независимости была объявлена 4 ноября на Соборной площади в Панаме. В этот день муниципалитет города высказался за отделение Панамы от Колумбии и превращение ее в независимую республику. Амадор стал президентом республики. Он обратился к населению со словами: «Мир изумлен нашим героизмом! Вчера мы были только рабами Колумбии, сегодня мы свободны... Президент Рузвельт сделал хорошее дело... Свободные сыны Панамы, я поздравляю вас! Да здравствует республика Панама! Да здравствует президент Рузвельт! Да здравствует американское правительство!»[146] Трудно себе представить более верноподданного слугу Вашингтона.

Главным «героем» дня считался генерал Уэртас. Церемония создания новой республики завершилась шествием. Уэртаса носили в украшенном кресле. По одну сторону кресла шагал американский консул Эрман с флагом США в руках, а по другую сторону Амадор с панамским флагом. За заслуги перед новым государством Уэртас получил сразу 30 тыс. долл. серебром, а затем 50 тыс. долл. золотом. Большинство находившихся в его подчинении офицеров получило по 10 тыс. долл., а солдаты по 50 долл.[147]

7 ноября правительство Колумбии запросило через посланника США в Боготе, каково будет отношение Вашингтона к высадке его войск в Колоне и Панаме для борьбы с мятежниками. Хей дал отрицательный ответ, мотивируя это тем, что намерение Колумбии вызовет гражданскую войну и нарушит на неопределенный период свободный транзит через перешеек, который по договору 1846 г. Колумбия обязалась обеспечить[148].

После этого Колумбия еще проектировала организацию экспедиционных сил для проникновения в Панаму труднодоступными сухопутными дорогами ввиду того, что все морские пути к перешейку блокировал американский флот. Но и этот план был признан бесперспективным. В Боготе вскоре убедились, что

[146] *Pringle H.* Op. cit., p. 327.
[147] Ibid., p. 328; *McCaleb W.* Op. cit., p. 166.
[148] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 287

при всех условиях США не допустят возвращения Панамы Колумбии.

6 ноября панамская хунта сообщила по телеграфу Хею, что весь перешеек признает Декларацию независимости. Через час Хей послал телеграмму, в которой сообщал, что поручает Бопре информировать правительство Колумбии о признании Соединенными Штатами «революционеров» Панамы в качестве воюющей стороны. В этот день французский гражданин Бюно-Варилья, издатель крупной парижской газеты, был назначен посланником Панамы в США. 13 ноября США официально признали Панаму республикой, а президент Рузвельт принял Бюно-Варилью как посланника нового государства.

Колумбия разорвала дипломатические отношения с США. Но воевать с «северным хищным орлом» она была не в силах. Она обратилась за помощью к мировому общественному мнению, просила передать решение спора на арбитраж в соответствии с Гаагской конвенцией 1899 г., но Вашингтон отклонил ее просьбу и заявил, что этот вопрос не подлежит арбитражу.

Через 5 дней после признания республики Соединенными Штатами, 18 ноября, в спешном порядке в Вашингтоне был заключен с ней договор о канале. Договор подписали Хей и Бюно-Варилья. США получили гораздо больше выгод, чем по отклоненному Колумбией договору Хея — Эррана. Положение новой республики как американской марионетки получило юридическое оформление.

Первая статья договора Хея — Бюно-Варильи гласит: «США гарантируют и будут поддерживать независимость Панамской республики» [149]. Эта и другие статьи комментировались в Вашингтоне таким образом, что США получили право контроля над внешней политикой и право вмешательства во внутренние дела Панамы [150]. Претензии США были зафиксированы в Основном законе новой республики. 136-я статья панамской Конституции содержит следующее положение: «Правительство Соединенных Штатов Америки может вторгаться в любую часть Панамской республики для восстановления мира и конституционного порядка, если они будут там нарушены».

По договору от 18 ноября 1903 г. США получили в вечное пользование полосу земли вдоль будущего канала шириной не в 6 миль, как предусматривало соглашение Хея — Эррана, а в 10 миль за те же 10 млн. долл. и 250 тыс. долл. годовых платежей, которые они предложили Колумбии. В десятимильной зоне США получили право «пользования, занятия и контроля... для постройки, поддержания, эксплуатации, приведения в санитарное состояние и защиты названного канала», а также «все права, полномочия и всю власть в зоне, которой США будут вла-

[149] *Commager H.* Documents of American History, p. 210—213.
[150] «United States Foreign Policy Reports», 20.I 1932, p. 410.

деть и пользоваться, как если бы они были сувереном» этой зоны. США получили за пределами зоны канала на неограниченное время «монополию на постройку, поддержание и эксплуатацию любой системы сообщений» на территории Панамы, а также право на пользование любыми ее землями и водами, «так или иначе необходимыми для канала».

Так, 18 ноября 1903 г. Теодор Рузвельт продемонстрировал перед всем миром свое понимание «независимости» Панамы. На следующий день, 19 ноября, Хей сообщил, что он подписал договор с Бюно-Варильей, пользуясь «чернильницей Авраама Линкольна и пером Кромвеля»[151].

Кромвель, побывав в Панаме, привез оттуда подарок президенту США: благодарный Амадор отправил Рузвельту первый флаг новой республики, привезенный им необычным способом из США.

Панамский фарс, грубо разыгранный Рузвельтом, открыто размахивавшим своей «дубинкой», вызвал негодование и протесты в общественных кругах США. Президент, апеллируя к шовинистическим чувствам, нашел одобрение в реакционно настроенной части населения. Однако еще до того, как подробности «революции» в Панаме стали достоянием печати, некоторые распространенные газеты и политические деятели США осуждали действия Рузвельта. Авторитетный в стране и в конгрессе сенатор Гор из Массачусетса сказал Рузвельту: «Я надеюсь никогда больше не видеть такого дня, когда интересы моей страны будут поставлены выше ее чести». А нью-йоркская газета «Ивнинг пост» заключила: «Так мы украли желаемую землю»[152].

В сенате США договор Хея — Бюно-Варильи вызвал продолжительные горячие дебаты. Панама ратифицировала договор 2 декабря 1903 г., а сенат США одобрил его лишь 25 февраля 1904 г., 15 сенаторов голосовали против[153]. Критики президента США называли отторжение перешейка от Колумбии «похищением Панамы». Один биограф Рузвельта писал: «Многие чувствовали, что честь нации смешана с грязью»[154].

Не только в Колумбии, но и в других странах Латинской Америки политика «большой дубинки» Рузвельта, который не соблюдал даже внешнего приличия и собственного правила — «разговаривай мягко», вызвала негодование[155].

Рузвельт в преддверии приближающейся предвыборной президентской кампании, когда его дальнейшее пребывание в Белом доме зависело от голосов избирателей, а не от удачных обстоятельств, как в 1901 г., когда президентское кресло доста-

[151] *McCalcb W.* Op. cit., p. 168.
[152] Ibid., p. 172.
[153] *Harding E.* Op. cit., p. 42.
[154] *McCaleb W.* Op. cit., p. 175.
[155] *Hill H.* Op. cit., p. 69.

лось ему «по наследству» от Маккинли, оправдывался. В двух посланиях, направленных конгрессу 7 декабря 1903 г. и 4 января 1904 г., Рузвельт пытался найти «законное» обоснование агрессивным действиям против Колумбии.

В первом послании Рузвельт жаловался на неблагодарность Боготы за то, что США со времени договора 1846 г. более 50 лет содействовали поддержанию порядка на перешейке. По его словам, со времени договора 1846 г. на перешейке произошло более 50 революций, в которые для водворения порядка неоднократно вмешивались вооруженные силы США. Так было, например, в 1856, 1860, 1873, 1885, 1901 и 1902 гг. Во втором послании, специально посвященном защите своих действий в Панаме, Рузвельт утверждал, во-первых, что договор 1846 г. предоставил США право рыть канал на перешейке, а отклонение Колумбией соглашения Хея — Эррана нарушило это право. Во-вторых, он оправдывал свои действия «интересами национальной безопасности» и, в-третьих,— «интересами всеобщей цивилизации».

Аргументы Рузвельта так же циничны, как и его действия. По договору 1846 г. США за пользование транзитными путями через перешеек обязывались не нарушать, а защищать суверенитет Колумбии в этом районе. Что касается интересов национальной безопасности США, связанных с переброской военно-морского флота США из одного океана в другой, то канал в Никарагуа не меньше соответствовал бы этому назначению. Ведь конгресс еще актом Спунера поручил Рузвельту приступить к строительству канала в Никарагуа, если не удастся в «разумный срок» договориться с Колумбией.

Рузвельт решил поставить конгресс перед совершившимся фактом. Панамская «революция» была приурочена к перерыву в работе конгресса. Рузвельт учитывал, что если ко времени возобновления заседаний в Капитолии вопрос о строительстве Панамского канала не будет решен ни путем переговоров с Колумбией, ни путем «революции» на перешейке, ему придется перевести намеченное строительство в Никарагуа. Когда конгресс собрался, Рузвельт в своем специальном послании 4 января 1904 г. заявил: «Единственный вопрос, стоящий сейчас перед нами,— это ратификация договора. Следует учесть, что отказ в ратификации договора не изменит уже сделанного, не вернет Панамы Колумбии» [156].

Наконец, никто не уполномочил президента США защищать «интересы всеобщей цивилизации», тем более столь беззастенчивыми, коварными методами. Но чего можно было ожидать от Теодора Рузвельта, который понимал цивилизацию на свой империалистический манер. Еще в 1900 г. он заявил, что в войне с бурами «Англия действительно сражается за цивилизацию» [157].

[156] Речь идет о договоре Хея — Бюно-Варильи.
[157] *McCaleb W.* Op. cit., p. 173.

К концу пребывания в Белом доме и особенно после окончания президентства Рузвельт более откровенно говорил о своей роли в панамской «революции». В автобиографии Рузвельт писал: «Я взял Панаму, не советуясь с кабинетом»[158]. В письме своему другу Уильяму Тэйеру Рузвельт признавал, что, если панамцы не восстали бы, исход все равно был бы такой же. «Я бы,— писал он,— рекомендовал конгрессу овладеть перешейком силой оружия... Фактически в таком духе я уже набросал послание. Когда они восстали я сразу использовал флот, чтобы помешать бандитам, которые старались нас остановить... Я не советовался с Хеем, Рутом или с кем-либо другим, как поступить. Военный совет не воюет, а я решил сделать дело раз и навсегда»[159]. Наконец, в своем публичном выступлении в Калифорнийском университете 23 марта 1911 г. Рузвельт сказал: «Если бы я стал придерживаться традиционных консервативных методов, я представил бы конгрессу обширный письменный доклад, вероятно, страниц в 200, и обсуждение его продолжалось бы по сей день. Но я завладел зоной канала и предоставил конгрессу вести дебаты, а пока идут дебаты, идет также строительство канала»[160].

«Похищением Панамы» скандальная история не закончилась. США обязались уплатить 10 млн. долл. Панаме и 40 млн. долл. французской компании Панамского канала. Эти деньги служили средством для новых афер.

Из 10 млн. долл., полагавшихся Панаме, 6 млн. были инвестированы в закладные на недвижимость в городе Нью-Йорке, а 4 млн. получила непосредственно хунта Амадора. Из них 3 млн. были сразу расхищены[161].

Что касается 40 млн. долл., принадлежавших по праву французским держателям акций компании Панамского канала, то известно лишь, что 7 мая 1904 г. министр финансов США Шоу передал банкирскому дому Моргана чек на эту сумму. Дальнейшая судьба этих миллионов не известна и относится до сих пор к нераскрытым главам истории грандиозного и продолжительного мошенничества, выражаемого нарицательным словом «панама»[162].

Спустя ряд лет редактор нью-йоркской газеты «Уорлд», известный журналист Пулитцер, пытаясь разгадать тайну исчезновения огромной суммы, финансировал расследование дела, направил для этого экспертов в Париж. В 1908 г. в шести статьях, опубликованных в этой газете, было доказано, что американский синдикат, организованный по поручению Моргана Кромвелем, приобрел за бесценок акции панамской компании и реализовал их через Моргана за номинальную стоимость. Синдикат образо-

[158] *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 548.
[159] Цит. по: *Hill H.* Op. cit., p. 63.
[160] Цит. по: *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 308.
[161] *McCaleb W.* Op. cit., p. 170.
[162] Ibid., p. 170—172.

вался в 1900 г. с целью скупки акций новой панамской компании за цену, не превышающую 20% нарицательной [163]. Среди руководителей синдиката числились: сам Морган, Гульд, шурин президента Рузвельта Робинсон и брат избранного в 1908 г. нового президента Генри Тафт [164].

Разоблачения «Уорлд» подхватили другие газеты. Еще раньше этим вопросом занималась сенатская комиссия, которая допрашивала Кромвеля и других. Но установить, кому достались 40 млн. долл., не удалось. Уже во время ратификации договора Хея — Бюно-Варильи в феврале 1904 г. сенатор Кармак из Теннесси сказал, что эта сумма была выплачена «не честным вкладчикам, а ворам, которые их ограбили» [165].

Во время избирательной кампании 1908 г. от Рузвельта требовали, чтобы он прямо ответил на вопрос: кто получил 40 млн. долл., взятых у американских налогоплательщиков? Сразу после выборов, 1 декабря, Рузвельт публично заявил, что эти деньги —40 млн. долл.— были переданы непосредственно французскому правительству для держателей акций панамской компании [166].

За это Пулитцер ухватился. Он знал, что деньги были переданы не французскому правительству, а Моргану (об этом сообщил Кромвель в комиссии сената в 1906 г.). 8 декабря 1908 г. газета «Уорлд» писала, что президент США опубликовал заявление, «полное вопиющей неправды, проникнутое ложью, отрицающее утверждение его коллеги Кромвеля, а также официальные отчеты» [167].

Рассерженный президент направил 15 декабря послание конгрессу, в котором жаловался, что Пулитцер и редактор индианаполисской газеты «Ньюс» Смит «клевещут на правительство Соединенных Штатов».

В начале 1909 г. Рузвельт оставил Белый дом. Но перед своим уходом он приказал возбудить против газет «Уорлд» и «Ньюс» обвинение в диффамации, позорящей президента США, Моргана, Кромвеля и трех других лиц. Дело затянулось. В 1911 г. Верховный суд единогласно решил поддержать позицию «Уорлд». Но основной вопрос: «Кто же получил деньги?» — остался без ответа [168].

Спустя полвека председатель комиссии по иностранным делам сената Фулбрайт, касаясь договора 1903 г. с Панамой, отмечал: «Факт таков, что этот договор был заключен при обстоятельствах, делающих мало чести Соединенным Штатам. Президент Теодор Рузвельт хвастался, что он «взял Панаму», а затем стал вести переговоры насчет договора о Панамском канале с

[163] *Harding E.* Op. cit., p. 58.
[164] Ibid., p. 59, 60, 64.
[165] *Pringle H.* Op. cit., p. 334.
[166] Ibid., p. 335—336.
[167] Ibid., p. 336.
[168] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1932, с. 328.

податливым панамским режимом»[169]. Еще раньше Фулбрайта бывший сенатор Петигру писал, что панамское дело представляет собой «один из наиболее грустных эпизодов, когда-либо опозоривших историю Америки»[170]. Таковы страницы, названные Теодором Рузвельтом самыми славными в истории США.

Со строительством Панамского канала Карибское море быстро превращалось во внутреннее море США, а Центральная Америка — в вотчину Вашингтона.

Пуэрто-Рико в результате испано-американской войны стало официальной колонией США. Административное устройство на острове было установлено конгрессом США в соответствии с актом Форейнера, принятым 12 апреля 1900 г. По этому акту население Пуэрто-Рико получило подданство, но не гражданство США[171]. На его жителей распространялись все обязанности, возложенные на них администрацией, подчиненной Вашингтону, но не права, которыми пользуются граждане Соединенных Штатов. Юридически это положение обосновали в Вашингтоне тем, что Пуэрто-Рико — остров, принадлежащий Соединенным Штатам, но не часть их территории[172].

О положении Пуэрто-Рико как колонии США Л. Аракистан писал: «Система экономической колонизации США совершенна. Благодаря своему капиталу они завладели наиболее плодородными землями. Одновременно с этим сделали невозможным культивировать разнообразные продукты, обязывая таким образом колонизованную страну быть своим данником, поставщиком сельскохозяйственных и потребителем их промышленных изделий. Система, подобная той, которая существовала в прежние времена на некоторых испанских рудниках: то, что выплачивалось одной рукой, в качестве заработной платы, целиком отбиралось другой — путем принуждения рабочих приобретать все предметы потребления в лавках предприятия... Жители Пуэрто-Рико нигде, кроме США, не могут приобретать товаров, так как товары других стран облагаются очень высокой пошлиной, а некоторые даже запрещено ввозить»[173].

Так повели себя новые хозяева на завоеванной земле, несмотря на предупреждения самих представителей Вашингтона. В июле 1901 г. специальный комиссар США Роу, назначенный для пересмотра и приспособления законов на острове к новым условиям, констатируя, что раньше пуэрториканцы считались «испанцами второго сорта», писал, что дальнейшая судьба

[169] Цит. по: «Известия», 28 марта 1964 г.
[170] *Петигру Р.* Торжествующая плутократия. М., 1922, с. 306.
[171] В 1917 г. жители Пуэрто-Рико получили ограниченное право гражданства США, право участия в выборах президента США, если они проживают в США и отвечают требованиям закона штата, в котором они проживают.
[172] *Latané J.* Op. cit., p. 146.
[173] *Araquistan L.* Op. cit., p. 75.

«доктрины Монро» будет зависеть от действия США в Пуэрто-Рико. «Если мы там провалимся,— утверждал он,— наше влияние в Западном полушарии не сможет долго продолжаться» [174].

Остров Гаити, на котором расположены два формально независимых государства: Гаити и Доминиканская Республика, официально не принадлежит Соединенным Штатам. Фактически они хозяйничают на этом острове, как в своей колонии.

Государство Гаити существует как независимая страна с 1804 г. и как республика с 1820 г., но было официально признано Соединенными Штатами только в 1862 г., в разгар гражданской войны. Лишь во время войны против рабовладельческого Юга США решили признать республику, в которой большинство населения составляют негры.

После окончания гражданской войны два президента США — Джонсон и Грант предлагали конгрессу аннексировать остров Гаити [175]. Хотя эти предложения не были реализованы, угроза со стороны США с тех пор постоянно висела над островом. Испано-американская война усилила эту угрозу. Дело дошло до того, что правительство Гаити обратилось к Германии за помощью и защитой от притязаний со стороны США [176]. При Теодоре Рузвельте углубилось проникновение США в Гаити. Но до аннексии дело не дошло. Реакция в США на агрессию в Панаме заставила Рузвельта воздержаться от подобных действий на острове Гаити. В дальнейшем США все-таки его оккупировали. Их вооруженные силы хозяйничали на нем около 20 лет.

В Доминиканскую Республику, занимающую восточную часть острова, активная экспансия США началась еще в прошлом веке. Президент Грант, настаивая на аннексии всего острова Гаити, утверждал: «Захват Санто-Доминго желателен вследствие его географического положения. Это даст возможность контролировать вход в Карибское море и торговые операции на перешейке. Из всех вест-индских островов именно он обладает богатейшей почвой, великолепнейшими гаванями, целительным климатом и ценнейшими запасами лесных, подземных и земельных богатств. При нашем обладании Санто-Доминго уже через несколько лет можно будет создать прибрежную торговлю исключительных размеров. В случае войны с иностранными державами он даст нам ключ ко всем упомянутым островам и, таким образом, помешает врагу высадиться на нашей территории» [177].

В обмен на займы, предоставленные американским капиталом Доминиканской Республике, начиная с 90-х годов прошлого века, а также при поддержке военно-морских сил, Рузвельт

[174] «North American Review», July 1901, p. 39.
[175] *Callcott W.* Op. cit., p. 35; *Montague L.* Haiti and the United States. Durham, 1940, p. 92, 103, 107, 109.
[176] *Callcott W.* Op. cit., p. 113.
[177] Цит. по: *Нуринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., с. 104.

установил в 1904—1905 гг. контроль США над таможнями страны: кредиторы получали 55% всех таможенных поступлений [178]. Фактически это означало установление протектората или, как признавал сам Рузвельт, финансового протектората Вашингтона [179]. Впоследствии Доминиканская Республика была так же, как и соседняя Гаити, оккупирована на ряд лет войсками США.

Займы, предоставленные нью-йоркскими банками, служили экономической основой агрессивной политики Вашингтона на всей территории, примыкающей к «Американскому Средиземноморью».

США стремились использовать любой предлог для укрепления своих позиций в Латинской Америке. Так, в частности, они использовали конфликт Венесуэлы с тремя европейскими странами: Англией, Германией и Италией. В 1902 г. эти государства применили по отношению к Венесуэле санкции за невыполнение ею обязательств по долгам и за неудовлетворение претензий иностранцев, пострадавших от гражданской войны в этой стране. Англия, Германия и Италия отозвали своих дипломатических представителей из Каракаса и объявили блокаду пяти венесуэльских портов и устья реки Ориноко. Перед этим они захватили четыре венесуэльские канонерки. 13 декабря 1902 г. германские и английские корабли обстреляли город Пуэрто-Кабельо, лежащий к западу от Каракаса.

В этот день президент Венесуэлы Кастро обратился к США с просьбой помочь решить конфликт арбитражем. Сначала Англия и Германия отклонили это предложение. Но через несколько дней они согласились. Спустя 10 лет Рузвельт раскрыл секрет быстрого изменения позиций этих держав. В декабре 1902 г. он сообщил германскому послу в Вашингтоне Голлебену, что флот в составе более 50 кораблей, сосредоточенных у Пуэрто-Рико под командованием адмирала Дьюи, готов для отплытия к берегам Венесуэлы. При этом президент отметил, что во всем мире нет такого места, «где Германия в случае ее конфликта с Соединенными Штатами оказалась бы в более невыгодном положении, чем в Карибском море» [180]. Через 36 часов после предупреждения Рузвельта Германия согласилась на арбитраж.

Однако согласие было дано лишь в принципе. На деле блокада продолжалась. В конце января 1903 г. германская канонерка обстреляла побережье Венесуэлы. Но дальнейший нажим Вашингтона, стоянка вблизи в боевой готовности эскадры под командованием Дьюи привели к тому, что в середине следующего месяца конфликт был исчерпан. 14 февраля блокада была снята.

Венесуэла согласилась, чтобы 30% таможенных сборов в двух ее главных портах — Ла-Гуайра и Пуэрто-Кабельо — шли

[178] *Callcott W.* Op. cit., p. 192.
[179] Ibid., p. 193.
[180] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 222—226.

на погашение долга, но не только трем державам, совершившим акты войны против нее. Соединенные Штаты и другие государства также получили свою долю.

Рузвельт использовал конфликт для усиления позиции империализма США на юго-западных берегах «Американского Средиземноморья».

Прежде всего и больше всего американские капиталы вкладывались в ближайшую к США страну карибского бассейна — Мексику. К началу XX в. наибольшие капиталовложения были сделаны в железнодорожный транспорт и горнодобывающую промышленность. В начале президентства Теодора Рузвельта, в 1902 г., согласно консульским донесениям, 117 компаний США владели в Мексике капиталами, превышающими 0,5 млрд. долл.[181]

Экономическая экспансия США к югу от Рио-Гранде насторожила мексиканцев, которые прекрасно помнили, как в середине минувшего века северный сосед захватил больше половины их территории. Немало оснований для тревоги давал также молодой президент Рузвельт, который считал себя не только блюстителем «доктрины Монро», но и хранителем порядка в Западном полушарии. Рузвельт предупреждал государства, расположенные к югу от США, что «правонарушения, беспорядки и невыполнение обязательств по выплате долгов заставят Соединенные Штаты осуществлять функции международной полицейской силы»[182].

Одновременно с ростом американских капиталов в Мексике (за первое десятилетие XX в. они удвоились, достигнув 1 млрд. долл.[183]) там усиливались антиамериканские настроения, ненависть к янки, выступления против них[184]. Сам президент Мексики Диас, несмотря на поощрение им инвестиций иностранных капиталов в страну, выступил публично против опеки, взятой Соединенными Штатами над Латинской Америкой на основании «доктрины Монро». Он заявил: «Ни одному государству не следует брать на себя обязанность защищать все полушарие. Это должно быть обязанностью каждой республики, которой нужно иметь свою собственную «доктрину Монро» и быть готовой по зову подвергающейся опасности республики прийти на помощь»[185]. Опасения оправдались. Мексике недолго пришлось ждать, чтобы пережить вторжение вооруженных сил США на свою территорию.

С захватом Панамы Вашингтон начал претендовать на роль арбитра в спорах между государствами Центральной Америки.

[181] *Callcott W.* Op. cit., p. 200.
[182] *Beard Ch.* and *M.* The Rise of American Civilization, vol. II. N. Y., 1930, p. 527.
[183] *Callcott W.* Op. cit., p. 293.
[184] Ibid., p. 292.
[185] Ibid., p. 74.

В 1902 г. четыре государства — Коста-Рика, Гондурас, Никарагуа и Сальвадор — заключили соглашение о передаче на арбитраж всех споров, которые возникнут между ними. В соответствии с этим соглашением осенью 1902 г. был образован Центрально-американский арбитражный суд. В следующем году Гватемала заключила соглашение об арбитраже с тремя другими государствами — Гондурасом, Никарагуа и Сальвадором. В 1904 г. эти четыре государства обязались «помогать друг другу военной силой, если это будет необходимо, в целях сохранения статус-кво» [186]. В 1906 г. Сальвадор, Гватемала и Гондурас решили, чтобы арбитрами в спорах, которые возникнут между ними, были президенты США и Мексики. В 1907 г. в Вашингтоне состоялась конференция пяти государств Центральной Америки, на которой был создан «Центрально-американский суд справедливости» сроком на 10 лет [187].

Пока Рузвельт оставался в Белом доме, указанные соглашения и конференции центрально-американских государств происходили с одобрения и в угоду США. Президент вмешивался в дела этих государств, когда его просили и когда не просили. Никарагуа, например, не присоединилось к государствам, которые в 1906 г. выразили желание, чтобы в спорах между ними арбитром стал президент США. Однако в феврале 1907 г. Рузвельт активно вмешался в конфликт между Никарагуа и Гондурасом.

Во всех государствах, расположенных в районе Карибского моря, США выступали зачастую в роли непрошенного, но всегда весьма пристрастного арбитра. Горе было непокорным! [188]

Независимо от соглашений и конференций центрально-американских государств с начала строительства Панамского канала вооруженные силы США занимались «наведением порядка» то в одной, то в другой стране, расположенной в бассейне Карибского моря. В 1905 г. Рузвельт отправил десанты США в Санто-Доминго, а в 1906 г.— на Кубу, где они оставались до 1909 г.; в 1907, 1910, 1911 гг. вооруженные силы США вторгались в Гондурас; в 1909 г. началась многолетняя интервенция США в Никарагуа; в 1912 г. Соединенные Штаты снова отправили свои войска на Кубу; в 1914 г. американские войска вторглись в Мексику и заняли Вера-Крус; в 1915 г. десанты США оккупировали Гаити и устроили там кровавую резню; в 1916 г. войска США под предводительством генерала Першинга (впоследствии — командующего американскими вооруженными силами, действовавшими против Германии на Западном фронте) вторглись в Мексику; в

[186] *Hill H.* Op. cit., p. 182.

[187] Но он перестал существовать через семь лет, когда его решение по договору Брайана — Чаморро о праве США на строительство межокеанского канала в Никарагуа не удовлетворило Вашингтон.

[188] Подробнее об этом см.: *Ugarte H.* The Destiny of a Continent. N. Y., 1925.

том же году американские десанты опять оккупировали Санто-Доминго; в 1917—1919 гг. американские войска снова хозяйничали на Кубе; в 1920 г.— в Гватемале, а в 1924 г.— в Гондурасе; в 1927 г. вооруженные силы США развернули в Никарагуа военные действия, которые затянулись на 5 лет.

Таковы «мирные» походы североамериканского «арбитра» в соседние южные «дружественные» страны. Таковы средства, с помощью которых США устанавливали свое господство в «Американском Средиземноморье».

4. Избирательная кампания 1904 г.

Рузвельт и Маккинли. Послание о трестах. «Преступные и глупые богачи». Бюро по делам корпораций. Оппозиция «старой гвардии». Национальные конвенты республиканцев и демократов. Деньги и выборы. Кампания социалистической партии. Итоги выборов.

С наступлением 1904 г. общественно-политическая жизнь страны сосредоточилась вокруг президентской кампании.

Как и в 1900 г., лидеры правящей партии играли на патриотических чувствах: война на Филиппинах завершилась усмирением туземцев и закреплением американских позиций у западных берегов Тихого океана; США установили протекторат над Кубой и свое господство над «Американским Средиземноморьем»; бескровной «революцией» на Панамском перешейке они добились выгодных условий для строительства канала.

Теодор Рузвельт, заняв Белый дом в 1901 г., объявил, что свое президентство он рассматривает как продолжение правления своего предшественника. Новый президент сдержал свое слово, даже превзошел Маккинли в вопросах внешней политики. Используя результаты войны с Испанией, он стал осуществлять свои империалистические замыслы более активно и энергично, чем Маккинли. Рузвельт продолжал также дело убитого президента в области протекционистских тарифов, золотого паритета и других экономических мероприятий.

Однако по вопросам, считавшимся в начале века важнейшими во внутренней политике и экономике, позиция Рузвельта существенно отличалась от позиции Маккинли. У Рузвельта, как уже отмечалось, были свои представления о роли и значении крупных промышленных и железнодорожных компаний, трестов. Отсюда складывалось его особое отношение к ним.

Как партийный лидер, Рузвельт также сильно отличался от предыдущего президента [189].

[189] Знаток партийно-политического механизма США, профессор Вудбёрн писал: «Маккинли и Рузвельт по складу своего ума, характера, деловым качествам представляли собой два различных типа людей. Маккинли был услужливым, уступчивым, любезным. Он стремился к согласию в партии,

Появление Рузвельта в Белом доме насторожило «старую гвардию» республиканцев в обеих палатах конгресса и в партийном аппарате. Молодой, энергичный и своенравный президент давал основание для недовольства и беспокойства и видным сенаторам, и партийным боссам. Больше всего разногласий в руководстве республиканской партией вызывал главный вопрос — отношение Рузвельта к трестам.

Не прошло и трех месяцев после убийства Маккинли, как новый президент в своем первом послании конгрессу поставил вопрос о трестах таким образом, что вызвал негодование руководителей крупных корпораций и лидеров собственной партии. Его называли «демагогом и фанатиком, который даже хуже Брайана»[190].

В этом послании Рузвельт доказывал, что создавшиеся условия требуют нового отношения правительства и конгресса к трестам. «Быстрое и очень сложное промышленное развитие, происходившее с нарастающей быстротой во второй половине XIX столетия,— сказал он,— поставило нас в начале XX в. перед очень серьезными социальными проблемами»[191]. Старые законы и обычаи, в прошлом достаточные для регулирования накопления и распределения богатства,— продолжал он,— в условиях неимоверного роста «производительных сил человечества» неэффективны. Один из его биографов писал: «Рузвельт был полностью уверен в том, что неограниченный рост трестов превратит страну в руины... В течение многих лет он сознавал, что растущая напряженная борьба между трудом и капиталом разрушит страну»[192].

Сам Рузвельт часто сетовал на то, что крупные капиталисты близоруки, что он защищает их интересы лучше, чем они сами. Касаясь антрацитовой стачки 1902 г., он писал, что сделал для шахтовладельцев все, но они «были так слепы, что не видели мои старания спасти их от самих себя»[193]. На одном банкете в Филадельфии, на котором присутствовали Рузвельт и Морган, президент США в речи, касаясь своего отношения к тре-

был склонен угождать политическим лидерам и соглашаться с мнением большинства, считая, что в случае столкновения во взглядах и намерениях исполнительной власти и партийных лидеров в конгрессе президент должен скорее следовать за ними, чем ими руководить. Рузвельт, напротив, стремился руководить конгрессом. Он был решителен, энергичен, любил неожиданные эффекты, обладал рядом качеств, способствующих личной популярности: был искусным политиком, знавшим, как нужно создавать «шум» и как воздействовать на общественное мнение, был нетерпим (некоторые называли его диктатором) по отношению к заслуженным лидерам и политическим деятелям своей партии, в свою очередь относившимся к нему с предубеждением и недоверием». (*Woodburn J.* Political Parties and Party Problems in the United States. N. Y., 1924, p. 178—179).

[190] *McCaleb W.* Op. cit., p. 193.

[191] *Commager H.* Documents of American History, vol. II. N. Y., 1940, p. 201.

[192] *McCaleb W.* Op. cit., p. 194, 195.

[193] *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 470.

стам, потрясая кулаком перед носом Моргана, крикнул: «А если Вы не дадите нам это сделать, то те, которые придут после нас, подымутся и приведут Вас к гибели» [194].

Рузвельт писал: «Я всегда утверждал, что ныне наши наиболее опасные революционеры — это те реакционеры, которые не сознают и не допускают мысли о том, что существует какая-то необходимость в переменах» [195].

Нового президента преследовал страх перед классовой борьбой, перед «бунтом в промышленности», который в его представлении покончит с капитализмом в Америке. Еще в 1896 г. Рузвельт и Генри Лодж считали, что существующий строй в США продержится лишь около 50 лет [196]. Такими соображениями руководствовался президент США, настаивая на принятии эффективных мер против безрассудных злоупотреблений трестов.

Однако перед тем как предложить какие-то «действенные меры» против опасных, по его признанию, для существующего строя крайностей в накоплении и распределении богатства в США, он превозносит тресты, поет дифирамбы «капитанам индустрии».

В упомянутом выше послании конгрессу Рузвельт заявил: «Капитаны индустрии, которые прокладывали через континент сеть железных дорог, расширяли нашу торговлю, развивали нашу обрабатывающую промышленность, в целом сделали большое доброе дело для нашего народа... Механизм современной экономики настолько деликатен, что необходима чрезвычайная осторожность, чтобы не мешать его работе необдуманными и дилетантскими мерами... Законодательство не будет разумным и эффективным, если ему не будут предшествовать спокойное изучение дел и трезвая сдержанность» [197]. «Все это,— заключил Рузвельт,— верно. Но верно также, что причиняется реальный и серьезный вред... когда корпорация извлекает часть своего богатства, применяя практику монополий, или когда такая тенденция наблюдается в ее делах» [198].

Президент предложил конгрессу принять закон, уполномочивающий федеральное правительство установить надлежащий надзор над трестами и регулировать деятельность всех корпораций, ведущих дела за пределами одного штата. Если конгресс считает, что Конституция не позволяет ему принять соответствующий акт, закончил Рузвельт, необходима специальная поправка к Конституции США [199].

Хотя Рузвельт и выступал за всеобъемлющий правительственный контроль и регулирование деятельности всех крупных

[194] *Корей Л.* Дом Морганов. Москва, 1932, стр. 269; *J. Blum.* Op. cit., p. 61.
[195] *McCaleb W.* Op. cit., p. 195.
[196] Ibid., p. 195.
[197] Цит. по: *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 201—202.
[198] Ibid., p. 202.
[199] Ibid., p. 203.

корпораций, деловая активность которых выходит за границы одного штата, он при каждом удобном случае подчеркивал, что его усилия направлены лишь против «незаконных» действий корпораций, против «нечестных» трестов. Рузвельт предложил дополнить «закон Шермана» таким положением, которое отличало бы «хорошие» тресты от «плохих» [200]. Он заверял Моргана, что крупнейшая монополия в металлургии (Стальной трест Соединенных Штатов) останется неприкосновенной [201].

Несмотря на все оговорки Рузвельта, его внимание, осторожность и предупредительность по отношению к крупным корпорациям, послание конгрессу от 3 декабря 1901 г. вызвали недовольство в руководящих кругах монополистического капитала и у заправил республиканской партии, в частности у председателя ее Национального комитета Марка Ханны.

По мере приближения выборов 1904 г., писал Вудбёрн, официальные лица — республиканцы вожаки партийных организаций, делегаты и партийные деятели, а также те, что в политической жизни представляли «высшие деловые сферы», были настроены не в пользу Рузвельта. По их мнению, политика игнорирования тех финансовых слоев, от которых партия обычно получала «средства для борьбы», может поставить ее лишь в затруднительное положение. Они смотрели на Рузвельта как на «нарушителя» согласия в партии. Эти люди стремились придерживаться старых, испытанных путей, веря, что в любом случае масса республиканцев будет отстаивать старое партийное знамя, которое несет «старая гвардия». Эти элементы искали способа добиться поражения Рузвельта при выдвижении кандидатур в президенты на выборах 1904 г. Они строили свои надежды на традиции, предусматривающие, что лицо, занимавшее пост президента вследствие смерти своего предшественника, не может победить на следующих выборах [202]. Они считали, что лучшим вождем, который обеспечит наибольшие шансы на успех, будет грозный капитан «Марк Ханна, уже дважды приводивший партию к победе и доказавший, что знает, как нужно устраивать избирательные кампании и как следует вознаграждать «партийных ребят» за их услуги» [203].

Даже незначительная критика Рузвельтом — по его собственному выражению — «злоупотреблений трестов» вызывала недовольство крупного капитала. Дискуссия по этому вопросу затянулась на годы. Через год после его послания конгрессу, в котором он предлагал принять меры против злоупотреблений

[200] *McCaleb W.* Op. cit., p. 196.
[201] *Blum J.* Op. cit., p. 58.
[202] Имеются в виду вице-президенты Джон Тайлер (1844 г.), Миллард Филмор (1852 г.), Эндрю Джонсон (1868 г.) и Артур Честер (1884 г.). Все они стали президентами вследствие смерти своих предшественников. На последующих выборах никто из них не был избран президентом.
[203] *Woodburn J.* Op. cit., p. 189—190.

корпораций, известный американский журнал опубликовал статью «Президент Рузвельт и тресты», изложив мнения крупного капитала и антирузвельтовской оппозиции в республиканской партии по этому вопросу. Признавая важность и злободневность проблемы, а также то, что постановка вопроса президентом находит поддержку в широких кругах населения, статья вместе с тем отклоняла все конкретные предложения Рузвельта.

«Благоразумие — предпосылка любого плана, стремящегося улучшить отношения между капиталом и трудом, между производителем и потребителем, между богатым и бедным в нашей стране,— заключил автор статьи.— Этого нельзя добиться принуждением с помощью конституционных поправок, которые разрушают почитаемые традиции местных и федеральных властей, или обязательными законами, составленными в духе, враждебном капиталу, инвестированному в промышленность. Этого нельзя достигнуть принуждением вообще» [204].

До специальной поправки к Конституции дело не дошло. Рузвельт удовлетворился тем, что в 1903 г. ему удалось образовать новое министерство — министерство торговли и труда. В кругах монополистического капитала выражали разное мнение об этом учреждении. Но эти круги резко возражали против плана Рузвельта создать в системе нового министерства Бюро по делам корпораций с целью наблюдения за деятельностью трестов.

Так даже робкие и непоследовательные шаги в направлении обуздания произвола трестов наталкивались на неодолимое сопротивление действительных хозяев страны.

В январе 1903 г., когда в Капитолии готовились к дебатам о создании Бюро по делам корпораций, партнер Рокфеллера по «Стандард ойл» Арчбелд телеграфировал конгрессмену Сибли (штат Пенсильвания), предложив ему организовать оппозицию против создания этого бюро. В начале февраля сенатор от Пенсильвании также получил от Арчбелда телеграмму, составленную в таком же духе. Аналогичные телеграммы «Стандард ойл» направил и другим сенаторам.

Давление «Стандард ойл» на конгресс не осталось в секрете. Херстовская газета в погоне за сенсацией опубликовала телеграмму Арчбелда сенатору от Пенсильвании.

Будучи опытным политиком, президент не преминул воспользоваться телеграммами Арчбелда для укрепления своих позиций. Он позаботился о том, чтобы газеты, не ссылаясь на Белый дом, сообщили, что шесть сенаторов получили телеграммы от Рокфеллера с указанием не допустить принятия какого-либо антитрестовского закона [205]. В результате билль, против которого возражали крупные корпорации, прошел в конгрессе так, как

[204] «North American Review», December 1902, p. 894.
[205] *Pringle H.* Op. cit., p. 341.

пожелал президент. 10 февраля 1903 г. подавляющим большинством голосов (251 против 10) его приняла палата представителей, а на следующий день законопроект получил большинство голосов и в сенате.

«Схватка» между Рузвельтом и его противниками напоминала в известной мере театральное сражение. Акт о создании Бюро по делам корпораций имел чисто формальный характер. Создание Бюро отнюдь не сократило злоупотреблений трестов. Они были сильнее антитрестовских законов.

«Антитрестовские» выступления Рузвельта находили поддержку в широких кругах американцев. Готовясь к президентской кампании, он активно использовал эти настроения в своих политических интересах.

Для завоевания популярности использовались и другие меры. В марте 1904 г. Рузвельт издал приказ о назначении пенсии всем ветеранам гражданской войны, достигшим 62-летнего возраста. Его противники называли этот акт незаконным, противоконституционным, рассчитанным на привлечение дополнительного числа избирателей на сторону республиканской партии. Но своего решения президент не отменил.

К активу Рузвельта на предстоящих выборах относили также его вмешательство в антрацитовую стачку 1902 г. и выдвинутый им план, приведший к соглашению о ее прекращении. В среде организованных рабочих находили одобрение высказывания Рузвельта против «инджонкшн» — предписания судебных органов, запрещающего начавшуюся стачку, хотя АТФ, с которой у него были разногласия, его полностью не поддержала [206].

Но, думая о выборах 1904 г., Рузвельт должен был прежде всего обеспечить себе руководящее положение в партии. Кандидата в президенты выдвигают не широкие массы, а национальный партийный съезд, на котором все решают боссы, руководители партийного аппарата в Вашингтоне и в штатах.

Между тем партийный аппарат и его руководящая верхушка — «старая гвардия» — были настроены не в пользу Рузвельта. Они предпочитали заменить его на посту президента Марком Ханной.

Рузвельт, учитывая обстановку, заблаговременно стал принимать меры по усилению позиций своих сторонников во многих штатах. Еще в первый год своего президентства, в 1902 г., он совершил турне по Новой Англии и западным штатам, выступая с речами, в которых излагал свою программу регулирования деятельности корпораций федеральным правительством. Стремясь укрепить свое положение как будущего кандидата в президенты, Рузвельт развил активную деятельность.

Прежде всего он принялся подтачивать опору Ханны на Среднем и Дальнем Западе — в Колорадо, Канзасе и Миссури. Он

[206] *Rhodes J.* The McKinley anl Roosevelt Administrations. N. Y., 1923, p. 285.

посадил на федеральные должности в этих штатах своих людей, с помощью которых постепенно стал завоевывать местный партийный аппарат. Так он поступал и в ряде других штатов, даже в родном штате Ханны — Огайо.

На Юге, где избиратели — прежде всего белые — обычно голосовали за демократов, Рузвельт привлекал на свою сторону негров, в частности, предоставляя им возможность работать в аппарате республиканской партии.

Организации республиканской партии в восточных штатах, Нью-Йорке и Пенсильвании никогда не были вотчиной Ханны. Только такой опытный политический босс, как Ханна, мог обеспечить в 1896 г. выдвижение на национальном съезде республиканской партии кандидатуру Маккинли на пост президента, не имея за собой делегации Нью-Йорка и Пенсильвании,— двух крупнейших штатов, которым принадлежит около шестой части всех выборщиков и всех голосов на партийном съезде.

В Пенсильвании 20 лет хозяином партийного аппарата считался сенатор Квей, который никогда не признавал руководства Ханны в партии. В 1900 г. он содействовал выдвижению кандидатуры Рузвельта в вице-президенты, а в 1904 г.— в президенты.

Труднее было Рузвельту в штате Нью-Йорк. Там у него не было такой верной опоры, как в Пенсильвании. Но в Нью-Йорке губернатор штата Оделл соперничал в руководстве партийным аппаратом с сенатором Платтом. Этим обстоятельством воспользовался Рузвельт, создал там «третью силу» и в 1902 г. выдвинул с ее помощью своего человека в вице-губернаторы штата.

К началу 1904 г. партийные организации более 20 штатов поддерживали Рузвельта. В конце января Рузвельт писал, что за пределами Юга, исключая Огайо, Ханна (хотя к его услугам были деньги Уолл-стрита) не получит большинства ни в одном штате [207].

Тем не менее у Рузвельта не было полной уверенности, что национальный съезд республиканцев выдвинет его кандидатуру. Его соперник был слишком силен. Еще 27 мая 1903 г. в конфиденциальном письме Лоджу Рузвельт признался: «Насколько я могу судить, Ханна — мой единственный и страшный противник» [208]. В другом письме Лоджу, написанном в том же месяце, Рузвельт отмечал, что за последние две недели Морган и другие магнаты Уолл-стрита открыто говорят, что на выборах они всячески будут помогать конкуренту президента [209]. Но случилось так, что за четыре месяца до открытия национального конвента республиканской партии, 15 февраля 1904 г., Ханна в воз-

[207] *Blum J.* Op. cit., p. 52, 54.
[208] Цит. по: *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 245.
[209] Ibid., p. 241.

расте 66 лет умер. Препятствия, стоявшие на пути Рузвельта, были сняты.

Национальный съезд республиканской партии открылся 21 июня 1904 г. в Чикаго. На Уолл-стрите прекрасно понимали, что бороться против кандидатуры Рузвельта после того, как не стало его соперника Ханны, который был председателем Национального комитета республиканской партии,— напрасный труд, что выступление против президента на съезде скорее приведет к противоположным результатам.

На съезде у Рузвельта соперников не оказалось. Съездом руководили его ближайшие друзья. Программную речь произнес Элиот Рут, а платформу изложил Генри Лодж. Платформа была коротка, в отличие от существующего обычая, не содержала сенсационных особенностей, не выпячивала спорных вопросов. В Чикаго все резолюции были приняты еще с бóльшим единодушием, чем четыре года назад в Филадельфии, когда на второй срок выдвигалась кандидатура Маккинли.

23 июня Рузвельта единогласно избрали кандидатом в президенты США на следующие четыре года. Кандидатом в вице-президенты конвент выдвинул сенатора Фербенкса из Индианы. По настоянию президента бывший личный секретарь Маккинли и Рузвельта министр торговли и труда Кортелью стал председателем Национального комитета республиканской партии и управляющим делами ее избирательной кампании.

Национальный съезд демократической партии открылся 6 июля в Сент-Луисе. Внутри партии еще не затихла борьба, которая продолжалась уже около 10 лет по вопросу о монометаллизме и биметаллизме. В Сент-Луисе демократы пришли разделенными на консерваторов, последователей бывшего президента Кливленда, и на так называемых радикалов, во главе которых стоял Херст.

Потерпев поражение в 1896 и 1900 гг. при выдвижении кандидатуры демагога Брайана, который выдавал себя за прогрессивного политического деятеля, демократы решились теперь на новый эксперимент. Они выдвинули кандидатуру консерватора, председателя апелляционного суда штата Нью-Йорк Паркера, который выступал за золотую валюту и высокие таможенные тарифы.

Брайан произнес страстную речь, возражая против кандидатуры Паркера, но на этот раз успеха не добился. В отличие от национального съезда, проходившего четыре года назад в Канзас-Сити, где довлел авторитет Брайана, в Сент-Луисе взяли верх делегаты из восточных штатов — противники биметаллизма и подоходного налога.

Продолжительные, острые дебаты развернулись в Комиссии по резолюциям. В конце концов пришли к выводу, что открытие новых золотых приисков увеличило добычу золота настолько, что спор о монометаллизме исчерпал себя. В окончательном

виде в платформе демократической партии не нашлось даже места для изложения ее позиции по вопросам валюты и банков — по тем вопросам, которые в прошлом так сильно волновали демократов.

Страсти в Сент-Луисе разгорелись вокруг кандидата в президенты. Всю ночь звучали пламенные речи. Лишь в 5 часов утра Паркеру удалось собрать 658 голосов, а Херсту — 200. Но все же для победы этого было недостаточно, так как Паркер не получил необходимых $^2/_3$ голосов. Следующий тур голосования привел к тому, что Паркер победил; кандидатом на пост вице-президента был избран Дэвис из Западной Виргинии. Перед закрытием съезда Паркер, который на нем не присутствовал, преподнес делегатам своего рода «сюрприз». Он прислал телеграмму, в которой заявил, что считает вопрос о золотом стандарте окончательно решенным, а поэтому будет действовать соответственно, если станет президентом. Так как платформа обходит этот вопрос молчанием, он считает долгом довести до сведения конвента свою точку зрения. Если, заключил Паркер, большинство не удовлетворено его позицией по этому вопросу, он просит снять его кандидатуру.

Телеграмма Паркера вызвала сильное возбуждение среди делегатов и расценивалась как вызов съезду. Многие предлагали избрать другого кандидата, но эта задача оказалась очень трудной для переутомленных делегатов, а главное — смена кандидатов была невыгодной для партии на выборах. Другие высказались за внесение изменений в платформу. Сошлись на том, что направили Паркеру ответную телеграмму: «Принятая платформа ничего не говорит по валютному вопросу, так как мы не считаем возможным его обсуждение в нынешней кампании. В платформе затрагиваются лишь те вопросы, которые занимают какое-то место на выборах».

Кандидатура Паркера, его твердая позиция по валютному вопросу импонировали руководителям корпораций. Она привлекала на сторону демократов в восточных штатах часть избирателей из капиталистических кругов, которые обычно голосовали за республиканцев. Но зато Рузвельт еще больше выиграл в глазах тех американцев, которые составляли основную массу избирателей. Многие сторонники демократов, особенно в западных штатах, которые в 1896 и 1900 гг. отдавали свои голоса Брайану, в 1904 г. голосовали за Рузвельта.

К тому же далеко не все корпорации отвернулись от Рузвельта. В платформах обеих партий отрицалась их связь с трестами. Но республиканцы активно выступали за протекционистские тарифы, а это в глазах руководителей промышленных корпораций намного возмещало тот «урон», который Рузвельт наносил им своими абстрактными высказываниями против злоупотреблений трестов. Орган крупного капитала газета «Нью-Йорк сан» писала по этому поводу: «Мы предпочитаем импуль-

сивного кандидата консервативной партии консервативному кандидату партии, которую деловые круги постоянно считают опасно импульсивной» [210].

Перед широкими массами избирателей, которые мало интересовались тарифами, Рузвельта рекламировали как защитника их интересов от грабительских поползновений монополий. После национальных съездов вопрос о трестах в избирательной кампании стал главным, сделавшись предметом взаимных нападок представителей обеих партий. Агитаторы республиканцев утверждали, что Уолл-стрит против Рузвельта и за Паркера, а сторонники демократической партии обвиняли республиканцев в том, что они получили большие денежные суммы в свой избирательный фонд от крупных трестов.

Действительно, председатель Национального комитета республиканцев Кортелью получил от корпораций крупные взносы. Морган, Рокфеллер, Гарриман и другие архимиллионеры, зная, что Рузвельт победит на выборах при всех условиях, внесли, как обычно, солидные суммы в фонд республиканской партии. Перед самыми выборами, 27 октября 1904 г., Рузвельт, чтобы ослабить впечатление от нападок демократов, предложил Кортелью вернуть 100 тыс. долл. президенту «Стандард ойл» Роджерсу, однако это не было сделано, так как Роджерс заявил, что эти деньги — его личный взнос в фонд республиканцев, а не возглавляемой им компании. Рузвельт одновременно разъяснил: «Крупные корпорации имеют громадные заслуги в деле благополучия нашей страны. Они знают, что благополучие может быть обеспечено только при условии сохранения власти за республиканской партией. Если при этом они содействуют обеспечению национального благосостояния, не рассчитывая на выгоды для себя, они поступают совершенно правильно» [211].

Больший шум вызвал взнос Гарримана. В Нью-Йорке в то время для Рузвельта складывались неблагоприятные условия. Помимо того, что в этом крупнейшем городе было множество сторонников Паркера, внутри организации республиканской партии штата шла грызня, и кандидат в губернаторы Хиггинс, которого поддерживал президент, натолкнулся на большие трудности. Рузвельт опасался, что провал Хиггинса повлечет за собою и его собственное поражение на выборах в Нью-Йорке. Он пригласил к себе Гарримана, который был известен не только как архимиллионер, но фактически считался боссом аппарата республиканцев штата Нью-Йорк. Гарриман информировал Рузвельта, что спор в нью-йоркской партийной организации происходит из-за места в сенате и что если сенатор Депью согласится уйти в отставку, организация выступит на выборах единой. Рузвельт дал обещание назначить Депью послом в Париже, после

[210] Цит. по: *Schlesinger A.* The Rise of Modern America, p. 209.
[211] Цит. по: *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 329.

чего Гарриман, вернувшись в Нью-Йорк, внес в избирательный фонд республиканской партии 250 тыс. долл., из них 50 тыс. долл. собственных, а 200 тыс.— собранных среди богатых друзей Депью.

Незадолго до выборов Паркер, выступая в Нью-Йорке, утверждал, что председатель Национального комитета республиканской партии Кортелью как бывший министр торговли и труда использовал свою осведомленность в делах корпораций для того, чтобы получить от них большие денежные суммы в избирательный фонд республиканцев. 5 ноября, за три дня до выборов, Рузвельт публично заявил, что «утверждение мистера Паркера — абсолютная и грубая ложь»[212].

У Паркера оставалось мало времени, а возможно, у него не было в тот момент достаточно веских и убедительных доказательств для подтверждения выдвинутого им обвинения. Но последующие события показали, что способ привлечения средств в кассу республиканской партии в 1904 г. бросает тень не только на Кортелью, но и на самого президента.

Рузвельт своего обещания не выполнил. Депью не был назначен послом. Уязвленный Гарриман написал через год после выборов своему другу Вебстеру письмо, в котором рассказал, как осенью 1904 г. президент пригласил его в Вашингтон и просил создать необходимый денежный фонд, чтобы вывести организацию республиканской партии Нью-Йорка из положения, угрожавшего ей поражением на выборах[213].

2 апреля 1907 г. письмо Вебстеру было опубликовано в печати, в связи с чем разъяренный президент заявил: «Я никогда не просил у мистера Гарримана ни одного доллара для президентской кампании 1904 г.»[214], отметив, что его переговоры с Гарриманом касались выборов губернатора, а не президента.

Известные биографы Рузвельта утверждают, что в письме Вебстеру Гарриман говорил правду[215]. Переговоры Гарримана в Белом доме продемонстрировали лишний раз роль денег в американской изибирательной кампании, показали, как в США продают и покупают высокие государственные должности. Однако содержание этих переговоров было опубликовано спустя более двух лет после выборов 1904 г., и избиратели в то время, разумеется, о них ничего не знали.

Национальные выборы проходили 8 ноября. В них участвовало 13 млн. 521 тыс. избирателей, на 447 тыс. меньше, чем в 1900 г.[216] Рузвельт получил 7 млн. 628 тыс., т. е. 56,4% голосов и 336 выборщиков, а Паркер — 5 млн. 84 тыс., т. е. 37,4% голосов и 140 выборщиков; 402 тыс. голосов собрал кандидат социа-

[212] *Latané J.* Op. cit., p. 237.
[213] *Pringle H.* Op. cit., p. 451.
[214] Ibid., p. 452.
[215] *Pringle H.* Op. cit., p. 453; *McCaleb W.* Op. cit., p. 207.
[216] Historical Statistics of the United States. Washington, 1961, p. 687.

листической партии Дебс и 117 тыс.— кандидат популистов Уилсон.

Социалистическая партия провела очередную избирательную кампанию более подготовленной, чем ранее. После выборов 1900 г., в частности, под редакцией Дебса стал выходить еженедельник, который занимался главным образом агитацией в пользу кандидата в президенты от социалистов. В 1904 г. Дебс собрал в 4 раза больше голосов, чем в 1900 г. Но за него высказалось лишь 3% избирателей, участвовавших в голосовании.

Вместе с президентскими выборами в ноябре 1904 г. происходили выборы в конгресс 59-го созыва. Республиканцы увеличили число своих депутатов в палате представителей с 208 до 250, а демократы потеряли 42 места. Число их депутатов сократилось с 178 до 136. В сенате соотношение сил сохранилось: 57 республиканцев и 33 демократа.

Рузвельт, воодушевленный победой, отдал дань традиции, в соответствии с которой президент не должен занимать Белый дом более двух сроков. Он заявил, что ни при каких обстоятельствах не согласится с выдвижением его кандидатуры на пост президента США еще раз. Впоследствии он об этом жалел. Пока же он готовился начать второе президентство уверенным в себе, преисполненным желания еще более энергично проводить в жизнь политику, полностью отвечающую интересам американского империализма как внутри страны, так и на международной арене.

IV

РЕСПУБЛИКА-ИМПЕРИЯ

1. Портсмутский мир

Лицом к Китаю. Железнодорожная концессия Кантон—Ханькоу. Бойкот американских товаров. Отношение Рузвельта к русско-японской войне. Соглашение Кацура—Тафта. Переговоры в Портсмуте. Кругосветный рейс военного флота США. Соглашение Рута—Такахира. Японо-американское соперничество.

Чарлз и Мери Бирд в своей двухтомной работе «Развитие американской цивилизации» назвали главу о внешней политике Вашингтона на рубеже XX в., проводившейся последовательно Теодором Рузвельтом под лозунгом «веление судьбы», «Имперская Америка». Конечно, в США продолжали функционировать республиканские учреждения и институты, соблюдалось разделение властей в духе Монтескье. Но экспансионистская внешняя политика страны по своему характеру не отличалась от агрессивных устремлений других империалистических держав. Это особенно верно, когда речь идет о втором сроке президентства Теодора Рузвельта. Окрыленный победой на выборах 1904 г., он начал свою деятельность в Белом доме с проведения давно задуманной и разработанной им империалистической программы.

Рузвельт, как уже говорилось выше, считал, что его деятельность протекает на заре новой, «тихоокеанской эры». Он мечтал о господстве США на берегах Тихого океана, которое, по его мнению, должно было привести к наступлению «американского века». Этому району мира он уделял исключительное внимание, обращая свои взоры прежде всего на самую многонаселенную страну Земли — Китай. В 1905 г. Рузвельт «пророчествовал»: «Будущее нашей истории будет больше определяться нашим положением в Тихом океане: лицом к Китаю, чем нашим положением в Атлантике: лицом к Европе»[1].

Рузвельт на практике осуществлял то, что проповедовали другие идеологи американского империализма. В частности, в

[1] Цит. по: *Beale H.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. N. Y., 1962, p. 161.

книге «Американское экономическое превосходство» Брукс Адамс писал: «Наше географическое положение, наше богатство и наша энергия делают нас наиболее подходящими для того, чтобы заняться развитием Восточной Азии и превратить ее в часть нашей экономической системы. И, более того, законы природы непреложны. Деньги будут потоком устремляться туда, где они приносят больше дохода, а капиталы, раз они инвестированы,— всегда находятся под защитой. Очевидно, американцы не могут быть вытеснены из Китая без борьбы. Они, возможно, не будут радушно встречены теми, кто приложил максимум усилий, чтобы приобрести там плацдарм. Поэтому китайский вопрос должен рассматриваться как грядущая серьезная проблема, от которой никоим образом нельзя уходить. А так как напряженная борьба за превосходство иногда приводит к применению силы, безопасность зависит от состояния вооруженных сил и готовности ко всяким неожиданностям» [2].

Филиппины, за которые США так цепко держались, рассматривались в Вашингтоне лишь как форпост, как трамплин на пути к «желтому континенту». Но другие империалистические державы опередили США. После японо-китайской войны 1894—1895 гг. империалисты со всех сторон набросились на Китай. Каждое государство стремилось отхватить лакомый кусок,— чаще всего это был удобный порт в качестве исходной позиции для установления своей сферы влияния в «Небесной империи».

В таких условиях государственный секретарь США Хей выступил в 1899 г. с доктриной «открытых дверей и равных возможностей» для всех держав в Китае. Как уже отмечалось, «при равных возможностях» Вашингтон надеялся обеспечить себе господствующее положение в эксплуатации людских и естественных ресурсов этой огромной страны. Рузвельт с первых дней своего пребывания в Белом доме взял курс на усиление и расширение влияния американского капитала в Китае.

С 1895 г. в США существовала акционерная компания по развитию экономики Китая, в которой видное положение занимали влиятельные финансовые и политические деятели — Морган, Гарриман, президенты крупнейших нью-йоркских банков «Нэшнл сити» и «Чейз бэнк», бывший вице-президент США Мортон и др. В 1898 г. компания добилась у китайского правительства концессии на строительство железной дороги от Кантона до Ханькоу протяженностью 710 миль, а в 1900 г.— на сооружение веток и подъездных путей, связанных с этой дорогой.

Американцы систематически нарушали условия соглашения и сроки строительства. К началу 1905 г. было проложено лишь около 30 миль железнодорожного полотна. Главное же нарушение договора о концессии состояло в том, что американцы, вопреки обязательству не передавать свои права правительствам или

[2] *Adams B.* America's Economic Supremacy. N. Y., 1900, p. 221—222.

гражданам других государств, допустили, что контрольный пакет акций временно оказался в руках бельгийцев.

Вскоре после президентских выборов в США, 23 декабря 1904 г., китайский посол в Вашингтоне сообщил государственному секретарю Хею об аннулировании этой концессии. В дело немедленно вмешался сам президент США. Рузвельт рассматривал строительство железной дороги Кантон — Ханькоу как средство для проникновения американских капиталов и товаров в глубь Китая вплоть до Янцзы. 26 января 1905 г. он говорил Хею, что аннулирование концессии его сильно огорчает. Рузвельт писал Моргану, что правительство США позаботится о том, чтобы его инвестиции в Китае никоим образом не пострадали. Однако сохранить концессию не удалось.

Китайское правительство согласилось возместить американской компании ее расходы в двойном размере, а Морган и его партнеры решили, что строительство в Китае для них слишком хлопотно.

Рузвельт рассматривал аннулирование концессий как удар по престижу США и по реализации его планов в Китае, сожалел о том, что он в этом вопросе всецело полагался на Хея [3].

Хей никак не мог реагировать на то, что президент США свалил на него вину за неудачу в Китае. К этому времени его уже не было в живых. Бывший личный секретарь Авраама Линкольна Джон Хей скончался 1 июля 1905 г. Его место на посту государственного секретаря занял бывший военный министр Рут.

Спустя 10 лет, в 1914 г., советник Рузвельта по дальневосточным делам Рокхилл, выступая в Американо-азиатской ассоциации, утверждал, что «потеря концессии была самым тяжелым ударом, нанесенным когда-либо по интересам Соединенных Штатов в Китае» [4].

Однако в это время — в начале второго президентства Рузвельта — американцы получали в Китае и другие не менее ощутимые удары.

В 1905 г. в ответ на надменное отношение американцев к китайцам, на их дискриминацию в Китае был объявлен бойкот американских товаров. А следует подчеркнуть, что создание и расширение рынка для американских товаров рассматривалось Соединенными Штатами как основное средство распространения влияния и укрепления позиций американского капитала в Китае. Бойкот оказался весьма чувствительным ударом по планам президента Рузвельта, предусматривающим установление господства США в районе Тихого океана.

Бойкот, как оружие борьбы с иностранным проникновением и влиянием, нередко и раньше применялся в Китае. Но в прошлом это средство обычно носило локальный характер и было, как

[3] *Beale H.* Op. cit., p. 190.
[4] Ibid., p. 191.

правило, направлено против отдельных фирм или сводилось к ограничению деятельности иностранных импортеров. На этот раз бойкот принял более широкие размеры и распространился на многие порты. В июле 1905 г. в Китае был объявлен бойкот американскому государству в целом.

Бойкот не ограничивался экономическими рамками. Китайцы должны были не только воздерживаться от покупки американских товаров, от использования любой промышленной продукции, изготовленной в США, а также судов, принадлежащих американцам, но и отказываться от службы в американских фирмах, от выполнения домашней или иной работы для граждан США, от посещения американских школ, сторониться их культурной и религиозной деятельности в Китае и т. д. Этот всеобъемлющий бойкот поддерживался также китайцами, проживавшими в Америке, на Филиппинах, на Гавайских островах, в некоторых портовых городах Японии.

Непосредственной причиной бойкота стали иммиграционные законы, направленные против китайцев. В 1902 г., как уже говорилось, акт конгресса, временно запретивший въезд китайским рабочим в США, стал бессрочным. Дискриминации, оскорблениям подвергались не только рядовые китайцы. В 1904 г. официальные представители Пекина, приглашенные в Сент-Луис на всемирную выставку, посвященную столетию покупки Луизианы, были арестованы в Сан-Франциско и подверглись оскорбительному обращению.

Китайцы, объявляя бойкот, ссылались на то, что неграмотные крестьяне из стран Восточной Европы допускаются в США беспрепятственно, а ученые и официальные лица Китая, которым в виде исключения разрешено посещать Соединенные Штаты, подвергаются позорящим человеческое достоинство проверке и обыску. В городах Китая появились большие яркие плакаты, призывавшие к бойкоту. Один из них, широко распространенный в Шанхае, так объяснял возмущение китайцев: «Когда Америка была открыта, она представляла собой дикий край с редким населением, которое даже не знало, как возделывать землю. Тогда китайцев привозили в Америку, чтобы использовать на строительстве дорог, шахт и на полевых работах. Когда многое было сделано и Америка разбогатела, американцы стали обращаться с китайцами хуже, чем с волами и лошадьми. В настоящее время ни один китаец не может иммигрировать в Америку... Мы не можем сдерживать дольше свой гнев, наша ненависть к Америке стала нестерпимой»[5].

Бойкот наносил ущерб крупным американским корпорациям, таким, как «Стандард ойл» и компании швейных машин «Зингер». Особенно пострадала хлопчатобумажная промышленность штатов Новой Англии, возлагавшая большие надежды на

[5] *Beale H.* Op. cit., p. 203.

китайский рынок, так как внутри страны она сталкивалась с растущей конкуренцией новых текстильных фабрик Юга.

Торговые фирмы других стран, в частности английские и немецкие, конкурировавшие с американскими, от бойкота выигрывали. Они старались, хотя и не открыто, поддерживать в Китае антиамериканские настроения.

В июне 1905 г. Рузвельт и его военный министр Тафт выступали за прекращение дискриминации по отношению к китайским купцам и туристам, посещающим США. В некоторых штатах торговые палаты, заинтересованные в китайском рынке, высказывались даже за разрешение иммиграции в США ограниченного числа китайских рабочих. Но председатель АФТ Гомперс возражал. Он посетил Белый дом и вручил президенту протест против возможного допуска в Америку дешевых рабочих рук из Восточной Азии. Рузвельт его успокоил, заявив, что речь идет не об отмене запрета на иммиграцию китайских рабочих.

Рузвельт направил Тафта со специальной миссией на Дальний Восток. Были приняты особые меры безопасности. Во время посещения Кантона его охранял батальон солдат. Выступая в этом городе, Тафт жаловался, что США, которые «не претендуют ни на один дюйм» китайской территории, подвергаются несправедливому бойкоту.

31 августа 1905 г. китайское правительство официально осудило бойкот и приказало местным властям принять меры к его окончанию. Компрадорская буржуазия, сама пострадавшая от бойкота, подчинилась этому решению правительства. Но студенты и интеллигенция в целом продолжали поддерживать антиамериканские настроения и выступали за дальнейший бойкот.

В ходе бойкота Рузвельт угрожал направить в Китай экспедиционный корпус. На Дальний Восток были переправлены военные корабли США, а на Филиппинах сосредоточивались другие вооруженные силы для вторжения в район Кантона. До вооруженной интервенции дело не дошло, поскольку бойкот постепенно пошел на убыль, так как и власти, и торговцы заняли по отношению к нему отрицательную позицию. В 1906 г. экспорт американских товаров в Китай, хотя и не достиг уровня предыдущего года, составил все же 44 млн. долл. Результаты бойкота сказались в дальнейшем. В последующие 5 лет экспорт США в Китай неуклонно сокращался и упал в 1910 г. до 16 млн. долл. (в 1905 г. общая стоимость американских товаров, ввезенных в Китай, составила 53 млн. долл.) [6].

Антиамериканский бойкот (как и Ихэтуаньское восстание пятью годами раньше) свидетельствовал о пробуждении Китая от многовековой спячки, о протесте китайского народа против унижений и оскорблений, о его движении против империалистического нашествия и грабежа. Но президент США расценил эти

[6] Historical Statistics of the United States. Washington, 1961, p. 550.

исторические события по-своему. Рузвельт рассматривал национально-освободительное движение в Китае, как «бунт варваров» против «цивилизаторской» миссии США, как стремление задержать наступление «американского века» в грядущей «тихоокеанской эре».

С этих позиций, под влиянием неудач, Рузвельт следил за русско-японской войной 1904—1905 гг. Он, как Лодж и Мэхэн, считал, что для защиты интересов и планов Америки в Китае, прикрытых вуалью доктрины «открытых дверей», необходимо сохранить там равновесие сил великих держав. Равновесию на Дальнем Востоке, по мнению президента США, более всего угрожала царская Россия. Отсюда понятно заигрывание Вашингтона с Токио.

В январе 1902 г. сложился англо-японский союз, направленный против России. Этот союз, признавая английские интересы в Китае и японские — в Корее, предусматривал, что в случае, если одна из договаривающихся сторон, защищая свои интересы, подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, другая сторона будет сохранять нейтралитет. Но если к нападающей державе присоединится еще одно государство, то вторая из договаривающихся сторон обязывалась прийти на помощь своему союзнику.

США не были и не могли быть тогда, как Англия, в официальном военном союзе с Японией. Со времени окончания войны за независимость США в течение 165 лет официально ни с кем не заключали военных союзов. Однако в феврале 1904 г., когда вспыхнула война между Японией и Россией, США вели себя по отношению к этой войне так, как предусмотрел англо-японский союз. Рузвельт предупредил Германию и Францию, что если они станут на сторону России, то США немедленно выступят против них вместе с Японией[7]. Это заявление вызвало по меньшей мере большое удивление, так как по американской Конституции объявление войны — прерогатива конгресса, а не главы исполнительной власти.

Англо-японский союз возлагал определенные обязанности на обе стороны только в случае нападения на одну из них. Между тем никто не оспаривал того факта, что Япония напала на Россию за несколько дней до формального объявления войны. Биограф Рузвельта Прингл вряд ли ошибается, утверждая, что Япония не совершила бы нападения на русский флот, если бы она не опиралась на союз с Англией и на благожелательный нейтралитет Соединенных Штатов[8]. Через три дня после этого нападения президент США писал своему сыну: «Я вполне доволен победой Японии, потому что она делает наше дело»[9].

[7] *Pringle H.* Theodore Roosevelt. N. Y., 1931, p. 377.
[8] Ibid., p. 376.
[9] Ibid., p. 375.

США защищали интересы Японии не только в войне, но и в переговорах о мире. Япония вела войну в очень выгодных для себя и весьма невыгодных для России стратегических условиях. Внезапное нападение на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо обеспечило Японии свободный короткий морской путь для переброски войск и вооружений к театру военных действий. России же пришлось снабжать свои армии по единственной и самой протяженной в мире сибирской железной дороге, а затем — по восточнокитайской и южноманьчжурской линии. Япония подготовилась несравненно лучше и в дипломатическом отношении, заручившись политической поддержкой, а эвентуально — и военной помощью Англии и США.

Однако по своим людским и материальным ресурсам Япония не могла долго и успешно состязаться с Россией. Япония была вынуждена напрягать все свои силы и мобилизовать все средства. К концу войны ее людские и материальные ресурсы были основательно израсходованы. Между тем экономика и людские резервы России были сравнительно слабо задеты войной. В случае затяжной войны она могла взять верх по крайней мере на суше и вытеснить Японию из Маньчжурии и Кореи.

Рузвельт, касаясь военного положения, сложившегося к началу 1905 г., писал: «В такой войне нет никакой уверенности. Япония может потерпеть поражение, а это означало бы потрясающее несчастье» [10].

Японцы, учитывая создавшиеся для них благоприятные условия и опасные перспективы затяжной войны, обратились весной 1905 г. к Рузвельту с просьбой содействовать открытию мирных переговоров. Они сообщили ему строго конфиденциально, «что их материальным и людским ресурсам грозит истощение, если война продолжится» [11]. Позже морской атташе США в Токио установил, что японская делегация, отправляясь на мирную конференцию, имела директиву добиться мира, независимо от того, удастся ли ей выторговать территориальные уступки и контрибуции [12].

Япония зондировала почву для мирных переговоров еще в июле 1904 г. через своего посланника в Лондоне Хаяси, который дал понять, что Токио согласится на переговоры, если Петербург официально об этом попросит. Царское правительство отклонило это предложение, но зондаж со стороны японцев продолжался.

В апреле 1905 г. японский посланник в Вашингтоне просил Рузвельта выступить от своего имени с мирным предложением. Ранее Рузвельт и сам пытался посредничать между воюющими сторонами. Но пока царское правительство надеялось, что с помощью эскадры адмирала Рожественского, направленной из

[10] *Roosevelt T.* An Autobiography. N. Y., 1941, p. 540.
[11] *Beale H.* Op. cit., p. 252.
[12] Ibid., p. 268.

Балтийского моря вокруг Африки на Дальний Восток, удастся блокировать Японские острова и изменить ход войны в свою пользу, активность Рузвельта не увенчалась успехом.

31 мая 1905 г., через четыре дня после Цусимского сражения, японское правительство снова обратилось к Рузвельту с просьбой предложить воюющим сторонам приступить к мирным переговорам. В этом обращении оно выразило желание, как и раньше, чтобы приглашение России и Японии приступить к переговорам было сделано от имени президента США, действующего по своей собственной инициативе, и чтобы просьба Японии о мире сохранялась в строжайшей тайне.

В условиях нарастания революционной ситуации в России Николай II на этот раз принял предложение Рузвельта.

Мирные переговоры начались в США 9 августа 1905 г. в городе Портсмуте. Со стороны России переговоры вел бывший министр финансов Витте и посол в США Розен, а со стороны Японии — министр иностранных дел Комура и посланник в Вашингтоне Такахира. Русской делегации не было известно, что еще в январе этого года Англия и США согласились на передачу Ляодунского полуострова Японии. Она не имела представления и о том, что за 12 дней до открытия мирных переговоров в Портсмуте военный министр США Тафт заключил в Токио соглашение с японским премьером Кацура, по которому США признали протекторат Японии над Кореей. Англия тоже признала этот протекторат, продлив союзный договор с Японией, подписанный уже в самом начале переговоров в Портсмуте.

Соглашение Кацура—Тафта о японо-американском сотрудничестве на Дальнем Востоке — единственное в своем роде в истории США. Оно по существу означало, что США стали партнером англо-японского союза. На столь далеко идущие обязательства президент Теодор Рузвельт пошел без ведома и согласия сената, как этого требует в аналогичных случаях Конституция США.

Кацура рассматривал это соглашение как заключение практически союза Японии с Америкой. Он знал, что официально договор с иностранным государством президент США может заключить лишь с одобрения сената, а сенат никогда соглашения Кацура — Тафта не санкционировал бы. Но Тафт заверил его, что и «без всякого соглашения народ Соединенных Штатов столь единодушен с народом Японии в деле сохранения мира на Дальнем Востоке, что при любых обстоятельствах Япония и Англия могут рассчитывать на соответствующие действия со стороны правительства Соединенных Штатов настолько уверенно, как если бы Соединенные Штаты были связаны договором» [13].

Конечно, заверение Тафта не придало соглашению законной силы. Но поскольку Рузвельт его полностью одобрил, то, пока он

[13] *Hacker L., Kendrick B.* The United States since 1865. N. Y., 1932, p. 441.

оставался в Белом доме, японцы имели основание считать, что у них фактически существует секретный союз с Америкой. А так как после Рузвельта Тафт был четыре года президентом США, то соглашение 1905 г. имело значение практически в течение почти 8 лет.

Соглашение Кацура — Тафта раскрывает подлинное лицо Рузвельта, выдававшего себя за беспристрастного посредника между воюющими сторонами на Дальнем Востоке.

В ответ на признание правительством США протектората Японии над Кореей Кацура согласился признать суверенитет США на Филиппинах.

Но надежды и планы Рузвельта — опираться на Японию в своей тихоокеанской политике — не оправдались. Несмотря на соглашение Кацура — Тафта, еще задолго до ухода Рузвельта из Белого дома японо-американские отношения, как об этом будет сказано далее, резко обострились.

Секретное соглашение Кацура — Тафта было впервые предано гласности в 1924 г., спустя более 5 лет после смерти Рузвельта. Оно было опубликовано в октябрьском номере журнала «Каррент хистори». Если бы русское правительство в свое время имело представление об этом соглашении, оно бы никогда не допустило посредничества президента США и того, чтобы мирные переговоры с Японией происходили в Америке.

В ходе переговоров президент США, занимая прояпонскую позицию, оказывал давление на русскую делегацию. По основному спорному вопросу (уплата Японии 600 млн. долл. в виде контрибуции), угрожавшему срывом конференции, Рузвельт вначале встал на сторону японцев, а потом рекомендовал передать этот вопрос на усмотрение нейтральной комиссии. Американские банкиры, имевшие встречи с Витте, выражали свою готовность предоставить России заем на уплату контрибуции.

Все время, пока продолжалась конференция, Рузвельт поддерживал конфиденциальную тесную связь с Комура и Такахира через своего японского друга Канако. Там, где он выступал как «беспристрастный» посредник, он действовал по просьбе японцев.

Лучше всего характеризует отношение президента США к России и Японии и к мирной конференции в Портсмуте его переписка в тот период с государственными и политическими деятелями своей страны, опубликованная лишь после смерти Рузвельта.

В письме Хею 2 апреля 1905 г. Рузвельт отметил, что считает, что Япония должна получить контрибуцию, хотя говорить открыто об этом пока не находит возможным [14].

30 апреля Рузвельт писал Тафту: «Я в глубине души согласен с японскими условиями мира, предусматривающими конт-

[14] *Bishop J.* Theodore Roosevelt. vol. I. N. Y., 1920, p. 379.

роль Японии над Кореей, оставление ей Порт-Артура и Дальнего и эксплуатацию ею железной дороги Харбин — Мукден — Порт-Артур»[15].

24 июня в письме американскому послу в Берлине Тауэру Рузвельт, касаясь требований японцев, писал: «Следует ясно осознать, что они победители, что их триумф полный и ошеломляющий, дающий право требовать очень существенных уступок как цены за мир. Трудно будет вести дело с Россией, так как ей будет тяжело решиться дать то, что японцам совершенно правильно надлежит просить»[16].

Хотя Рузвельт позднее в автобиографии признал, что в исходе войны не было уверенности и Япония могла потерпеть поражение, но в то время в целях оказания давления на царское правительство он писал совершенно другое. Президент США поддерживал связь с Николаем II через американского посла в Петербурге Мэйера. Он писал Мэйеру с расчетом на то, что его высказывания по вопросам войны и мира станут известны в Петербурге. Он даже иногда давал послу прямое указание ознакомить русского царя и министра иностранных дел Ламсдорфа с его мнением по этому вопросу[17]. 7 июля 1905 г. Рузвельт писал Мэйеру: «Россия не может ожидать мира до тех пор, пока она не пойдет на существенные уступки, ибо японский триумф абсолютный, а положение России чрезвычайно критическое. Я серьезно надеюсь, что царь убедится, что он должен во что бы то ни стало и любой ценой заключить мир с Японией сейчас и направить свое внимание на внутренние дела»[18].

27 и 28 августа конференция в Портсмуте переживала кризис. На второе обращение Рузвельта к Николаю II с советами о дальнейших уступках японцам царь ответил, что нечего больше об этом разговаривать[19].

29 августа японская делегация получила телеграмму из Токио, в которой говорилось, что император после того, как председательствовал на заседании правительственного кабинета, решил совершенно отказаться от денежного вознаграждения за военные расходы. В телеграмме с восточной вежливостью и лукавством отмечалось, что «император ставит человечество и цивилизацию намного выше благополучия своего народа»[20].

Рузвельт надеялся на компенсацию за помощь, оказанную Японии в войне и в заключении мира. Он был уверен, что в результате войны на Дальнем Востоке исчезнут препятствия для неограниченной экспансии американского капитала на севере Китая.

[15] Ibid., p. 381.
[16] Ibid., p. 398.
[17] Ibid., p. 397.
[18] Ibid., p. 399—400.
[19] Ibid., p. 410.
[20] Ibid., p. 412.

На следующий день после подписания мирного договора в Портсмуте президент США в длинном послании японскому императору писал высокопарным слогом: «В течение последних восемнадцати месяцев ваши генералы и адмиралы, ваши солдаты и матросы прославили навеки Ниппон. Их слава — ваша слава. Слава вашего народа будет продолжаться так долго, как история, так долго, как долго помнят героические дела, так долго, как долго будет существовать человеческий род... Величие народа, как и величие человека, часто характеризуется так же определенно умеренностью и мудростью в победе, как и самой победой» [21].

Англичане, обычно более сдержанные на комплименты, выражали на этот раз восхищение своим союзником. Эдуард Грей рассказывает, что один высокопоставленный японец так ответил на эти похвалы: «Да, мы считались нацией художников, наше искусство действительно выглядело очень хорошо; вы тогда называли нас варварами. Теперь наше искусство не так хорошо, как раньше, но мы научились убивать, а вы говорите, что мы стали цивилизованными» [22].

Рузвельт своей цели не достиг. Ему не удалось загрести жар чужими руками. Японцы, несмотря на заявление микадо, что человечество для него превыше всего, преследовали свои собственные империалистические цели в Китае, отнюдь не думая благодарить президента США за его старания. Японские капиталисты не собирались в контролируемых их правительством территориях на континенте Азии делить добычу с американцами. Сбалансировать силы, установить равновесие держав на севере Китая, которое Рузвельт конструировал в пользу США, не удалось. Вскоре президент США разочаровался в своей дальневосточной политике.

В Японии победа вскружила многим головы. Военная партия встретила Портсмутский мир, как оскорбление. В сентябре 1905 г. в Токио и других городах происходили бурные антиамериканские демонстрации.

Недовольство политикой Соединенных Штатов выражали не без основания также в Корее, где считали, что Рузвельт пытался за ее счет заручиться расположением Японии. За пять дней до открытия мирных переговоров в Портсмуте президент США принял в своей летней резиденции двух представителей Кореи, которые тщетно хлопотали о сохранении независимости их страны. Одним из них был студент университета Джорджа Вашингтона Ли Сын Ман.

Корея мало трогала Рузвельта. Иным было отношение к «неблагодарной» Японии, на которую в Вашингтоне очень скоро начали смотреть, как на опасного соперника в Тихом океане. Из

[21] *Bishop J.* Op. cit., p. 416.
[22] *Grey E.* Twenty Five Years, 1892—1916, vol. I. London, 1925, p. 57.

разных источников в Вашингтон поступали сведения о сильном увеличении вооруженных сил Японии, особенно морских, острие которых было направлено против Америки.

В 1908 г. Рузвельт писал государственному секретарю Руту, что Вильгельм II считает неизбежной через год-два войну Америки с Японией [23].

Сам Рузвельт, хотя и не отрицал такой возможности, не соглашался со сроками, указанными кайзером. В начале 1906 г. он утверждал, что нападение Японии на Филиппины произойдет не раньше чем через 10 или 20 лет [24]. В октябре этого года Рузвельт, говоря о необходимости содержания флота в полной боевой готовности, объяснял это тем, что «японцы высокомерны, обидчивы, воинственны и упоены славой их недавней победы» [25].

С конца 1906 г. Рузвельт считал войну с Японией возможной, даже вероятной [26]. В этой связи он решил продемонстрировать военно-морскую мощь США и отправил флот в кругосветный рейс. 30 июля 1907 г. он сказал, что заботится о том, чтобы японцы знали его дружественное расположение к ним. «Но,—добавил он,— я не меньше озабочен тем, чтобы они осознали, что я их не боюсь» [27]. Позднее, в 1910 г., он говорил по этому поводу германскому адмиралу Тирпицу: «Я думаю, было бы хорошо, если бы японцы знали, что белая раса имеет флоты, совершенно отличающиеся от флота бедного Рожественского». Тирпиц ответил Рузвельту, что в 1908 г. немецкие морские специалисты были уверены, что японцы атакуют американский флот [28].

16 декабря 1907 г. Рузвельт, провожая эскадру, состоящую из 16 боевых кораблей и 12 тыс. моряков, которая направлялась вокруг мыса Горн на Сан-Франциско, приказал командирам кораблей «быть готовыми к самому худшему, к любой неожиданности» [29]. Не считая тогда себя готовыми к войне с Америкой, японцы пригласили военно-морскую эскадру США прибыть с дружественным визитом к их берегам.

От Сан-Франциско флот отправился в Новую Зеландию, посетил Австралию, Филиппины и Китай.

18 октября 1908 г. американские корабли остановились на три дня у японских берегов, где им устроили торжественный прием. На парадных встречах говорили о дружбе и вечном мире между обеими великими тихоокеанскими державами. Но в США, как и в других странах, сильно сомневались в искренности этих слов.

В том же 1908 г. Рузвельт потребовал, чтобы конгресс ассигновал средства на строительство четырех новых линейных

[23] *Pringle H.* Op. cit., p. 405.
[24] Ibid., p. 407.
[25] Ibidem.
[26] Ibid., p. 400.
[27] Ibid., p. 410.
[28] *Pringle H.* Op. cit., p. 411; *Beale H.* Op. cit., p. 285.
[29] *Pringle H.* Op. cit., p. 411.

кораблей. Он настаивал также на ускорении сооружения Панамского канала, заявляя, что путь флота из Атлантического океана в Тихий через Магелланов пролив слишком долог.

Парадоксально, но именно Рузвельту, который старался извлечь из русско-японской войны максимальную выгоду, в 1906 г. была присуждена Нобелевская премия мира за содействие окончанию этой войны.

В результате политики Рузвельта на Дальнем Востоке в районе Тихого океана нарастало японо-американское военно-морское соперничество. Кругосветный рейс американского флота, посещение им Японии только подлили масла в огонь.

В отдельные годы, правда, принимались меры к торможению хода событий, к смягчению обострявшихся отношений. Вскоре после торжественной встречи американского флота у японских берегов, 30 ноября 1908 г., завершились переговоры между государственным секретарем Рутом и японским послом в Вашингтоне Такахира. Соглашение Рута—Такахира предусматривало сохранение статус-кво на Тихом океане, уважение к территориальным владениям обоих государств в этом районе. Декларацией, принятой при заключении этого соглашения, была подтверждена доктрина «открытых дверей» и необходимость сохранения независимости и целостности Китая. По существу это соглашение означало, что США признают все территориальные захваты, концессии и привилегии Японии в Китае, а Япония признает Филиппинские, Гавайские и другие острова в Тихом океане владениями США. Соглашение являлось по существу разделом сфер влияния между США и Японией в Тихом океане.

Переговоры и соглашения между обоими государствами имели место и в дальнейшем. Но спустя 40 лет после русско-японской войны американцы, оглядываясь на пройденный путь, пришли к выводу, что Портсмут вел прямой дорогой к Пирл-Харбору [30].

2. Алхесирасская конференция

Три «принципа» внешней политики США. Соглашение о границах Аляски. Марокканский кризис. Угрозы Вильгельма II. Вмешательство Рузвельта. Опасность франко-германской войны. Гонка вооружений. Мирные конференции в Гааге.

С провозглашением доктрины «открытых дверей» в Китае в Вашингтоне заговорили о трех «принципах» американской внешней политики. США вышли на мировую арену позднее других крупных империалистических держав.

Уже победа Маккинли на президентских выборах 1896 г. означала, что политика Вашингтона будет осуществляться в соот-

[30] *Beale H.* Op. cit., p. 272, 287—288.

ветствии с желаниями промышленников и банкиров. В 90-х годах, как отмечалось, свыше двух третей стоимости американского экспорта еще составляли продукты сельского хозяйства. Но с приходом к власти республиканцев в 1897 г. государственный департамент стал заботиться главным образом о том, чтобы прокладывать пути к рынкам сбыта американской промышленности, защищать интересы экспортеров капитала.

В европейских странах в то время не было достаточно широких перспектив ни для импорта промышленных изделий США, ни для приложения американских капиталов. Поэтому в Вашингтоне решили, что целесообразно соблюдать старое правило: невмешательство в политические дела Европы. Это правило рекомендовал ровно за 100 лет до избрания Маккинли первый президент США Джордж Вашингтон в своей «прощальной» речи, названной «завещанием». Оно было подтверждено «доктриной Монро» в 1823 г., хотя президент Монро думал лишь о невмешательстве европейских государств в дела Нового Света. К началу XX в. доктрины Монро и Хея, а также «невмешательство» в политические дела европейских держав рассматривались как три главных «принципа» внешней политики США.

Теодор Рузвельт нарушил третий принцип. Он активно вмешивался в дела европейских государств. Проводя свою тихоокеанскую политику, строя далеко идущие планы в отношении Дальнего Востока, Рузвельт пришел к выводу, что ключ к экспансии на «желтом континенте» находится в руках европейских держав. Для того чтобы сохранять равновесие сил в Китае, необходимо было, по мнению Рузвельта, обеспечивать баланс сил европейских держав на их континенте. Отсюда его отход от традиционной политики невмешательства Америки в политические дела Европы.

И здесь опять политика Рузвельта подкреплялась и стимулировалась высказываниями Брукса Адамса. В своей книге: «Американское экономическое превосходство» Адамс писал: «Начиная с Ватерлоо и вплоть до 1899 г. Великобритания действовала как своего рода уравновешивающая сила человеческого общества. Она выступала как носитель цивилизации. С окончанием бурской войны этот период, по-видимому, завершился... Очевидно, Америка должна со всей возможной полнотой занять место Англии» [31].

Традиционная британская политика, сводившаяся к сохранению равновесия сил великих держав на континенте Европы, совпадала с курсом, взятым Америкой при ее появлении на империалистической арене. Англо-американское сближение, начавшееся в конце прошлого века, продемонстрированное на весь мир во время испано-американской войны 1898 г. и при заключении договора Хея — Паунсфота в 1901 г., получило дальнейшее разви-

[31] *Adams B.* Op. cit., p. 196—197.

тие при президенте Рузвельте. Его личные связи в высших сферах британского общества, в английских правительственных и парламентских кругах содействовали тому, что оба государства выступали согласованно, действовали в ряде случаев сообща, как союзники, хотя официального союза между ними не было. В 1904 г. США предостерегли Германию и Францию от выступления против Японии подобно тому, как в 1898 г. Англия удержала эти государства от выступления против США. В русско-японской войне Америка оказала такую же услугу союзнику Англии, какую Англия оказала Соединенным Штатам в испано-американской войне.

При Рузвельте был решен давний спор между США и Англией о границах Аляски. С 1867 г., когда Соединенные Штаты купили Аляску, пограничные территории Канады и США оставались спорными. Но, поскольку эти районы почти не были заселены, они не играли заметной роли в англо-американских отношениях. Открытие золота в Клондайке в 1897 г. и наплыв туда многих тысяч искателей счастья оживили старый пограничный спор и придали ему актуальное значение. Канада претендовала на выход к глубоководным морским заливам, в частности на выход к морю у Скагуэя как на удобный путь к Клондайку. Кроме того, высказывались предположения, что на спорных территориях, расположенных вблизи этого района, тоже может быть обнаружено золото.

В 1898 г. в Квебеке приступила к работе объединенная англо-американская комиссия, которая должна была уточнить и установить границу между Канадой и Аляской. До конца президентства Маккинли комиссии не удалось разрешить этот спорный вопрос. Рузвельт вскоре после окончания англо-бурской войны взялся активно и решительно за его урегулирование.

В январе 1903 г. была создана новая смешанная комиссия, названная трибуналом. Она состояла из трех американцев, двух канадцев и одного англичанина — главного судьи Великобритании лорда Алверстона. США представляли сенатор Лодж, военный министр Рут и бывший сенатор от штата Вашингтон Тарнер.

Во время работы смешанной комиссии Рузвельт пустил в ход дипломатический трюк, к которому он прибег также и в период переговоров в Портсмуте. С представителями Великобритании он разговаривал мягко. В то же время через двух лиц, косвенно, он давал англичанам понять, что у него на всякий случай есть наготове «дубинка». В июле 1903 г. президент снабдил письмом члена Верховного суда США Оливера Холмса, который направлялся в Европу. Холмс имел задание ознакомить с содержанием письма, адресованного лично ему, влиятельного министра колоний Великобритании Джозефа Чемберлена и сделать это частным образом, как будто от себя, нарушая тайну. Аналогичное письмо получил американский посол Генри Уайт с тем, чтобы

довести таким же путем его содержание до сведения британского премьера Бальфура и двух-трех именитых англичан [32].

В письме Холмсу Рузвельт утверждал: «Я уверен, что в Соединенных Штатах не найдется и трех человек, которые бы заботились больше, чем наши делегаты, о справедливом удовлетворении британских претензий по всем пунктам, где даже имеется только намек на право с их стороны... Я хочу сделать последнюю попытку добиться соглашения с помощью комиссии, которое позволит народам обеих стран говорить, что результаты соответствуют настроению представителей обоих государств. Но, если разногласия останутся, я хочу дать ясно понять, что арбитража по этому вопросу не будет, что в моем послании конгрессу я займу позицию, которая помешает любой возможности арбитража в дальнейшем, позицию, которая — я склонен верить — поставит конгресс перед необходимостью поручить мне проводить линию так, как мы ее понимаем, без учета в дальнейшем позиции Англии и Канады. Если бы я исходил только из отвлеченного права, я должен был так или иначе занять такую позицию. Я так не поступил, потому что желаю использовать до конца любую возможность для решения вопроса мирно, учитывая должным образом честь Англии» [33].

Искусный маневр Рузвельта оказался эффективным. Англичане, заинтересованные в сохранении и улучшении отношений с США, исходя из интересов своей внешней политики, уступили. 20 октября 1903 г. смешанная комиссия большинством голосов приняла решение в пользу США, которые согласились лишь на незначительные уступки Канаде: в ее пользу была несколько передвинута граница. К Канаде также перешли два необитаемых острова. Но выходы к морю, на которые претендовала Англия, остались за США.

Представитель Англии Алверстон голосовал вместе с американцами против канадцев. Канадцы отказались подписать решение комиссии и объявили его незаконным, утверждая, что «лорд Альверстон пожертвовал их интересами в целях дальнейшего проведения британской политики дружественных отношений с Соединенными Штатами» [34].

Таким образом, и в данном случае Вашингтон сумел укрепить свои позиции за счет соседа. Кроме того, англо-американское соглашение о границах между Аляской и Канадой ликвидировало последнее препятствие, мешавшее совместным, согласованным действиям не только на Дальнем Востоке, но и в Европе.

После своего ухода из Белого дома Рузвельт писал Мэхэну: «Урегулирование вопроса о границах Аляски уладило последнее

[32] *Thayer W.* Theodore Roosevelt. Boston, 1919, p. 174; *Rhodes J.* The McKinley and Roosevelt Administrations. N. Y., 1923, p. 257.
[33] *Thayer W.* Op. cit., p. 176—177.
[34] *Latané J.* America as a World Power. N. Y., 1907, p. 203.

серьезное разногласие между Британской империей и нами... Мои чувства к Англии очень отличаются от моих чувств к Германии» [35]. Это президент США доказал на деле не только во время войны между Россией и Японией, но и во время возникшего кризиса в Европе, угрожавшего войной между Германией и Францией.

Первые годы президентства Рузвельта протекали в условиях, когда вырисовывалось англо-германское соперничество, грозившее превратиться в открытую вражду. В марте 1905 г. Рузвельт рассказывал Лоджу, как Германия и Англия подошли к грани войны и как англичане просили его направить американский флот к британским берегам и таким образом продемонстрировать «англо-американскую дружбу» [36].

Англо-французское соглашение 1904 г. встревожило Германию. Соглашение явилось причиной сближения Англии и с ее соперником в Азии — царской Россией, которая уже 10 лет состояла в военно-политическом союзе с Францией. Ослабление царской России в результате войны с Японией и революции 1905 г. вызывало опасения в Лондоне, что Германия пожелает воспользоваться сложившейся ситуацией, окажет давление на Францию или даже, возможно, начнет военные действия против нее, рассчитывая на то, что в создавшихся условиях России будет трудно помогать своему союзнику.

И, действительно, опасения оправдались. Германия начала оказывать давление на Францию, угрожая ей войной. Непосредственным поводом конфликта послужило Марокко, вернее, стремление империалистических держав побольше урвать в этой африканской стране. Герберт Спенсер писал в 1895 г.: «Христианские государства ведут себя в Африке подобно голодным собакам, собравшимся вокруг туши: они вырывают из нее кусок за куском, останавливаясь только для того, чтобы рычать и огрызаться друг на друга» [37].

Эдуард Грей, ставший в 1905 г. министром иностранных дел Англии, впоследствии рассматривал конфликт из-за Марокко как первый из четырех кризисов, предшествовавших роковому убийству в Сараеве в 1914 г.[38] Каждый из этих кризисов угрожал пожаром большой войны в Европе.

Англо-французский договор о «сердечном согласии», подписанный в апреле 1904 г., предоставил Англии свободу дейст-

[35] *Rhodes J.* Op. cit., p. 260.

[36] *Beale H.* Op. cit., p. 375.

20 апреля 1905 г. Рузвельт в письме военному министру Тафту, говоря об англо-германских отношениях, утверждал: «Каждое государство создает условия, вызывающие страшную ненависть к другому. Кайзер абсолютно убежден, что Англия намеревается атаковать его. Правительство и большая часть населения Великобритании точно так же уверены, что Германия готовит нападение на Англию» (*Rhodes J.* Op. cit., p. 312).

[37] *Rhodes J.* Op. cit., p. 312—313.

[38] *Grey E.* Twenty Five Years. 1892—1916. London, 1925, vol. I, p. 69—100.

вий в Египте, а Франции — в Марокко. Франция тут же приступила к установлению своего протектората над марокканским государством. Германия, которой Джозеф Чемберлен еще за пять лет до этих событий предлагал часть марокканской территории, теперь почувствовала себя обойденной. В Берлине решили воспрепятствовать установлению французского протектората и требовать сохранения в Марокко «открытых дверей» и равных возможностей для всех государств. Германия предупредила, что, если Франция пошлет войска в Марокко, немецкие армии вторгнутся во Францию [39].

Кризис достиг наибольшего накала весной 1905 г. 31 марта этого года Вильгельм II прибыл в Танжер, где произнес речь, встревожившую европейские страны, особенно Францию. Он дал ясно понять, что считает Марокко не французским протекторатом, а независимой страной.

Во всем мире речь германского императора в Танжере расценивалась, как вызов не только Франции, но и Англии. В Париже, где считали, что от кайзера можно ожидать серьезных неприятностей, приняли меры к смягчению напряженности. Инициатор англо-французского соглашения 1904 г., известный своими антигерманскими настроениями министр иностранных дел Делькассе, на устранении которого настаивали в Берлине, вынужден был в июне 1905 г. уйти в отставку. Но опасность войны не миновала. 9 января 1906 г. британский министр иностранных дел Грей сообщил, что, по словам германского посла в Лондоне Меттерниха, «Германия чувствует себя очень сильным государством и занимает настолько прочную позицию, что ей не может внушить страх комбинация даже двух великих держав» [40].

Немцы всячески старались расшатать англо-французское «сердечное согласие» 1904 г., предчувствуя, как будто, что «комбинация двух великих держав» действительно обрушится в конце концов на них и принесет им неисчислимые бедствия. В Англии стали проявлять беспокойство, что немцам удастся ликвидировать англо-французский союз. По договору 1904 г. Англия обязалась оказывать Франции не военную, а лишь дипломатическую помощь. Это учитывали в Берлине, как учитывали там и ослабление России. Немцы полагали, что пока англичане примут решение и начнут предоставлять своему союзнику реальную помощь, Франция окажется в одиночестве, а это даст Германии достаточно времени, чтобы в случае конфликта с Францией решить свои основные военные задачи. Такие расчеты позволили немцам угрожать, шантажировать, вести войну нервов против французов.

[39] Ibid., p. 79; *Beale H.* Op. cit., p. 307.
[40] *Grey E.* Op. cit., p. 83.

В 1905—1906 гг. Франция неоднократно обращалась к Лондону с одним и тем же вопросом: может ли она рассчитывать на военную поддержку англичан, если на нее нападет Германия. Французский посол в Лондоне Камбон в беседе с Греем в январе 1906 г. доказывал: «Ничто не имело бы более умиротворяющего воздействия на германского императора, чем убеждение, что, если Германия нападет на Францию, Англия выступит на стороне своего союзника»[41]. Грей отвечал (это он говорил и Меттерниху), что нападение Германии на Францию вызовет такую сильную реакцию в общественном мнении его страны, что английскому правительству будет невозможно сохранить нейтралитет. В частности, британский министр иностранных дел дал понять, что военное вмешательство Англии неизбежно последует, если будет нарушен нейтралитет Бельгии[42].

В 1905 г., когда германская угроза Франции стала серьезной, между штабами сухопутных и морских сил Англии и Франции установилось сотрудничество, которое продолжалось несколько лет. Но англичане при каждом удобном случае подчеркивали, что это сотрудничество не связывает и не обязывает их оказывать военную помощь Франции, что оно проводится лишь для того, чтобы быть достаточно подготовленными, если Англия сочтет свое военное вмешательство необходимым[43].

Грей в беседах с Камбоном постоянно утверждал, что Англия желает сохранить свободу действий, что она не может обещать военной помощи, которой добивалась Франция. Не помогло и то, что в конце января 1906 г. Камбон, обращаясь к Грею с той же просьбой о гарантии военной поддержки, заявил, что вопрос стоит очень остро, так как германский император дал понять французскому правительству, что оно не может полагаться на англичан[44].

В этой обстановке в игру, в дипломатическую борьбу европейских держав активно включился президент США. При его участии была созвана конференция для решения спорного вопроса о Марокко. Как посредник, президент США мог действовать без санкции сената, но его участие в международном соглашении обязательно требовало согласия и одобрения верхней палаты конгресса США.

Вмешательство Рузвельта в марокканский кризис вызвало горячую дискуссию в конгрессе. Сенатор Бекон из штата Джорджия внес резолюцию, осуждающую участие США в переговорах о Марокко, ввиду того, что «постоянная политика нашего государства со дня его основания избегала участия в подобных политических спорах между европейскими странами». Сенатору Лоджу удалось одолеть оппозицию и помешать принятию резо-

[41] *Grey E.* Op. cit., p. 73.
[42] Ibid., p. 83, 117—120.
[43] Ibid., p. 75.
[44] Ibid., p. 81.

люции Бекона. Лодж утверждал, что речь идет не о вступлении США в союз и тем более не об их участии в предполагавшейся войне европейских государств, а лишь о том, чтобы использовать моральное влияние Америки для предотвращения войны.

Хотя резолюция Бекона и не прошла, в конгрессе появилось определенное недовольство активностью президента в марокканском вопросе. Даже государственный секретарь Рут выражал свои сомнения в целесообразности затеи Рузвельта.

Президент США, рассматривая достижение равновесия сил в Европе как основу своей внешней политики, действовал не заручившись согласием сената и помимо воли государственного департамента. Рузвельт не делился своими планами урегулирования марокканского кризиса даже с Рутом[45]. Он не желал, чтобы в государственном департаменте остался какой-нибудь след, которым могла бы воспользоваться оппозиция в сенате для доказательства того, что президент, активно вмешиваясь в европейские дела, нарушил кардинальный принцип традиционной внешней политики США.

Из американских дипломатов Рузвельт полностью доверял в подготовке конференции по марокканскому вопросу лишь послу США в Петербурге Мэйеру. Мэйер действовал через иностранных дипломатов, с которыми ряд лет поддерживал личный контакт и дружеские отношения. Это были английский посол в Петербурге Спринг-Райз, французский и германский послы в Вашингтоне Джуссеран и Штернбург.

Вильгельм II предлагал созвать международную конференцию, надеясь, что его требования «открытых дверей и равных возможностей» в Марокко получат поддержку других государств. Он неоднократно обращался к Рузвельту за сочувствием и содействием, просил его использовать свое влияние в Англии. Рузвельт добился того, что Франция уступила и, хотя неохотно, согласилась на созыв конференции.

Конференция состоялась в Испании в городе Алхесирассе. Она открылась 15 января и продолжалась до 7 апреля 1906 г. В ней участвовали Англия, Франция, Германия, Россия, Италия, Австро-Венгрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Бельгия, США и Марокко.

Роль президента США в марокканском кризисе и в Алхесирасской конференции раскрылась полностью лишь после его смерти, в 1920 г., когда близкий к Рузвельту Джозеф Бишоп, которому бывший президент доверял всю свою личную и официальную корреспонденцию, опубликовал его переписку по этому вопросу.

Через три недели после закрытия конференции в Алхесирассе, 28 апреля 1906 г., Рузвельт в конфиденциальном письме аме-

[45] *Latané J. A.* History of American Foreign Policy. N. Y., 1941, p. 575—577.

риканскому послу в Лондоне Уайтлоу Райду изложил события, предшествовавшие этой конференции, следующим образом.

6 марта 1905 г. Штернбург посетил Белый дом и вручил Рузвельту послание Вильгельма II, в котором кайзер просил президента совместно предложить поддержку султану Марокко, оказывающему сопротивление попыткам любого иностранного государства получить исключительный контроль над его страной. На следующий день германский посол от имени императора сообщил в меморандуме, что Франция и Испания собираются разделить Марокко между собой, в результате чего они получат возможность установить свое господство на дорогах, ведущих на Ближний и на Дальний Восток. При этом Штернбург сказал: «Император, основываясь на полученной им информации, уверен, что помощь Франции со стороны англичан в этом вопросе не пойдет дальше «дипломатической поддержки». Это — он надеется — изолирует Францию. Император ожидает, что — с конференцией или без нее — статус-кво в Марокко может быть без особых трудностей сохранен и права всех иностранцев в основном соблюдены».

В апреле и мае 1905 г. Вильгельм II в обращениях к Рузвельту подчеркивал, что позиция Англии зависит от позиции США, и поэтому просил его воздействовать на англичан, с тем чтобы они выступили по вопросу о Марокко заодно с Германией. Если — предупреждал кайзер — Германия не встретит сочувствия и поддержки других держав, «ему придется выбирать между возможностью войны с Францией и рассмотрением тех условий, которые Франция может предложить во избежание войны»[46].

В конце мая 1905 г. Рузвельт, вернувшись после очередной охоты в Вашингтон, застал своих друзей Джуссерана и Штернбурга озабоченными тем, что между их странами может вспыхнуть война. Рузвельт писал: «Действительно, все выглядело так, как будто война может возникнуть... Я решил предпринять что-то, что я вправе сделать для Франции, потому что я люблю Францию и считал ее в этом случае правой. Но я не намеревался занять позицию, которую я бы не стал поддерживать любой ценой»[47]. Президент опасался, что в случае войны Франция будет разгромлена прежде, чем Англия придет ей на помощь, и равновесие сил в Европе будет катастрофически нарушено. Поэтому он говорил Джуссерану, что «разумно постараться избежать войны, если возможно, путем принятия курса, который сохранит чувство собственного достоинства кайзера и поможет ему спасти его лицо». Рузвельт писал: «Я обращал внимание французского правительства, во-первых, на большую опасность войны для Франции и на тот факт, что британская помощь может оказаться для нее крайне неэффективной, потому что Франции будет угро-

[46] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 461, 467.
[47] Ibid., p. 475, 477.

жать вторжение на суше»; во-вторых, советуя французскому правительству согласиться на созыв международной конференции по марокканскому вопросу, президент уверял, что Францию там в обиду не дадут [48].

Рузвельт, верный своей «особой дипломатии», настолько откровенно действовал в пользу Франции, что письма к Штернбургу, прежде чем их отправить, показывал Джуссерану [49].

В то же время ему удавалось прикидываться искренним другом Германии, восторгающимся ее императором. Он говорил немцам, что даже одно согласие Франции на конференцию — это победа кайзера, что война чревата большими потерями для Германии и что от нее выиграет только Англия. В письме Штернбургу 25 июня 1905 г. Рузвельт утверждал: «Как Вы знаете, я решил разговаривать скорее с Францией, чем с Англией, потому что мне кажется, что разговаривать с Англией было бы бесполезно. Я чувствую, что если война возникнет, что бы ни случилось с Францией, Англия безмерно выиграет, в то время как Германия потеряет колонии, а возможно, и флот. Таково положение вещей. Я не думаю, что я мог сказать что-нибудь такое, что оказало бы какое-то влияние на Англию. Зато я очень убедительно просил Францию, чтобы она поступила так, как пожелал император, и согласилась на созыв конференции. Французское правительство сделало именно то, что по просьбе его величества я убеждал сделать... Я особенно подчеркиваю, что рассматриваю это согласие Франции, эту ее уступку, о которой она говорила, что не может сделать и на которую она теперь пошла, как подлинный триумф императорской дипломатии; так что, если достигнутый результат будет реализован, это станет для Германии не только почетом, но и победой. Вы знаете, что я не только искренний поклонник и доброжелатель Германии, но также и его величества» [50].

Такие высказывания Рузвельта не помешали ему через некоторое время в частном разговоре отозваться о Вильгельме II как о «великом шулере» [51].

Кайзер согласился с предложением Рузвельта о конференции для обсуждения всех вопросов, относящихся к Марокко, без предварительной повестки дня. 28 июня Штернбург сообщал Рузвельту: «Император просил меня передать Вам, что в случае каких-либо разногласий между Францией и Германией на предстоящей конференции он в каждом случае будет готов поддерживать решение, которое Вы найдете наиболее справедливым и целесообразным» [52].

[48] Ibid., p. 478.
[49] Ibid., p. 481.
[50] Ibid., p. 483—484.
[51] *Rhodes J.* Op. cit., p. 316.
[52] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 485, 487.

На конференции в Алхесирассе возникли существенные разногласия. США, на чью поддержку кайзер рассчитывал фактически, как и Англия, хотя и не столь открыто — приняли сторону Франции. Германия оказалась изолированной. Рузвельт был убежден, что равновесию сил в Европе угрожает Германия; в этом причина профранцузской позиции американской делегации в Алхесирассе и ловкие маневры президента США в ходе подготовки конференции. Когда разногласия принимали острый характер, Рузвельт угрожал опубликовать секретную корреспонденцию по марокканскому вопросу, которая представила бы кайзера в невыгодном свете, показав всему миру, как германский император попал в сети президента США. Между тем до конференции Рузвельт обещал хранить эту корреспонденцию в тайне [53].

В Алхесирассе был подтвержден принцип «открытых дверей и равных возможностей» для торговли с Марокко, а также сохранение целостности территории этой страны. Франция и Испания (в основном французы) получили право полного контроля над полицейскими силами во всех марокканских портах. Вместе с преимуществами, которые Франция имела в банке, контролирующем экономику Марокко, подчинения полиции было достаточно для установления и укрепления французского господства в этой стране.

Германии не удалось ни ослабить позиции Франции, ни усилить свои позиции в Марокко, ни развалить — к чему она более всего стремилась — англо-французский союз.

Рузвельт попробовал загладить тяжелое впечатление, которое произвело на Берлин его активное участие в споре о Марокко. Он прибег к своему испытанному методу. Через пять дней после закрытия Алхесирасской конференции он принял делегацию немецких ветеранов и, как ни в чем не бывало, опять стал расхваливать Германию и ее кайзера. «Ни в одной другой стране,— сказал президент,— так не восхищаются Германией и ее благородным правительством, императором Вильгельмом, как у нас в Америке» [54].

Рузвельт, предлагая сенату ратифицировать документы Алхесирасской конференции, утверждал, что достигнутое соглашение обеспечивает Америке равные со всеми европейскими государствами права в торговле с Марокко, не возлагая на США никаких обязательств. В случае отказа от ратификации, сказал он, США «впервые за 120 лет окажутся без торгового соглашения с Марокко, в то время как мы повсюду ищем новые рынки сбыта для наших товаров».

Обсуждение вопроса в сенате вызвало шумную оппозицию. Необходимое для ратификации большинство было собрано с трудом, и лишь после включения в резолюцию, одобряющую

[53] *Bishop J.* Op. cit., vol. I, p. 485, 500.
[54] Ibid., p. 501.

алхесирасское соглашение, оговорки, что США участвовали в конференции лишь для сохранения прав, предоставленных американской стороне Мадридской конвенцией 1880 г. о Марокко, что присутствие делегации США в Алхесирассе «не означает отступления от традиционной американской внешней политики, запрещающей участие Соединенных Штатов в решении чисто европейских политических вопросов»[55].

Исход Алхесирасской конференции в Америке и в Европе рекламировали, как торжество дела мира. Однако основные причины, толкавшие империалистические державы Европы к войне, отнюдь не были устранены. Как бы Рузвельт ни старался замаскировать цели Вашингтона на старом континенте, конференция выявила действительное направление европейской политики США; стремление «шагать по военной тропе» вместе с Англией и Францией против Германии.

После Алхесирасса усилилась гонка вооружений. США заняли ведущее место среди крупнейших морских держав.

Эдуард Грей утверждал, что состязание в вооружениях неотвратимо ведет к войне. «Громадный рост вооружений в Европе,— писал он,— чувство неуверенности и страха, вызванные им,— это то, что сделало войну неизбежной»[56]. Все другие вопросы, приводящие к разногласиям, противоречиям и конфликтам, можно было, по его мнению, удалить или, по крайней мере, не обострять настолько, чтобы они обязательно вели к разрыву, к вооруженной борьбе между великими державами. Это, заключает Грей, самый главный урок истории, который должны учитывать настоящее и будущие поколения.

Министр иностранных дел Англии, конечно, упрощает. Потрясающая гонка вооружений, о которой он толкует, является результатом глубоких империалистических противоречий, борьбы крупных держав за передел мира. Но то, что военная машина в XX в. стала маховиком, ускорившим бег великих держав к военной катастрофе, не подлежит сомнению.

В 1908 г. назревал новый кризис во взаимоотношениях Франции и Германии из-за Марокко. В это время кайзер дал интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», в котором он резко обрушился на Англию, заявив, что «Германии очень скоро придется воевать с ней и что он уверен, что это время почти настало»[57]. Президент США настоял на том, чтобы интервью кайзера не было опубликовано.

Обострившиеся снова франко-германские разногласия из-за Марокко, послужившие поводом для гневного выступления германского императора против Англии, заслонялись новым кризисом в Европе: Австро-Венгрия, пользуясь переворотом младотурков, аннексировала Боснию и Герцеговину.

[55] *Latané J.* Op. cit., p. 576.
[56] *Grey E.* Op. cit., p. 92.
[57] *Beale H.* Op. cit., p. 380.

Гонка вооружений и политические кризисы, угрожавшие войной между великими державами, вызвали в общественных кругах Европы и Америки движение за решение международных конфликтов мирным путем. Это движение поддержали филантропические общества, ассоциации юристов, научные, религиозные и различные либеральные организации и их печать.

По предложению России в 1899 и 1907 гг. в Гааге собирались конференции для рассмотрения вопроса о сокращении вооружений, кодификации правил о мирном разрешении международных конфликтов и правил ведения войны. Официально задачи этих конференций состояли в ограничении вооружений и обеспечении мира. Эти задачи не были и никак не могли быть решены, хотя бы только потому, что в Гааге тон задавали генералы и адмиралы. В американскую делегацию входил глашатай морского могущества Мэхэн. Тем не менее европейская печать называла встречи делегаций разных стран в Гааге «конференциями по разоружению».

Конференция 1899 г. вынесла лишь пожелание об ограничении военных расходов, которое никого ни к чему не обязывало. Она привела к заключению конвенций об урегулировании разногласий между государствами мирным путем и о правилах ведения войны. Но главным ее достижением считали создание постоянного международного арбитражного суда с местопребыванием в Гааге:

По установленному статусу Гаагский суд никого не заставлял обращаться к нему. Использование его услуг зависело от воли и желания каждого отдельного государства. США ратифицировали Гаагскую конференцию 1899 г., сделав оговорку, что они никогда не согласятся на арбитраж, когда речь будет идти о национальной чести или национальной неприкосновенности. Специальной оговоркой они исключали из арбитража любой спор, связанный в какой-либо мере с «доктриной Монро». США своими условиями и оговорками первые продемонстрировали, что решение международной конференции каждая страна может толковать по своему усмотрению, что попытки ряда государств общими усилиями сохранить мир можно игнорировать.

Правда, в ноябре 1904 г. государственный секретарь Хей подписал с французским послом в Вашингтоне соглашение об обязательном арбитраже в известных случаях. Вслед за тем США заключили подобные соглашения с Германией, Англией, Швейцарией и Португалией и вели по этому вопросу переговоры с другими странами. Но сенат при рассмотрении соглашений внес в них такие поправки, что президент Рузвельт признал их потерявшими всякий смысл.

В 1903—1905 гг. между различными европейскими государствами были заключены 33 договора об обязательной передаче споров между ними на рассмотрение арбитражного суда в Гааге. Но по примеру США в них были внесены оговорки, исклю-

чающие рассмотрение разногласий, затрагивающих «жизненные интересы, независимость или честь конфликтующих государств».

В целом итоги первой Гаагской конференции были признаны Вашингтоном неудовлетворительными. В октябре 1904 г. президент США предложил созвать вторую мирную конференцию. Россия отказалась участвовать в ней до тех пор, пока шла война с Японией. После заключения мира в Портсмуте инициатива созыва новой конференции в Гааге снова перешла к России.

Вторая Гаагская конференция открылась 15 июня 1907 г. В ней участвовали делегации 44 стран вместо 26 в 1899 г. Она вновь подтвердила важность решения международных споров путем арбитража, приняла новые правила ведения войны на суше и на море, определила более точно, чем раньше, права и обязанности нейтральных стран и высказалась за учреждение Международного призового суда. Но основная задача (сокращение гонки вооружений, ограничение военных бюджетов), из-за которой официально собиралась вторая конференция в Гааге, ни в какой мере не была решена, конференция ограничилась благими пожеланиями. Более того, гонка вооружений усилилась. В 1903 г. в США образовалась Морская лига, проповедовавшая строительство нового мощного военного флота. В ее состав вошли преимущественно отставные морские офицеры и владельцы военных заводов.

В 1907 г. Рузвельт, ссылаясь на неудачу попыток второй Гаагской конференции ограничить гонку вооружений, предложил конгрессу выделить ассигнования на строительство четырех первоклассных линейных кораблей. К концу его президентства, в 1909 г., военно-морские расходы США по сравнению с 1900 г. увеличились более чем в два раза. В 1900 г. они составляли 10,8% федерального бюджета, а в 1909 г.— 16,7%.

1 ноября 1909 г. морской министр США Мэйер доложил конгрессу, что общее водоизмещение американского военно-морского флота составило 682 785 т по сравнению с 1 758 350 т английского и 609 700 т германского флота. Таким образом, военный флот США занимал по тоннажу второе место в мире, находился по своим размерам между флотами двух империй — британской и германской.

3. Рабочее и социалистическое движение

Численность и состав профсоюзов. Прокапиталистический курс АФТ. Западная федерация горнорабочих. «Большой Билл». «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Профсоюзные съезды, внутренняя борьба и раскол. Травля Максима Горького в Нью-Йорке. Суд над Хейвудом. Даниэль Де Леоне. Социалистическая рабочая партия. Юджин Дебс.

В начале XX в. американская промышленность продолжала расти быстрыми темпами, происходила концентрация производства. Создавались многочисленные компании. Перепись, итоги которой были опубликованы в 1906 г., показала, что в 1904 г. 11,2% предприятий обрабатывающей промышленности владели 81,5% всего капитала и произвели 79,3% всей ее продукции. О высокой степени концентрации капитала еще яснее говорят следующие цифры: 38% продукции обрабатывающей промышленности пришлось на долю лишь 1% предприятий.

Американский капитал помимо того, что у него в услужении находились правительственный и партийный аппарат, федеральные и местные законодательные органы, суд, полиция, армия, в конце XIX и начале XX в. создавал, как мы видели, специальные организации (такие, как Национальная ассоциация промышленников (НАП) [58], Гражданский промышленный союз Америки и др.) для образования единого фронта в борьбе против рабочих. Наряду с этими организациями с 1900 г. в США стала орудовать крупная смешанная организация представителей монополистического капитала и лидеров профессиональных союзов — Национальная гражданская федерация (НГФ), созданная Марком Ханной.

Национальная гражданская федерация, проповедуя классовое сотрудничество, всячески мешала рабочим бороться за свои насущные интересы. Ее антирабочая деятельность была особенно вредна тем, что направлялась не только капиталистами, но и профсоюзными вождями. В ее руководство наряду с лидером республиканской партии Ханной, бывшим президентом США Кливлендом, президентом Гарвардского университета Элиотом и Рокфеллером входили председатель Американской федерации труда Гомперс, его заместитель Уолл и председатель союза углекопов Митчелл. Под видом заботы о мире между трудом и капиталом предприниматели получили возможность распространять свой контроль на профсоюзы, подкупать их лидеров, с их помощью бороться против социалистических тенденций в рабочем движении.

В условиях, когда монополистический капитал укреплял свои объединения, американский рабочий класс в подавляющей массе оставался неорганизованным.

[58] National Association of Manufacturers (NAM).

Таблица 5

Рост численности американских профсоюзов

Год	Число членов, тыс.		Год	Число членов, тыс.	
	всего	АФТ		всего	АФТ
1900	791	548	1906	1892	1454
1901	1058	788	1907	2077	1539
1902	1335	1024	1908	2092	1587
1903	1824	1466	1909	1965	1483
1904	2067	1676	1910	2116	1562
1905	1928	1494			

Источник: Historical Statistics of the United States, p. 97.

Как видно из данных, в первые четыре года нового века численность профессиональных союзов систематически росла. Но в 1904 г. этот рост остановился на 5 лет. В 1909 г. в американских профессиональных союзах число членов было меньшим, чем в 1904 г.

В 1910 г. в США было около 30 млн. лиц наемного труда[59]; из них лишь около 7% состояли в профессиональных союзах. В 1900 г. число членов АФТ составляло 548 тыс., что равнялось 70% всех организованных рабочих. В 1904 г. этот процент был выше 80.

Как уже отмечалось, АФТ заботилась лишь об интересах высококвалифицированных рабочих, составлявших верхушку американского пролетариата. Для основной массы трудящихся доступ в союзы, входившие в Американскую федерацию труда, был сопряжен с неодолимыми препятствиями. В начале века для многих категорий рабочих двери таких союзов были наглухо закрыты.

Прославленный лидер горнорабочих западных штатов Уильям Хейвуд, говоря о том, насколько АФТ затрудняет доступ в профсоюзы неквалифицированным рабочим и рабочим-иммигрантам, писал, что союзы, входящие в Американскую федерацию труда, требуют, «чтобы каждый новый член профсоюза отбыл ученичество, срок которого различен для разных профессий... Некоторые союзы требуют огромный вступительный взнос, например выдуватели зеленого бутылочного стекла определили обычный вступительный взнос в 500 долл. С выдувателей богемского стекла взимают вступительный взнос в 1 тыс. долл... Рабочие-электрики № 134 платят 250 долл. Союз плотников и столяров в некоторых местах назначил 75 долл. вступительного взноса. Член союза, переезжающий в местность, где вступительный

[59] Historical Statistics of the United States, p. 74.

взнос выше, чем в том союзе, в котором он состоял, обязан уплатить разницу... Многие ремесленные союзы Американской федерации труда ограничивают число учеников, принимаемых для изучения ремесла. Обычно один ученик должен приходиться на 7 или в некоторых ремеслах на 10 рабочих... Существуют такие союзы, как союз художников и декораторов и союз пекарей и пирожников, которые окончательно отказались принимать новых членов... Некоторые интернациональные союзы Американской федерации труда отказываются допускать женщин в число членов. Пример — интернациональный союз парикмахеров. Другие ремесленные союзы требуют, чтобы вступающий в члены был американским гражданином. Многие профессиональные или ремесленные союзы держатся разделения на расы: чернокожие, китайцы и японцы не допускаются в число членов»[60].

Особую роль в оппортунистической деятельности Американской федерации труда, в ее стремлении к классовому сотрудничеству сыграл ее организатор Сэмуэл Гомперс, который со времени возникновения федерации в 80-х годах XIX в. до своей смерти в 1924 г. (за исключением одного года) был бессменным председателем АФТ. Бывший сенатор Петигру, который, как он утверждал, изучил вдоль и поперек Американскую федерацию труда, писал, что «удостоверился с полной несомненностью в том, что Гомперс поддерживает связь с капиталистами и эксплуататорами» и далее: «Когда предпринимателям попадается человек, разоблачающий их приемы и поведение и протестующий против современного экономического строя, они прежде всего стараются купить его, уделив ему часть получаемых ими барышей. Если им это не удается, они стараются уничтожить его. Ни один человек, взявшийся за разоблачение приемов крупных компаний, которым принадлежат все естественные богатства и технические усовершенствования Соединенных Штатов, не может долго оставаться на политической арене. Вскоре после того, как организовалась Американская федерация труда и Гомперс стал во главе нее, капиталисты взяли его «в работу», как они выражаются, и выработали для него программу и аргументацию, с помощью которых он должен был держать в руках Американскую федерацию труда, дабы она служила поддержкой современного капиталистического строя»[61].

Продолжатель дела Гомперса Уильям Грин писал: «АФТ постоянно боролась с политикой и программой тех организаций, которые пытались улучшить положение трудящихся с помощью революционных мер»[62].

Американская федерация труда образовалась во время острых классовых боев между трудом и капиталом, в период бур-

[60] «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, с. 4184—4185.
[61] *Петигру Р.* Торжествующая плутократия. М., 1922, с. 107, 109—110.
[62] A Century of Industrial Progress. N. Y., 1928, p. 421.

ных стачек. Они были настолько сильны, что даже реакционные профсоюзные дятели, как Гомперс, должны были заговорить о классовой борьбе. В 1887 г. он писал: «Стремясь к высокому идеалу, мы должны продвигаться к нему путем политических мероприятий, разумно учитывая при этом неотложные нужды движения. Я разделяю веру самых передовых мыслителей в конечные цели, включая уничтожение системы наемного труда»[63].

Позже, в XX в., Гомперс отрицал, что АФТ преследует «конечные цели». С наступлением империалистической стадии Гомперс и его партнеры по федерации начали признавать капитализм как незыблемый общественный строй США, основанный якобы на общности интересов, на сотрудничестве между трудом и капиталом.

Лидеры АФТ, отрицая неизбежность классовой борьбы, социальных конфликтов в промышленности, утверждали, что задачи федерации ограничиваются борьбой за улучшение условий труда в рамках капитализма и что эти задачи можно решить не революционной борьбой пролетариата, а мирным улаживанием разногласий, возникающих между рабочими и предпринимателями. Лидеры АФТ активно боролись против образования самостоятельных политических организаций рабочего класса, против организации независимой рабочей партии. Проповедью идеи о том, будто профессиональным союзам достаточно придерживаться тактики «вознаграждения друзей и наказания врагов», чтобы получать пользу от двух основных буржуазных партий, профбоссы старались удержать организованных трудящихся подальше от активной политической деятельности.

Лидеры АФТ сделали все для того, чтобы профсоюзы, входившие в АФТ, не активизировались политически и не использовали свои объединения для организации рабочей партии. Однако в те годы были случаи, когда в некоторых штатах и городах профессиональные союзы выходили из повиновения и создавали независимые политические партии. В Сан-Франциско, например, такая партия трижды добивалась успеха на муниципальных выборах. Но эти партии существовали недолго и имели лишь местное значение.

Руководство АФТ всячески препятствовало вовлечению ее членов не только в политическую, но и в экономическую борьбу. Устаревшая структура федерации сама по себе была мало приспособлена к тому, чтобы в конфликтах с предпринимателями рабочие выступали как единая сила.

АФТ была организована на цеховом принципе и на базе профессиональной автономии входивших в нее союзов. Таким образом, часто рабочие разных специальностей одного и того же предприятия принадлежали к различным профессиональным

[63] Цит. по: *Фостер В.* Профжулики в США. М., 1928, с. 20.

союзам. Поэтому рабочим было трудно выступать объединенно даже на одном предприятии.

Тем не менее в конце XIX и начале XX в. в рудниках штатов Колорадо, Айдахо и Юты, где добываются цветные металлы, неоднократно происходили кровопролитные бои между горняками и охраной, нанятой шахтовладельцами, на помощь которой спешили части национальной гвардии и даже федеральной армии. В забастовке, объявленной в связи с требованием о введении 8-часового рабочего дня, которая охватила в 1903—1904 гг. районы Сан-Мигуэля и Толлера (штат Колорадо), Теллурайда и Кринил-Крика, во время столкновения 42 человека были убиты, 112 ранены, 1345 арестованы и помещены в воловьи загоны или в военные концентрационные лагеря, а 773—высланы из штата [64].

Рабочий день на рудниках и предприятиях цветной металлургии длился 12 часов, а рабочая неделя — 84 часа. Горнорабочие, в значительной части — бывшие лесорубы, ковбои, охотники и старатели, ожесточенно боролись, оказывая упорное сопротивление вооруженным силам предпринимателей. Борьбой руководила Западная федерация горнорабочих, насчитывавшая в 1901 г. около 25 тыс. членов.

Одним из руководителей этой борьбы являлся секретарь-казначей федерации Уильям Хейвуд — Большой Билл. Он возглавлял забастовку горняков 1903 г. в Колорадо, которые добивались 8-часового рабочего дня. Ему тогда было 34 года [65].

Большой Билл — так его прозвали за его богатырскую физическую и духовную силу, за его самоотверженную борьбу за улучшение условий труда рудокопов, за его смелость и сообразительность, за его прирожденные качества вождя революционных рабочих.

«Стачка,— писал Морис Хилкуит,— была хорошо организована; забастовщики соблюдали дисциплину и порядок; они пользовались всеобщим сочувствием населения, и победа их ка-

[64] *Бейер Р., Морейс Г.* Нерассказанная история рабочего движения. М., 1957, стр. 232.

[65] Хейвуд родился в 1869 г. в штате Юта, в городе Солт-Лейк-Сити. Его отца, происходившего из старинной американской семьи, занесла от берегов Миссисипи в Скалистые горы волна пионеров-искателей во время очередной «золотой лихорадки». С 15-летнего возраста Хейвуд работал шахтером на свинцовых и других рудниках в штатах Невада, Юта и Айдахо. Он пробовал стать ковбоем и даже пытался сделаться независимым фермером. Но ему не повезло. Власти без какой-либо компенсации отобрали у него дом и земельный участок, в который он вложил огромный труд, так как его ферма была расположена на территории, выделенной для индейской резервации. Хейвуд вернулся на рудники и стал профсоюзным активистом. В 1898 и 1899 гг. его избрали делегатом на годичные съезды Западной федерации горнорабочих. В 1899 г. он стал членом исполнительного комитета, а в 1900 г.— секретарем-казначеем федерации. В 1901 г. Хейвуд вступил в социалистическую партию. Тогда у него созрела идея создания общенационального производственного союза, и он начал готовиться к этому.

залась несомненной. Тревога овладела владельцами рудников. Они решили сломить стачечников и их организацию любыми средствами, честными и бесчестными»[66]. Далее Хилкуит пишет: «Шахтовладельцы выгнали рабочих из их жилищ и, где это оказалось возможным, прекратили доставку пищи; они наняли негодяев для нападения на стачечников и всячески преследовали их жен и детей. Но бастующие не собирались сдаваться. Они расположились в палатках у столбовых дорог, храбро боролись с болезнями и голодом, и ряды их не дрогнули; они твердо решили выиграть битву, навязанную им предпринимателями...» Рабочие, состоявшие членами Западной федерации горнорабочих, и люди, сочувствовавшие им, третировались как лица, стоящие вне закона; их арестовывали сотнями без судебных предписаний, запирали в помещения для скота, а затем высылали за пределы штата без суда и следствия. Террор, введенный владельцами рудников в Колорадо, не знал пределов.

Как только вспыхнула забастовка, в шахтерские поселки были введены войска. В Кринил-Крик, например, прибыла тысяча солдат во главе с генералом-палачом Шерманом Беллом. В районах стачки действовали военные суды. Генерал Белл не признавал никаких законов. В начале 1904 г. генерал Белл издал приказ, по которому все бастующие и безработные горняки были объявлены бродягами, а это означало, что их могли запросто лишить свободы. К бастующим в Колорадо присоединились горнорабочие штатов Вайоминг, Аризона и Нью-Мексико.

Боевая, упорная стачка 1903—1904 гг., которой руководил Большой Билл, «не была сломлена, она была буквально раздавлена физически»[67].

В такой обстановке в 1905 г. возникла новая организация — Индустриальные рабочие мира (ИРМ). 2 января 1905 г. в Чикаго на тайной конференции собрались 26 человек, которые положили начало этой организации. Среди них были Хейвуд и Мойер из Западной федерации горнорабочих, лидер социалистической партии Дебс и Джонс. Бессменным председателем заседаний был Хейвуд. Конференция выработала манифест, с которым она обратилась к рабочему классу Америки.

Созданию ИРМ способствовали протесты трудящихся против соглашательского, прокапиталистического курса АФТ.

ИРМ — проявление американского революционного синдикализма. Об этом свидетельствуют манифест и устав этой организации. Выработанный в январе 1905 г. в Чикаго манифест, декларировавший принципы Индустриальных рабочих мира, свидетельствовал о революционной сущности новой организации. В манифесте говорится: «Разделение рабочих по профес-

[66] *Хилкуит М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1919, с. 259—260.
[67] Там же, с. 260.

сиональному признаку поддерживает среди них политическое невежество и разъединяет рабочий класс у избирательных урн, в мастерских, шахтах и на заводах. Профессиональные союзы используются в интересах предпринимателей при введении монополий и повышении цен. Таким образом одна часть рабочих помогает ухудшению условий жизни другой части рабочих.

Разделение рабочих по профессиональному признаку препятствует развитию классовой сознательности рабочих и поддерживает идею о совпадении интересов эксплуататоров и эксплуатируемых наемных рабочих. Такое разделение делает возможным сотрудничество вождей рабочего класса с капиталистами в Гражданской федерации, где строятся планы увековечения капитализма и перманентного порабощения рабочего класса при помощи системы наемного труда. Предпринимавшиеся прежде попытки улучшения положения рабочего класса терпели неудачу, потому что цели рабочих были ограниченны, а действия разрозненны.

Бедствия, поражающие рабочий класс, смогут быть устранены только всеобщим рабочим движением. Но такое движение невозможно до тех пор, пока отдельные соглашения с цехами дают предпринимателям возможность притеснять другие цехи той же отрасли промышленности...

Рабочее движение должно представлять собой единый производственный союз, объединяющий все виды промышленности с автономными местными цеховыми подразделениями, международную индустриальную автономию и всеобщее единство рабочего класса. Оно должно основываться на классовой борьбе, а общее руководство должно следовать принципам непримиримой классовой вражды между капиталистическим и рабочим классом»[68]. В то же время в манифесте говорится: «Оно должно быть чисто экономической организацией, не примыкающей ни к одной из политических партий»[69].

Этот документ стал по существу обвинительным актом против оппортунистической деятельности АФТ.

Первый съезд Индустриальных рабочих мира открылся 27 июня 1905 г. в Чикаго, куда прибыло более двухсот делегатов. Открывая съезд, Хейвуд сказал: «Цели и стремления этой организации заключаются в том, чтобы передать рабочему классу обладание экономической властью и средствами существования, контролем над производством и распределением, не считаясь с владельцами предприятий — капиталистами»[70].

Дебс в своем выступлении на съезде говорил: «Тред-юнионистское движение в настоящий момент находится под контролем капиталистов. Оно служит целям капиталистов. Доказа-

[68] Книга Билла Хейвуда. М., 1932, с. 191.
[69] Там же, с. 195.
[70] Там же.

тельства этого встречаются на каждом шагу. Все важные стачки за последние два или три года были сорваны»[71].

В революционном, но вместе с тем и синдикалистском духе — непонимание, недооценка и непризнание решающей роли политической партии в борьбе рабочего класса за свое освобождение — съезд в Чикаго принял устав ИРМ. В уставе говорится: «Рабочий класс и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего. Мира не может быть до тех пор, пока миллионы трудящихся терпят голод и нужду, а немногие лица, составляющие класс предпринимателей, пользуются всеми благами жизни. Между этими двумя классами борьба должна продолжаться до тех пор, пока рабочие не объединятся как в политической, так и в индустриальной области и не захватят в свои руки все, что они производят своим трудом, при помощи экономической организации рабочего класса, не примыкающей ни к одной из политических партий»[72].

Устав ИРМ утверждался в те дни 1905 г., когда революционные события в России всколыхнули весь мир. Первый съезд Индустриальных рабочих мира принял специальную резолюцию о русской революции, в которой говорилось: «Ввиду того, что в настоящее время в далекой России происходит жестокая борьба рабочего класса против невыносимых угнетений, оскорблений и насилий, борьба за более человеческие условия жизни для рабочего класса этой страны, ввиду того, что исход этой борьбы будет иметь решающее значение для борьбы рабочего класса всех стран в их борьбе за свое освобождение, ввиду того, что этот съезд созван с целью объединения рабочего класса Америки в такую организацию, которая дала бы нам возможность сбросить с себя иго капитализма, мы, индустриальные юнионисты Америки, постановляем поддержать наших русских товарищей — рабочих в их борьбе, выразить сердечную симпатию и сочувствие жертвам притеснений, оскорблений и насилия, предложить им нашу моральную поддержку и обещать финансовую помощь — поскольку это окажется в нашей власти — всем преследуемым, борющимся и страдающим товарищам в далекой России»[73].

Уильям Фостер, характеризуя ИРМ как американский синдикализм, писал: «В своем основном аспекте синдикализм, или, точнее, анархо-синдикализм, кратко может быть определен как тенденция в рабочем движении ограничивать революционную классовую борьбу рабочих экономической сферой, практически игнорировать государство и сужать всю борьбу рабочего класса, просто сводя ее к вопросу о работе профсоюзов. Его боевая организация — профессиональный союз; его основной метод

[71] Там же, с. 197—198.
[72] Там же, с. 199.
[73] Там же, с. 201.

классовой борьбы — стачка, а всеобщая стачка — революционное оружие; его революционная цель — создание профсоюзного «государства» для управления промышленностью и для руководства всеми другими сторонами жизни общества»[74].

В США, отличавшихся от многих других капиталистических стран отсутствием, как отметил В. И. Ленин, «сколько-нибудь крупных, общенациональных *демократических* задач перед пролетариатом»[75], отрицание руководящей роли революционной партии рабочего класса казалось более понятным, чем в странах Западной Европы и Латинской Америки. Не случайно синдикалистская организация возникла и нашла питательную среду для своего развития прежде всего на Западе США, на родине американского индивидуализма — идеологии, пустившей наиболее глубокие корни в штатах между Миссисипи и Тихим океаном.

Однако ИРМ, эта синдикалистская организация, не оправдала надежд ее создателей. С одной стороны, они восстали против консерватизма АФТ, против аристократических цеховых союзов, против выделения лучше оплачиваемых рабочих в особую касту, но в то же время ударились в другую крайность — поставили своей целью объединение только неорганизованных чернорабочих, иммигрантов и негров.

«Мы опустимся на самое дно,— сказал Хейвуд, открывая первый съезд ИРМ,— чтобы добраться до масс и поднять их до уровня, достойного человеческого существования. Мне безразлично, присоединятся или нет в настоящее время к этому индустриальному движению квалифицированные рабочие. Когда мы вовлечем в эту организацию неорганизованных и неквалифицированных, квалифицированный рабочий рано или поздно в поисках защиты для себя, в силу необходимости придет к нам»[76].

Такое игнорирование лучше оплачиваемой части пролетариата в надежде, что миллионы квалифицированных рабочих сами вольются в ряды индустриальных союзов, было на руку АФТ. Она отделяла квалифицированных рабочих от неквалифицированных, а ИРМ в свою очередь пыталась отделить неквалифицированных рабочих от квалифицированных, предоставляя тем самым Гомперсу свободу действий в крупных профсоюзах. Вместо того чтобы работать в уже существовавших организациях, ИРМ устранила от участия в работе массовых профессиональных союзов наиболее активных, наиболее воинственных рабочих. В результате облегчались задачи как реакционных профсоюзных лидеров, так и капиталистов в их политике классового «сотрудничества», в их стараниях сохранять «мир» в промышленности.

[74] «Communist», N. Y., November 1935, p. 1044.
[75] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 15, с. 234—235.
[76] *Brissenden P.* IWW. N. Y., 1919, p. 87.

«Нет сомнения,— отмечал в этой связи В. И. Ленин,— господа Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от этакой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «Промышленных рабочих мира», проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них»[77].

В организационном отношении в ИРМ господствовала с самого начала полная анархия. Программа, предусматривавшая объединенные действия профессиональных союзов, осталась только благим намерением. Противоречие между целями и средствами борьбы сказались с самого начала. Децентрализованные индустриальные союзы были способны лишь на местные выступления. ИРМ участвовала в ожесточенных боях с капиталом, но бои носили разрозненный, местный характер. Со дня возникновения Индустриальных рабочих мира в организации стали расти разногласия. К концу первой мировой войны в США было 57 различных видов организаций ИРМ[78].

Прошел всего год после первого съезда ИРМ, как внутренние споры между отдельными ее группами начали разлагать не успевшую окрепнуть молодую организацию. На втором съезде Индустриальных рабочих мира, состоявшемся в сентябре 1906 г. в Чикаго, разгорелся спор между сторонниками лидера социалистической рабочей партии Де Леоне и сторонниками председателя ИРМ Шермана. Съезд проходил без участия Хейвуда, который в это время сидел в тюрьме. «Арест Хейвуда, одного из наиболее активных и влиятельных организаторов ИРМ,— писал историк ИРМ Бриссенден,— глубоко поразил членов этой организации и значительно сократил ее силы».

В 1907 г. Западная федерация горняков вышла из ИРМ. Уход единственной крупной рабочей организации чрезвычайно ослабил ИРМ. Те группировки, которые остались в ИРМ, также не могли сохранить единство и в 1908 г. раскололись на две организации — детройтскую и чикагскую. Первую возглавлял Даниэль Де Леоне, за которым пошла небольшая группа лиц, связанных с социалистической рабочей партией. Детройтская организация ИРМ никогда не имела большой силы и номинально существовала до 1915 г., когда после смерти Де Леоне (1914 г.) стала называться «Интернациональный промышленный союз рабочих». То, что осталось от ИРМ, фактически числилось в чикагской организации.

В организации Индустриальные рабочие мира, где одно время насчитывалось около 60 тыс. человек, в 1911 г. осталось только 6 тыс.[79]

[77] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 41, с. 38.
[78] *Hoxia K. R.* Trade Unionism in the United States. N. Y., 1920, p. 144.
[79] *Foster W.* From Bryan to Stalin. N. Y., 1937, p. 54.

С первых дней существования ИРМ и после выхода из нее Западной федерации горняков в ее рядах было два течения. Преобладало анархо-синдикалистское течение со всеми присущими ему слабостями — теорией «прямого действия», принципами чисто экономической борьбы, децентрализации и т. д. Второе течение, охватывавшее меньшинство, состоявшее из социалистов, пыталось примирить непримиримое — соединить синдикализм с политической партией. Три года велись споры между этими течениями о централизации и децентрализации и об отношении к социалистической рабочей партии, которая пыталась через Де Леоне контролировать и направлять деятельность ИРМ. Разрыв совершился на сентябрьской конференции ИРМ в 1908 г.

С уходом группы Де Леоне чикагская организация стала чисто анархо-синдикалистской. Она категорически отрицала необходимость независимой политической партии рабочего класса. Эта линия заранее обрекала ИРМ на поражение. Отрицание политической деятельности, отделение экономической борьбы от политической неизбежно вело к проникновению в ее ряды тех оппортунистических идей, которые господствовали в АФТ. Конференция ИРМ, проходившая в 1920 г., уже прямо заявила, что «ИРМ никогда не верила в насилие и не защищала его как средство достижения реформ в промышленности».

В период возникновения и в первые годы своего существования ИРМ была боевой организацией и надеждой неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих. Несмотря на свою малочисленность, организация годами считалась грозной силой, выступавшей против американской буржуазии, а временами угрожала влиянию обуржуазившейся Американской федерации труда. АФТ настолько была поражена успехом стачки текстильщиков в городе Лоуренсе (штат Массачусетс), руководимой Хейвудом, что сама решила тогда приступить к вовлечению в свои ряды неквалифицированных рабочих.

В первые 10—15 лет существования ИРМ, несмотря на внутренние раздоры и на то, что их ряды сильно поредели, эта организация активно участвовала в знаменитых боевых стачках рабочего класса. Но вскоре революционный пыл ИРМ поостыл. Отказ от политической деятельности несомненно ослабил организацию. Конечно, этот отказ явился в значительной мере следствием условий, в которых она росла и развивалась. ИРМ возникла в годы расцвета оппортунистической АФТ и реформистской социалистической партии, которая проповедовала аполитичность профсоюзов. Молодой организации приходилось одновременно выдерживать натиск могучего американского капитала, разросшейся АФТ и окрепшей в те годы социалистической партии. История ИРМ наглядно показала американскому рабочему, что безнадежно бороться с капиталистами методами анархо-синдикализма.

Создание ИРМ, борьба горнорабочих на Западе вызвали у владельцев рудников приступ ярости.

В 1906 г. против Хейвуда и двух других лидеров Западной федерации горняков было инспирировано судебное дело, вошедшее в историю как одно из самых циничных, наглых и позорных, которое капитал когда-либо фабриковал против революционных рабочих. Хейвуд принадлежал к той немногочисленной группе профсоюзных руководителей, которых не могли подкупить капиталисты. Таких лидеров, говорил сенатор Петигру, предприниматели старались уничтожить.

30 декабря 1905 г. бывший губернатор штата Айдахо Фрэнк Стуненберг, живший в городе Колдуэлл, был смертельно ранен в результате взрыва бомбы. Во время губернаторства Стуненберг «прославился» зверской расправой в 1899 г. со стачкой шахтеров свинцовых рудников в районе Кер д'Алена, которые требовали повышения зарплаты. Используя как предлог взрыв на одном из рудников, Стуненберг обратился к президенту Маккинли за помощью. В район рудников немедленно были направлены федеральные войска, объявлено военное положение.

«Тысяча двести человек были арестованы без предъявления ордера на арест,— писал Хейвуд.— Их продержали в тюрьме несколько месяцев, не предъявив никакого обвинения. В Кер д'Алене не было восстания, не было вмешательства в функции суда, и все же несколько сот человек были подвергнуты тюремному заключению в бараке, обнесенном высокой изгородью из колючей проволоки, непригодном даже для размещения скота. Горняки Запада были глубоко возмущены преступным обращением с их братьями в свинцовых рудниках Айдахо. В каждом горняцком поселке и во многих других местах собирались деньги для страдающих женщин и детей. Было совершенно очевидно, что во всем виноваты шахтовладельцы. В конгресс посыпались резолюции протеста против насилий» [80].

С тех пор Стуненберга преследовал страх неотвратимого возмездия. Он больше не выдвигал своей кандидатуры в губернаторы, ушел в частную жизнь, обосновался в Колдуэлле. В действительности, в Западной федерации горняков он давно уже никого не интересовал. И вдруг его убивают. Как выяснилось потом, убийцей был уголовный преступник и провокатор Орчард, который, по его собственному признанию, убил еще 18 человек. Как ни странно, убийца не только не пытался улизнуть от наказания, но и сам добивался своего ареста [81]. В номере гостиницы «Саратога» в Колдуэлле, где жил Орчард, нашли остатки материалов для изготовления самодельной бомбы, которые он даже не пытался выбросить, хотя не мог не знать, что весь город оцеплен, что не только полиция, но и многие горожа-

[80] Книга Билла Хейвуда, с. 112.
[81] *Sullivan M.* Our Times vol. III. N. Y., 1926, p. 486.

не подняты на поиски убийцы, за поимку которого обещали 25 тыс. долл.

В тюрьму к Орчарду подослали частного детектива, руководителя денверского отделения сыскного агентства «Пинкертон», провокатора Макпарлана.

Макпарлан хорошо выдрессировал своего клиента и добился от Орчарда заявления, будто он как христианин решил очистить себя от прошлой грязной и преступной жизни, что, желая искупить свои грехи, готов рассказать всю правду, которая якобы заключалась в том, что «он, Гарри Орчард, убил Стуненберга за 250 долл., полученных от «Большого Билла» — Хейвуда, председателя профсоюза рудокопов Мойера и горняка по имени Петтибон»[82].

В глазах горнопромышленников Айдахо Орчард стал героем. Его перевели из тюремной камеры в отдельный коттедж, выдали денежный аванс на текущие расходы в счет солидной премии, ожидавшей его, когда он выдержит экзамен на суде. Сам губернатор штата Гуддинг, который называл Орчарда своим другом, пригласил убийцу вместе пообедать.

В день убийства Стуненберга Хейвуд, Мойер и Петтибон находились в городе Денвере (штат Колорадо) за тысячу миль от Колдуэлла. В штате Айдахо никто из них не был уже в течение ряда лет.

Губернатор Колорадо Макдональд, нарушив закон, выдал всех троих властям штата Айдахо. 17 февраля 1906 г. их взяли под стражу без постановления суда, без ордера на арест. В наручниках, скованных одной цепью, их препроводили в столицу штата Айдахо г. Бойси, бросив в камеры смертников каторжной тюрьмы. Губернатор Гуддинг заявил, что они «не уйдут из штата живыми».

Заключенные, протестуя против незаконного ареста, апеллировали в Верховный суд США. Высшая фемида страны, хотя и признала незаконность их ареста и выдачи властям другого штата, все же отказалась помочь пострадавшим, объяснив свое решение тем, что арестованные находятся на территории штата Айдахо, в дела которого в данном случае она не считает возможным вмешиваться. Лишь один член Верховного суда — Маккенон был против этого решения, утверждая, что губернаторы штатов Колорадо и Айдахо, похитив жульнически лидеров союза горнорабочих, совершили преступный заговор, нарушив права, предоставленные гражданам США Конституцией.

В поддержку антиконституционной позиции Верховного суда выступил президент Теодор Рузвельт. Он заявил на пресс-конференции в Белом доме, что Хейвуд, Мойер, а также находившийся на свободе лидер социалистической партии Дебс — «нежелательные граждане». На «нежелательных» — комментиро-

[82] *Бойер Р., Морейс Г.* Указ. соч., с. 263.

вали заявление президента — не распространяются права, гарантированные Конституцией. Такие лица лишены защиты от произвола.

Дебс с понятным негодованием обвинил президента Рузвельта в том, что он «изрек ложь, такую злую и отвратительную клевету, такую бесчестную и грубую, какая только могла когда-либо исходить из человеческих уст» [83].

14 апреля 1906 г., когда происходили эти события, в Нью-Йорк прибыл Максим Горький. Он был встречен с энтузиазмом в литературных кругах во главе с Марком Твеном. Его приглашали читать публичные лекции, газеты заказывали ему статьи. Вскоре Горький послал от имени русских рабочих приветственную телеграмму Хейвуду, который в своем ответе писал, что его «пребывание в тюрьме — следствие такой же классовой борьбы, какая ведется в России и во всех других капиталистических странах».

Сразу же после обмена телеграммами Горького с Хейвудом буржуазные газеты подняли против писателя кампанию клеветы. Его грубо поносили; гостиницы отказались его принимать. Формально причину травли прославленного писателя пытались объяснить тем, что он приехал с женой, с которой не был обвенчан. Но почему-то об этом вспомнили лишь после того, как Горький обменялся телеграммами с заключенным в тюрьму Хейвудом. Писатель аннулировал договоры на статьи и лекции, поселился на маленькой даче неподалеку от Нью-Йорка и в ноябре 1906 г. покинул Америку. Газета «Саванна ньюс» писала: «Максим Горький оставил нас. По нему не плакали, его не чествовали, но, к его счастью, его не повесили» [84].

Хейвуда продержали в тюрьме без суда 15 месяцев. Наконец, 9 мая 1907 г. над ним начался отдельный процесс, затянувшийся на 50 дней. Федеральные и местные власти, реакционная печать и реакционные организации натравливали общественное мнение против Хейвуда. Рабочая Америка всеми мерами боролась за освобождение узников, она подняла по всей стране могучую волну протестов и возмущения, собрала по подписке 250 тыс. долл. в фонд защиты Хейвуда.

Обвинителем Хейвуда на суде выступал Уильям Бора, который за несколько месяцев до процесса был впервые избран сенатором от штата Айдахо. Защитником был Кларенс Дарроу, который 18 лет спустя прогремел на всю страну и за ее пределами как участник нашумевшего «обезьяньего процесса». Но уже в 1907 г. он был известен как талантливый криминалист. Из 12 присяжных 11 были фермерами (так как рекомендованных в состав жюри бизнесменов отвела защита, а против членов профсоюзов и социалистов возражало обвинение.— *Авт.*). В Бойси, где

[83] *Sullivan M.* Our Times, vol. III, p. 490
[84] Ibid., p. 435.

проходил процесс, прибыло около 100 свидетелей, из них 70 было на стороне защиты.

На суде была сделана попытка представить убийство Стуненберга как заговор лидеров Западной федерации горняков против шахтовладельцев и их адвокатов.

Обвинение основывалось на «показаниях» Орчарда. На суде он заявил, что его настоящая фамилия — Хорслей. В своих показаниях этот уголовник обнаружил явные признаки психического расстройства. Орчард утверждал, что по заданию Хейвуда, Мойера и Петтибона убил 19 человек, что он взорвал вокзал «Индепендес» в штате Колорадо, в результате чего погибло 14 человек, что устроил упомянутый взрыв в Кер д'Алене, где он в то время был компаньоном горнопромышленников, а также членом Гражданского промышленного союза. Перечислив совершенные тяжкие преступления, Орчард закончил показания рассказом об убийстве им Стуненберга.

Защита уличила главного «свидетеля» обвинения, как наймита и убийцу. Она ясно показала с фактами в руках, что «Орчард служил орудием заговора пинкертоновских агентов и Ассоциации горнопромышленников с целью дискредитации и уничтожения Западной федерации горняков»[85]. Адвокат Дарроу задал прямой вопрос: «Защищает ли обвинение этого закоренелого преступника?» Бора ответил: «Пусть отсохнет моя правая рука, если этот человек не будет привлечен к суду»[86]. В долгой обвинительной речи сенатор Бора говорил мягче, чем рассчитывали полагавшиеся на него горнопромышленники, и не потребовал для Хейвуда смертной казни.

Внимание присутствовавших на суде и всех, кто следил за процессом, было приковано к заключительной речи адвоката. Дарроу, говоривший 11 часов, охарактеризовал процесс как борьбу между трудом и капиталом. «Пауки и стервятники с Уолл-стрита,— сказал он,— вот кто хочет осуждения Хейвуда». Дарроу представил картину неимоверно тяжелых условий труда в рудниках и на заводах цветной металлургии, где рабочий день продолжался 12 часов. В этих условиях, говорил он, у людей парализуются ноги, выпадают зубы; в среднем они выдерживают такой изнурительный труд не более пяти лет. Западная федерация горняков, продолжал он, взяла под свою защиту нуждающихся и обреченных. Она построила для рабочих клубы, библиотеки, госпитали. Она помогла больным, заботилась о вдовах и сиротах. Все это пришлось не по вкусу шахтовладельцам, считавшим, что рабочие, добиваясь установления 8-часового рабочего дня, угрожают их громадным барышам. Поэтому шахтовладельцы, не считаясь с законом, с Конституи-

[85] *Sullivan M.* Our Times, vol. III, p. 492.
[86] Книга Билла Хейвуда, с. 224.

цией, содержат шпионов, провокаторов и убийц для того, чтобы дискредитировать и подрывать рабочие союзы.

Отметив, что обвинение не останавливалось ни перед чем, чтобы притянуть Хейвуда к делу об убийстве и расправиться с ним, Дарроу заключил: «Дело не только в Хейвуде. И другие умирали до него. И другие приносили себя в жертву идее, с тех пор как существует мир. Они умирали, умрет и он, если вы, двенадцать присяжных, сочтете это нужным. Но вы, джентльмены, вы не дальновидные обвинители, вы представители Ассоциации шахтовладельцев... неужели ослепление ваше так велико, что вы считаете, что, вырыв три свежие могилы, можно убить рабочее движение мира?.. Если вы убьете Билла Хейвуда, он умрет, ибо он смертен, но я утверждаю, что миллионы людей поднимут знамя, оставленное Хейвудом на краю могилы, и, несмотря на тюрьмы, эшафоты, преследования, несмотря на обвинения,— эти люди донесут его до победы»[87].

Ход процесса ясно показал, что в действительности заговор был организован не Западной федерацией горняков против шахтовладельцев, как пыталось представить обвинение, а как раз наоборот: шахтовладельцами против федерации.

28 июня 1907 г. судья Вуд обратился к присяжным с вопросом — каков их вердикт? Ответ гласил: «не виновен». Хейвуд, пробыв почти полтора года в тюрьме, был полностью оправдан. Петтибона суд оправдал через несколько месяцев, а Мойера освободил без судебного разбирательства.

Уголовное дело, затеянное против Хейвуда, показало, что суд в «демократической» Америке — суд классовый, находящийся на службе капитала. Процесс в Бойси явился ожесточенным сражением между трудом и капиталом. Победа была за рабочими. Поражение потерпели не только шахтовладельцы, но и восемь из девяти членов Верховного суда и сам президент США.

В создании организации Индустриальные рабочие мира принимал активное участие лидер социалистической рабочей партии Даниэль Де Леоне. Он также внес свою лепту и в раскол ИРМ. У Де Леоне были большие заслуги в развитии социалистического движения и социалистических идей в США, но он сыграл немалую роль в расколе этого движения, в превращении руководимой им партии в сектантскую организацию, оторванную от жизни, лишенную поддержки рабочего класса.

Даниэль Де Леоне — яркая фигура в истории рабочего движения США[88]. С первых же дней после вступления в СРП

[87] Там же, с. 227.

[88] Сын богатого венесуэльского врача, Де Леон получил образование в Европе. В 20 лет он отправился в США. Де Леон владел французским, испанским, немецким, греческим, голландским и английским языками, свободно читал по латыни. В США Де Леон продолжительное время занимался наукой и педагогической деятельностью, читал лекции в Колумбийском университете. Он привлекал к себе внимание. Его ожидала академи-

Де Леоне рассматривал АФТ как главное препятствие, стоящее на пути социалистического движения в Америке. При его участии был подготовлен и проведен в 1894 г. референдум среди членов АФТ. Большинство высказалось за создание независимой рабочей партии. Но на съезде федерации, состоявшемся в 1895 г. в Денвере, профсоюзные лидеры игнорировали волю рабочих и предали забвению результаты референдума. Однако Де Леоне все же удалось на этом съезде провалить кандидатуру Гомперса. За всю историю АФТ это был единственный случай, когда съезд АФТ отказался избрать Гомперса председателем федерации.

Через 10 лет, в 1904 г., на конгрессе II Интернационала в Амстердаме Де Леоне предложил отменить принятую на конгрессе 1900 г. в Париже резолюцию Каутского о возможности участия социалистов в капиталистическом правительстве и о возможности «беспристрастия со стороны правительств правящего класса в конфликтах между рабочим классом и классом капиталистов». Но Де Леоне не нашел поддержки на конгрессе в Амстердаме и один голосовал за свое предложение.

Де Леоне разоблачал реформизм в американском рабочем движении. Вождей АФТ он называл «рабочими приказчиками класса капиталистов». Ленин оценил заслуги Де Леоне в этом отношении [89]. Вместе с тем Де Леоне допускал серьезные оппортунистические ошибки, впадал в анархо-синдикализм. Придя в социалистическое движение человеком средних лет, Де Леон в своих теоретических рассуждениях часто был подобен кающемуся аристократу, на которого продолжает еще давить груз прошлого. Он считал, что рабочая партия нужна только до захвата власти пролетариатом. По мнению Де Леоне, на другой день после победоносного переворота все руководство государством должно быть передано профессиональным союзам. По сути дела Де Леоне не понимал роли партии как организованного авангарда пролетариата, не понимал марксистских положений о государстве и революции [90]. Де Леоне подчеркивает, что его теория справедлива только для США, в крайнем случае —

ческая карьера, но Де Леон занялся политической деятельностью. После нескольких лет идейного скитания в рядах сторонников Генри Джорджа, Эдуарда Беллами и «Рыцарей труда», в 1890 г., на 39-м году жизни, он вступил в социалистическую рабочую партию. С тех пор до своей смерти в 1914 г., в течение почти четверти века, являлся ее идеологом и вождем. Де Леоне отдавал СРП все свое время, отказывался в пользу партии от литературного гонорара и от платы за лекции, живя со своей семьей (жена и пятеро детей) буквально в бедности.

[89] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 41, с. 36.

[90] До Леоне утверждал: «Мастерские, фабрики, заводы, короче говоря, все механизированные производственные предприятия, находящиеся сейчас в руках капиталистического класса, должны быть «захвачены» не с целью разрушения, но с целью «удержать» их, с целью улучшить и расширить все хорошее, что в скрытом состоянии в них имеется и развитию чего капитализм мешает, словом, их надо «захватить и удержать», чтобы спасти

для Англии, но не для других стран, поскольку капитализм более всего развит лишь в Англии и Америке. Какова будет реакция буржуазии стран наиболее развитого капитализма после захвата власти пролетариатом — этот кардинальный вопрос у Де Леоне освещения не получил.

Де Леоне игнорировал проблему завоевания пролетариатом союзников, являясь в данном вопросе проводником люксембургианских взглядов. Более того, он выступал открыто против союза пролетариата с другими классами: «До тех пор, пока пролетарское движение ищет «союзы» вне своих собственных рядов, оно тем самым показывает, что еще не стало прочно на собственные ноги» [91].

Де Леоне утверждал, что пролетарская партия должна состоять из небольшого отборного отряда решительных и храбрых борцов. В качестве примера он ссылался на испанского завоевателя Писарро, который в XVI в. с 95 солдатами покорил империю инков [92]. Пример образный, но свидетельствует лишь о непонимании значения массовой боевой пролетарской партии, тесно связанной с миллионами рабочих. После первой же неудачи своей деятельности внутри АФТ в 1895 г. Де Леоне вышел из федерации и организовал независимый Социалистический профессиональный и рабочий союз. По этому поводу В. И. Ленин в предисловии к переписке Ф. А. Зорге подчеркивал: «И теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии энгельсовских (и марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух» [93].

Опыт Де Леоне показал на деле, какой вред рабочему движению приносит сектантство. Сотни наиболее революционно-настроенных рабочих ушли из АФТ в Социалистический профессиональный и рабочий союз, предоставив таким образом Гомперсу свободу действий среди сотен тысяч членов старых союзов.

Взгляды Де Леоне имеют свое объяснение. Коррупция, карьеризм и жажда наживы, разложившие многих лидеров социалистических организаций и профессиональных союзов, толкнули Де Леоне в сторону синдикализма; история популистов, пытавшихся использовать рабочее движение в своих интересах, настроило его против союза с фермерами, уроки ордена «Рыцари труда», развалившегося вскоре после его бурного роста, укрепили в Де Леоне дух сектантства.

их для цивилизации. Как раз наоборот придется поступить с политической властью. Отсюда следует, что цель политического движения рабочего класса — чисто разрушительная...» (*Де Леон Д.* Избранные произведения. М., 1932, с. 197).

[91] *Де Леон Д.* Указ. соч., с. 86.

[92] Там же, с. 20.

[93] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 15, с. 243.

В XX в. социалистическая рабочая партия представляла собой незначительную политическую организацию, не игравшую сколько-нибудь заметной роли. Наиболее правые элементы СРП покидали ее и частично переходили в социалистическую партию. После смерти Де Леоне начали отходить от СРП и наиболее активные революционные элементы, которые впоследствии присоединились к коммунистическому движению.

СРП никогда не имела опоры в массах. В первом десятилетии XX в. маленький круг ее приверженцев сокращался. Об этом свидетельствуют итоги ее участия в национальных выборах. В 1892 г., когда СРП впервые участвовала в президентской кампании, она получила 21 512 голосов, а в 1908 г. за нее было подано лишь 13 825 голосов.

Социалистическая партия в начале XX в. имела другую судьбу. В отличие от социалистической рабочей партии ее влияние до первой мировой войны возрастало. С социалистической партией ассоциировались имена талантливых молодых писателей и публицистов, таких, как Джэк Лондон, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Синклер Люис, Джон Рид и др. О росте влияния социалистической партии США можно судить по числу голосов, поданных за нее на президентских выборах [94]:

Год	Число голосов	Все голоса, %
1900	94 768	0,6
1904	402 400	2,9
1908	420 820	2,9
1912	897 011	5,9

Социалистическая партия как организация не признавала революционных методов борьбы и считала возможным переход к социализму через парламентаризм. Поэтому она сосредоточивала все свое внимание на деятельности во время избирательных кампаний.

Самое большое число избирателей за всю свою историю социалистическая партия привлекла в 1920 г., когда за нее было подано 920 тыс. голосов, это составляло 3,5% избирателей, принимавших участие в голосовании. В дальнейшем (за исключением 1932 г.) число голосов, собранных социалистической партией на президентских выборах, никогда не доходило до одного процента.

Быстрый рост, а затем резкий упадок социалистической партии объясняется во многом ее мелкобуржуазным составом. Некоторые слои фермеров и радикально настроенной мелкой буржуазии городов, выражая недовольство политикой старых партий, иногда голосовали на кандидатов социалистической партии. В 1912 г., когда на съезде в Индианаполисе было принято

[94] «American Labor Yearbook», 1929, p 143.

явно оппортунистическое добавление к уставу [95] социалистической партии, она за один год потеряла около четверти своих членов. Та небольшая прослойка рабочих, которая осталась в этой партии после съезда, была настроена далеко не революционно. В 1908 г. партия более чем на 60% состояла из рабочих. Рабочих иностранного происхождения в ней было менее 30% [96]. Между тем в США, как уже отмечалось, наиболее эксплуатируемая и наиболее революционно настроенная часть пролетариата состояла тогда по преимуществу из иммигрантов, которые составляли более половины членов ИРМ и около 90% — СРП. Публичный отказ от революционной борьбы резко усилил процесс депролетаризации социалистической партии.

После 1912 г. эта партия еще переживала короткие периоды оживления и притока новых членов, но среди них было мало пролетариев и еще меньше рабочих-иммигрантов. Временные периоды роста социалистической партии, наблюдавшиеся в первые два десятилетия ее существования, были обязаны популярности ее лидера Дебса [97].

В 1910 г. социалистическая партия насчитывала около 125 тыс. членов, в 1918 г., в связи с активным выступлением Дебса

[95] «Каждый член партии,— говорилось в добавлении,— агитирующий против политического действия или защищающий преступление, саботаж или какое-либо другое насилие как оружие рабочего класса в деле его освобождения, должен быть изгнан из ее рядов. Политическое действие должно заключаться в участии в выборах на государственные законодательные должности в соответствии с платформой социалистической партии» (цит. по: *Бимба А.* История американского рабочего класса. М., 1930, с. 179).

[96] *Хилкуит М.* Указ. соч., с. 270.

[97] Дебс — выходец из пролетарской семьи, родился в 1855 г. С ранних лет работал на железной дороге и на 25-м году жизни уже занимал видное место в профсоюзном движении. В 1893 г. Дебс организовал объединенный союз железнодорожных рабочих, а через год стал одним из главных руководителей исторической стачки железнодорожников. Обладая ораторским искусством, он был блестящим агитатором. Его предвыборные речи часто привлекали на сторону социалистической партии голоса интеллигенции, фермеров, городской мелкой буржуазии. Между 1900 и 1920 гг. кандидатура Дебса на пост президента США выдвигалась 5 раз. Он пользовался большой популярностью не только среди рабочих, но и в передовых кругах других слоев населения.

Дебс не придерживался четкой революционной линии. Он боролся против Гомперса, но непоследовательно. Он участвовал в создании ИРМ, но тут же вышел из этой организации. В работе социалистической партии он полагался на оппортунистическое руководство. Для Дебса были характерны приливы и отливы революционного энтузиазма. В 1915 г. он писал в своей газете «Эппил ту ризон», что скорее дал бы «расстрелять себя», чем голосовать за кредиты на преступную, реакционную, империалистическую войну». В. И. Ленин неоднократно отмечал заслуги Дебса в борьбе против войны.

За активные выступления против присоединения США к Антанте Дебс был арестован и осужден на 10 лет тюрьмы, но после войны был амнистирован. К Великой Октябрьской социалистической революции в России Юджин Дебс относился вначале с восторгом. Но вскоре под влиянием таких вождей социалистической партии, как Хилкуит и др., изменил свои взгляды. Дебс умер в 1926 г.

против империалистической войны, число членов партии увеличилось до 165 тыс. человек. Однако пацифистские иллюзии Дебса быстро потерпели банкротство. В 1919 г. начинается массовое бегство из рядов социалистической партии. В середине 1921 г. в ней осталось всего 13,5 тыс., и число это продолжало сокращаться [98]. Наиболее революционно настроенные элементы социалистической партии, как и СРП, примкнули к возникшему после первой мировой войны в США коммунистическому движению.

4. Биржевая паника 1907 г.

Рост промышленного производства и цен. «Штурм» банков Промышленный кризис. Безработица. Финансовая олигархия. Обращение правительства к Моргану. Стальной трест поглощает компанию угля и железа штата Теннесси. Возвышение Моргана.

В то время, когда на американском Западе разыгрывались ожесточенные классовые бои, в Нью-Йорке, на Уолл-стрите разбушевалась биржевая оргия. После тяжелого экономического кризиса 1893—1894 гг. и последовавшей за ним депрессии в 1897 г. наступил хозяйственный подъем, который с кратковременными перерывами в 1900 и 1903—1904 гг. продолжался 10 лет.

Последние годы XIX в. и первые семь лет XX столетия относятся к периоду наиболее высоких темпов развития американской промышленности в мирное время. Особенно быстро росла продукция тяжелой промышленности. Добыча битуминозного угля увеличилась с 148 млн. т в 1897 г. до 395 млн. т в 1907 г.; выплавка стали — с 7 млн. до 23 млн. т, производство локомотивов — с 1251 до 7362, товарных вагонов — с 44 тыс. до 275 тыс., а пассажирских — с 494 до 5353 тыс. [99].

Но этот период характерен также ростом цен. Общий индекс оптовых цен (1926=100), равнявшийся 46,3 в 1897 г., поднялся до 65,2 в 1907 г. Больше всего повысились цены на продукцию монополизированной тяжелой промышленности. Индекс оптовых цен на металлы и металлоизделия, равнявшийся 65 в 1897 г., дошел до 109,8 в 1907 г. [100] В целом индекс цен в 1907 г. был самым высоким за всю предыдущую историю США [101].

Одновременно с развитием промышленности и повышением цен усиливалась спекуляция в сфере кредита и на рынке ценных бумаг. Общее число банков в стране увеличилось с 12 079

[98] «American Labor Yearbook», 1923—1924, p. 125; 1931, p. 125; «New York Times», 15.XII 1935; *Malone D., Rauch B.* The New Nation. N. Y., 1960, p. 278.
[99] «Historical Statistics of the United States», p. 356, 416
[100] Ibid., p. 117.
[101] «North American Review», February 1908, p. 183.

в 1897 г. до 21 986 в 1907 г., их активы возросли с 8400 млн. долл. до 20 млрд. долл., а депозиты — с 6270 млн. до 15 760 млн. долл.[102] Стоимость ценных бумаг, курсировавших в стране, доходила в 1907 г. почти до 40 млрд. долл.[103] Это означало, что около трети национального богатства США было представлено в фиктивном капитале.

Курс промышленных акций повысился в среднем с 39 долл. в апреле 1897 г. до 94 долл. в январе 1907 г. Общее число акций, проданных на нью-йоркской бирже за один месяц, увеличилось с 3370 тыс. в январе 1897 г. до 22 700 тыс. в январе 1907 г.[104] Производственный подъем, как это было и в прошлом, разжигал безудержные спекулятивные операции на бирже.

О биржевых паниках и глубоких экономических кризисах последней трети XIX в. (1873 и 1893 гг.) старались не вспоминать. В деловых кругах царил оптимизм. Экономика процветала. Промышленные изделия США с каждым годом во все большем объеме проникали на европейский рынок. Положение подавляющего большинства банков казалось вполне надежным. Растущее производство предъявляло большой спрос на рабочие руки, что, между прочим, вызвало увеличение притока иммигрантов из стран Европы. В 1907 г. в США прибыло 1285 тыс. иммигрантов — рекордное число в истории. Все это давало повод для оптимизма.

В руководящих кругах американского капитала появилась новая концепция: высокий уровень концентрации производства и централизации капитала обеспечивает от повторения ошибок, от биржевых паник и кризисов прошлого.

Вскоре после создания Стального треста на одном торжественном банкете в присутствии Моргана было сказано: «С таким человеком, как мистер Морган, стоящим во главе крупной промышленности, производство... выравняется... паники отойдут в область преданий»[105].

Однако ошибки повторялись. В 1906 г. появились некоторые симптомы, свидетельствовавшие, что бум развивается на нездоровой основе. Курс ценных бумаг начал падать. 14 марта 1907 г. на нью-йоркской бирже разразилась паника. В этот день курс акций многих солидных компаний упал на 25 пунктов. В марте 1907 г. акции медных компаний по сравнению с 1906 г. упали на 24%, Стального треста — на 36%, Северной Тихоокеанской железной дороги — на 50% и Великой Северной линии — на 63%[106]. За два дня стоимость акций на нью-йоркской бирже снизилась более чем на 1800 млн. долл.[107], что было равно стои-

[102] «Historical Statistics of the United States», p. 624, 625.
[103] «North American Review», February 1908, p. 176.
[104] «Мировые экономические кризисы». М., 1939, т. III, с. 590, 624, 630, 637—638.
[105] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1933, с. 254.
[106] «Мировые экономические кризисы», т. III, с. 354.
[107] «Congressional Record», 17.III 1908, p. 3450.

мости всего американского экспорта в 1906 г. В течение лета некоторые крупные банки подвергались настоящему штурму вкладчиков. В августе курсы ценных бумаг на нью-йоркской фондовой бирже снова понизились. В октябре и ноябре биржевая паника достигла своей высшей точки. Акции «Дженерал электрик» упали с 162 до 90 пунктов, а Объединенных медных заводов — с 115 до 52. Такой же была участь ценных бумаг многих других солидных фирм. Промышленные акции, которые в январе 1907 г. котировались в среднем по 94 долл., в ноябре продавались за 56 долл. По сравнению со своим высшим уровнем в 1907 г. акции железной дороги Балтимор — Огайо упали в этом же году на 38%, Союзной Тихоокеанской линии — на 45%, компании «Американ локомотив» — на 57%, Стального треста — на 58%.

22 октября вкладчики целый день осаждали банк «Никербокер траст», который на следующий день объявил о прекращении платежей. По своим капиталам он считался третьим банком такого рода в Нью-Йорке. Его примеру последовали другие кредитные учреждения. Вскоре уже все банки страны фактически не могли удовлетворять денежные требования депозиторов. В стране, где $^3/_4$ всех хозяйственных операций совершаются на основе кредита, массовый спрос на деньги неизбежно должен был обнаружить неплатежеспособность банков. «23 октября 1907 г. в Нью-Йорке уже нельзя было достать деньги в кредит, а процентная ставка за ссуды до востребования повысилась до 90%, к моменту же закрытия биржи — до 125%»[108].

Резервы национальных банков Нью-Йорка снизились настолько, что на 54 млн. долл. оказались ниже минимальной суммы, требуемой законом[109].

Банкротства приняли широкий размах.

В октябре 1907 г. в одном Нью-Йорке лопнуло 11 банков, а в январе 1908 — 4 банка. В число финансовых корпораций, потерпевших крах, попала известная компания Морза — Гейнца, которая владела рядом банков[110].

В печати появились сведения о преступном использовании банковских средств управляющими и директорами. Президент «Метрополитен нэшнл», например, нарушив все правила,

[108] «Мировые экономические кризисы 1848—1935». М., 1937, т. I, с. 287; с. III, с. 364, 630.

[109] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», March 1908, p. 9.

[110] *Sprague O.* History of Crises under the National Banking System. Washington, 1910, p. 247—248; «Congressional Record», 17 III 1908, p. 3451. Морз был одним из руководителей корпорации, объединившей ряд пароходных компаний Атлантического побережья США, и занимал директорские посты в семи нью-йоркских банках, из них в трех осуществлял полный контроль. Гейнц разбогател на спекуляциях медными рудниками Монтаны. Оба они входили в группу Гейнца—Морза—Томаса.

использовал средства этого банка на финансирование контролируемых им железнодорожных компаний Юга в таких размерах, что банк оказался неплатежеспособным, а президент Второго национального банка использовал банковские средства для собственных спекулятивных махинаций [111]. Последовали аресты и самоубийства. Среди покончивших с собой оказались председатель «Никербокер траст компани» Барней и глава другого крупного банка Максвелл.

Рокфеллер, вспоминая события 1907 г., писал: «С 1857 г. я помню все биржевые катастрофы, но полагаю, что самой ужасной была паника 1907 г. От нее не ушел никто: ни крупные, ни мелкие».

Паника и штурм банков вкладчиками убедительно отражали нездоровое состояние экономики. Осенью 1907 г. разразился общий кризис в промышленности. Хотя он продолжался недолго, но глубина его была велика. Индекс промышленного производства достиг низшей точки через семь месяцев с начала его падения (август 1907 г.). С апреля 1908 г. промышленная продукция опять начала расти. За этот сравнительно короткий период кризиса промышленное производство снизилось почти на одну треть. С середины 1907 г. до начала 1908 г. выплавка чугуна и стали сократилась более чем наполовину. В июле 1907 г. чугуна было выплавлено 2256 тыс. т, а в январе 1908 г.— лишь 1045 тыс., производство стали за это полугодие упало с 1975 тыс. т до 934 тыс. т в месяц [112]. Резко сократилось железнодорожное строительство. В 1906 г. было построено 9049 км железнодорожных линий, а в 1908 г.— 5172 км. Производство локомотивов уменьшилось с 7362 в 1907 г. до 2342 в 1908 г., товарных вагонов — соответственно с 275 тыс. до 68 тыс., пассажирских вагонов — с 5353 до 1637 [113].

Падение производства в 1907—1908 гг. оказалось самым глубоким по сравнению со всеми экономическими кризисами, когда-либо охватывавшими экономику США в XIX в. По годовым данным самое большое сокращение выплавки чугуна и стали в прошлом наблюдалось во время кризиса 1893 г.: тогда выплавка чугуна уменьшилась на 27,3%, а стали — на 18,4%. Соответствующие цифры для 1907—1908 гг. составляли 38,2 и 40% [114].

Ряд промышленных корпораций обанкротился, в том числе известная электро-техническая компания Вестингауза, несколько железнодорожных компаний [115]. Общее число банкротств в 1907 г. составило 11 725 при пассивах 197 млн. долл., в 1908 г.— 15 690 при пассивах 222 млн. долл.

[111] «The Nation», 31.X 1907, p. 407.
[112] «Annalist», 17.I 1930, p. 209; «Iron Age», 3.I 1935, p. 275, 276.
[113] «Historical Statistics of the United States», p. 416.
[114] «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I, с. 287—292.
[115] «American Nation», vol. 27. N. Y., 1918, p. 52.

Число безработных в 1907—1908 гг. составляло 3—4 млн. На предприятиях Стального треста число рабочих было сокращено почти наполовину. Массовое увольнение рабочих и служащих происходило на железных дорогах, в пищевой и табачной промышленности. К концу 1907 г. только в одном Нью-Йорке было 250 тыс. безработных, в Чикаго—140 тыс., не считая сезонной безработицы[116].

Такова в общих чертах картина первого экономического кризиса в США в эпоху империализма. Буржуазные экономисты США и Европы, анализируя кризис 1907 г., утверждали, будто кризис в промышленности был результатом биржевой паники, вызвавшей недостаток капитала, и таким образом принимали следствие за причины.

М. И. Туган-Барановский, в частности, ссылаясь на кризис 1907 г. в США, пытался подтвердить псевдотеорию, согласно которой наступление экономического кризиса объясняется недостатком капитала.

В американской литературе также объясняли экономический кризис, вспыхнувший в 1907 г., как прошлые кризисы, недостатком ссудного капитала. Конечно, перепроизводство, сопровождаемое к тому же ростом цен, отрываясь от покупательной способности широких слоев населения, тормозит кругооборот капитала, создает напряжение на денежном рынке, вызывающее панику и банковские крахи. Весь вопрос в том: является ли кредитный кризис причиной или следствием?

К. Маркс писал: «Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами»[117]. Слова Маркса подтвердил кризис 1907 г., как и прошлые кризисы. Паника разразилась весной 1907 г., когда подъем промышленности, вызвавший перепроизводство, оказался самым высоким за всю предыдущую историю США.

Экономические последствия кризиса в США сказывались в течение ряда лет. Непосредственным результатом кризиса 1907 г. явилось усиление власти и роли финансовой олигархии в экономической, политической и общественной жизни США, возвышение Моргана как признанного халифа в царстве банков и трестов.

Весной 1907 г., когда смятение на нью-йоркской бирже сигнализировало о приближающемся крахе, некоторые представители Уолл-стрита говорили, что президент Рузвельт, который утверждал, что он защищает капиталистический строй от угрожающих ему хищных капиталистов, будто бы вызвал неуверенность на фондовом рынке. Свои утверждения они, меж

[116] «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I, с. 292.
[117] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, т. 23, с. 647.

ду прочим, строили на том, что незадолго до биржевой паники, в ноябре 1906 г., правительство США возбудило дело против компании «Стандард ойл», обвиняя ее на основании закона Шермана в том, что она препятствует торговле между штатами. Одновременно правительство начало расследование деятельности Тихоокеанской железной дороги, находившейся под контролем Гарримана. Недовольство Уолл-стрита правительством поддерживалось влиятельными кругами в конгрессе. По этому поводу конгрессмен Маккол, выступая в конце 1907 г. в Нью-Йорке, заявил: «Джентльмены, очень известные, ответственные за управление нашим государством, заняли такую позицию по отношению к собственности и предприимчивости, которая, как мне представляется, сделала панику неизбежной»[118]. В печати Рузвельта назвали «главным создателем паник».

Журнал «Нэйшн», защищая президента США от нападок тех, кто утверждал, что Рузвельт — главный виновник «крушения кредитной системы страны», вместе с тем писал: «Мы вынуждены признать, что мистер Рузвельт заслуживает определенного порицания. Он слишком сенсационен в методах при решении больших вопросов, требующих, помимо всего, беспристрастного, трезвого обращения. Судя по речам, произнесенным им в последние недели, он слишком возбужден, слишком стремителен, слишком плохо осведомлен. В то время, когда он должен был соблюдать большую осторожность и сохранять самообладание, он оказался чересчур болтливым и импульсивным»[119].

Многие сторонники президента, которые долгое время безоговорочно поддерживали его курс на какое-то обуздание грабительских операций Гарримана, Рокфеллера и других магнатов, повернулись против него, присоединившись к общему хору его непримиримых критиков.

1 декабря 1907 г. Рузвельт, касаясь обвинений, выдвигавшихся против него в связи с биржевой паникой, писал: «В настоящее время большинство обвиняющих меня — это мои заядлые противники при всех условиях. Но, конечно, есть и те, которые были моими друзьями. Когда средний человек теряет свои деньги, он становится подобным раненой змее, бросается направо и налево, на всех и на все»[120].

Президент получил множество писем от своих старых приверженцев с обвинением, что он ставит палки в колеса тем, кто двигает экономику вперед. Отвечая на обвинения, Рузвельт указывал, что тревожное положение создалось на бирже не только в Нью-Йорке, но и в Берлине и Париже, что британские консоли продаются сейчас дешевле, чем когда бы то ни было ранее, что в Англии и Канаде железнодорожные акции также пали[121]. 17 ок-

[118] «The Nation», 19.XII 1907, p. 575.
[119] «The Nation», 3.X 1907, p. 390.
[120] *Bishop J.* Theodore Roosevelt, vol. II. N. Y., 1920, p. 45.
[121] Ibid., p. 43; «The Nation», 14.XI 1907, p. 454.

тября Гамбург пережил самую большую финансовую панику за истекшие 50 лет. Банки подвергались осаде в Голландии, Дании и даже Египте. Вряд ли, заключил Рузвельт, причины этих событий в других странах станут искать в мероприятиях, которые он осуществлял против богачей в Америке. «Вполне возможно, что правительство,— продолжал он,— своей решимостью наказать некоторых преступных крупных богачей несет известную ответственность за тревожное положение в той мере, в какой оно побудило этих людей создать такое финансовое напряжение, какое они могут, чтобы дискредитировать политику правительства и заставить его отказаться от этой политики с тем, чтобы они имели возможность пользоваться плодами своих злодеяний» [122].

Рузвельт, заняв вначале оборонительную позицию и оправдываясь в какой-то мере, вскоре перешел от обороны к наступлению. Уже 8 апреля 1907 г. он писал: «Действительные причины волнений Гарримана и его коллег заключаются в том, что они оказались совершенно бессильными в попытках контролировать любое действие федерального правительства. Нет такого вида лжи, взяточничества или коррупции, перед которым они бы остановились в своем стремлении отомстить мне. Блок Гарримана, «Стандард ойл» и других владельцев грабительского богатства ненавидит меня гораздо больше, чем своих профессиональных хулителей» [123].

В дальнейшем Рузвельт открыто обвинял за биржевую панику «представителей грабительского богатства». 16 ноября 1907 г. он писал: «Столь широко распространенный обман и мошенничество в высших сферах, разоблачения Гарримана, Рокфеллера, Гейнца, Борнея, Морза, Рейна, владельцев страховых обществ и других вызвали такой шок у населения, что оно стало подозревать в нечестности каждый банк».

Отвергая свою ответственность за происшедшее, Рузвельт сказал: «У нас существуют глупцы, поддерживающие меня, потому что у нас хорошие урожаи, а сейчас находятся дураки, которые выступают против меня, потому что необычайные спекуляции, сопровождаемые мошенничеством, вызвали неизбежную реакцию» [124].

3 декабря 1907 г. и 31 января 1908 г. в посланиях конгрессу Рузвельт обрушился на спекулянтов и мошенников в кругах крупного капитала, которые распространяли на фондовой бирже разводненные акции и устраняли конкурентов, используя дифференцированные тарифы на железных дорогах.

Весной 1908 г. вопрос о спекуляциях рассматривался в конгрессе. В сенате были опубликованы данные о господстве в стране финансовой олигархии. Сенатор Лафоллет проиллюстриро-

[122] *Sullivan M.* Op. cit., vol. III, p. 508.
[123] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 42.
[124] Ibid., p. 48, 49.

вал, как за десятилетие, истекшее со времени испано-американской войны, в США происходили огромные организационные изменения в промышленности. С помощью банкиров в основных отраслях хозяйства гигантские монополии объединили многие предприятия и корпорации. В результате переплетения и срастания банковского капитала с промышленным и образования крупных монополий в стране стала господствовать небольшая группа капиталистов, которая, разводняя акции, довела до огромных размеров фиктивный капитал, предоставляющий неограниченные возможности для всякого рода спекуляций. Особенно разводнялись акции железнодорожных компаний. Только за вторую половину 1906 г. на рынок были выброшены новые железнодорожные акции на сумму не менее 500 млн. долл.[125]

Лафоллет опубликовал список крупнейших богачей (около 100 человек) и показал, что эта «маленькая» группа людей держит в своих руках все хозяйство страны.

В списке 100 человек, контролировавших индустриальную жизнь Америки, 62 были директорами банка «Нэшнл сити» и Национального коммерческого банка[126]. Отмечая необычайную концентрацию производства, Лафоллет продолжал: «Страна, кажется, не понимает ни того, как крупные банки в главных индустриальных центрах связаны с корпорациями, ни логической связи этих взаимоотношений с финансовым кризисом, который мы только что пережили, ни опасности, угрожающей нам отсюда в будущем».

Опубликованные в конгрессе материалы, содержавшие показания известных экспертов, вольно или невольно приоткрывали завесу над тем, как банковская система США используется промышленными, транспортными и другими монополиями и как крупнейшие частные банкиры распоряжаются национальными и другими банками страны.

Крупнейшие нью-йоркские банки концентрировали и использовали в спекулятивных целях банковский капитал не только этого города. Три банка «Стандард ойл» распоряжались резервами банков, разбросанных по всей стране (их насчитывалось 3 351), а три ведущих банка морганов ской группы сосредоточили у себя резервы 2 757 банков[127].

Видя могущество банков, Лафоллет справедливо заявил, что «люди, контролирующие кредиты страны, контролируют страну».

«И если концентрация,— утверждал далее Лафоллет,— будет продолжаться такими же темпами, какими она росла в последние 10 лет, то определенно наступит время, когда возмущенный народ восстанет, чтобы энергичными действиями отстоять свои права»[128].

[125] «Congressional Record», 17.III 1908, p. 3450.
[126] Ibid., p. 3435, 3436.
[127] Ibid., p. 3448.
[128] Ibid., p. 3436.

Несмотря на «разоблачения» в конгрессе спекулятивных операций моргановских банков, осенью 1907 г. федеральное правительство обратилось к Моргану с предложением совместными усилиями восстановить нормальную работу банков и биржи.

Накануне паники на бирже, 12 марта 1907 г., Морган нанес секретный визит Рузвельту в Белом доме. Он пытался примирить президента с владельцами железных дорог, предлагая организовать совещание правительства с представителями деловых кругов с тем, чтобы восстановить доверие держателей акций и вкладчиков в банках к крупному капиталу. Визит своей цели не достиг.

22 октября 1907 г., когда вкладчики осаждали банки «Никербокер траст», «Траст компани оф Америка» и другие, министр финансов США Кортелью спешно прибыл в Нью-Йорк. Он немедленно отправился в отель «Манхэттен», где заседали Морган, глава «Ферст нэшнл бэнк» Джордж Фишер Беккер, президент «Нэшнл сити бэнк» Стиллмен и другие крупные банкиры, заверив их, что министерство финансов окажет им любую возможную помощь в попытке нормализовать положение. В ночь с 22 на 23 октября, как писал биограф Теодора Рузвельта, «финансовая машина правительства Соединенных Штатов была доверена Моргану, которого Рузвельт недавно упрекал за то, что он оказывает дурное влияние»[129]. Кортелью сразу же выделил в качестве «пожарного фонда» банкам, находившимся под угрозой, 25 млн. долл. и до конца месяца довел эту сумму до 36 млн. долл.[130] Кортелью объявил о готовности правительства предоставить в распоряжение национальных банков 150 млн. долл. государственных средств[131]. Одновременно Морган и выступавшие вместе с ним банкиры мобилизовали частные средства для спасения банкиров рангом поменьше. Морган объявил, что его фирма выплатит все проценты и дивиденды досрочно. Рокфеллер внес в фонд смягчения напряженности на денежном рынке 10 млн. долл. и обещал выделить для этой цели еще 50 млн. долл. Одновременно американские банки ввозили золото из Европы. С помощью Моргана и Стиллмена импортированное за последние два месяца 1907 г. золото достигло 96 млн. долл.[132]

Банку «Никербокер траст» Морган отказался помочь, заявив, что «не может быть для всех дойной коровой». Но подвергшемуся сильной атаке со стороны вкладчиков банку «Траст компани оф Америка», в директорате которого состоял связанный со «Стандард ойл» Вандербильт, в срочном порядке была оказана необходимая помощь.

[129] *Pringle H.* Op. cit., p. 438.
[130] *Sprague O.* Op. cit., p. 263.
[131] *Sullivan M.* Op. cit., vol. III, p. 511.
[132] *Sprague O.* Op. cit., p. 284.

24 октября нажим вкладчиков на банки заметно ослаб, но биржа переживала очень тяжелые часы. Курс акций падал буквально на глазах, покупателей не было. В два часа дня процент на займы до востребования дошел до 150[133]. Но вдруг случилось что-то неожиданное: этот процент внезапно упал до десяти. Загадка была разгадана лишь спустя 5 лет, когда Рансом Томас, который в 1907 г. был президентом нью-йоркской биржи, публично заявил, что Морган для спасения агонизирующей биржи использовал государственные миллионы, предоставленные ему для оказания помощи погоревшим банкам.

Денег, предоставленных казначейством в распоряжение Моргана, однако, хватило ненадолго. Не успела еще войти в норму работа банков и биржи, как стали поступать тревожные сведения о положении в промышленности и на транспорте. Пенсильванская железная дорога и паровозостроительная компания «Болдуин» объявили о сокращении числа рабочих и о снижении заработной платы. Перед угрозой краха оказалась компания угля и железа Теннесси.

Морган не преминул воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы завладеть этой компанией, что означало явное нарушение антитрестовских законов. Для того чтобы оправдать свои действия перед законодательными и судебными органами, важно было заручиться поддержкой президента США. 3 ноября 1907 г. на совещании в библиотеке Моргана было решено направить двух руководителей Стального треста Гери и Фрика в Вашингтон для переговоров с президентом.

На следующий день, 4 ноября, в 9 часов утра Рузвельт в присутствии государственного секретаря Рута принял в Белом доме посланцев Моргана. Гери и Фрик доказывали, что приобретение Стальным трестом акций угольной и железнодорожной компании штата Теннесси необходимо не только для ее спасения от краха, но и для улучшения общей атмосферы на бирже и в банковской системе страны. Они утверждали, что включение теннессийской компании в сферу деятельности Стального треста мало интересно, так как возможная прибыль от ее активности настолько незначительна, что не оправдает и тех хлопот, которые выпадут на долю Стального треста. Присоединение теннессийской компании, правда, не превысит лимита Стального треста, равного 60% производства черного металла в США. Но Стальной трест не заинтересован в такой сделке, продолжали Гери и Фрик. И если Морган и его компаньоны соглашаются включить в Стальной трест заводы на юге страны, то они это делают из «альтруистических соображений», с целью предотвращения паники на бирже и общего спада в промышленности. В заключение посланцы Моргана заявили, что Стальной трест воздержится от приобретения акций теннессийской компании, если совет президента будет негативным.

[133] «Congressional Record», 17.III 1907, p. 3452.

Рузвельт ответил, что не находит возможным возражать. Этим, однако, не ограничилось его содействие расширению деятельности крупнейшей в мире монополии в металлургии. В тот же день, 4 ноября 1907 г., Рузвельт написал генеральному прокурору США (правнуку Наполеона I) Чарлзу Бонапарту письмо, в котором подробно рассказал о своей беседе с Гери и Фриком и своем отношении к проектировавшейся сделке. Обращение президента к генеральному прокурору, в задачи которого входит борьба с нарушителями антитрестовских законов, возымело действие. Бонапарт тут же ответил, что поглощение теннессийской компании не дает достаточных оснований для того, чтобы возбуждать какое-либо дело против Стального треста. На следующий же день, 5 ноября, Стальной трест по дешевке скупил акции компании угля и железа штата Теннесси, заплатив за них всего 45 млн. долл. Этот факт великолепно показывает, чего в действительности стоит шумная «борьба с трестами» Рузвельта.

В своем шестом ежегодном отчете Стальной трест признал, что поглощение компании было очень выгодным. Джон Муди, считавшийся специалистом в делах монополий и крупным финансовым экспертом, утверждал, что покупка активов этой компании за 45 млн. долл. была «лучшей сделкой, которую Стальной трест, любой другой концерн или отдельное лицо когда-либо заключали, приобретая собственность»[134]. В конгрессе утверждали, что залежи каменного угля и железной руды, принадлежавшие теннессийской компании в южных штатах, оценивались не менее чем в 1 млрд. долл. Сам Гери признавал в 1908 г. перед Комиссией палаты представителей, что собственность этой компании составляет не менее 200 млн. долл. и не исключено, что эту сумму можно увеличить в 2 или даже в 3 раза[135].

Вскоре стало ясно, что Морган ловко разыграл президента США. Вопросом занялись законодательные и судебные органы США.

В декабре 1907 г. сенат назначил комиссию во главе с сенатором Калберсоном из Техаса для расследования дела о захвате теннессийской компании Стальным трестом. Но комиссия наткнулась на непреодолимые препятствия. Она, например, затребовала кое-какие материалы из правительственного Бюро по делам корпораций. Но Рузвельт распорядился, чтобы эти материалы были прежде переданы ему[136]. В результате до конца его пребывания в Белом доме — 4 марта 1909 г.— для комиссии они стали недоступны. Как бы президент Рузвельт ни старался казаться «антитрестовцем», он бережно относился к контролируемому Морганом Стальному тресту.

[134] *Pringle H.* Op. cit., p. 444.
[135] Ibidem.
[136] *McCaleb W.* Theodore Roosevelt. N. Y, 1931, p. 249.

Дело затянулось на много лет. В 1911 г. подкомиссия юридической комиссии сената пришла к заключению, что президент был в свое время обманут представителями Стального треста [137]. Однако Рузвельт заявил на заседании комиссии конгресса: «Я никогда не сомневался в разумности своих действий ни на одно мгновение» [138].

Дело тянулось несколько лет. В конце концов окружной суд штата Нью-Джерси принял в июне 1915 г. решение. Суд встал на сторону бывшего президента и Стального треста, заявив, что покупка акций теннессийской компании произошла так, как изложил Рузвельт, и «была проведена как правомерная хозяйственная операция». Несмотря на то что правительство демократов, стоявшее тогда у власти, апеллировало к Верховному суду, последний принял 1 марта 1920 г. решение, поддержав вердикт окружного федерального суда штата Нью-Джерси и полностью реабилитировав уже покойного к тому времени Теодора Рузвельта [139]. Так высшая судебная инстанция США взяла под свою защиту нарушителя антитрестовских законов — Стальной трест. Сенатор Петигру, касаясь решения Верховного суда, писал: «В 1920 г. решено было сохранить жизнь Стальному тресту на том основании, что этого требует государственная политика» [140]. К этому времени дом Морганов в связи с операциями, проведенными им во время первой мировой войны, считался признанным предводителем финансовой олигархии не только внутри страны, но и во всем капиталистическом мире.

Захватом теннессийской компании «альтруистическая» деятельность банкирского дома Моргана в 1907 г. не ограничилась. Морган создал специальную компанию, которая приняла ценные бумаги муниципалитета города Нью-Йорка, оказавшегося во время кризиса в тяжелом финансовом положении. Он взял ряд фирм, находившихся под угрозой разорения, под свое «покровительство», предоставив им краткосрочные ссуды на условиях, которые дали ему возможность установить над ними полный контроль.

Морган приложил свою руку к краху упомянутой фирмы Морза — Гейнца. Пароходная компания Морза конкурировала с

[137] *Pringle H.* Op. cit., p. 404.

[138] Ibid., p. 445.

[139] В решении высшей судебной инстанции США говорилось: «Существует, однако, важное обстоятельство в связи с делом этой теннессийской компании, которое следует отметить. Вопрос был представлен на рассмотрение президента Рузвельта, и он дал свое одобрение. Его решение, конечно, не сделало операцию законной, но создало уверенность в ее законности... Он заявил, что он не был обманут, что владельцы компании угля и железа Теннесси имели собственность, которая в их руках стала почти ничтожной... Единственная возможность придать этой собственности ценность состояла в том, чтобы передать ее в руки людей, которые, владея ею, свидетельствуют, что она имеет ценность» (*Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 58—59).

[140] *Петигру Р.* Указ. соч., с. 79.

компанией, принадлежавшей Моргану. Предприятия и банки Гейнца попали под контроль «Стандард ойл»[141].

Паника 1907 г., разорившая множество мелких вкладчиков, потерявших свои с трудом накопленные сбережения и приведшая к банкротству ряда банков и предприятий, еще больше усилила морган-рокфеллеровское финансовое могущество. Печать Уолл-стрита превозносила Моргана как благодетеля.

5. Конец брайанизма

Брайан — снова надежда демократов. «Старая гвардия» и «инсургенты». Железнодорожные компании и политика. Антитрестовская шумиха. Тафт — кандидат в президенты. «Красный поезд». Итоги выборов 1908 г.

Те силы, которые в конце прошлого века пытались обуздать неограниченную власть крупного капитала в политической жизни страны, выдвинули кандидатуру Брайана на высшую должность в США. В 1896 г. они потерпели окончательное поражение. Но брайанизм — то, что подразумевалось под этим словом,— продолжал в течение ряда лет оставаться как оппозиция правительству. Влияние этой оппозиции сказывалось не только в демократической партии, лидером которой много лет считался Брайан, но и в рядах республиканцев, где существовала фронда так называемых «инсургентов».

Брайан упрекал президента Рузвельта в том, что он, критикуя тресты за злоупотребления, желал лишь импонировать радикально настроенным слоям населения, что он присвоил себе его, Брайана, программу[142]. Это наполовину признавал и сам Рузвельт. Угрожая своим противникам, он утверждал: «Если вы не будете идти полдороги со мною, вам придется проделать всю дорогу с Брайаном»[143].

После неудачи, постигшей демократическую партию в 1904 г., когда она пробовала свои силы на консерваторе Паркере, в ней опять взяли верх либеральные группы, активно выступавшие против засилья монополий. Биржевая паника 1907 г., охватившая всю страну, особенно тяжело протекавшая в западных районах, усилила среди многих американцев чувство возмущения против махинаций банкиров восточных штатов. По мере приближения выборов 1908 г. демократическая партия вновь обратила свои взоры на Брайана.

В отличие от 1900 и 1904 гг., когда правящая партия играла на патриотических чувствах избирателей, в президентской кампании 1908 г. главное место занимали вопросы внутренней поли-

[141] «Congressional Record», 17.III 1908, p. 3451.
[142] *J. Woodburn.* Political Parties and Party Problems in the United States. N. Y., 1924, p. 180.
[143] «The Nation», 16.VII 1908, p. 46.

тики. В этой кампании подводились итоги семилетнего пребывания Рузвельта в Белом доме.

Первое президентство Рузвельту досталось по наследству от Маккинли. Второй срок в Белом доме он начал не только как избранный президент, но и как кандидат, получивший на выборах больше голосов, чем любой его предшественник. Рузвельт одержал в 1904 г. внушительную победу, потому что многие избиратели, поддерживавшие обычно демократов, на этот раз поддерживали республиканцев. Но они голосовали не столько за Рузвельта, сколько против реакционера Паркера. Президент же расценивал свою победу как полученный от избирателей мандат на проведение его линии по отношению к вызывающему произволу крупных промышленных, финансовых и железнодорожных компаний. Это еще более усилило оппозицию «старой гвардии» в республиканской партии к президенту, обострило борьбу противоборствующих группировок в обеих палатах конгресса. «Старую гвардию» возглавляли лидер большинства в сенате архимиллионер Олдрич и спикер палаты представителей Кэннон, которого Петигру назвал «типичным представителем той группы общественных деятелей, которая составляет личную гвардию крупной промышленности» [144].

Против реакционной «старой гвардии» республиканцев в конгрессе активно выступала группа молодых сенаторов из западных штатов, прозванных «инсургентами», которую возглавлял наиболее радикальный из них Роберт Лафоллет из штата Висконсин. К «инсургентам» в конгрессе относили Доливера и Каммина из Айовы, Бристоу из Канзаса, Клаппа из Миннесоты, Барна из Вашингтона, Диксона из Монтаны и др. Эта группа восстала против «единоличной власти спикера» в палате представителей и власти олигархии в сенате. «Инсургенты» утверждали, что страной правит кучка плутократов, которая «диктует свои законы, установив опасный союз между капиталистом и политиком, между миллионером и партийным боссом» [145].

Будучи сторонником умеренных социальных реформ, Рузвельт искал компромисса между консервативной политикой Олдрича — Кэннона, безоговорочно защищавшей действия и господство монополий, и позицией «инсургентов». Такая тактика часто вызывала недовольство и критику со стороны и тех и других. Рузвельт, однако, умел находить выход из возникавших в связи с этим затруднений.

Центральное место во внутренней политике и в спорах вокруг нее занимали железные дороги. С крупнейшими железнодорожными компаниями ассоциировалось концентрированное богатство и власть. Директора крупнейших железнодорожных систем занимали одновременно руководящие посты в крупнейших бан-

[144] *Петигру Р.* Указ. соч., с. 253—254.
[145] *Woodburn J.* Op. cit., p. 182.

ках, страховых обществах и промышленных корпорациях. Владельцы железнодорожных компаний были королями угля и нефти, черных и цветных металлов. Они были тесно связаны с аппаратом обеих главных партий, с федеральными и местными законодательными органами. На их стороне выступали большинство сенаторов от республиканской партии и значительная часть конгрессменов от демократической партии. Таким образом, выступать против железнодорожных компаний означало выступать против концентрированного богатства, против крупного монополистического капитала. Власть их была велика.

Один из крупнейших знатоков американского партийно-политического механизма Марк Селливан в связи с этим, в частности, писал: «Юристы и другие представители железных дорог... сделались политическими боссами или стали приятелями уже признанных боссов. Эти люди комплектовали податливые законодательные собрания, посылали в Вашингтон сенаторов[146], удовлетворяющих владельцев железных дорог, в ряде случаев — адвокатов, оставлявших — если они вообще полностью оставляют — юридическую контору на железной дороге, чтобы занять место в сенате. В сенате железнодорожные компании замыкают цепь, добиваясь того, чтобы благожелательно относящиеся к ним сенаторы входили в межштатную торговую комиссию»[147], контролирующую железнодорожные тарифы.

Важным средством вербовки федеральных и местных законодателей и других официальных лиц, способных использовать свое влияние для поддержки железнодорожных компаний, служили годовые бесплатные железнодорожные билеты — «пассивы». «В каждом штате,— писал Селливан,— по мере приближения очередного первого января железные дороги посылали годовые билеты губернатору и всем официальным лицам штата, всем членам законодательного собрания и особенно главам и лидерам обеих партий или организаций. В каждом районе и муниципалитете они раздавали пассы местным официальным лицам и руководителям обеих партийных организаций, а также редакторам газет,— практически каждому, кто занимал положение, которое дает возможность влиять на законодательство, суд, административные действия или на общественное мнение»[148].

Губернаторы и члены законодательных собраний штатов, мэры городов и видные партийные боссы получали также талоны, дающие право бесплатного проезда по железной дороге единовременно. Эти талоны раздавались активистам и делегатам на партийные съезды штатов и округов. Благодарные делегаты аплодировали боссу, голосовали за него, за рекомендованных им кандидатов.

[146] Тогда сенаторы еще избирались законодательными собраниями штатов, а не прямым голосованием избирателей.
[147] *Sullivan M.* Op. cit, vol. III, p. 203.
[148] Ibid., p. 204.

Пенсильванская железная дорога проявляла особую щедрость к сенаторам и членам палаты представителей конгресса США, а также к видным столичным журналистам. Кроме годового «пасса» они получали право на бесплатный отдых в отеле на берегу моря.

«Таким образом,— заключил Селливан,— железнодорожная компания подкупила босса, а босс усугубил разложение и коррупцию железнодорожной компании. Они вместе сделали политику продажной и наполнили страну мошенничеством... Теперь часто адвокат или другой представитель интересов железнодорожных компаний является политическим боссом штата, а их местный представитель — местным боссом. В целом они образуют громадную пирамиду власти, основание которой опирается на железнодорожные пассы, а вершину представляет купол столичного Капитолия» [149].

Открытый подкуп государственного и партийного аппарата вызывал возмущение в общественном мнении страны. Рузвельт старался использовать эти настроения в политических целях, в борьбе с оппозицией «старой гвардии» в конгрессе, с этой целью он выступал, например, против коррупции, за государственное регулирование железнодорожных тарифов.

Железнодорожные компании, как и их ставленники в конгрессе, учитывая, что раздача «пассивов» используется Рузвельтом для разоблачения оппозиции, решили отказаться от этого вида подкупа государственных и партийных деятелей. К тому же «пассивы» обходились дорого железным дорогам. Только одной Пенсильванской линии выдача бесплатных билетов, по словам ее президента, обходилась в 1 млн. долл. в год.

В начале второго президентства Рузвельта волна взяточничества, захлестнувшая государственный и партийный аппарат, пошла на убыль. В 1906 г. вступило в силу распоряжение федерального правительства, запрещающего выдачу бесплатных железнодорожных билетов.

В этой обстановке 4 января 1906 г. член палаты представителей Хепбёрн от штата Айова, где возмущение злоупотреблениями со стороны железнодорожных компаний было особенно сильно, внес в конгресс законопроект о регулировании железнодорожных тарифов. Действительным автором билля или, по крайней мере, его вдохновителем считали президента Рузвельта.

Законопроект Хепбёрна усилил борьбу между президентом и «старой гвардией», активизировал «инсургентов» в республиканской партии и дал тему для новых выступлений Брайану.

В палате представителей, где в отличие от сената и тогда ее члены избирались населением, поэтому каждый конгрессмен учитывал, что в ноябре этого года ему придется предстать перед избирателями, билль Хепбёрна прошел подавляющим большин-

[149] Ibid., p. 206—209.

ством голосов. Другое дело — сенат, который не имел прямых связей с избирателями. Там законопроект натолкнулся на упорное сопротивление.

Для сенаторов, составлявших «старую гвардую», бесплатные билеты имели второстепенное значение. Их и без того связывали с железнодорожными компаниями многочисленные тесные узы. Они руководствовались в данном вопросе общими консервативными, реакционными взглядами на вмешательство государства в дела крупного капитала вообще.

В сенате билль Хепбёрна передали в Комиссию по межштатной торговле, считавшуюся оплотом железнодорожных компаний в верхней палате конгресса. Председателем комиссии был сенатор Элкинс из Западной Виргинии, который сам являлся владельцем железных дорог. Членом комиссии состоял самый влиятельный человек в конгрессе, лидер большинства в сенате Олдрич, которого называли «менеджером Соединенных Штатов». Олдрич и Элкинс и вместе с ними вся «старая гвардия» в сенате старались провалить или по крайней мере изменить законопроект так, чтобы выхолостить его.

Внесение билля Хепбёрна в конгресс совпало с приходом в сенат Роберта Лафоллета. Лафоллет был известен как человек, который не один год старался разоблачать грабительские операции железнодорожных компаний. О нем говорили, что он в течение 10 лет раздувал и направлял против железнодорожных компаний «огонь прерий», что настроило общественное мнение страны против этих компаний и побудило президента Рузвельта поставить вопрос о регулировании их деятельности.

Лафоллета пробовали подкупить. Он не только отклонил предложенную ему сделку, но и публично об этом заявил. С его приходом в сенат возросла активность «инсургентов» из западных штатов, которые стали более энергично выступать за регулирование деятельности железнодорожных компаний.

В поисках путей для преодоления сопротивления «старой гвардии» Рузвельт использовал не только «инсургентов», но и влиятельных сенаторов оппозиционной демократической партии. Он пошел на примирение с сенатором Тиллменом из Южной Каролины, с которым враждовал и годами не разговаривал.

Тиллмен считался главной фигурой, представлявшей демократическую партию в комиссии Элкинса. Элкинс и Олдрич, вынужденные в связи с приближением очередных выборов в конгресс учитывать широкое возмущение в стране произволом железнодорожных компаний, решили провалить билль Хепбёрна через Тиллмена с тем, чтобы снять ответственность за провал с республиканской партии. Они были уверены, что заядлый враг президента никоим образом его не поддержит, и передали законопроект на усмотрение Тиллмена. Но Рузвельт их перехитрил. Он нашел в данном случае общий язык с Тиллменом, дав знать 24 февраля 1906 г. через газетную статью, что рассчитывает ви-

деть его в Белом доме. Позже президент писал в автобиографии, что в этом вопросе готов был действовать совместно с кем бы то ни было [150].

В феврале 1906 г. Тиллмен внес билль Хепбёрна на рассмотрение сената. По законопроекту развернулись горячие дебаты, продолжавшиеся более двух месяцев. К моменту их открытия накопилось уже 5 тыс. страниц материалов, содержащих предварительный разбор вопроса. Против Рузвельта выступили все видные сенаторы — столпы республиканской партии, включая на сей раз его близкого друга Генри Лоджа. Сенатор Форейкер из Огайо поднимался на трибуну 87 раз. Он заявил, что «никогда сенату не предлагался законопроект, который вносил бы бóльшую смуту». А бывший генеральный прокурор в кабинете Рузвельта сенатор Нокс из Пенсильвании, считавшийся крупнейшим авторитетом по вопросам государственного права, доказывал, что билль Хепбёрна противоречит Конституции США.

Из 90 сенаторов, числившихся в 59-м конгрессе, 57 были республиканцами, а 33 — демократами. Подавляющее большинство сенаторов-республиканцев выступило в данном вопросе против президента, а 25 сенаторов оппозиционной партии его поддержали. Противники законопроекта имели, бесспорно, значительное большинство. Однако, учитывая настроения в стране, голосовать открыто против него они считали нецелесообразным. Они решили — как неоднократно бывало в сенате — «обезвредить» законопроект соответствующим дополнением. Содержание поправки, внесенной сенатором Аллисоном, сводилось к тому, что обвинение в нарушении закона Хепбёрна могло быть в течение 30 дней опротестовано в суде.

Рузвельт уступил. Законопроект с поправкой Аллисона в мае прошел в сенате.

Впоследствии Рузвельт писал, что государственный контроль над корпорациями может быть эффективным лишь в том случае, если он осуществляется административными, а не судебными органами [151]. (Судебные органы США, завоевавшие репутацию адвокатов железнодорожных компаний, могли при разборе дела заводить бесконечную волокиту.)

В вопросе о контроле над железными дорогами Рузвельт преследовал ограниченные цели. Он больше заботился о реакции общественного мнения, о своей популярности в стране, чем о действительном обуздании злоупотреблений и своеволия владельцев железных дорог. Выступая за регулирование железнодорожных тарифов, он тут же подчеркнул: «Я не сторонник государственного вмешательства в частное хозяйство в сколько-нибудь большей степени, чем это необходимо. Заявляю самым

[150] *Roosevelt T.* Op. cit., p. 436.
[151] Ibidem.

серьезным образом, что эти рекомендации ни в малейшей мере не таят в себе враждебности к железным дорогам»[152].

Брайана во время дебатов по законопроекту Хепбёрна не было в США. Свое отношение к нему он высказал уже после принятия закона, заявив, что единственно правильное решение вопроса — это национализация железных дорог, передача магистральных линий в ведение федерального правительства, а местных — в распоряжение властей штатов.

Рузвельт, рассматривая свою программу, как средство защитить железнодорожные компании от более радикальных мер, решительно возражал против этих предложений. Он еще раньше заявлял: «Общественная собственность на железные дороги весьма нежелательная. В нашей стране она, вероятно, вызовет тяжелые последствия»[153].

С тех же позиций защиты частной собственности Рузвельт выступал за усиление государственного надзора над трестами. 18 апреля 1906 г. он направил конгрессу послание против злоупотреблений монополий. Утверждая, что судебные инстанции превратили применение существующих антитрестовских законов в фарс, он требовал принятия нового, более строгого антитрестовского закона. В то же время президент США, как и в прошлом, подчеркивал, что отношение к трестам дело очень деликатное, к которому следует подходить с максимальной осторожностью. Он утверждал, что экономическое процветание, развивающееся при руководящей роли трестов, нельзя создать законом, но «законом можно очень легко уничтожить это процветание».

При каждом удобном случае Рузвельт клялся в верности капитализму, которому, по его словам, угрожают отдельные «алчные капиталисты».

Предлагая усилить антитрестовские законы, Рузвельт показал, что в действительности он всеми своими помыслами настроен против таких законов. В 1907 г. он заявил конгрессу США: «Глубоко аморально принять закон, который номинально созвучен общественной морали, а на деле одобряет безнравственное поведение по отношению к обществу, запрещая честным людям делать то, что следует делать в современных экономических условиях»[154]. В послании конгрессу Рузвельт утверждал: «Это общественное зло—иметь закон, который нельзя полностью осуществлять, потому что судьи и присяжные хорошо понимают, что его полное соблюдение приведет хозяйство страны к развалу»[155].

Таким образом, доказывая неосуществимость этих законов, президент США фактически сам, по выражению Лафоллета, санкционировал их нарушение.

[152] *Sullivan M.* Op. cit., vol. III, p. 223.
[153] Ibid., p. 224, 275—276.
[154] *McCaleb W.* Op. cit., p. 239.
[155] Ibid., p. 240.

Теодор Рузвельт делал вид, будто, «борясь» со злоупотреблениями трестов, он-де разделяет народное возмущение этими злоупотреблениями, является выразителем мнения масс, а на самом деле сделал все, чтобы защитить тресты от гнева народного и даже примирить возмущенных американцев с монополистическим капиталом. Именно в этой связи он доказывал целесообразность, полезность и необходимость существования и развития крупных всеамериканских корпораций, твердил, что государство должно вмешиваться в хозяйство лишь с ограниченными задачами, только в целях устранения злоупотреблений этих корпораций.

За все время пребывания на посту президента Рузвельт возбудил всего лишь 25 уголовных дел за нарушение антитрестовского закона Шермана [156]. Но лишь в нескольких случаях были приняты какие-то меры по пресечению преступной деятельности трестов.

В первое президентство Рузвельта много разговоров вызвало судебное дело, возбужденное против «Северной гарантийной компании». Это была держательская компания, организованная железнодорожным магнатом Хиллом совместно с Морганом для установления своего контроля над всеми железными дорогами Северо-Запада, из которых главными считались Северная тихоокеанская и Большая северная линии. Сосредоточение всех дорог Северо-Запада в одних руках вызвало недовольство и протесты в фермерских штатах, через которые эти дороги проходят.

Генеральный прокурор Нокс возбудил дело против «Северной гарантийной компании» в окружном федеральном суде в Сент-Поле еще в 1902 г. В 1903 г. окружной суд решил, что компания нарушает антитрестовский закон Шермана. В 1904 г. это решение было подтверждено Верховным судом США. Но «Северную гарантийную компанию» распустили лишь в 1906 г. Никто от нарушения антитрестовского закона ничего не потерял. Акции, сосредоточенные Хиллом и Морганом в созданной ими держательской компании, были возвращены железным дорогам. На этом все и закончилось.

В 1907 г. был принят закон, запрещавший корпорациям вносить денежные суммы в партийные фонды, создаваемые с целью проведения общенациональных избирательных кампаний. Этот закон легко обходили. Рокфеллер, Морган, Гарриман и другие главные владельцы крупных корпораций делали взносы в пользу республиканцев или демократов не от имени принадлежавшей им компании, а лично от себя. Обследование, проведенное одной из комиссий конгресса, показало, что корпорации находят различные способы для финансирования обеих партий. Закон запрещал корпорациям вносить денежные суммы на проведение национальных избирательных кампаний, но эти средства могли

[156] *Beard Ch.* and *M.* The Rise of American Civization, vol. II. N. Y., 1930, p. 569.

передаваться с той же целью через партийные органы штатов и городов якобы для проведения местных выборов. Весной 1908 г., например, стало известно, что за несколько лет компания, владевшая железнодорожным транспортом города Нью-Йорка, пожертвовала на партийные цели не менее полумиллиона долларов [157]. Предложенный тогда же билль об обязательной публикации данных о доходах и расходах партий в ходе избирательных кампаний был провален.

В общем, несмотря на весь шум, поднятый Рузвельтом вокруг злоупотреблений трестов, его борьба с монополиями была в действительности рекламной, показной, фиктивной. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт.

Образованное в 1902 г. финансируемое Морганом «Международное общество жатвенных машин» (или, как его называют, «Харвестер» трест) объединило пять крупнейших компаний, которые производили 85% всех сельскохозяйственных машин в США. Вскоре этот трест установил свою монополию, которая дорого обошлась фермерам. Под давлением представителей фермерских штатов в декабре 1906 г. в конгрессе прошла резолюция, поручившая Бюро по делам корпораций произвести расследование деятельности этой монополии. В результате генеральный прокурор США собирался представить обвинительное заключение против незаконных операций «Харвестер» треста. 22 августа 1907 г. Рузвельт предложил генеральному прокурору приостановить это дело. Перед этим президента посетил в его летней резиденции партнер Моргана Джордж Перкинс, занимавший высокие посты в Стальном и «Харвестер» трестах. Спустя 5 лет, когда Рузвельт решил снова баллотироваться в президенты, Перкинс оказывал его выборной кампании финансовую поддержку.

15 марта 1907 г. руководитель Стального треста Гери писал Рузвельту: «Я без колебаний скажу, что Ваше влияние как президента нашей великой республики выгодно лично мне, и я чувствую также вполне определенно, что оно начинает приносить хорошие результаты другим, которые неохотно признают свои ошибки» [158].

Биограф Рузвельта Маккалеб приводит цифры, свидетельствующие о том, что за время его президентства капитал американских трестов увеличивался в 8,5 раза [159].

Однако в глазах широкой публики, не имевшей понятия о действительном отношении президента к монополистическому капиталу, потому что это не афишировалось, Рузвельт выглядел как противник трестов.

Для популярности президента использовались и его мероприятия по сохранению естественных ресурсов США. Хищная

[157] «The Nation», 30.IV 1908, p. 388.
[158] *McCaleb W.* Op. cit., p. 240.
[159] Ibid., p. 241.

капиталистическая эксплуатация природных богатств страны на протяжении столетия приводила к пагубным последствиям. Леса безрассудно истребляли. Минеральные богатства в ряде районов были быстро израсходованы. Плодородная почва истощалась. К началу XX столетия считали, что если процесс расхищения естественных богатств продолжится, то лесов хватит всего на 30 лет, антрацита — на 50 лет, а битуминозного угля — на 100 лет.

Предварительные меры по сохранению естественных богатств конгресс принял в 90-х годах. Рузвельт, заняв пост президента, снова поставил этот вопрос перед конгрессом как серьезную общенациональную задачу. В 1907 г. президент назначил специальную комиссию с целью разработки мероприятий по должному содержанию и улучшению состояния рек, озер и каналов.

Расследования земельных спекуляций на Западе при правительстве Рузвельта обнаружили мошеннические операции, в которых были замешаны официальные лица, в том числе члены конгресса. В результате министерство юстиции просило у конгресса разрешения на создание секретного управления. Конгресс запретил образование подобного органа. Но Рузвельт, вопреки возражениям конгресса, велел своему генеральному прокурору Чарлзу Бонапарту втихомолку создать в системе министерства юстиции соответствующий отдел под названием «Бюро расследований». Впоследствии это бюро под многолетним начальством пресловутого Эдгара Гувера выросло в огромную организацию, в американскую охранку. Конгресс не только мирился с ее существованием, но и в июле 1935 г. преобразовал ее в Федеральное бюро расследований.

По сравнению с громкими реляциями, предвыборными обещаниями дела правительства Рузвельта во многих областях были весьма скромными. Так, несмотря на заверения, что будут приняты меры против эксплуатации детского труда, запрещения стачек судебными органами, злоупотреблений со стороны страховых компаний, в действительности ничего не было проведено в жизнь. Не были выполнены и многие другие обещания, особенно в области решения социальных проблем.

К началу президентской кампании 1908 г. Рузвельт сумел создать себе широкую популярность. Друзья предлагали ему баллотироваться в президенты на следующий срок. Лидеры «старой гвардии» республиканцев понимали, что большинство в партии идет за Рузвельтом и что если он сам не решит баллотироваться в президенты на выборах 1908 г., то лишь кандидат «рузвельтовского толка», обещающий продолжить его политику, может рассчитывать на свое выдвижение на партийном съезде.

Национальный съезд республиканцев, собравшийся в июне 1908 г. в Чикаго, показал, что у Рузвельта много сторонников. Делегаты, требовавшие выдвижения кандидатуры Рузвельта,

заглушали голоса других. Председатель съезда сенатор Лодж убеждал руководителей делегаций, что необходимо считаться с мнением самого Рузвельта, рекомендовавшего кандидатуру верного своего сторонника.

Рузвельт как опытный, прожженный политик, всесторонне взвешивал обстановку. Он никак не мог отказаться от своего категорического заявления после выборов 1904 г. о том, что ни при каких обстоятельствах он не согласится с выдвижением его кандидатуры на новый срок. Отказ от торжественного обещания, который, несомненно, повлек бы за собой уменьшение популярности президента, мог бы привести к поражению республиканцев на выборах.

В этих условиях, по свидетельству кандидата в президенты от республиканской партии, в 1908 г. у Брайана было больше шансов победить, чем когда бы то ни было[160]. Широкое возмущение в народе против растущего господства трестов в стране усиливало позиции Брайана. Соотношение сил между обеими партиями в 1908 г. сложилось так, что достаточно было бы менее 5% избирателей, участвовавших в выборах, перейти от республиканцев на сторону демократов, чтобы Брайан стал президентом. Это могло бы произойти, если бы Рузвельт отказался от своего обещания и выставил свою кандидатуру.

Рузвельт решил не рисковать. Он предпочел уйти из Белого дома, сохраняя определенный престиж, а не после возможного поражения.

Формально Рузвельт объяснял свою позицию верностью традиции, согласно которой ни один президент не должен занимать Белый дом более двух сроков,— традиции, соблюдавшейся со времени Вашингтона. Не находя возможным сохранить исполнительскую власть государства в своих руках, Рузвельт решил передать ее такому человеку, который всецело был бы под его влиянием и держал бразды правления в соответствии с его указаниями.

Рузвельт выбирал себе преемника среди ближайших сотрудников и друзей. Самым умным и способным в правительстве Рузвельта считался государственный секретарь Элиотт Рут. Рузвельт имел основание опасаться, что, если Рут станет президентом, он не будет должным образом считаться с его советами. К тому же с именем Рута, бывшего военного министра, ассоциировались зверства американской армии на Филиппинах.

Другим сильным кандидатом от республиканской партии считался бывший генеральный прокурор в правительствах Маккинли и Рузвельта сенатор Нокс. Но не оставалось в секрете то, что за место в сенате для Нокса Уолл-стрит заплатил полмиллиона долларов[161] и это могло служить помехой. Кандидатом в

[160] «The Nation», 16.VII 1908, p. 47.
[161] *McCaleb W.* Op. cit., p. 261.

президенты от республиканцев фигурировал также губернатор штата Нью-Йорк Юз. Но Рузвельт не был уверен в нем как в своем надежном последователе. В конце концов Рузвельт остановился на кандидатуре своего военного министра Тафта. Он сказал: «Рут будет лучшим президентом, но Тафт будет лучшим кандидатом» [162].

Уильям Тафт смотрел на Рузвельта с благоговением. И Рузвельт выражал свою привязанность к нему. Их дружба началась в 1890 г., когда оба они находились на государственной службе в Вашингтоне. Рузвельт как-то сказал: «Я думаю, что Тафт — самая привлекательная личность, с какой я когда-либо был связан. Я почти завидую человеку, обладающему такой внешностью, как Тафт» [163].

Тафта называли тенью президента, а тот говорил, что Тафт «в преданности его политике более Рузвельт, чем сам Рузвельт» [164]. Президент не раз поручал Тафту деликатные, особо важные миссии: в Ватикане, на Филиппинах, на Кубе, в Панаме и в Китае. В 1908 г. он сделал его своим преемником.

В избирательной кампании Рузвельт выступал как своего рода тренер Тафта: следил за каждым его шагом, помогал составлять речи, инструктировал, как выступать, где и при каких обстоятельствах фотографироваться, где останавливаться в поездке по стране [165].

Национальный съезд республиканцев принял рекомендацию Рузвельта: Тафт был избран кандидатом на пост президента. Кандидатом в вице-президенты стал конгрессмен Шерман, известный как консерватор.

Избирательная платформа республиканской партии была составлена в соответствии с пожеланиями Рузвельта. В ней говорилось, что антитрестовский закон Шермана должен быть дополнен предоставлением правительству права усилить контроль над корпорациями, указывалось на необходимость установления контроля над выпуском ценных бумаг железнодорожными компаниями, на сохранение в силе политики протекционизма. Вместе с тем программа практически игнорировала решение такого важнейшего социального вопроса, как стачка. В ней подчеркивалось, что право судебных органов запрещать стачки сохраняется. Чтобы особенно не раздражать рабочих, программа оговаривала, что это право должно применяться лишь в крайних случаях, лишь «во избежание непоправимого вреда».

Вся платформа была рассчитана на защиту крупного бизнеса. Предложения Лафоллета о действительном урегулировании ставок на железных дорогах, о снижении тарифов, об избрании

[162] *Thayer W.* Op. cit., p. 314.
[163] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 292.
[164] Ibid., vol. III, p. 18; vol. IV, p. 307.
[165] Ibid., vol. IV, p. 305, 306, 313.

сенаторов непосредственно населением и других реформах были отвергнуты на конвенте большинством голосов как «социалистические».

Национальный съезд демократов открылся 7 июля в Денвере. Он был обставлен более помпезно, чем съезд республиканцев. Его организаторы стремились поднять дух делегатов, создать уверенность, что после 12 лет пребывания в оппозиции судьба улыбается демократической партии. Оркестры встречали каждую делегацию. Ковбои, индейцы и девушки в специальных костюмах танцевали на улицах. Груды снега были привезены с гор для потехи гостей, на улицах яркая иллюминация, повсюду флаги и транспаранты.

Исход съезда был заранее предрешен. Его организацию и работу полностью контролировали Брайан и его сторонники. Брайан начал энергично готовиться к съезду сразу после поражения демократов на выборах 1904 г. Он исколесил всю страну, выступал на многочисленных митингах в городах и в сельских районах, широко распространял свою газету «Коммонер» среди фермерского населения, о нуждах и настроениях которого его заранее осведомляла сеть корреспондентов.

В президентскую кампанию 1908 г. Брайан выступил как бесспорный лидер демократической партии. Для того чтобы он стал кандидатом, из 1 008 делегатов за него должны были высказаться 672, т. е. две трети. При первом же голосовании Брайан получил 892 голоса. Кандидатом в вице-президенты избрали рекомендованного Брайаном адвоката из Индианы Джона Керна.

В своей избирательной платформе, рассчитанной на привлечение избирателей, демократы не скупились на обещания. Они сулили принять такое законодательство, которое «сделало бы невозможным существование в Соединенных Штатах частной монополии», обещали снизить тарифы и полностью освободить от таможенных пошлин товары, конкурирующие с продукцией трестов, ввести 8-часовой рабочий день для всех государственных служащих, образовать министерство труда. Однако требование о лишении судебных органов права запрещать стачки два дня горячо обсуждалось в комиссии по резолюциям, но так и не было включено в платформу. Принятая формулировка была двусмысленна и по существу не обещала бастующим даже того, что имелось по этому вопросу в платформе республиканцев.

Брайан утверждал, что основной бой демократы должны дать республиканцам по вопросу о трестах. Он остался неудовлетворенным антимонополистической формулировкой, считая ее недостаточно конкретной и сильной, утверждая, что на выборах она будет стоить ему миллиона голосов. Брайан предложил дополнить антитрестовскую статью пунктом, предусматривающим, что ни одной корпорации не будет разрешено произ-

водить более 50%, в крайнем случае — более 65% данного вида продукции страны, что федеральный надзор будет установлен над всеми корпорациями, выпускающими более 25% или по крайней мере — более 40% этой продукции [166].

Несмотря на то, что это предложение Брайана встретило возражения в Национальном комитете демократической партии, он продолжал его отстаивать в своих выступлениях. В речи, произнесенной в конце августа в Индианаполисе, он говорил, что федеральные власти должны следить за тем, чтобы ни одна корпорация не контролировала «более 50% производства любого продукта, потребляемого в США» [167].

Другое пожелание кандидата в президенты Национальный комитет демократов одобрил, объявив, что вовсе не будет принимать вкладов в избирательный фонд от корпораций и что поступления от частных лиц не должны превышать в каждом отдельном случае 10 тыс. долл. Он также обязался опубликовать после выборов отчет с перечислением всех пожертвований, превышающих 100 долл. Перед самыми выборами, однако, Херст опубликовал серию статей, в которых раскрывалась подозрительная связь казначея демократической партии губернатора Хаскелла из Оклахомы с компанией «Стандард ойл». Обязанности казначея пришлось передать другому лицу. Но разоблачения Херста сделали свое дело. Публичный официальный отказ демократов от взносов корпораций в лучшем случае не принес им на выборах пользы, на которую они рассчитывали.

Демократы возлагали большие надежды на падение промышленного производства и на банковскую панику, охватившую страну в 1907—1908 гг. Но ко времени выборов экономический кризис остался позади. Не выручил Брайана и председатель Американской федерации труда Гомперс, который в 1908 г. отказался от «нейтралитета» по отношению к обеим основным партиям на выборах. Он обещал демократам 2 млн. голосов организованных рабочих [168]. Но попытки лидеров АФТ изобразить Брайана как защитника интересов рабочих не увенчались упехом.

Перед съездом демократов в печати было опубликовано письмо Брайана, написанное им в 1900 г., после второго поражения на президентских выборах. «Я не могу,— писал он,— без угрызения совести просить партию рассматривать меня снова как возможного президента. Я был причиной ее поражения в течение 8 лет. Этого должно быть достаточно для любого человека» [169]. Но Брайан, так долго мечтавший о Белом доме, надеясь, что, наконец, сбываются его сны, решил предать забвению

[166] *Bryan W.* Memoirs. Chicago, 1925, p. 516.
[167] «The Nation», 3.IX 1908, p. 195.
[168] «The Nation», 16.VII 1908, p. 43.
[169] «The Nation», 2.VII 1908, p. 6.

это письмо — отречение от дальнейшего выдвижения своей кандидатуры. Но ему напомнили об этом как раз в то время, когда он более всего жалел об этом зароке.

В 1908 г. социалистическая партия провела свою президентскую кампанию эффектно. Ее деятельность и влияние усилились в кризисном 1907 г. К 1908 г. число ее членов по сравнению с 1904 г. удвоилось, превысив 40 тыс. Тираж официального органа партии «Апелляция к разуму» достиг 350 тыс. экземпляров [170]. С целью расширения своего влияния в научных и культурных кругах партия открыла школу общественных наук в Нью-Йорке и образовала Межуниверситетское социалистическое общество во главе с Джеком Лондоном.

Влияние социалистической партии встревожило Рузвельта. Он писал: «Я чувствовал, что рост социалистической партии в нашей стране гораздо более грозен, чем любое популистское или подобное ему движение в прошлом» [171].

Социалистическая партия США, возвещавшая переход к социализму через парламентаризм и уделявшая основное внимание избирательным кампаниям, рассматривалась в международном социалистическом движении как партия правого толка.

Во время избирательной кампании социалистическая партия выступила за обобществление монополистических корпораций. В избирательной платформе это требование формулировалось так: «Обобществление и переход в коллективную собственность железных дорог, телеграфа, телефона и всех других средств связи и транспорта; обобществление и переход в коллективную собственность всех отраслей промышленности, которые организованы в национальном масштабе и в которых конкуренция фактически устранена; расширение общественной собственности путем включения в нее рудников, копей, каменоломен, нефтяных источников, лесов и источников водной силы» [172]. Однако единого мнения о том, как этого добиться, в руководстве социалистической партии не было. Линкольн-Стеффенс задал Дебсу вопрос: «Как поступить с трестами?» Дебс ответил: «Конфисковать, так как их владельцы получили во много раз больше, чем вложили в тресты». Другой лидер социалистической партии Бергер, в доме которого происходил этот разговор, вскочил и крикнул, чтобы Дебс не смел так говорить, что если корпорации станут общественными, их владельцам следует выплатить компенсацию [173].

На съезде социалистической партии, состоявшемся в мае 1908 г. в Чикаго, крайне правые во главе с Джоном Спарго пытались отвести кандидатуру Дебса. Но они не стали настаи-

[170] *Morgan H.* Eugene V. Debs-Socialist for President. Syracuse, 1962, p. 90.
[171] *Morgan H.* Op. cit., p. 85.
[172] *Хилкуит Ж.* Указ. соч., с. 284.
[173] *Morgan H.* Op. cit., p. 85.

вать на отводе, так как еще меньше им подходил Хейвуд, который ранее фигурировал как возможный кандидат в президенты, но снял свою кандидатуру в пользу Дебса [174]. Дебс в третий раз был избран кандидатом в президенты США от социалистической партии.

Во время избирательной кампании социалистическая партия снарядила специальный «красный поезд», состоявший из паровоза и трех вагонов, на котором Дебс и его сторонники в течение двух месяцев совершали агитационную поездку по стране. Дебс и сопровождавшие его лица посетили 33 штата и выступили не менее чем в 300 городах. Число их слушателей превысило 800 тыс. [175] Особенно торжественно Дебс въехал в Нью-Йорк, где за четыре дня до его выступления на ипподроме были проданы билеты на все места — около 7 500.

В своих выступлениях Дебс бичевал капитализм и буржуазные партии США. В Канзас-Сити, обращаясь к трудящимся, он воскликнул: «Вы производите все богатство и ничего не имеете. Класс капиталистов не производит никакого богатства, но владеет всем» [176]. «До тех пор,— говорил Дебс,— пока сравнительно небольшая группа людей владеет источниками нефти и газа, сталелитейными заводами, сахарными и кожевенными предприятиям, словом, источниками средств существования, она будет развращать наших политиков, будет порабощать рабочий клас, доводить людей до нищеты и унижать достоинство общества. Эта группа людей будет делать все, чтобы сохранить свою власть, власть хозяев экономики и политических правителей» [177]. В Нью-Йорке Дебс говорил, что «капитализм выполнил свою миссию», что историческая миссия социалистического движения заключается «в уничтожении капитализма, основанного на частной собственности, и переустройстве общества на базе коллективного владения средствами производства и распределения» [178].

Вместе с тем Дебс отмечал в своих выступлениях, что общественная собственность сама по себе отнюдь не панацея от всех зол капитализма. «Каждый намек на общественную собственность,— писал он,— называют сейчас социализмом, не считаясь с тем фактом, что не может быть никакого социализма и что общественная собственность практически ничего не значит, пока правительство страны контролируется классом капиталистов» [179].

На выборах, в которых участвовало 14 884 тыс. избирателей, Тафт получил 7 675 тыс. голосов, Брайан — 6 412 тыс. Канди-

[174] *Ginger R.* The Bending Cross. New Brunswick, 1949, p. 269.
[175] *Хилкуит М.* Указ. соч., с. 268.
[176] *Morais H., Cahn W.* Gene Debs. N. Y., 1948, p. 80.
[177] Ibid., p. 76—77.
[178] Ibid., p. 81—82.
[179] *Morgan H.* Op. cit., p. 85.

дат социалистической партии Дебс собрал 421 тыс. голосов, а четыре претендента от мелких организаций вместе — 378 тыс.

Многие предсказывали успех социалистической партии, но прогнозы не оправдались. Социалистическая партия собрала лишь на 5% больше голосов, чем в 1904 г. Такие результаты оказались неожиданными не только для Дебса, но и для его противников. Это объясняли тем, что кандидаты обеих главных партий выступали с широковещательными обещаниями, на них работала огромная пропагандистская машина. Немалую роль в отвлечении значительного числа голосов организованных рабочих от Дебса к Брайану сыграл Гомперс. Лидер АФТ совершил пропагандистское турне, энергично выступая в пользу Брайана. Он даже старался распространять слухи, что республиканская партия в секретном порядке финансирует «красный поезд», якобы для того, чтобы нанести ущерб демократам. Социалистическую партию также обвиняли, в том, что она является «иностранной» организацией.

В ответ на эти обвинения партия немедленно опубликовала отчет об источниках средств, собранных на «красный поезд».

Слабой стороной позиции Дебса считали то, что в ходе избирательной кампании он акцентировал главное внимание на общей критике и разоблачении пороков капитализма, не останавливаясь в должной мере на актуальных проблемах, стоявших перед американскими трудящимися [180]. Он говорил Линкольну-Стеффенсу, что отнюдь не надеется стать президентом США и что в своей избирательной кампании ставит лишь ограниченные пропагандистские цели [181]. В результате таких высказываний у многих его сторонников сложилось мнение, что голосовать за него — значит голосовать впустую.

На президентских выборах 1908 г. демократическая партия испытывала четвертый раз подряд горечь поражения, из них трижды ее кандидатом был Брайан. Однако 1908 год принес поражение Брайану, но не демократам. На выборах в конгресс они несколько поправили свое положение. Еще лучшие результаты принесли им в 1908 г. местные выборы. Кандидаты от демократической партии имели успех во всех районах страны. В пяти штатах — Огайо, Миннесота, Индиана, Северная Дакота, Монтана, в которых Тафт получил на президентских выборах значительное большинство, губернаторами были избраны демократы.

Большинство избирателей выразило недоверие Брайану не потому, что не принимало платформу демократической партии, а потому, что сильно сомневалось в ее кандидате, в его способности выполнить обещания, содержавшиеся в партийной платформе. Брайан создавал впечатление партийного деятеля, от-

[180] «The Nation», 3.XII 1908, p. 541.
[181] *Morgan H.* Op. cit., p. 98—99.

стаивавшего до конца только одну цель — стать президентом США. Он начал свою кампанию в 1908 г., как и в 1900 г., заклинаниями империализма и протекционизма. Но тут же отодвинул эти вопросы на задний план и выдвинул на первое место свою схему ограничения деятельности трестов, которую американская печать оценивала, как нереальную, абсурдную [182].

На президентских выборах довлели популярность и авторитет Рузвельта, но не республиканской партии. Рузвельт писал о своей уверенности, что Тафт продолжит его политику: «Тафт — это я»,— заявил он [183].

Через пять дней после выборов Тафт направил президенту благодарственное письмо. Выражая свою признательность, он отметил, что своей победой обязан прежде всего Рузвельту [184]. Однако благодарность Тафта чувствовалась весьма недолго. Очень скоро Рузвельт убедился, что надежды, которые он возлагал на своего преемника, не оправдались. Не успел новый президент въехать в Белый дом, как стало известно, что он решил вопреки своим обещаниям заменить членов кабинета и советников Рузвельта своими людьми.

Борьба прогрессивных сил США против господства и произвола растущих монополий продолжалась, выливаясь в различные формы. Она проявлялась в литературе, в рабочем и фермерском движении, в усилиях социалистической партии и даже в оппозиции в рядах республиканцев и демократов. Но брайанизм как политическое течение, с которым в конце XIX и в начале XX в. незаслуженно ассоциировалась эта борьба, уже изжил себя. С концом брайанизма прекратилось и многолетнее преобладание Западных аграрных штатов в демократической партии. В кругах монополистического капитала радовались, отмечая поражение Брайана.

Еле слышны стали слова, громко раздававшиеся в свое время Антиимпериалистической лигой и другими критиками агрессивной внешней политики, о том, что США не могут одновременно быть и республикой и империей.

[182] «The Nation», 3.IX 1908, p. 195; 5.XI 1908, p. 428.
[183] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 314.
[184] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 103.

V

НА ПЕРЕПУТЬЕ

1. Уильям Тафт

Консервативный президент. Враг рабочего и революционного движения. Отношение к убийству Сакко и Ванцетти. Неудачное соглашение с Канадой. Родословная и связи. Продвижение по служебной лестнице. Губернатор Филиппин. Соглашение с Ватиканом. Военный министр. Послушный друг Рузвельта.

Президентство Тафта было коротким. Оно продолжалось всего четыре года. В XX в. от Маккинли до Форда тринадцать президентов занимали Белый дом. Из них не дожило до конца первого президентского срока двое. Среди остальных только Тафт и Гувер пробыли на своем посту один срок и не были переизбраны на второй.

Гувер обещал «вечное процветание» и ликвидацию нищеты, а его президентство протекало в обстановке величайшего в истории промышленного кризиса и небывалой безработицы. Президентство Тафта проходило в атмосфере экономического подъема. В 1912 г. индекс производства обрабатывающей промышленности США был в 1,5 раза выше, чем в 1908 г.

Тафт, которого в избирательной кампании 1908 г. выдавали за спокойного, рассудительного государственного мужа, способного уверенно править страной, неотступно исполнять накопившиеся многочисленные обещания его предшественника, потерпел крах, проводя негибкую, консервативную, реакционную политику.

Его президентство началось на распутье, когда недовольство и возмущение, порожденные в конце прошлого века растущими социальными контрастами, сопровождаемыми злоупотреблениями корпораций и коррупцией политиков, к первой мировой войне достигли своего апогея. Критическая, разоблачающая литература демонстрировала, как в обеих партиях господствуют боссы, торгующие выборными должностями, как мэры городов и губернаторы штатов стали верными слугами железнодорожных и других компаний, как банки и тресты, разводняя акции, грабят население, выманивая его сбережения в обмен на обес-

ценные бумаги. Эта литература описывала нищету и невзгоды жителей трущоб, жуткую неприглядность фабричных поселков и промышленных городов.

Недовольство, охватившее широкие слои американцев, в последний раз вынесло на гребень политической волны Брайана в демократической партии и активизировало «инсургентов» в рядах республиканцев. От Тафта ожидали перемен, либеральных, социальных реформ. Но он принес разочарование и рабочим, и фермерам. Даже в рядах крупного капитала его скоро начали рассматривать как человека сомнительного, ненадежного. Наконец, он разошелся со своим наставником и покровителем, который когда-то восхищался им и сделал своим преемником. Старые друзья превратились в соперников и непримиримых врагов. Рузвельт, разочаровавшись в нем, признал: «Тафт был хорошим лейтенантом, но стал плохим капитаном» [1].

Уильям Тафт оказался непригодным для исполнения роли Теодора Рузвельта в Белом доме. Еще менее удачно он играл там свою собственную роль.

Оба эти президента США были людьми совершенно различного склада ума, характера и подхода к жизни. Рузвельт был проворным, решительным, агрессивным, горячим, драчливым. Тафт был спокойным, беспечным, медлительным, консервативным, не терпевшим перемен и новизны, не способным загореться смелой мечтой. Рузвельт считал политическую борьбу самым увлекательным видом спорта. Тафту эта борьба, по выражению одного американского журнала, никогда не доставляла удовольствия [2]. Рузвельт был динамичен, инициативен, находчив, изобретателен. Тафт уважал покой, ценил унаследованные взгляды, установленные порядки, усердно администрировал, аккуратно соблюдал законы и распоряжения начальства. К концу третьего года его президентства профессор Висконсинского университета Холл утверждал, что «никогда в истории страны не было главы исполнительной власти, который бы более строго соблюдал закон, чем Тафт» [3]. Тафт считал, что перенапряжение политической ситуации при Рузвельте привело к тому, что страна перенасыщена событиями, переутомлена, что наступило время отдохнуть [4]. Майор Бутт — военный помощник обоих президентов — в предисловии к своим письмам отмечал, что Рузвельт родился с темпераментом адвоката, а Тафт — с темпераментом судьи [5].

Друзья Тафта всегда считали его политиком с очень скудным воображением, не способным читать «знамение времени» [6].

[1] *White W.* Masks in a Pageant. N. Y., 1928, p. 331.
[2] «The Nation», 7.IX 1911, p. 204.
[3] «The Nation», 21.XII 1911, p. 594.
[4] *Beard Ch.* Contemporary American History. N. Y., 1915, p. 322.
[5] *Butt A.* Taft and Roosevelt, vol. I. N. Y., 1930, p. VIII.
[6] «The Nation», 29.VIII 1912, p. 183.

Уильям Уайт, который известен как биограф нескольких американских президентов, писал, что Тафт с его консервативным мышлением отстал как президент на целое поколение. «Никогда Белый дом, — утверждал он,— не был ареной такого приспособленчества, интриг, раздоров и пререканий, как в период с 1909 по 1912 г. ...Выдвижение и избрание Уильяма Тафта на пост президента в 1908 г., когда по стране неслась приливная волна либерализма, стали одной из самых вопиющих ошибок, когда-либо совершенных демократией». «На фоне этой волны,— продолжал Уайт,— действия Тафта оказались бесполезными, безнадежными, неразумными и неудачными... Он волновал и раздражал народ четыре года, неспособный говорить с ним, неспособный понять его, сбитый с толку и временами нетерпеливый, никогда не понимавший полностью своей задачи». Уайт назвал Тафта «злополучным» президентом, которому суждено было «очутиться на парадном крыльце Белого дома и каждый день пререкаться с американским народом» [7].

В работе Н. Виленского «Консерваторы в прогрессивной эре», изданной Флоридским университетом, говорится: «Поскольку личность Рузвельта больше не доминировала над ним, Тафт стал подбирать помощников, руководствуясь своими консервативными наклонностями, без особого учета конкретных политических задач. В начале президентства он ввел в состав своего правительства семь юрисконсультов корпораций и отказался от услуг прогрессивно настроенных друзей Рузвельта... Контакт с прогрессивными республиканцами, казалось, нервирует президента... Тафт имел слабое представление о проблемах, волнующих промышленных рабочих, или о целесообразной политике. Его непритязательный ум находился во власти устава» [8].

Как и другие президенты, Тафт высказался за примирение классовых противоречий. За два месяца до выборов, 29 августа 1908 г., обращаясь к рабочим в г. Афинах (штат Огайо), Тафт сказал, что они должны забыть узкие, классовые интересы и вести себя «как патриоты» на благо всего государства [9].

В отличие от гибкого Рузвельта, который во время антрацитовой стачки апеллировал к патриотизму не только рабочих, но и капиталистов, представляя себя беспристрастным арбитром, Тафт без обиняков призывал лишь одну сторону в конфликте ставить любовь к отечеству превыше всего. Он отнюдь не требовал от капиталистов, чтобы они в «патриотических целях» отказывались от колоссальных барышей.

[7] *White W.* Op. cit., p. 327—329, 331, 338.
[8] *Wilensky N.* Conservatism in the Progressive Era. University of Florida. 1965, p. 1—2.
[9] «The Nation», 3.IX 1908, p. 195.

Тафта прозвали отцом «инджонкшн», он сам это признавал [10]. Против этого оружия предпринимателей рабочие боролись много лет. Национальный конвент республиканской партии, выдвинувший кандидатуру Тафта в президенты, обещал, как уже отмечалось, применять «инджонкшн» лишь в крайнем случае, лишь для предотвращения непоправимого вреда. Однако, став президентом, Тафт уже в речи, произнесенной 4 марта 1909 г. на торжественной церемонии вступления в должность [11], отстаивал «инджонкшн». Правящие круги США продолжали с благословения Тафта использовать его опыт в этом отношении; о заверениях съезда его партии забыли.

Используя судебную власть против бастующих, Тафт утверждал, что рабочие не имеют бо́льших прав нарушать закон, чем банкир или железнодорожный магнат. В этой связи биограф Рузвельта и Тафта Генри Прингл писал: «Тафт,— будучи судьей в Огайо, и позже президентом страны и главой Верховного суда, никогда не хотел понять, что банкир и промышленник, в течение десятилетий прибегавшие к запугиванию, насилию и другим средствам, гораздо сильнее, чем рабочий» [12].

Дело, конечно, не в непонимании, а в том, что Тафт был злостным врагом рабочего и революционного движения. Достаточно привести два примера из его жизни за пятнадцать лет до того, как он стал президентом США, и через пятнадцать лет после того, как он оставил Белый дом, чтобы получить представление о его закоренелых враждебных трудящимся взглядах, чтобы увидеть его политическое лицо.

В 1894 г. в разгар исторической железнодорожной стачки, вспыхнувшей на вагоностроительных заводах Чикаго, 37-летний Тафт, будучи окружным федеральным судьей, проявлял повышенный интерес к ходу забастовки. Вот выдержки из его писем того времени.

4 июля: «Стачка продолжается, и железнодорожные компании несут большой ущерб. Они поговаривают о компромиссе с Дебсом. Если они на это пойдут, я буду очень разочарован, потому что это приведет к отсрочке сражения, которое должно быть доведено до конца... Это самая неистовая стачка в истории страны, и она должна быть безжалостно подавлена... Присутствие федеральных войск, я надеюсь, будет иметь благотворное влияние».

6 июля: «Дела в Чикаго, кажется, вызывают большое беспокойство. Надо солдатам убить кого-то из толпы, чтобы волнения прекратились».

[10] *Diffy H.* William Howard Taft. N. Y., 1930, p. 214.
[11] *Commager H.* Documents of American History, vol. II. N. Y., 1945, p. 233—234.
[12] *Pringle H.* The Life and Times of William Howard Taft, vol. II. N. Y., 1930, p. 1030.

7 июля: «Положение в Чикаго очень тревожно и печально; оно не станет лучше, пока там не произойдет большого кровопускания. Положение осложняется демагогами и популистами... Сегодня получено сообщение, что 30 человек были убиты федеральными войсками. Хотя это и кровавое дело, каждый надеется, что это правильно».

8 июля: «Положение в Чикаго ненамного лучше. Они до сих пор убили в толпе лишь шесть человек. Этого вряд ли достаточно, чтобы произвести какое-то впечатление» [13].

Прошло 33 года. Во всем мире говорили о «деле» Сакко и Ванцетти. В ночь на 23 августа 1927 г. в Чарлстонской тюрьме на электрическом стуле погибли два ни в чем неповинных человека. 70-летний Тафт возглавлял тогда Верховный суд США. (Это единственный случай в истории страны, когда экс-президент стал во главе высшей судебной власти Соединенных Штатов.) Накануне приведения позорного приговора в исполнение защита обратилась к Тафту с просьбой остановить задуманное убийство. Тафт, который в то время отдыхал на летней вилле в Канаде, негодуя, что его беспокоят, решительно отклонил просьбу и, опасаясь за свою жизнь, трусливо попросил защиты у канадского правительства, которое поставило у его виллы вооруженную охрану, хотя никаких попыток покушения не было.

Тафт относился враждебно не только к рабочему, но и к популистскому движению. Однако, будучи президентом, он неуклюже пытался заигрывать с фермерами.

Фермеры, их представители в конгрессе, которые, как правило, были «инсургентами», всегда считались противниками протекционизма. В январе 1911 г. правительство Тафта заключило договор с Канадой, по которому многие канадские товары были совершенно освобождены от таможенных пошлин, а на другие товары они были снижены. Сенат отказался ратифицировать договор. Тафт, проявляя на сей раз не свойственную ему энергию, созвал 5 апреля 1911 г. чрезвычайную сессию конгресса. Вопреки его ожиданиям, именно «инсургенты» оказались горячими противниками тарифного соглашения, заключенного с Канадой. Они мотивировали свою позицию тем, что это соглашение, поощряя импорт сельскохозяйственных продуктов, наносит удар по фермерам западных штатов, что оно выгодно только капиталистам востока страны, получившим возможность расширять рынок для сбыта своей промышленной продукции в Канаде.

Газеты, выражавшие интересы фермеров, осуждали соглашение, призывая читателей протестовать. Специальная делегация фермеров направилась в Вашингтон и предупредила пре-

[13] *Pringle H.* The Life and Times of William Howard Taft. N. Y., 1930, vol. I, p. 128.

зидента, что, если он не откажется от тарифного соглашения с Канадой, республиканская партия потеряет фермерские голоса. Но Тафт зашел в этом вопросе так далеко, что отступать уже было нельзя. «Спокойный» президент с раздражением отказался учесть просьбу и предупреждения делегации фермеров.

Наконец, 21 июня 1911 г. в сенате удалось собрать 53 голоса в пользу тарифного соглашения. 27 сенаторов проголосовали против. Из них 24 принадлежали к правящей партии. Тафта поддерживала оппозиционная фракция в сенате — демократы.

После того, как президент, идя на большой риск, настоял на ратификации тарифного соглашения ценой потери фермерских голосов для своей партии, он попал в глупое положение: Канада наотрез отказалась ратифицировать соглашение.

Около полугода печать, общественные и политические круги США уделяли большое внимание соглашению с Канадой. Херстовская пресса была целиком на его стороне. Тафт публично заявил, что он «высоко ценит энергичную работу семи херстовских газет, их серьезные и полезные усилия в распространении правды о взаимовыгодном соглашении». Примечательно, что Херст в течение ряда лет проповедовал аннексию Канады Соединенными Штатами.

В те годы, когда Вашингтон давал немало оснований для того, чтобы многие считали США «имперской Америкой», разговоры об аннексии вызывали большую тревогу в Канаде. Опасения британского доминиона раздували в Лондоне, высказывая мысль, что соглашение о тарифах может стать шагом к поглощению Канады Соединенными Штатами. Р. Киплинг писал, что ему непонятно, «как 9 млн. канадцев могут войти в такое соглашение с 90 млн. чужестранцев при открытой границе в 4 тыс. миль и в то же время сохранить национальную независимость» [14].

Восхваление Тафтом активности Херста подлило масло в огонь. По всей Канаде, от берегов Атлантики до Тихого океана, громко раздавались голоса протеста против тарифного соглашения с США. Сельскохозяйственные провинции, которые, казалось, выигрывают от этого соглашения, выступали против него не менее энергично, чем промышленные районы. Канадские фермеры ставили независимость страны выше возможных материальных выгод.

Затея Тафта провалилась, сильно дискредитировав его. Он напрасно созвал чрезвычайную сессию конгресса и заставил членов обеих палат сидеть в жаркое лето в Вашингтоне. Он старался укрепить свое положение в фермерских штатах, а на самом деле ослабил свои позиции, оттолкнул от себя представителей фермерства в сенате. Он заверял конгресс и американский

[14] *Sullivan M.* Our Times, vol. IV. N. Y., 1926, p. 400.

народ, что Канада жаждет соглашения о таможенных пошлинах, а Канада его отвергла.

Провал Тафта произвел ошеломляющее впечатление. Еще раньше, в 1910 г., его неумелая политика привела к тому, что республиканцы впервые за 18 лет уступили демократам большинство в палате представителей. Неудача Тафта в переговорах с Канадой вызвала в республиканской партии сомнения в целесообразности выдвижения его кандидатуры на очередных президентских выборах 1912 г.

Внешнеполитические неудачи Тафта не ограничились отклонением Канадой тарифного соглашения. Он обещал эффективные меры по укреплению международного мира. После длительных переговоров в августе 1911 г. он заключил новые, более широкие соглашения об арбитраже с Англией и Францией. В марте 1912 г. сенат ратифицировал соглашения, но внес к ним такие поправки, которые коренным образом изменили их содержание. Тафт вынужден был отказаться от утверждения этих соглашений.

На выборах в конгресс 1910 г. демократы обвиняли Тафта в том, что он покровительствует трестам. Стальной трест, указывали они, обязан своим возникновением и развитием благоприятному отношению к нему со стороны правительства республиканцев. Этот крупнейший трест образовался при Маккинли, набирался сил при Рузвельте и продолжал расширяться при Тафте. Под лозунгом «укрощения» трестов демократы одержали крупную победу на выборах 1910 г. в 62-й конгресс. Получив большинство в палате представителей, они создали специальную комиссию для обследования деятельности Стального треста.

Расстроенный президент резко изменил свой курс. Прислушиваясь к голосу консультантов, советовавших ему лишить демократов их оружия в преддверии очередных президентских выборов, Тафт, ставя превыше всего свою победу в политической борьбе, сам объявил войну нарушителям антитрестовских законов. Он, как скоро увидим, выдвинул больше обвинений против них, чем кто-либо из его предшественников.

26 октября 1911 г. генеральный прокурор Викершем предъявил иск на роспуск Стального треста, мотивируя тем, что этот трест является монополией и что четыре года назад он, обманув президента Рузвельта, незаконно приобрел угольную и железоделательную компанию штата Теннесси.

Стальной трест не был распущен. Вызов, брошенный генеральным прокурором Моргану и косвенно Рузвельту, чтобы повысить расшатанный авторитет президента в стране, не увенчался успехом. Этот рискованный шаг в руководящих кругах республиканцев рассматривали как необдуманный и отчаянный. Он имел для Тафта очень серьезные последствия, обострив и углубив разногласия между ним и Рузвельтом, которые привели к расколу республиканской партии на выборах 1912 г.

К началу последнего года президентства, признавая свой провал, Тафт жаловался Батту, что ему не везло, что он «не был счастлив» в Белом доме [15].

Заняв президентское кресло, Тафт пытался вначале во всем копировать своего предшественника, оправдать его слова, казаться подобным ему. Как только Тафт переехал в Белый дом, он писал Рузвельту: «Я ничего не предпринимаю до того, как представлю себе, что бы Вы сделали в таком случае» [16]. Но Тафт плохо копировал. Он говорил Батту: «Рузвельт всегда мог подняться над повседневной работой, но я не могу так поступать и знаю, что это печальный недостаток. Слишком поздно его исправлять. Страна должна принимать меня таким, каким находит» [17].

«Главный недостаток Тафта,— писал Марк Селливен,— заключался в том, что он отличался от Рузвельта, его несчастье,— что он стал президентом вслед за Рузвельтом. Страна приспособилась к темпу Рузвельта. Равняясь на Тафта, она неизбежно должна была выйти из колеи... Его трагедия только в том, что он был безмятежным человеком в беспокойное время, имел темперамент судьи, когда страна была настроена партизански, был статичным в динамичный век» [18].

В одном, однако, Тафт превзошел своего предшественника: он был не только неисправимым консерватором, но и махровым реакционером.

Человек импозантной, подкупающей, как считал Рузвельт, наружности, Тафт оказался недальновидным, незадачливым, серым политиком, реакционным президентом. Это обусловлено было всем его прошлым. В его биографии не было ничего примечательного, выдающегося. Своей политической карьерой он был обязан не таланту и уму, а происхождению, внушительной внешности и чиновничьему усердию.

Тафт родился 15 сентября 1857 г. в городе Цинциннати штата Огайо. Как большинство президентов США, он происходил из старинной американской семьи, обосновавшейся в Новом Свете за 100 лет до войны за независимость. Первый предок президента Роберт Тафт прибыл из Англии в поселок Брейнтри английской колонии Массачусетс в 1678 г.

За два десятилетия до рождения будущего президента его отец Альфонсо Тафт переселился из штата Вермонт в быстро растущий Цинциннати — город, который считался воротами, открывавшими путь на Запад и на Юг, которому все тогда предвещали исключительное будущее.

Альфонсо Тафт был военным министром и генеральным прокурором в правительстве президента Гранта в 70-х годах. В 80-х

[15] *Butt A.* Taft and Roosevelt, vol. II, p. 813.
[16] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 414.
[17] Ibid., p. 413, 414.
[18] Ibidem.

годах он был послом США в Вене и в Петербурге. Он дал сыну образование в аристократическом Иельском университете. Окончив университет в 1878 г., молодой Тафт специализировался два года в школе права в Цинциннати, стал адвокатом и юридическим репортером местных газет. В 1886 г. он женился на дочери судьи Херрона, который одно время был деловым партнером бывшего губернатора Огайо и президента США Хейса.

Связи его отца и тестя помогали молодому Тафту быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1882 г. он стал окружным сборщиком налогов. На эту должность его назначил сам президент США. Через полгода после женитьбы он стал членом суда Цинциннати. В начале 1890 г. президент Гаррисон отозвал его в Вашингтон на должность заместителя генерального прокурора. На этом посту 32-летний Тафт замещал министра юстиции во время его отсутствия, а также должен был представлять правительство во всех случаях, когда оно имело дело с Верховным судом США.

Как только Тафт занял ответственный правительственный пост в федеральной столице, он установил дружеские отношения с председателем Комиссии по реформе гражданской службы в государственных учреждениях Теодором Рузвельтом.

Весной 1892 г. конгресс США утвердил положение о федеральных окружных судах. Тафт был назначен судьей шестого федерального округа, в который входили штаты Мичиган, Огайо, Кентукки и Теннесси, и на этом посту оставался до начала 1900 г. В последние пять лет он по совместительству числился профессором университета в Цинциннати.

Вскоре молодой федеральный судья продемонстрировал свою ненависть к трудящимся. Уже отмечалось его отношение к исторической железнодорожной стачке 1894 г. Еще ранее Тафт применил «инджонкшн» против бастующих железнодорожников на линии Толедо — Анн-Арбор — Северный Мичиган.

В 1894 г. особенно свирепо расправлялась с бастующими ассоциация предпринимателей «Дженерал менеджерс». Она завела черные списки на активных стачечников, увольняла их, лишая права устроиться на другие предприятия. Руководящей фигурой в ассоциации предпринимателей был владелец вагоностроительных заводов Пульман. Он отклонил предложенный бастующими арбитраж. Тогда стачечники призвали на помощь товарищей по труду на других железных дорогах. Для поддержки железнодорожников в Цинциннати прибыл представитель Дебса Фелан. Тафт, выступавший за восстановление железнодорожного движения с помощью армии, заключил Фелана на шесть месяцев в тюрьму, подтвердив тем самым свою враждебность к бастующим и преданность железнодорожным компаниям.

К началу 1900 г., по мере развертывания очередной президентской кампании, все бóльшую роль во внутриполитической

жизни и партийной борьбе стал играть филиппинский вопрос. Демократы обещали Филиппинам независимость. Этого требовала влиятельная в то время Антиимпериалистическая лига. В республиканской партии по этому вопросу не было единства. В США просачивались первые сведения о зверствах американской армии на далеких островах. Партизанская война против оккупантов охватила весь архипелаг. Лидеры филиппинского национально-освободительного движения возлагали надежду на Брайана, полагая, что усиление сопротивления завоевателям поможет демократической партии одержать победу на выборах в Америке.

Маккинли стремился перед выборами как-то сгладить тяжелое впечатление, сложившееся в Америке в результате захвата Филиппин и зверств американских вооруженных сил. По совету военного министра Рута он решил отправить на Филиппины вторую комиссию с целью установления контактов для соглашения с туземными лидерами и создания с их помощью гражданской администрации на островах.

В поисках покладистого, выдержанного человека с располагающей внешностью в качестве председателя комиссии Маккинли и Рут остановились на Тафте.

Тафт не сразу согласился оставить размеренную жизнь в Цинциннати и отправиться на неспокойные острова по ту сторону Тихого океана. Но чем больше он колебался, тем настойчивее были Маккинли и Рут. Его убедили тем, что работа на Филиппинах не отдалит, а приблизит осуществление его мечты — стать членом Верховного суда США.

3 июня 1900 г. Тафт со своей комиссией прибыл на военном транспорте США «Ганкок» в Манилу. Через 18 дней после его прибытия, 21 июня, военный губернатор Филиппин генерал Макартур провозгласил амнистию всем боровшимся против США, которые в течение десяти недель сложат оружие. Политика кнута и пряника, амнистия наряду с беспощадным подавлением экспедиционной армией народного восстания, а также крах надежд, возлагавшихся на победу Брайана, содействовали тому, что уже в 1900 г. и особенно в 1901 г., после пленения и призыва Агинальдо к примирению с американцами, немало руководителей партизанских отрядов сложили оружие.

Примирение имущих классов, буржуазно-помещичьих слоев Филиппин с оккупантами, сокращение размаха партизанской войны многие в Вашингтоне сочли личными заслугами Тафта. Через год после его прибытия в Манилу, в июне 1901 г., Тафт был назначен первым гражданским губернатором Филиппин.

На этом посту Тафт упрочил свои позиции благодаря участию в достижении соглашения США с Ватиканом.

После того как испанцы в 1565 г. захватили Филиппины, там обосновались католические монашеские ордена. Около 90% филиппинцев было обращено в католичество. Самые плодородные

земли, площадь которых превышала 400 тыс. акров, оказались в руках монахов. Часть земли обрабатывали батраки, другую — сдавали в аренду. Арендная плата была неимоверно высока. Католическая церковь сплошь и рядом замещала гражданскую администрацию, собирала налоги, вербовала филиппинцев на службу в испанской армии, выполняла другие поручения метрополии.

В декабре 1900 г. Тафт, касаясь положения католической церкви на Филиппинах, писал: «Правда такова, что монахи совсем перестали быть церковными служителями и превратились в политических боссов... Они сами лишили себя духовного сана, установив политический контроль над этой прекрасной страной»[19].

На Филиппинах власть монашеских орденов ассоциировалась с испанским игом, с колониальным гнетом. Филиппинская республика, провозглашенная до испано-американской войны, объявила о конфискации земель монашеских орденов. Стремясь сохранить свое привилегированное положение, монахи организовали открытое выступление против властей. В результате столкновений 50 католических священников были убиты и несколько сот арестованы[20]. Оставшиеся на свободе священники и монахи, боясь народного гнева, бежали в Манилу.

Когда американцы захватили острова, католическая церковь рассчитывала вернуть себе потерянные владения с помощью оккупантов. По мирному договору с Испанией США гарантировали сохранение на Филиппинах существовавшего права собственности. Но, с другой стороны, более важным оказалось то, что миллионам американских избирателей-католиков импонировала защита интересов монашеских орденов на Филиппинах.

В Вашингтоне встали перед дилеммой: либо вернуть землю католической церкви и еще больше осложнить положение США на Филиппинах, либо настроить избирателей-католиков в Америке против правительства республиканцев. Выход в создавшихся условиях видели в скупке земли монашеских орденов и продаже ее небольшими участками филиппинцам на условиях долгосрочного кредита.

В конце 1901 г. Тафта вызвали в США для дачи показаний сенатской комиссии, где обсуждался филиппинский вопрос. К этому времени президентом США был уже Рузвельт. Он предложил Тафту вернуться в Манилу через Европу, посетить Ватикан и добиться согласия на продажу американцам владений монашеских орденов на Филиппинах.

После получения принципиального согласия папы Льва XIII торги в цене затянулись на полтора года. Наконец, в ноябре 1903 г. договорились, что за земли монашеских орденов на Фи-

[19] *Pringle H.* The Life and Times of W. H. Taft, vol. I, p. 223.
[20] Ibidem.

липпинах будет выплачено 7 млн. 543 тыс. долл.[21] Эта сумма составляла более трети тех 20 млн. долл., за которые США купили у Испании весь архипелаг. Она превышала всю сумму, которую за 35 лет до сделки с Ватиканом США заплатили России за Аляску.

На Филиппинах американцы и местные коллаборационисты рекламировали эту сделку как большую заслугу колониальной администрации и лично Тафта. В США даже пытались изображать соглашение с Ватиканом, вытекавшее из обычного политического расчета, как акт мудрости и благородства дяди Сэма по отношению к его далекой колонии. Репутация губернатора Филиппин повысилась как в Маниле, так и в Вашингтоне.

В январе 1903 г. освободилось место в Верховном суде США. Рузвельт предложил Тафту занять эту вакансию. Тафт, для которого такое назначение долго было высшей мечтой, сейчас от него отказался. Он и особенно его энергичная жена уже заглядывали дальше. Губернаторство на Филиппинах в случае удачи служило бы Тафту лучшим трамплином для прыжка в Белый дом, чем должность судьи в Верховном суде США.

Вскоре Рузвельт предложил Тафту военное министерство. Это предложение он принял. В 1904—1908 гг., занимая пост военного министра, Тафт был не только членом кабинета, но и выполнял особо важные поручения президента за границей.

В июле 1905 г. Тафт заключил в Токио соглашение с премьер-министром Японии Кацура. Правительство Рузвельта, как уже отмечалось, признало протекторат Японии над Кореей, а японцы признали суверенитет США над Филиппинами.

В 1906 г. в связи с сильным недовольством и массовыми революционными выступлениями кубинцев Вашингтон предпринял очередную вооруженную интервенцию против Кубы. Рузвельт направил на Кубу Тафта и исполняющего обязанности государственного секретаря Бекона. 19 сентября они прибыли в Гавану. Через 10 дней Тафт был объявлен временным губернатором. Однако спустя две недели он передал свои полномочия Чарлзу Могуну, который управлял Кубой до 1909 г.

За время пребывания на посту военного министра Тафт несколько раз совершал поездки в Панаму, где под наблюдением его министерства строился канал.

В 1907 г. Тафт совершил кругосветное путешествие, направившись 13 сентября из Сиэтла в сторону Японии. К этому времени уже поговаривали о возможной тихоокеанской войне. Тафт заявил в Токио: «Война между Японией и Соединенными Штатами будет преступлением против современной цивилизации. Она была бы не только вредной, но и безумной»[22]. Из Японии он отправился с очередным визитом на Филиппины.

[21] Ibid., p. 231.
[22] Ibid., p. 303.

В декабре, когда Тафт вернулся в США, Рузвельт сообщил ему, что он наметил его своим преемником и предложил открыть собственную президентскую кампанию. В то время в кругах крупного капитала обвиняли Рузвельта в том, что биржевая паника и кризис 1907 г. явились результатом некомпетентного вмешательства правительства в хозяйство, следствием того, что президент США занимался не своим делом.

Тафт открыл свою кампанию выступлением на собрании бизнесменов Бостона. Он собирался говорить о своих заслугах на Филиппинах, но по настоянию Рузвельта произнес речь, в которой, защищая президента, обвинил монополии в преступных, опасных для существования капитализма действиях.

«Экономическая и политическая история последних четырех лет,— сказал он,— представляет собой острую борьбу между федеральным правительством и некоторыми могущественными объединениями в финансовом мире... Если преступления монополий и дискриминацию не удастся обуздать, если концентрация власти, возможная вследствие этих преступлений, будет продолжаться и нарастать и ясно будет доказано, что при системе индивидуализма и частной собственности тирания и угнетение со стороны богатой олигархии — неизбежны, тогда победит социализм, а институт частной собственности погибнет» [23].

Так Тафт, опасаясь, как и Рузвельт, социализма, в духе своего предшественника демагогически высказывался против злоупотреблений монополий.

Рузвельт, сделав своего послушного друга президентом, надеялся, что Тафт будет царствовать, а он, если и утратит бразды правления, по крайней мере, сохранит за собой последнее слово во всех основных вопросах.

2. Комиссия Пуджо

Последняя иммиграционная волна. Технический и промышленный рост. Заработная плата и прибыль на заводах Форда. Фордизм. Система Тэйлора. Научно-исследовательские коллективы. Отчет комиссии Пуджо. Расчетные палаты. Нью-йоркская фондовая биржа. Централизация банковского капитала. Инвестиционный банкир. Операции Моргана. «Андеррайтер». Персональная уния Моргана. Джордж Фишер Беккер. Моргановская группа и ее мощь Ли-Хиггинсон, Киддер-Пободи и Кун-Леб. Властители судеб США.

В первые 10 лет XX в. население США росло темпами, несколько превышающими темпы предыдущего десятилетия. С 1890 по 1900 г. оно увеличилось на 20,7%, а с 1900 по 1910 г. — на 21,1%. В 1900—1910 гг. рост населения на 55% обязан иммиграции. В 1890—1900 гг. этот процент был равен 28,5 [24].

[23] *Duffy H.* Op. cit., p. 204.
[24] *Dewhurst J.* America's Needs and Resources. N. Y., 1955, p. 51.

15—20 лет, предшествовавшие первой мировой войне, были годами самой большой иммиграции в истории страны. С 1900 по 1915 г. в США эмигрировали 13 млн. 377 тыс. человек. Из одной России за это время прибыло 2 млн. 556 тыс. иммигрантов. В рекордный 1907 г. число лиц, эмигрировавших в США, достигло, как уже отмечалось, 1 млн. 285 тыс. человек. Для России рекордным в этом отношении считается 1913 г., когда в США переселилась 291 тыс. человек[25]. Более половины всех иммигрантов составляли лица в возрасте от 15 до 45 лет.

Иммигранты в XX в. оседали главным образом в городах. Ценз 1910 г. показал, что в 229 городах с числом жителей 25 тыс. и выше белые граждане, родившиеся в США, составляли лишь 35,6% населения. По цензу 1910 г. 37,5% жителей Чикаго и 40,4% Нью-Йорка родились за границей. В некоторых других городах этот процент был еще выше. В Перт-Эмбое (штат Нью-Джерси), например, он равнялся 44,5.

В 1915 г. население США превысило 100 млн. и стало почти на 25 млн. больше, чем в 1900 г. В это время темп роста населения снизился. Мировая война и последовавшие за ней строгие иммиграционные законы сильно сократили приток иностранцев. Иммиграция европейских рабочих, составлявших основную массу переселенцев из Старого в Новый Свет, резко сократившаяся после 1914 г., к началу 30-х годов фактически прекратилась.

Иммиграционные волны и перемещение населения на свободные земли придавали своеобразие, особый колорит социально-экономическому развитию и классовой борьбе в США. Массовое передвижение населения на Запад, на свободные земли завершилось в конце XIX в. Иммиграционная волна, достигшая наибольших размеров в 1900—1914 гг., с началом первой мировой войны пошла на убыль. Более того, к этому времени число эмигрантов превысило число иммигрантов. В результате в составе рабочего класса произошли изменения. Американский пролетариат перестал быть конгломератом, состоящим из коренных и пришлых, из людей, «не понимающих», как писал Энгельс в 1892 г., «ни друг друга, ни местного языка». Из людей, родившихся в Америке, образовался рабочий класс, говорящий на английском языке.

Национальное богатство США увеличилось в неизменных ценах (в ценах 1929 г.) с 179 млрд. 500 млн. в 1900 г. до 265 млрд. 300 млн. долл. в 1912 г. В текущих ценах эти цифры соответственно составляли 87 млрд. 700 млн. и 165 млрд. 200 млн. долл. Национальный доход вырос в текущих ценах с 14 млрд. 600 млн. долл. в год в среднем за пятилетие 1897—1901 гг. до 27 млрд. 200 млн. долл. в год в среднем за 1907—1911 гг. [26]

[25] Historical Statistics of the United States. Washington, 1961, p. 56.
[26] Ibid., p. 139, 151, 152.

Индекс производства обрабатывающей промышленности (если взять 1900 г. за 100) поднялся в 1913 г. до 203. Но в 1914 г. в связи с начавшимся очередным экономическим кризисом этот индекс опустился до 192. Капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность, вырос в текущих ценах с 8 млрд. 168 млн. долл. в 1899 г. до 20 млрд. 784 млн. долл. в 1914 г. В ценах 1929 г. эти цифры соответственно составляли 17 млрд. 452 млн. и 36 млрд. 737 млн. долл.[27]

С 1900 по 1913 г. добыча битуминозного угля увеличилась с 212 млн. до 478 млн. т, добыча нефти — с 64 млн. до 248 млн. баррелей, натурального газа — с 128 млрд. до 582 млрд. кубических футов, железной руды — с 27 млн. до 62 млн. т, выплавка чугуна — с 15 до 34 млн. т, а производство стали — с 10 млн. до 31 млн. т[28].

Таким образом, по объему капиталовложений и выпуску продукции обрабатывающая промышленость США с 1900 до 1914 г. увеличилась примерно в 2 раза. Перед первой мировой войной объем продукции американской обрабатывающей промышленности равнялся объему продукции обрабатывающей промышленности Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Бурное железнодорожное строительство в США завершилось в XIX в. Но все же с 1900 по 1913 г. общая длина железнодорожной сети выросла с 193 тыс. до 250 тыс. миль, число паровозов — с 37 633 до 65 597, товарных вагонов — с 1 млн. 366 тыс. до 2 млн. 298 тыс., пассажирских вагонов — с 34 713 до 52 717[29].

Начало XX в. ознаменовалось дальнейшим техническим прогрессом. Число патентов выросло с 24 млн. 644 тыс. в 1900 г. до 43 млн. 118 тыс. в 1915 г.[30] Действовавшие мощности в обрабатывающей промышленности за это время удвоились, достигнув в 1916 г. 22 млн. 291 тыс. л. с.[31] В те годы в мире происходили не только количественные, но и качественные изменения в методах производства, в использовании источников энергии. Электричество стало важным источником энергии для производства, а промышленность превратилась в главного потребителя электроэнергии. Американская статистика публикует данные об общем потреблении электроэнергии в стране начиная с 1902 г. Его использование росло следующим образом (в млн. квт-ч): в 1902 г.— 6029, в 1907 г.— 14 262, в 1912 г.— 25 000, в 1917 г.— 43 863. В 1912 г. 45%, а в 1917 г. более половины потребленной в США электрической энергии — 23 млрд. 750 млн квт-ч — было использовано в промышленности[32]. В 1899 г. электромоторы составили лишь 5% источников энергии в обрабаты-

[27] Historical Statistics of the United States, p. 409—410.
[28] Ibid., p. 356, 361, 365, 416.
[29] «World Almanach», 1928, p. 348.
[30] Historical Statistics of the United States, p. 607.
[31] *Bogart E.* Economic History of the American People. N. Y., 1935, p. 562.
[32] Historical Statistics of the United States, p. 511.

вающей промышленности. В 1909 г. этот процент достиг 25, в 1914 г.— 39, а через 10 лет — 70 [33].

Особую роль не только в экономической, но и в общественной жизни США сыграл автомобиль, хотя годы, предшествовавшие первой мировой войне, рассматриваются как его предыстория.

В 1906 г., когда автомобилей было еще мало, стоили дорого и были доступны лишь ограниченному числу богатых людей, будущий президент США Вильсон утверждал: «Ничто так не способствовало распространению в нашей стране социалистических настроений, как автомобиль. В сознании соотечественников он ассоциируется с надменным богатством, со всей его независимостью и беззаботностью» [34]. Вильсон выражал беспокойство, потому что автомобиль рекламировал перед широкими массами населения исключительные возможности имущих классов, обострял социальные контрасты, вызывал зависть, в отличие от предметов роскоши, которыми богатые семьи пользуются у себя дома, не на глазах у всех.

Спустя два десятилетия реакционеры и мракобесы-фундаменталисты, жалуясь, что автомобиль отвлекает молодежь от церкви, отмечали вместе с тем его положительное, по их мнению, качество: автомобиль отвлекает широкие массы и от политики.

В действительности же ни те, кто опасался, что автомобиль толкнет Америку к социализму, ни те, кто радовался, что он якобы уводит широкие массы от политики, от социалистических идей, не понимали роли и значения этой наиболее распространенной машины в экономике и общественной жизни США.

Автомобильная промышленность, которая в XX в. стала барометром состояния американской экономики, наглядно демонстрирует свою прямую зависимость от массового потребителя. Генри Форд был одним из первых предпринимателей, которые усвоили эту истину.

В 1913 г. заводы США продали 461 500 легковых автомобилей, а всего в стране их было уже зарегистрировано 1 млн. 190 тыс. Дальнейшие перспективы производства автомашин считались мало надежными. Автомобильный рынок, поскольку он был рассчитан лишь на состоятельных покупателей, достиг своих пределов, оказался насыщенным.

Практичный Форд, размышляя над тем, как расширить рынок для продукции своих заводов, решил сделать автомобиль доступным более широкому кругу покупателей. Он понял, что прибыль его компании будет во многом зависеть от того,

[33] Recent Economic Changes. Report of the Hoover Committee, vol. I. N. Y., 1929, p. 126.

[34] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 44.

станут ли покупать его автомобили не только люди имущие — капиталисты, которых немного, но и широкие массы рабочих.

5 января 1914 г. Форд поместил в газетах сообщение, что на его заводах минимальная заработная плата устанавливается в 5 долл. за 8-часовой рабочий день. В 1914 г. в обрабатывающей промышленности США рабочая неделя в среднем превышала 55 часов, а средняя недельная заработная плата равнялась 11,01 долл.[35] Минимум, установленный Фордом, превысил среднюю заработную плату, выплачивавшуюся на других фабриках и заводах США в том году, более чем в 2,5 раза.

Многие недоумевали: почему Форд, имея возможность нанимать рабочих за 2 долл. в день, предлагает им 5 долл.? Конкуренты обвинили Форда в социализме. Газета «Нью-Йорк таймс» обратилась к нему с вопросом: верно ли, что он социалист и решил не оставлять сыну большого наследства?[36] Форд ответил, что шаг, предпринятый им 5 января 1914 г., представляет собой «простой акт социальной справедливости»[37].

В действительности Форд меньше всего думал о социальной справедливости. Расчетливый владелец автомобильных заводов под Детройтом точно подсчитал, что ему выгоднее массовое производство и что оно станет возможным лишь тогда, когда рабочий сделается покупателем автомобиля. Для того чтобы увеличить сбыт своей продукции, Форд считал необходимым вместе с повышением заработной платы снижать себестоимость производства и соответственно цены на автомобили. Массовое производство, по расчетам Форда, давало возможность одновременно с повышением заработной платы снижать цены на продукцию его заводов, намного увеличивая прибыль. И он не ошибся. Знаменитая модель «Т» фордовского автомобиля снизилась в цене с 950 долл. в 1909 г. до 290 долл. в 1924 г. В то же время капитал компании рос, как снежный ком. В 1903 г., когда она создавалась, ее капитал составлял 28 тыс. долл., было выпущено 195 машин. Через 20 лет заводы Форда стали выпускать более 2 млн. автомобилей в год. В 1924 г. его состояние оценивалось в 750 млн. долл.

Вместе с повышением заработной платы Форд разработал и ввел на своих заводах потогонную систему организации производства, названную «фордизмом», предусматривающую широкое применение конвейеров. Форд организовал систему сборочных конвейеров на своих заводах в 1913 г.— еще до того, как объявил о повышении заработной платы. Вскоре с них начали сходить тысячи автомобилей в день.

В то время в США много говорили о научном управлении производством, о научной организации труда. Большую извест-

[35] Historical Statistics of the United States, p. 91—92.
[36] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 54—55.
[37] Ibid., p. 55—56.

ность получила система организации труда и управления производством филадельфийского инженера Фредерика Тейлора. Тейлор родился в 1856 и умер в 1915 г. Разработанную им систему назвали «научным управлением производством». Он равнодушно относился к массовому производству. Его система сводилась к интенсификации труда и повышению его производительности. Она предусматривала рационализацию процесса производства и регламентацию каждой выполняемой работы, определение ее продолжительности с помощью хронометража и установление норм выработки исходя из возможностей наиболее выносливых и опытных рабочих. Перевыполнение установленной нормы премировалось, а ее невыполнение влекло за собой снижение заработной платы.

Система Тейлора подсказывала способы занитересовать рабочих в повышении интенсивности их труда. Профсоюзы США справедливо подвергли эту систему резкой критике, подчеркивая стремление капиталистов превратить с ее помощью рабочего в простой придаток машины.

В. И. Ленин, неоднократно обращавший свое внимание на систему Тейлора, вскрыл ее двойственный, противоречивый характер. В 1913 г. в статье «Научная» система выжимания пота» Ленин писал: «В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам — в секундах и долях секунды — количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т. д.»[38].

В 1914 г. Ленин опубликовал статью под названием «Система Тейлора — порабощение человека машиной»[39].

В 1918 г. Ленин писал, что «система Тейлора,— как и все прогрессы капитализма,— соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»[40].

С начала XX в. в США подвергались реорганизации и рационализации не только управление производством и организация труда. Научно-исследовательская работа в промышленности была перенесена из индивидуальной мастерской в лаборатории, финансировавшиеся крупными корпорациями. В таких лабораториях уже трудились коллективы изобретателей. Если в послед-

[38] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 23, с. 18.
[39] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 24, с. 369.
[40] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 36, с. 189—190.

ней четверти XIX в. олицетворением высших достижений был изобретатель-одиночка такой, например, как Эдисон, то в новом веке таким олицетворением стала организованная деятельность коллектива исследователей. К 1913 г. не менее 50 корпораций имели собственные научно-исследовательские организации. Важнейшими из них считались лаборатории телефонной «системы Белла», химического треста Дюпона, «Дженерал электрик», «Истмен Кодак» и Стального треста. В 1913 г. у одного Дюпона исследования в области химии вели 250 научных работников.

Большой толчок развитию научно-исследовательских работ дала первая мировая война. В 1915—1918 гг. их объем в промышленности увеличился в 10 раз. В 1916 г. Национальная академия наук создала Национальный исследовательский совет. В 1921 г. по его данным в американской промышленности функционировали 550 научно-исследовательских лабораторий. К концу войны в одной «системе Белла» научно-исследовательской работой занималось около 1 тыс. человек[41].

Плоды экономического роста, массового производства, научной организации производства и труда, а также развития научно-исследовательских работ в промышленности доставались прежде всего и главным образом крупным корпорациям, во главе которых стояла небольшая группа банкиров — финансовая олигархия, установившая свой контроль над всей Америкой.

К концу первого десятилетия XX в. все более широкие круги населения США убеждались, что централизованный банковский капитал через тресты контролирует всю экономику страны. Лафоллет в своих выступлениях в сенате утверждал, что «люди, контролирующие кредиты страны, контролируют государство»[42].

Под влиянием растущего недовольства и массовых протестов, нараставших со времени биржевой паники 1907 г., в феврале 1912 г. палата представителей 62-го конгресса, в которой большинство принадлежало демократам, решила всесторонне исследовать концентрацию контроля над деньгами и кредитом. С этой целью была создана специальная комиссия во главе с председателем Комиссии палаты представителей по вопросам банков и валюты конгрессменом Пуджо от штата Луизиана.

Через год Пуджо опубликовал отчет и четыре тома материалов о деятельности его комиссии по обследованию — как тогда говорили — денежного треста США. В отчете рассказывалось о власти финансовой олигархии. На основе этого отчета было написано немало книг, брошюр и статей. В частности, на материалах комиссии Пуджо основывалась известная тогда книга Брандиса «Чужие деньги и как банкиры их используют»[43].

В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия ка-

[41] *Faulkner H.* The Decline of Laissze-Faire, 1897—1917. N. Y., 1951, p. 133—134.
[42] «Congressional Record», 17.III 1908, p. 3436.
[43] *Brandeis L.* Other People's Money and How the Bankers Use It. N. Y., 1914.

питализма», говоря о банках и их новой роли, писал: «По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран»[44]. И дальше, заключая, что «превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм»[45], Ленин останавливается на концентрации банкового дела и на вытекающей отсюда новой роли банков в Западной Европе, прежде всего в Германии. Что касается США, то он ограничивается в данном случае следующими словами: «В Америке не девять, а *два* крупнейших банка, миллиардеров Рокфеллера и Моргана, господствуют над капиталом в 11 миллиардов марок»[46].

Материалы комиссии Пуджо подтверждают теоретические положения Ленина о новой роли банков, о финансовой олигархии в конкретной действительности США накануне первой мировой войны.

Комиссии Пуджо, несмотря на специальное постановление конгресса о ее полномочиях, была доступна далеко не вся информация. Многие банки в городах, где сосредоточены денежные резервы страны — в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Сент-Луисе,— отказались предоставить в распоряжение комиссии нужные ей сведения или вообще игнорировали ее обращения к ним. До конца 1912 г. уклонялся от оказания необходимой помощи комиссии со стороны правительства и сам президент Тафт[47].

Тем не менее Пуджо удалось собрать и продемонстрировать достоверный документальный материал о концентрации денежных ресурсов и кредита страны в руках крупнейших банкиров, господствующих в американской экономике.

Комиссия Пуджо пришла к выводу: «Контроль над кредитом через господство этих групп над нашими банками и промышленностью представляет гораздо бóльшую опасность, чем все то, с чем нам приходилось сталкиваться в прошлом, при устранении конкуренции в производстве»[48]. Она обследовала три важнейших области деятельности финансовой олигархии США: 1) операции расчетных палат, 2) работу нью-йоркской биржи, 3) концентрацию контроля над деньгами и кредитом.

[44] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 326.
[45] Там же.
[46] Там же, с. 336.
[47] Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504 to Investigate the Concentration of Control of Money and Credit, February 28, 1913, p. 14—15.
[48] Ibid., p. 159.

Расчетные палаты и их ассоциации функционировали в начале XX в. в каждом более или менее крупном американском городе. Они производили безналичные расчеты. В 1911 г. через ассоциацию расчетных палат Нью-Йорка проходили чеки на общую сумму свыше 92 млрд. долл. Для окончательных расчетов понадобилось менее 5% наличных денег. Чеки, составлявшие более 95% всей суммы, учитывались взаимно [49].

Расчетные палаты, обслуживая фирмы, со временем установили над ними определенную власть, приобрели право ревизии состояния их дел. В результате в распоряжении комитетов, возглавлявших расчетные палаты, сосредоточилась богатая информация, характеризующая состояние дел финансовых, промышленных, железнодорожных и коммерческих форм, имена их клиентов, размеры долгов и т. д.

Фирмы, состоящие членами расчетных палат, должны были мириться с их особыми правилами. Услуги, оказываемые этими палатами, настолько важны, что неоднократно банки закрывались из-за лишения таких услуг.

Ассоциация расчетных палат г. Нью-Йорка имела очень строгий устав. Для приема в ее состав необходимо было согласие $^3/_4$ ее членов. За нарушение устава первый раз полагался штраф в 5 тыс. долл., а второй раз — исключение из ассоциации. При этом не давалось никаких объяснений и не принимались никакие апелляции. Имея большую власть, руководство ассоциации сплошь и рядом диктовало своим членам, как вести дела, что им дозволено и что не дозволено делать [50].

Со времени прихода в Белый дом Теодора Рузвельта в стране и в конгрессе обсуждался вопрос об установлении правительственного надзора над корпорациями. Но никогда правительство не имело такой обширной информации и не осуществляло такого контроля над банками, какими обладало руководство частных ассоциаций расчетных палат. Система расчетных палат превратилась в важный рычаг концентрации финансовой мощи и вместе с ней всей экономической власти в руках небольшой группы крупнейших банкиров.

Другим рычагом в руках финансовой олигархии служила, согласно отчету Пуджо, нью-йоркская биржа.

Нью-йоркская фондовая биржа играет особо важную роль в финансовой системе страны, являясь главным рынком ценных бумаг. В первое десятилетие XX в. там ежегодно продавалось в среднем около 200 млн. акций. Операции, ведущиеся на бирже, имеют по своим размерам и характеру не только общенациональное, но и большое международное значение. Акции, курсирующие на нью-йоркской бирже, приобретают и больший вес, и

[49] Report of the Commitee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504... Op. cit., p. 18—19.
[50] Ibid., p. 29.

больший спрос. Они скорее повышаются в цене. Их легче продавать. На их основе доступнее кредит.

В начале XX в. за очень редким исключением акции, выпускавшиеся крупными корпорациями, фигурировали на нью-йоркской фондовой бирже, так как каждая корпорация, выпускающая ценные бумаги, была заинтересована, чтобы они котировались на этой бирже. Но этого нелегко добиться. Число мест на нью-йоркской фондовой бирже ограничено. В 1912 г. оно равнялось 1100 Комитет управляющих биржей мог это число увеличить. Но с 1879 г. оно не изменилось, хотя число наименований ценных бумаг, зарегистрированных на бирже, возросло с тех пор во много раз. Поступить в члены биржи можно было лишь при уступке места тем, кто им владеет, и то лишь при одобрении двумя третями голосов Комиссии по приему. Место на бирже в 1913 г. стоило около 50 тыс. долл.

С 1892 г. при нью-йоркской фондовой бирже существует своя расчетная палата, обслуживающая операции между членами биржи.

Ввиду того, что нью-йоркская биржа определяет судьбу ценных бумаг, ее руководство наделено большой властью. Любые ценные бумаги, включая государственные и муниципальные, допускались к котировке на нью-йоркской бирже лишь с согласия Комитета управляющих. За нарушение какого-либо правила биржи любой ее член мог быть лишен права участвовать в проводившихся на ней операциях на срок от 1 до 5 лет. Повторное нарушение правил влекло за собой исключение из членов биржи.

Устав биржи позволял не только Комитету управляющих, но и Комиссии по регистрации акций снимать с котировки любые ценные бумаги, тем самым давая биржевым заправилам возможность поощрять интересы одних корпораций в ущерб другим, в убыток мелким держателям акций. Так, в интересах Моргана в 1903 г. прекратилась котировка 184 тыс. акций компании Южной железной дороги [51].

Взвинчивание цен, разводнение акций и спекуляция на бирже больше всего задевают интересы мелких держателей акций, экономику страны в целом. Этот вопрос служил предметом расследования, проведенного специальной комиссией, назначенной в 1909 г. губернатором штата Нью-Йорк Юзом. Комиссия пришла к выводу, что только незначительная часть акций, котирующихся на бирже, представляет действительно инвестированный капитал. Большая часть акций фактически не обеспечена, что является следствием главным образом азартной, рискованной, спекулятивной игры. Формально биржевые правила запрещают подобную игру. Но на нарушение таких правил руковод-

[51] Ibid., p. 40.

ство биржи смотрит сквозь пальцы, и они сплошь и рядом не соблюдаются.

При покупке акций не требовалось наличными более 10% их курса, что поощряло расширение круга покупателей и сильное разводнение акций.

Разводненные акции продавались и перепродавались, а бóльшая часть таких сделок, как отметил отчет комиссии Пуджо, не находила отражения в бухгалтерских книгах корпораций. Обыкновенные акции Стального треста, зарегистрированные, например, в его книгах, переходили из одних рук в другие в среднем пять с лишним раз в течение одного года. Между тем число акций, переписанных с одного имени на другое, составляло в среднем лишь 25% проданных за один год. В Объединенной медной компании этот процент равнялся 20, а Союзная тихоокеанская железная дорога сократила его в 1912 г. до 16 [52]. Следовательно, значительная часть операций с ценными бумагами на бирже, носившая чисто спекулятивный характер, не фиксировалась даже теми, кто выпускал эти ценные бумаги и отвечал за них.

Большое место в спекулятивных манипуляциях на бирже играет искусственное повышение и понижение цен. Корпорации, желая сбыть разводненные акции, часто искусственно с помощью брокеров раздувают на них спрос. Но подобные манипуляции очень рискованны. Они доступны лишь мощным корпорациям, имеющим большие денежные резервы и опирающимся на поддержку крупных банков.

Иногда, манипулируя на бирже, группа ее членов выступает сообща. Например, в марте 1909 г. десять фирм образовали биржевой пул и сговорились, какие акции и в каких размерах продавать или покупать. В результате акции, в которых участники пула были заинтересованы, удвоились в цене [53]. Но члены пула, пускаясь в азартную игру, не имели достаточной финансовой опоры, и в начале 1910 г. их затея завершилась крахом.

Таким образом, то, что разрешается магнатам Уолл-стрита, олицетворяющим финансовую олигархию США, не дозволено менее крупным дельцам, даже если они выступают совместно. Те, кто олицетворяют финансовую мощь Америки, используют наряду с системой расчетных палат нью-йоркскую фондовую биржу как орудие расширения своего контроля над деньгами и кредитом богатейшей в мире страны.

Комиссия Пуджо отмечала в отчете, что ее задача сводилась к расследованию концентрации контроля над деньгами и, следовательно, над кредитом, особенно в городе Нью-Йорке.

В 1911 г. ресурсы банков Нью-Йорка равнялись 5 млрд. 121 млн. долл., что составляло 21,73% всех банковских ресурсов страны. В эту сумму не входили капиталы крупных частных

[52] Report of the Commitee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504... Op. cit., p. 44.
[53] Ibid., p. 47—48.

банкирских домов, сведения о которых комиссии Пуджо оказались недоступными. Но комиссии удалось установить тесную связь и влияние владельцев частных банков на кредитное дело США. Процесс централизации банковского капитала в ее отчете иллюстрируется следующими цифрами: в 1901 г. 20 крупнейших банков Нью-Йорка сосредоточили в своих руках 35% ресурсов всех банков этого города, в 1906 г.— 38%, а в 1911 г.— 43% [54].

Господствующей фигурой в процессе концентрации кредитного дела и во всей финансовой олигархии США выступал инвестиционный банкир.

В США, как в большой и самой богатой стране, к началу XX в. накопились большие свободные денежные средства. Они находились главным образом в руках крупной буржуазии. Но и средние городские слои населения, фермеры, а также рабочие старались иметь какие-то сбережения, тем более что в США в отличие от Западной Европы не существовало социального страхования.

Инвестиционный банк собирал, мобилизовал разбросанные по всем штатам, городам свободные денежные средства, большие и мелкие сбережения и превращал их в огромный капитал — действующий и производительный. Свободные средства собирались путем продажи ценных бумаг, акций и облигаций корпораций, а также полисов страховых обществ. В 1912 г. в США имелось (не считая промышленных) свыше 8 млн. полисов на общую сумму в 15 млрд. 556 млн. долл., из них больше 7 млн. на сумму в 13 млрд. 527 млн. долл. были выданы страховыми обществами штата Нью-Йорка [55].

Ценные бумаги наиболее успешно реализовались частными банкирскими домами. В 1914 г. в США функционировали 7500 национальных и свыше 20 тыс. местных банков, действующих на основе законов штатов. Первые действовали на основе федеральных законов, остальные — на основе местных законов. Но все они были коммерческими банками, главные задачи которых сводились к предоставлению краткосрочных займов для оборотного капитала. Их инвестиционная деятельность крайне ограничивалась и затруднялась. И вообще операции национальных банков были строго регламентированы. В частности, банкам вменялось в обязанность обеспечение резервами не только банкнот, но и депозитов, чего банковская практика европейских стран не знала. Кроме того, национальным банкам запрещалось открытие филиалов. Согласно господствовавшему в Америке представлению каждый банк должен быть местным учреждением, создающим свои финансовые ресурсы из средств местных вкладчиков и помогающим местным предприятиям и корпорациям.

[54] Ibid., p. 55.
[55] «World Almanach», 1930, p. 293, 536.

Отсталая система организации банков в капиталистической Америке имела исторические корни. В прошлом, в течение десятилетий, борьба между промышленниками и аграриями сосредоточивалась в известной мере вокруг вопроса о статусе национального банка. В широких массах населения долго сохранялось убеждение, что национальный банк — это орудие, с помощью которого финансисты Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии грабят народ. Отсюда — строгая регламентация деятельности национальных банков и своеобразная организация американской банковской системы.

Для обхода строгих банковских законов при некоторых крупных национальных банках образовались так называемые «дочерние общества» [56]. Были приняты также другие меры. Но все же частные банкирские дома, менее связанные с официальными законами, действующими на основе общих прав торговых фирм, могли проводить крупные инвестиционные операции, несравненно более свободно и гибко, чем национальные банки. Национальные банки, заинтересованные в инвестиционных операциях, предпочитали сплошь и рядом использовать для этих операций частные банкирские дома, снабжая их громадными кредитами.

Инвестиционные банкиры пользовались средствами не только национальных, но и других банков, а также страховых обществ. Со временем они стали контролировать колоссальные денежные суммы и распоряжаться огромным кредитом.

Процесс концентрации производства, превращение крупных корпораций в монополистические объединения сопровождался увеличением масштабов капиталовложений и централизацией капитала. Монополиям требовались такие громадные кредиты, которые отдельные банки не могли обеспечивать. Централизованный капитал контролировался инвестиционным банкиром. Без его участия или одобрения трудно стало браться за какое-либо крупное хозяйственное дело, нуждающееся в больших денежных фондах. В результате инвестиционный банкир стал главной силой в крупных промышленных трестах и железнодорожных компаниях, в ведущих банках и страховых обществах.

В экономике США преобладают корпорации. Крупные корпорации мобилизуют большую часть своего капитала, выпуская ценные бумаги — акции и облигации, которые они сами не продают, а пользуются услугами посредника, банкира. Многие американцы готовы вкладывать свои сбережения в акции, но они не знают в какие. В 1912 г. только на нью-йоркской бирже котировались ценные бумаги более полутора тысяч названий. Рядовой покупатель акций не имеет представления, какая из них не только принесет больше дохода, но и более надежна, лучше обе-

[56] National City Bank — National City Co; Chase National Bank — Chase Security Corp.; Continental and Common National Bank — Continental and Common Co; Bank of Italy — National Bank of Italy Co.

спечена, менее рискованна. Он обращается к экспертам по этому вопросу — инвестиционному банкиру, его представителям на бирже, выступающим посредниками между корпорациями и покупателями их ценных бумаг.

С развитием американского капитализма росло значение фондовой биржи, курсирующих на ней ценных бумаг, увеличивались роль, доходы и состояние посредников в купле и продаже этих бумаг. Самые солидные банкирские дома — Морганов, Киддер-Пибоди, Кун-Леба — поднимались на вершину финансовой пирамиды США. Наибольший успех выпал на долю Моргана.

Морган, Кун-Леб и другие инвестиционные банкиры по мере роста их состояния и влияния не ограничивались ролью посредников в торговле ценными бумагами. Они превращались в распорядителей, регулирующих и направляющих их поток. Таким образом они устанавливали свой контроль над кредитом. В стране, где $^3/_4$ всех хозяйственных операций совершались, как уже отмечалось, на базе кредита, контроль над ним означал контроль над экономикой.

Распространяя и укрепляя свою власть в кредитной системе, крупнейшие банкиры стали объединять, организовывать и реорганизовывать корпорации, превращая их в гигантские монополии. Так Морган создал под своей эгидой Стальной трест, «Международное общество жатвенных машин», международную пароходную компанию, компанию «Дженерал электрик», величайшее объединение железных дорог и др. Организуя и реорганизуя корпорации, Морган и его представители получали решающее слово в их директоратах, определяли, когда и в каких размерах эти корпорации должны выбрасывать на рынок ценные бумаги, обеспечивали их покупку банками, страховыми обществами и другими владельцами больших денежных резервов. К началу 1913 г. активы трех крупнейших страховых обществ Нью-Йорка превысили 1800 млн. долл., из них более 1 млрд. долл. было вложено в ценные бумаги [57].

С ростом влияния Моргана в страховых обществах тесная связь была закреплена взаимным представительством. Вице-президент крупнейшего страхового общества «Нью-Йорк Лайф» Джордж Перкинс был в течение 9 лет, начиная с 1902 г., компаньоном Моргана. Перкинс помогал Моргану использовать в биржевых манипуляциях колоссальные сбережения населения, вложенные в полисы. Но гораздо большую роль в операциях Моргана играли депозиты банков, входивших в его орбиту. Депозиты этих банков были не только больше, чем средства страховых обществ, но и приносили особую, дополнительную выгоду.

Когда Морган считал необходимым, чтобы его корпорации выбросили на рынок акции и облигации, то по его указанию с целью поддержания их курса большие пакеты этих ценных бу-

[57] *Brandeis L.* Op. cit., p. 14—15.

маг приобретали связанные с ним банки. Банки, покупая акции, не платили за них деньгами, а открывали соответствующим корпорациям депозиты. Депозиты расходовались постепенно, часто в течение длительного срока, а банки в это время пользовались и акциями, и деньгами. Поскольку и продавцы, и покупатели ценных бумаг зависели от Моргана, он следил, чтобы выплаты по депозитам производились в определенное время, без ущерба для интересов связанных с ним банков. Сама фирма Моргана держала в конце 1912 г. депозиты на 162 млн. долл.[58]

Комиссия Пуджо, анализируя механизм централизации капитала в руках Моргана и других инвестиционных банкиров, сделала вывод: «Только большие банки или банкиры, которым доступны главные источники концентрированных средств, накопленных за счет денег населения в банках и страховых обществах, и которые вместе с тем контролируют механизм создания рынков и распределения ценных бумаг, имеют возможность гарантировать продажу ценных бумаг, выпущенных в крупном масштабе. Только те, кто, контролируя фонды наших железных дорог и промышленных компаний, берут на себя право решать, куда такие фонды должны быть вложены, создавая таким образом громадные резервы из денег народа. Только они имеют возможность употреблять эти резервы в выгодной им спекуляции и препятствовать их использованию в целях, которые владельцы этих фондов не одобряют»[59].

На вершине финансовой пирамиды США находились, согласно отчету комиссии Пуджо, Морган и связанные с ним крупные нью-йоркские банки—«Нэшнл сити» во главе с Джеймсом Стиллменом и «Первый национальный банк» во главе с Джорджем Фишером Беккером. Эту тройку комиссия назвала «внутренней, или главной группой»[60], усматривая в ней стержень, сердцевину, душу финансового капитала Америки, подчинявшего себе экономику страны. Только за шесть лет, с 1907 по 1912 г., операции этой группы с ценными бумагами, сведения о которых были оглашены, превысили 3 млрд. долл.[61] Комиссия Пуджо, приводя эту цифру, пояснила, что в нее не входит стоимость сделок с ценными бумагами, произведенных частным образом, информацию о которых получить не удалось.

Главное занятие Моргана и его десяти партнеров сводилось к поиску покупателей для ценных бумаг, выпускаемых крупными корпорациями, среди банков, страховых обществ и широких кругов населения[62].

[58] Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504..., p. 57.
[59] Ibid., p. 130.
[60] Inner or primary group.
[61] Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504..., p. 160.
[62] Ibid., p. 57.

При сбыте акций дом Морганов играл разные роли. Но особое значение имела его роль гаранта размещения — так называемого «андеррайтер»[63]. Под этим термином понимают такое физическое или юридическое лицо, за некоторые комиссионные гарантирующее банку сбыт акций и облигаций определенных корпораций, финансируемых данным банком на основе этих ценных бумаг.

В США ограничение учреждения филиалов и запрещение национальным банкам и банкам штатов выполнять функции «андеррайтер» открывают широкое поле деятельности для частных банкирских домов. Однако этими возможностями могут пользоваться далеко не все частные банкирские фирмы, а главным образом крупные. Крупный банк, ведущий большие операции, может положиться только на весьма солидного «андеррайтер». Рядовой банкирский дом, будучи гарантом, в любой момент может подвести клиента. Поэтому крупнейшие банки США, финансирующие величайшие тресты и фирмы, имеют одного или несколько постоянных гарантов размещения. Если какая-нибудь крупная компания хотела получить финансовые средства у банка, она должна была прежде всего заручиться поддержкой солидного частного банкирского дома. Другими словами, солидные промышленные компании обращались за средствами не к национальным банкам, а к известным банкирским домам, которые контролируют и направляют деятельность крупнейших банков США.

Наиболее солидным гарантом размещения еще в XIX в. стал банкирский дом Моргана. С тех пор его роль в этом отношении непрерывно возрастала. Достаточно было позвонить по телефону из конторы Моргана — и реализация определенных пакетов акций считалась обеспеченной. Знаток банковского дела в США Геллвиг писал: «Фирмы так дорожат благосклонностью всемогущего Моргана, что всегда принимают его предложения без малейших колебаний»[64]. Президент одной железной дороги заявил в 1905 г.: «Когда Морган присутствует на совете директоров, возглавляет его он, даже если у него только одна акция»[65].

Фирма Дж. П. Моргана специализировалась как «андеррайтер» еще в 70-х и 80-х годах XIX в. и добилась многого. Тогда ее посредническая роль в деле финансирования американской промышленности, и в особенности железных дорог, европейскими капиталистами была чрезвычайно велика. После смерти отца в 1913 г. сын повторил аналогичные операции в обратном направлении: он сделался главным посредником, когда Америка стала финансировать Европу.

Деятельность «андеррайтер» разнообразна и сложна. Крупнейшие частные банкирские дома ни в коем случае не сводят

[63] Underwriter.
[64] *Hellwig R.* Das Bankwesen in den Vereinigten Staaten von America, S. 148.
[65] *Faulkner H.* Op. cit., p. 38.

свои функции к посредничеству между финансирующими и финансируемыми фирмами: они сами непосредственно участвуют в крупнейших промышленных и финансовых предприятиях. Морган стал наиболее солидным гарантом размещения, потому что имел огромный капитал, вложенный в ряд важнейших отраслей промышленности, в железные дороги и крупные банки. Посредничество между промышленностью и банками увеличивало его состояние. «Андеррайтер» Стального треста получили за свои услуги привилегированные акции стоимостью 120 млн. долл.[66] Положение Моргана как «андеррайтер» имело исключительное значение. Оно облегчало ему все операции, беспредельно расширяло поле деятельности в национальном и международном масштабе и, наконец, предоставляло ему возможности необычайно широко увеличивать в подконтрольных ему предприятиях разницу между действительно функционирующим и фиктивным капиталом.

В начале XX в. Гильфердинг, касаясь финансирования банками американских корпораций, отмечал, что крупные промышленные компании собирают нужный им капитал с помощью выпуска на рынок привилегированных акций и оставляют себе ничего им не стоящие обыкновенные акции, которые дают им возможность сохранять контроль над предприятиями данной компании[67].

Комиссия Пуджо в своем отчете признала, что ей не удалось установить ни размеры состояния Моргана, ни размеры прибылей, ни выявить источники его дохода. Она только выявила, что на 1 ноября 1912 г. у фирмы Моргана находились депозиты на 162 492 тыс. долл. Из них на 32 млн. долл. депозиты были открыты 78 корпорациями, из которых в 32 Морган был представлен в директоратах[68]. Она также отметила, что с 1902 по 1912 г. фирма Моргана реализовала ценные бумаги корпораций на сумму около 2 млрд. долл., однако эти данные, как подчеркнула комиссия, далеко не полные. Комиссия, в частности, никак не могла получить информацию о роли Моргана как гаранта размещения в операциях банков с ценными бумагами[69].

Несмотря на то, что комиссии Пуджо не удалось приподнять завесу над многими махинациями Моргана, она все же сумела выявить контроль и власть Моргана, этого финансового магната, над большой группой крупных банков, промышленных корпораций, железнодорожных компаний и страховых обществ.

Контроль осуществлялся различными путями. Большую роль сыграла персональная уния, общие взаимосвязанные директораты[70], а также другие формы представительства. Это видно

[66] *Humphrey E.* Economic History of the US. N. Y., 1931, p. 43.
[67] *Гилфердинг Р.* Финансовый капитал. М., 1931, с. 124—125.
[68] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 57.
[69] Ibidem.
[70] Interlocking directorate — Совет директоров корпорации, в котором один

на примере банка «Бэнкерз траст компани». Со времени своего создания в 1903 г. он считался одним из самых крупных банков. В 1912 г. по свим депозитам, достигшим 168 млн. долл., он занимал второе место в стране. В отчете комиссии Пуджо показано, что не только три его директора — Дэвисон, Ламонт и Портер — состояли компаньонами фирмы «Джон Пирпонт Морган энд компани», но что весь состав директоров определял Морган [71].

Дэвисон, Ламонт и Портер были также директорами банка «Гаранти траст Ко», который Морган полностью контролировал. Этот банк по своим депозитам, равнявшимся в 1912 г. 189 млн. долл., считался тогда крупнейшим в США [72].

Таким же путем Морган контролировал еще четыре нью-йоркских банка, а в страховом обществе «Эквитбл Лайф», ресурсы которого превысили в 1912 г. 500 млн. долл., ему принадлежала основная масса акций [73].

Более половины колоссальной железнодорожной сети, действовавшей в 1912 г. в США, находилось под господством или под контролем Моргана. Сам Морган числился директором, членом исполнительного комитета и финансовой комиссии железнодорожной компании «Нью-Йорк — Сентрал», имевшей систему железнодорожных линий общей протяженностью в 13 тыс. миль [74].

Директором компании «Нью-Йорк — Сентрал» Морган стал в 1879 г., когда он добился своего первого большого успеха, принесшего ему международную известность. Тогда он сумел сохранить за Вандербильтом контроль над дорогой путем продажи 250 тыс. ее акций в Англии. В результате этой операции он получил 3 млн. долл. прибыли, а также был избран членом правления этой компании [75].

Сын Моргана — Морган-младший — и два его партнера — Ламонт и Стил состояли директорами «Северной тихоокеанской железной дороги». Личной унией Морган был также связан с другими железнодорожными компаниями, входившими в его владения.

Распространение власти Моргана на бо́льшую часть железнодорожной сети страны отчет Пуджо объяснял тем, что за истекшие 30 лет большинство линий в то или иное время оказывалось в финансовом отношении несостоятельным. Иногда финансовое банкротство железной дороги умышленно создавалось самой

или несколько его членов занимают одновременно пост директора в другой или других корпорациях, часто связанных между собой торговыми или финансовыми операциями. В результате одно лицо представляет и «продавца», и «покупателя», что ведет к усилению монополии.

[71] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 58, 59.

[72] Ibid., p. 59.

[73] Ibid., p. 60.

[74] Ibidem.

[75] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1932, с. 113—114.

администрацией, чтобы передать ее в руки более подходящего хозяина. Независимо от того, было ли банкротство действительным или фиктивным, приглашали крупного финансового эксперта, авторитетного банкира для упорядочения ее дел. Самым солидным экспертом считался Морган, который использовал все возможности для расширения своей железнодорожной империи. Став новым хозяином железнодорожной компании, Морган проводил ее реорганизацию, сопровождавшуюся часто обменом старых акций на новые, что увеличивало его состояние за счет массы мелких акционеров. Последним обычно твердили, что Морган поступил благородно, что без его вмешательства их потери были бы гораздо больше.

Стальной трест США, согласно отчету Пуджо, находился полностью под господством и управлением Моргана опять же благодаря персональной унии. Морган, его сын, его компаньоны Стил и Перкинс состояли директорами треста. Остальных директоров обязательно назначали с одобрения Моргана. Такое правило соблюдалось со дня основания треста в 1901 г. Валовой доход треста во время работы комиссии Пуджо превышал 600 млн. долл. в год [76].

Комиссия также установила персональную унию, господство и влияние банкирского дома Моргана в «Международном обществе жатвенных машин», в «Америкен телефон энд телеграф компани», в судостроительных, паровозостроительных, пароходных компаниях и в ряде других крупных фирм. В таких известных корпорациях, как «Дженерал электрик» и вагоностроительная компания Пульмана, сам Морган состоял директором.

В сферу действия Моргана входила группа финансовых, промышленных и железнодорожных компаний, находившихся под руководством Первого национального банка Нью-Йорка. Возглавлял этот банк Джордж Фишер Беккер [77].

[76] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 64.

[77] Беккер наглядно олицетворял персональную унию нью-йоркских банкиров. В течение многих лет он считался близким другом и советником Моргана.

Морганóвские банки часто называли банками морган-о-беккеровской группы. До конца жизни Беккер продолжал активно работать, занимая руководящее положение в ряде крупнейших банков и трестов. Одновременно он занимал директорские посты в 43 крупнейших промышленных корпорациях: Стальном тресте, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Международном обществе жатвенных машин», вагоностроительной компании Пульмана, «Америкен телефон энд телеграф компани», железнодорожных компаниях «Нью-Йорк — Сентрал», «Эри», «Северной тихоокеанской» и ряде других. В день девяностолетия Беккера его акции в Первом национальном банке стоили 114 млн. долл. Он также был крупнейшим акционером в Стальном тресте, где ему принадлежало 77 тыс. акций; в «Америкен телефон энд телеграф компани», «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», компании Пульмана, железнодорожной компании «Нью-Йорк — Сентрал» и во многих других корпорациях он числился также среди крупнейших акционеров.

Морган и его два партнера — Дэвисон и Ламонт состояли директорами Первого национального банка. Морган вместе с Беккером и двумя другими директорами образовали исполнительный комитет этого банка. Банк предоставлял большие кредиты нью-йоркской бирже. К началу 1912 г. его депозиты равнялись 106 млн. долл. Комиссия Пуджо сообщила, что 155 корпораций имели депозиты в этом банке. Дивиденды на акционерный капитал банка в 1908 г. превысили 125%. Для сравнения следует отметить, что в 1912 г. они снизились до 33%[78].

Из девяти директоров одного из крупнейших в мире банков «Чейз нэшнл» пять, включая самого Беккера, были директорами Первого национального банка. Шестым был зять Беккера. Беккер был также тесно связан личной унией со страховым обществом «Мьючл-Лайф», с морганговскими банками «Гаранти траст», «Бэнкерз траст» и др.[79]

В руководящую тройку магнатов, возглавлявших финансовую олигархию США, комиссия Пуджо включала наряду с Морганом и Беккером также главу банка «Нэшнл сити» Джеймса Стилмена. В «Нэшнл сити» Морган состоял директором. Директором также числился брат Джона Рокфеллера. Ресурсы этого банка равнялись в 1912 г. 274 млн. долл. Он был тесно связан через переплетающиеся директораты с рядом банков, промышленных корпораций, железнодорожных компаний[80].

Комиссия Пуджо установила, что Морган и его компаньоны в общей сложности занимали 118 директорских постов в 34 банках с общими ресурсами в 2 679 млн. долл.; 30 в 10 страховых обществах с общими активами в 2 293 млн. долл.; 105 в 32 транспортных системах с общим капиталом в 11 784 млн. долл.; 63 в 24 промышленных и торговых корпорациях с общим капиталом в 3 339 млн. дол.; 25 в 12 корпорациях общественных услуг с общим капиталом в 2 150 млн. долл.

Всего они занимали 341 директорский пост в 112 корпорациях с общим капиталом в 22 245 млн. долл.[81] Напомним, что эта сумма превышала весь капитал, инвестированный тогда в обрабатывающую промышленность США. Через год после опубликования отчета Пуджо, в 1914 г., капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность США, оценивался в 20 784 млн. долл[82].

Такова была разветвленная сеть группы Моргана, состоявшей из крупнейших нью-йоркских банкиров, которая господствовала в финансовой сфере и во всей экономике США.

[78] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 66—67.
[79] Ibid., p. 68—69.
[80] Ibid., p. 71—74.
[81] Ibid., p. 89.
[82] Historical Statistics of the United States, p. 410.

Банкиры других больших городов имели свои группы и свою долю в финансовом капитале страны. В Бостоне функционировал со времени гражданской войны банкирский дом «Ли-Хиггинсон энд компани». Фирма занималась крупной инвестиционной деятельностью. Только за 5 лет, начиная с 1907 г., она и связанные с ней банки разместили ценные бумаги крупных корпораций на сумму свыше 1 млрд. долл.[83] В их числе были паровозостроительные заводы Болдуина, «Международное общество жатвенных машин», «Дженерал электрик», несколько железнодорожных компаний. Фирма была представлена в директоратах Стального треста, «Американ телефон энд телеграф компани», «Дженерал электрик» и других крупнейших корпораций[84].

В Бостоне также функционировал с 1845 г. банкирский дом Киддер-Пибоди, который осуществлял большие инвестиционные операции как в США, так и за границей. За пять лет до расследования его деятельности комиссией Пуджо он вместе со связанными с ним банками реализовал ценные бумаги крупных корпораций на общую сумму свыше 1 100 млн. долл.[85] Киддер-Пибоди был представлен в директорате Стального треста, «Американ телефон энд телеграф компани» и других крупных корпораций.

Известный банкирский дом Кун-Леб был связан в основном с нью-йоркскими банками, а также с Первым национальным банком Чикаго. Он занимался инвестиционной деятельностью в США и других странах. С 1907 по 1912 г. сама фирма Кун-Леб скупила у корпораций ценных бумаг на сумму в 531 млн. долл., а совместно с другими банками — на сумму в 705 млн. долл.[86] Два компаньона этой фирмы — Кан и Шиф — состояли директорами Союзной тихоокеанской и Южной тихоокеанской железной дороги, а третий — Уорбург был директором железной дороги Балтимор — Огайо.

Фирмы Ли-Хиггинсон, Киддер-Пибоди и Кун-Леб, как и фирму Моргана, называли международными банкирскими домами. Они проводили широкие инвестиционные операции и снабжали кредитами на колоссальные суммы американские и иностранные корпорации. Но они отнюдь не соперничали, не конкурировали с морганов ской группой, возглавлявшей финансовую олигархию США, хотя фирма Кун-Леб в известной мере пользовалась самостоятельностью[87], так как была тесно связана с капиталами Рокфеллера[88]. Но и она различными нитями была связана с Морганом. В 1905 г., например, фирма приобрела вместе с Морга-

[83] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 75.
[84] Ibid., p. 76.
[85] Ibidem.
[86] Ibid., p. 78.
[87] *Brandeis L.* Op. cit., p. 45—46.
[88] *Faulkner H.* Op. cit., p. 39.

ном пакет акций Пенсильванской железной дороги на сумму в 100 млн. долл.[89]

В то время никто из американских банкиров и не помышлял о соперничестве с Морганом.

Комиссия Пуджо в выводах записала: «Морган не мог назвать за последние 10 лет случая строительства железной дороги, которая оказалась бы конкурентом с любой из существующих железнодорожных систем». Беккер в своих показаниях «не мог назвать ни одного случая выпуска ценных бумаг железнодорожных и промышленных компаний на сумму, превышающую 10 млн. долл., который бы за истекшие 10 лет обошелся без участия или сотрудничества одного из членов этой «маленькой группы», т. е. группы Моргана[90].

Мощные банкирские дома Бостона, Чикаго и других крупных городов предпочитали с Морганом сотрудничать. Даже такой финансист, как Меллон в Питтсбурге, числившийся в полдюжине богатейших людей в Америке и считавшийся в известной мере независимым от Уолл-стрита, всячески избегал столкновения с Морганом[91].

Рассматривая взаимоотношения банкирских домов Ли-Хиггинса, Киддер-Пибоди и Кун-Леб с морганов ской группой, комиссия констатировала: «Установлено, что в качестве банкирских домов они, как правило, в покупке ценных бумаг действуют скорее сообща и в сотрудничестве с одним или с несколькими членами той группы, а не независимо. В результате в исключительно важных услугах по кредитованию больших хозяйственных предприятий страны отсутствует конкуренция или соперничество между теми, кто властвует в этой области. Фактически существует монополия, условия которой кредитуемые корпорации обязаны принимать»[92]. Конечно, временные соглашения не исключают полностью конкурентной борьбы между крупнейшими монополиями.

Монополия на кредит обеспечивает контроль над экономикой, а вместе с ней оказывает решающее влияние на политику страны. Но прежде всего эта монополия приносит солидные доходы.

Мы видели, что еще в 1879 г. за реализацию акций железнодорожной компании «Нью-Йорк — Сентрал» в Англии Моргану досталось 3 млн. долл. В XX в. полученные им вознаграждения уже выражались в более солидных суммах. За организацию Стального треста, которой Морган занимался несколько недель, его фирма получила ценные бумаги на 12 500 тыс. долл. Кроме

[89] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 79.
[90] Ibid., p. 160.
[91] *Faulkner H.* Op. cit., p. 44.
[92] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 90.

того, ценные бумаги на 50 млн. долл. были распределены между Морганом и другими организаторами этого треста. Всего Стальной трест прямо или косвенно премировал акциями за услуги, оказанные при его создании, на сумму, превышающую 150 млн. долл. Морган получил также солидные суммы от отдельных корпораций за участие в их подготовке к вступлению в Стальной трест. От компании по производству труб, например, Морган и его соучастники получили обыкновенные акции на сумму в 20 млн. долл. Как «андеррайтер» при реализации пакетов акций железнодорожных компаний на многие десятки и сотни миллионов долларов комиссионные Моргана составляли 3% и более[93].

Морган был гарантом надежных, а не рискованных дел. Только его слово, его одобрение той или иной операции ценными бумагами приносило ему миллионы долларов.

Комиссия Пуджо констатировала, что так называемая внутренняя группа, или денежный трест, возглавляемый Морганом, контролировал капитал, превышающий 22 млрд. долл. В то время эта сумма считалась колоссальной. Но комиссия не все учла. Она не учла, например, 56 корпораций, каждая из которых имела капитал более 5 млн. долл., а их общие ресурсы составляли около 1 350 млн. долл. В директоратах этих корпораций была представлена морган овская группа. Во многих случаях она не включала в свой отчет деятельность компаний, подчиненных тем корпорациям, которые Морган непосредственно контролировал. В приведенные 22 млрд. долл., например, вошли 385 млн. долл. стоимости железной дороги «Нью-Хейвн». Но этой дороге подчинялись другие линии, которые вместе составляли целую систему с общим капиталом в 849 млн. долл.[94]

Комиссия Пуджо не претендовала на то, что она собрала исчерпывающий материал о состоянии дел и власти финансовой олигархии США. Но то, что ей удалось выявить и опубликовать, дало ей достаточное основание заключить: «Существуют упрочившиеся, ясно обозначенные тождественность и общность интересов нескольких финансовых лидеров, которые действуют сообща, с помощью принадлежащих им акций, переплетающихся директоратов, партнерства, совместных операций и других способов, господствуют над банками, железными дорогами, предприятиями общественного пользования и промышленными корпорациями. В результате эти несколько человек сосредоточили в своих руках все увеличивающийся контроль над деньгами и кредитом... При таком положении, если оно сохранится, все попытки восстановить нормальные условия конкуренции в промышленном мире окажутся напрасными»[95].

[93] *Brandeis L.* Op. cit., p. 23—26, 95—96.
[94] Ibid., p. 33—35.
[95] «Report of the Committee Appointed Pursuant to House Resolutions 429 and 504...», p. 129, 139, 161.

Комиссия Пуджо, признавая, что создавшиеся условия чреваты опасностью, предложила ряд мер для того, чтобы эти условия устранить. Однако рекомендованные ею средства не были даже паллиативом. Тех, кто возлагал большие надежды на деятельность комиссии, постигло полное разочарование. Отчет комиссии, как и разоблачения Лафоллета, ничего не изменил и отнюдь не уменьшил барыши морганoвской группы.

Вскоре вспыхнула первая мировая война. За время войны власть Моргана, его роль в финансовой сфере внутри страны и во всем капиталистическом мире намного увеличилась.

Спустя 15 лет после опубликования отчета комиссии Пуджо, в 1929 г., к началу мирового экономического кризиса, капитал корпораций, в директоратах которых была представлена морганoвская группа, вырос по сравнению с 1912 г. более чем в 3 раза. «Если отбросить дублирование,— писал Корей,— морганoвский комбинат представлен директорами в корпорациях с чистым активом в 74 млрд. долл., что составляет более четверти (26%) актива всех корпораций страны» [96].

Богатство, контроль над колоссальным капиталом порождает и укрепляет власть, а власть увеличивает, умножает богатство.

Бывший сенатор Петигру, касаясь власти американских банкиров, писал после первой мировой войны: «Благодаря своему господству над деньгами и кредитом банкиры сделались распорядителями судеб США. Их никто не избирал. Никто не может отозвать их. Нет способов выразить им общественное одобрение или порицание. Они столь же недосягаемы для общественного воздействия, как и Вильгельм II в Германии до 1914 г. Самозванные диктаторы американской жизни, они творят и разрушают; они уничтожают и управляют. Они являются сердцем деловой Америки, центром эксплуататорской системы, тяжелым гнетом, легшим на шею народу» [97].

3. Дифференциация фермеров

От экстенсивного земледелия к интенсивному. Начало механизации фермерских хозяйств. Исследование В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Его выводы и прогнозы. Наемный труд в сельском хозяйстве. Классификация ферм. Вытеснение мелкого сельскохозяйственного производства крупным.

С начала XX в. и до первой мировой войны растущее влияние трестов и банков в экономике и политике США, усиление власти финансовой олигархии вызывали недовольство и протесты в стране и конгрессе. Литература, разоблачавшая граби-

[96] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1933, с. 321.
[97] *Петигру Р.* Торжествующая плутократия. М., 1922, с. 45.

тельские операции монополий, пользовалась большим успехом. В сенате все громче раздавался критикующий голос Лафоллета. Палата представителей решила создать специальную комиссию для обследования механизма финансовой олигархии или — как тогда выражались — денежного треста. Массовое антимонополистическое движение дало повод ряду американских историков назвать эти годы «прогрессивным периодом» в истории США.

Многие тогда считали, что США находятся на перепутье, в состоянии выбора дальнейшего курса, курса на обуздание власти и произвола банков и трестов или на еще большее поощрение развития и обогащения монополий.

Равным образом фермерское хозяйство, которое переживало переходный период от экстенсивного к интенсивному хозяйству, вызывало споры о путях его дальнейшего развития.

Массовое передвижение населения на Запад, на свободные земли завершилось еще в прошлом веке. Дальнейшее расширение площади под фермами происходило за счет обработки менее плодородных земель или таких, которые требовали большого труда для их освоения. В последние 30 лет XIX в. площадь под фермами расширялась в среднем на 6 млн. га в год, а в первые 10 лет XX столетия эта цифра ранялась лишь 1,6 млн. га.

Число ферм в 1900—1910 гг. увеличивалось, но гораздо медленнее, чем в предыдущем десятилетии. В 1890 г. в США числилось 4565 тыс. ферм, в 1900 г.— 5737 тыс., а в 1910 г.— 6406 тыс. На этом уровне — около 6,5 млн.— число ферм в США оставалось до второй мировой войны. После нее оно начало резко сокращаться. Через 35 лет, в 1975 г., в США осталось всего лишь 2 800 тыс. ферм — менее 45% того, что было в 1910 г.

В 1910 г. около трети американского населения жило на фермах. В 1970 г. там насчитывалось лишь 4,7% населения. В 1910 г. число работающих на фермах, превысив 13,5 млн. человек, дошло до своего максимума (не считая лет первой мировой войны). В 1970 г. в сельском хозяйстве было занято 4 млн. 500 тыс. человек, другими словами, число работающих на фермах сократилось в 3 раза, в то время как население страны более чем удвоилось.

Больше всего давало оснований говорить о переходном периоде на ферме развитие и распространение сельскохозяйственной техники.

И ранее, в последние десятилетия XIX в., на американских фермах применялись разнообразные сельскохозяйственные машины: рядовые сеялки, культиваторы, жатки, молотилки, жнейки-сноповязалки и даже комбайны. Но вся эта техника приводилась в движение конной тягой. Правда, на отдельных крупных фермах основных штатов, выращивающих пшеницу — Калифорнии, Монтаны, Небраски, Канзаса и Северной и Южной Дакоты — применялись паровые машины. Но их было мало.

Комбайн, который встречался на полях северо-западных штатов, часто тянули 20, 30 и даже 40 лошадей.

В первом десятилетии XX в. наступил перелом в применении сельскохозяйственной техники, на фермах началась замена конной тяги мотором. Этот процесс продолжался в следующие десятилетия. В 1910 г. в американском сельском хозяйстве числилось около 20 млн. лошадей. Их число продолжало увеличиваться в следующие 5 лет и достигло в 1915 г. своего максимума — 21,4 млн. С тех пор оно систематически сокращалось. Но уже с начала столетия стало ясно, что лошадь как основная тягловая сила на ферме доживает свой век, что ей на смену приходит механическая сила, грузовик и трактор (табл. 6).

Таблица 6

Развитие сельскохозяйственной техники в США (в тыс.)

Год	Тракторы	Комбайны	Грузовики	Легковые автомобили
1910	1	1	0	50
1920	246	4	139	2146
1930	920	61	900	4135
1940	1567	190	1047	4144
1950	3394	714	2207	4100
1960	4688	1042	2834	3366
1970	4619	790	2984	2688

Источник: Historical Statistics of the United States, p. 284—285; Statistical Abstract of the United States, 1973, p. 598; Agricultural Statistics, 1968, p. 441—442.

Резкий скачок в механизации сельского хозяйства наблюдался в конце второго десятилетия нашего века. Известную роль сыграло влияние первой мировой войны. Но уже в 1910—1915 гг. число тракторов на полях страны выросло с 1 тыс. до 25 тыс., а число грузовиков на фермах с нуля до 25 тыс.

С начала внедрения в сельское хозяйство тракторов, грузовиков и других машин в Америке, как и в Европе, встал вопрос о характере и последствиях применения новой техники, «капиталистический ли характер имеет употребление машин? Связан ли рост употребления машины с ростом капиталистического земледелия?» [98]

В США, Западной Европе и в России нашлось немало «теоретиков», доказывавших, что происходила «некапиталистическая эволюция земледелия в капиталистическом обществе». В России эту «теорию» горячо отстаивал Г. Гиммер. Как писал Ленин, в 1913 г. Гиммер утверждал, что в «Соединенных Шта-

[98] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 5, с. 222.

тах громадное большинство ферм суть *трудовые* хозяйства», что «в районах более старой культуры и более высокого экономического развития» «капиталистическое земледелие разрушается», вытесняется трудовым [99].

В. И. Ленин, критикуя концепцию Гиммера, доказал, что вводящие в заблуждение разговоры об устойчивости мелких и средних фермерских хозяйств в действительности неверны, что подобными разговорами пытаются затушевать основные социальные проблемы капиталистического сельского хозяйства.

Ленин наглядно показал, как противоречия капитализма, вскрытые Марксом, проявляются во всей остроте в капиталистическом сельском хозяйстве, как производство зерна и сырья, скотоводство и садоводство концентрируются в руках крупных фермеров, как процесс дифференциации в сельском хозяйстве обрекает на прозябание отстающих, разоряет и вытесняет мелких и средних фермеров.

Опровергая выводы и аргументы «критиков марксизма» в аграрном вопросе, Ленин проделал колоссальный, скрупулезный труд, детально изучил, тщательно исследовал объемистые тома переписей 1900 и 1910 гг., содержащие статистические материалы о сельском хозяйстве США.

В заключение своего исследования «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» В. И. Ленин отметил: «Общие законы развития капитализма в земледелии и разнообразие форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соединенных Штатов» [100].

«Сельскохозяйственные переписи в Соединенных Штатах в 1900 и 1910 гг. представляют из себя последнее слово социальной статистики в данной области народного хозяйства. Это — лучший из имеющихся в передовых странах материал, охватывающий миллионы хозяйств и позволяющий делать точные фактические выводы и заключения об эволюции сельского хозяйства при капитализме. Законы этой эволюции могут быть изучены на этом материале в особенности еще потому, что Соединенные Штаты Америки представляют из себя страну наиболее обширных размеров и наибольшего разнообразия отношений, наибольшего богатства оттенков и форм капиталистического земледелия» [100а].

Свое очередное исследование, названное «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» В. И. Ленин начал следующими словами: «Передовая страна новейшего капитализма предствляет особенный интерес для изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции...

[99] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 134.
[100] Там же, с. 226.
[100а] Там же, с. 225.

Изучение форм и законов эволюции сельского хозяйства представляет здесь тем больше удобства, что в Соединенных Штатах каждые десять лет производятся переписи населения («цензы»), соединенные с замечательно подробными переписями всех промышленных и земледельческих хозяйств. Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране мира и который позволяет проверить целый ряд ходячих утверждений, формулируемых большей частью теоретически небрежно, повторяемых без критики, проводящих обыкновенно буржуазные взгляды и предрассудки»[101].

Эту работу Ленин писал в 1914—1915 гг. Переписи 1900 и 1910 гг., на которых основывается его исследование, представляют особый интерес. Они проводились в переходный период развития американского сельского хозяйства, когда процесс его механизации, внедрения новой техники находился еще в начальной стадии.

С тех пор прошло около 60 лет. Современное сельское хозяйство США убедительно свидетельствует, насколько правильны и дальновидны выводы и прогнозы, сделанные Лениным 60 лет назад.

В. И. Ленин анализирует цифры американских цензов по разным линиям: по размерам ферм, по интенсивности земледелия, по применению техники и наемного труда и др.

Касаясь данных о наемном труде, он поясняет, что выражение «трудовая», как в наше время — «семейная ферма», лишь камуфлирует истинную картину: «Слово «трудовой» не имеет никакого политико-экономического смысла и косвенно вводит в заблуждение. Оно лишено смысла, ибо при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец «трудится»: и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме... Слово «трудовой» вводит в заблуждение, обманывает публику, ибо оно намекает на отсутствие *наемного* труда»[102].

Рост применения наемного труда в сельском хозяйстве США намного обгонял рост числа ферм и сельского населения. По подсчетам, произведенным Лениным на основании двух цензов (с 1900 по 1910 г.), сельское население США увеличилось на 11,2%, число ферм — на 10,9%, а число наемных рабочих — на 48%[103].

Подчеркнув, что «размер площади далеко не всегда и далеко не непосредственно указывает на действительно крупный размер *хозяйства* и на его капиталистический характер»[104], Ленин переходит к анализу роли машины и наемного труда в земледелии.

[101] Там же, с. 133.
[102] Там же, с. 148.
[103] Там же, с. 154.
[104] Там же, с. 149.

Внедрение машин на ферме усилило свойственный капиталистическому земледелию процесс вытеснения мелкого производства крупным, обострило противоречия в сельском хозяйстве. На заре механизации сельского хозяйства США Ленин предвидел неизбежный ход событий, предостерегая от упрощенчества, от суждения о характере ферм, исходя лишь из размеров занимаемой ими площади. Ленин писал: «Район самых *мелких*, по количеству земли, ферм опять-таки оказывается районом самых *крупных* применений капитала к земле в виде машин»[105].

В 1910 г. американская статистика еще не давала полных данных о количестве и видах сельскохозяйственных машин, применяемых на отдельных фермах, ограничиваясь данными о стоимости этих машин.

В расчете на один акр обрабатываемой земли стоимость сельскохозяйственных машин равнялась в штатах Новой Англии 7 долл., в Среднеатлантических штатах — около 5,5 долл., в остальных районах страны не более 2—3 долл.[106]

Ленин отнюдь не утверждал, что интенсификация земледелия обязательно сопровождается сокращением среднего количества земли на фермах, хотя и отметил, что это сокращение — явление не случайное.

Американские переписи, как и статистика большинства капиталистических стран, делит фермы на группы в зависимости от размеров земельной площади. Ленин называет фермы, имеющие менее 100 акров, мелкими, от 100 до 174 — средними, от 175 до 1000 — крупными, а более 1000 — латифундиями. За 10 лет (с 1900 до 1910 г.) при увеличении общего количества ферм в стране процент ферм размером от 50 до 175 акров сократился[107]. Указанные две переписи показали, что происходит процесс вымывания мелких и отчасти средних ферм.

«Следовательно,— заключил Ленин,— *поскольку* можно судить о капиталистическом или некапиталистическом характере земледелия на основании данных о группах хозяйств по площади земли, постольку Соединенные Штаты показывают нам за последнее десятилетие рост крупных, капиталистических хозяйств и вытеснение мелких, как общее правило»[108].

Отметив рост крупных и вытеснение мелких ферм, В. И. Ленин указывает, что приведенная группировка хозяйств по количеству занимаемой площади недостаточна для правильного представления о развитии капитализма в земледелии.

«Группировка земледельческих хозяйств по величине площади земли, занимаемой или обрабатываемой ими,— писал Ленин,— есть единственная группировка, примененная в американ-

[105] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 164.
[106] Там же.
[107] Там же, с. 171.
[108] Там же, с. 174.

ской статистике 1910 года и применяемая в громадном большинстве европейских стран. Вообще говоря, неоспоримо, что кроме соображений фискальных и казенно-административных есть известные научные соображения за необходимость и правильность такой группировки. Но она явно недостаточна, ибо не учитывает совершенно процесса интенсификации земледелия, роста затрат капитала на единицу земельной площади в виде скота, машин, улучшенных семян, улучшенных приемов культуры и т. д. А между тем этот процесс повсюду — за исключением весьма немногих районов и стран примитивного и чисто экстенсивного земледелия — является как раз наиболее характерным для капиталистических стран. Поэтому группировка хозяйств по количеству земли в громадном большинстве случаев вносит чрезмерное упрощение и огрубление в представления о развитии земледелия вообще и развитии капитализма в нем особенно»[109].

Интенсификация земледелия, как отметил Ленин, не всегда обязательно сопровождается сокращением обрабатываемой площади. Но всегда, когда статистика ограничивается группировкой хозяйств по размерам принадлежащей им земли, «преуменьшается вытеснение мелкого производства крупным в земледелии». Поскольку такая группировка включает в одну рубрику хозяйства, независимо от степени интенсификации, вытеснение мелких, технически отстающих ферм занижается.

Для объяснения происходящего процесса дифференциации фермерства Ленин построил сложную, но рисующую ясную картину таблицу, в которой сопоставляются три группировки фермерских хозяйств, «...представляющие из себя, так сказать, максимум того, что дала социальная статистика в области сельского хозяйства за последние годы»[110]. Фермы группируются по главному источнику дохода, по количеству земли и по стоимости продукта. Исчерпывающие данные для всех этих группировок дал только ценз 1900 г. Потом соответствующие цифры приводились (не полностью) лишь спустя 30 лет в цензе 1930 г.

Сопоставление трех группировок, указывал Ленин, обнаруживает приукрашивание действительности в капиталистическом сельском хозяйстве Америки.

На самом деле, по количеству земли число мелких ферм в 1900 г. составляло 57,5% всех хозяйств. Они вместе владели лишь 17,5% всей земли. В то же время на их долю приходилось 31,7% стоимости сельскохозяйственных орудий и машин, 41,9% расходов на удобрение, 22,3% — на наем рабочих, а стоимость произведенных ими продуктов равнялась 33,5% стоимости всей продукции сельского хозяйства[111].

[109] Там же, с. 179—180.

[110] Там же, с. 201.

[111] Там же, с. 203. На этой странице приводится составленная Лениным комплексная таблица, в которой каждая из указанных группировок фермерских

Таким образом, на каждый акр земли в мелких фермах приходилось в 2 раза больше продукции, чем в среднем по стране. Этот парадокс объясняется тем, что некоторая часть высококапиталистических ферм, оснащенных новейшей по тому времени техникой, вела интенсивное хозяйство на небольшой площади и была включена таким образом в рубрику мелких хозяйств.

По главному источнику дохода к высококапиталистическим хозяйствам относились в США лишь 12,5% всех ферм. Конечно, часть из них вела хозяйство на большой площади и по количеству земли была включена в группу крупных или средних. Но какое-то число высококапиталистических ферм владело небольшими участками и попало в рубрику мелких. Если даже допустить, что в это число вошла половина всех высококапиталистических хозяйств, и то она составляла лишь около 6% всех ферм. Но эти несколько процентов, группируясь с массой мелких несостоятельных хозяйств, составляющих около половины всех ферм страны, создают неправильное представление о положении основной фермерской массы, поскольку цифры о стоимости продукта и сельскохозяйственных машин, а также расходы на удобрения и на наем рабочих даются в среднем.

Отсюда вытекает, писал Ленин, следующий вывод: «чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, тем более группировка по земле *прикрашивает* придавленное положение мелкого производства в земледелии, мелкого земледельца, обездоленного *и* землей *и* капиталом; — *притупляет* действительную остроту классового противоречия между преуспевающим крупным и разоряющимся мелким производством; — *преуменьшает* концентрацию капитала в руках крупного производства и вытеснение им мелкого» [112].

Конечно, группировка фермеров по количеству земли имеет свое объяснение. Группа мелких, охватывающая больше половины всех ферм, состоит в подавляющем своем большинстве из наименее состоятельных хозяйств.

«По вопросу о значении группировки по земле,— писал Ленин,— мы получаем, следовательно, тот общий вывод, что эту группировку нельзя считать совершенно непригодной. Не надо лишь никогда забывать, что она преуменьшает вытеснение мелкого призводства крупным и преуменьшает тем сильнее, чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, чем значительнее различия между хозяйствами по величине вкладываемого в одну и ту же единицу земельной площади капитала» [113].

В. И. Ленин показал, что и в Америке, несмотря на существование незанятых, «свободных» земель, процесс вытеснения,

хозяйств имеет в свою очередь три рубрики с показателями капиталистического характера, экстенсивных размеров и интенсивности хозяйства.

[112] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 206.

[113] Там же, с. 207.

экспроприации мелких собственников в сельском хозяйстве развивается и в дальнейшем будет нарастать. Он предсказал, что бегство населения из деревень, наблюдающееся в Западной Европе, будет происходить и в Северной Америке.

«Процент собственников в общем числе фермеров уменьшается неуклонно уже в течение ряда десятилетий. Этот процент составлял:» [114]

1880 г.	74,4	1900 г.	64,7
1890 г.	71,6	1910 г.	63,0

На Юге США в 1910 г. около половины всех фермеров были арендаторами, из них большинство — издольщиками.

Даже на севере страны, где в 1901—1910 гг. только в одном из его районов были розданы гомстэды (земельные наделы) общей площадью 54 млн. акров, общее число земельных собственников за указанное десятилетие уменьшилось.

Экспроприация мелких земледельцев видна также из роста числа заложенных ферм. В 1890 г. их насчитывалось 28,2%, в 1900 г.— 31%, а в 1910 г.— 33,6% от всех ферм [115], имевшихся в стране.

«Зависимость фермеров от финансового капитала,— писал Ленин,— могла бы — и должна бы была — обратить на себя несравненно большее внимание исследователей. Но эта сторона вопроса, несмотря на ее громадную важность, осталась в тени.

А рост числа заложенных ферм во всяком случае означает фактический переход власти над ними в руки капитала. Разумеется, кроме официально и нотариально заложенных ферм, есть немалое число ферм, опутанных сетями частной, не оформленной столь строго или не учитываемой переписью, задолженности» [116].

Ленин заканчивает свое исследование о развитии капитализма в сельском хозяйстве США и о роли роста применения машин в этом развитии выводами, которые сводятся к следующим кратким положениям.

«Ручной труд неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной, по сравнению с промышленностью. Но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более капиталистическим. Машины употребляются в современном земледелии капиталистически.

Главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд. Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во *всех* районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров

[114] Там же, с. 210.
[115] Там же, с. 215.
[116] Там же, с. 216.

отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия.

Идет вперед вытеснение мелкого производства крупным в земледелии...

Но это вытеснение преуменьшается, положение мелких земледельцев прикрашивается в силу того, что исследователи ограничились в 1910 г. в Америке — как ограничиваются почти везде в Европе — классификацией хозяйств по количеству земли. Чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия, тем больше получается указанное преуменьшение и приукрашивание.

Капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах.

В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее,— вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже, чем представляют обычные данные о фермах различного размера по площади земли. Данные переписи 1900 года, разработанной тщательнее, детальнее, научнее, не оставляют на этот счет ни тени сомнения.

Идет вперед экспроприация мелкого земледелия. Неуклонно уменьшается в течение последних десятилетий процент собственников среди общего числа фермеров... В самом главном районе, дающем наибольшую массу земледельческих продуктов и не знающем ни остатков рабовладения ни громадной колонизации, на севере абсолютно уменьшается число собственников всей фермы...

В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость законов эволюции, вытеснение мелкого производства и тут и там»[117].

Конечно, наличие незанятых, свободных земель тормозило свойственный капитализму процесс экспроприации мелких земледельцев. Но, как предвидел Ленин,— «обострение противоречий и вытеснение мелкого производства не устраняется, а переносится на более широкую арену. Капиталистический пожар как бы «замедляется» — ценой подготовки для него нового, громадного, еще более горючего материала»[118].

Не прошло и десяти лет с тех пор, когда В. И. Ленин писал эти строки, как в сельском хозяйстве США разразился «капиталистический пожар», вспыхнул аграрный кризис, возникла фермерская проблема, которая с перерывом в годы второй мировой

[117] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 27, с. 226—227.
[118] Там же, с. 212.

войны продолжается с нарастающей остротой по сей день [119].

Вскоре после первой мировой войны началось бегство фермерского населения в города, которое в отдельные годы, как мы дальше увидим, принимало огромные размеры.

4. «Дипломатия доллара»

Инвестиции и торговля со странами Латинской Америки. Панамериканский союз. Интерпретация «доктрины Монро». Отношение к ней латиноамериканцев. Капитал США и мексиканская нефть. Свержение Диаса. Убийство президента Мадеро. Опека над Центральной Америкой. Десанты США. Контроль над банком и таможнями Никарагуа. Договор Брайана-Чаморро. Открытие Панамского канала. Протекторат США над Кубой. Оккупация острова. Оккупация Доминиканской Республики и Гаити. Экспансионистская политика США в Китае. Планы Вашингтона в Маньчжурии. Консорциумы четырех и шести государств.

«Дипломатия доллара» — патент на эти крылатые слова историки выдали Уильяму Тафту, как на большую «дубинку» — Теодору Рузвельту, хотя в отличие от Рузвельта Тафт дословно так не формулировал приписываемой ему доктрины.

3 декабря 1912 г. в послании конгрессу о внешней политике президент США сказал: «Дипломатия нынешнего правительства стремится отвечать современным требованиям торговых отношений. Эта политика характеризуется тем, что доллары выполняют роль штыков» [120].

Тафт утверждал, что настала пора, когда внутренняя политика не должна больше превалировать над внешней, что США уже «достаточно зрелы», чтобы играть более активную роль в мире: «Сейчас государство уже слишком развито, чтобы продолжать в его внешней политике те временные мероприятия, которые естественны для народа, занятого исключительно внутренними делами» [121].

В этой связи стоит привести слова историка внешней политики США Бейли. Он писал, что «в отличие от его предшественников он не удовлетворялся защитой американской собственности и инвестиций за границей. Его правительство объявило, что оно будет активно помогать американским банкирам и промышленникам в обеспечении возможных прибылей в иностранных государствах» [122].

В своем выступлении в Питтсбурге 2 мая 1910 г. Тафт, жалуясь, что его внешнюю политику незаслуженно именуют «дипломатией доллара», сам подтвердил, что для этого имеется

[119] Подробно о расслоении фермерства, о развитии капитализма в сельском хозяйстве США см. 2-ю и 3-ю книги «США в двадцатом веке».
[120] «Congressional Record», 3.XII 1912, p. 9.
[121] Ibid., p. 14.
[122] *Bailey T.* Diplomatic History of the American People. N. Y., 1940, p. 578.

достаточно оснований. Тафт заявил: «Теории, утверждающей, что в область дипломатической деятельности нисколько не входят торговля и расширение коммерческих отношений, государственный секретарь Нокс и наше правительство не разделяют. Мы уверены, что крайне важно и правильно, чтобы наша внешняя политика, не отступая ни на шаг от прямой тропы справедливости, предусматривала активное вмешательство с целью обеспечения безопасности нашей торговли и создания нашим капиталистам благоприятных возможностей для выгодных инвестиций...» [123]

Президентство Тафта началось тогда, когда США уже играли в Западном полушарии роль крупного экспортера капитала. За время его президентства эта роль возрастала с каждым годом.

Накануне испано-американской войны, в 1897 г., прямые инвестиции США за границей равнялись 634 млн. 500 тыс. долл. К началу первой мировой войны, в 1914 г., они выросли до 2 млрд. 652 млн. 500 тыс. долл. За это время портфельные инвестиции США в других странах увеличились с 50 млн. до 861 млн. 500 тыс. долл.[124]

Эти капиталы были вложены почти исключительно в странах Американского континента. Долг США Европе в 1914 г. исчислялся в размере 4 млрд. 500 млн.— 5 млрд. долл.[125], в Канаде же и в Латинской Америке капиталы Соединенных Штатов занимали второе место после капиталов Англии.

К тому времени выросли и торговые интересы США в латиноамериканских странах. В 1913 г. на долю США приходилось 28% импорта Колумбии, 29% — Перу, 32% — Эквадора, 38% — Венесуэлы, 51% — Гватемалы, 51% — Мексики, 54% — Панамы, 54% — Кубы, 56% — Никарагуа, 62% — Доминиканской Республики, 73% — Гаити [126].

Если экспорт США в Европу с 1902 по 1914 г. увеличился на 32%, в Азию — на 77%, то в страны бассейна Карибского моря — на 158% , а в Южную Америку — на 237% [127].

Несмотря на то, что в 1913 г. британские капиталы в Латинской Америке превышали примерно в 4 раза инвестиции США [128], с начала XX в. доллар играл в этих странах более активную, более агрессивную роль, чем английский фунт.

«Дипломатия доллара» проводилась прежде всего и главным образом в странах, расположенных к югу от США. С начала строительства Панамского канала и превращения бассейна Мексиканского залива и Карибского моря в «Американское Среди-

[123] «Congressional Record», 25.VI 1910, p. 470.
[124] *Faulkner H.* Op. cit., p. 73.
[125] *Williams B.* Economic Foreign Policy of the United States. N. Y., 1929, p. 17.
[126] *Winkler M.* Investments of United States Capital in Latin America. Boston, 1929, p. 3.
[127] *Lloyd-Jones C.* Caribbean Interests of the United States. N. Y., 1929, p. 24.
[128] *Winkler M.* Op. cit., p. 275, 280.

земноморье» Вашингтон начал предъявлять претензии на опеку над Центральной Америкой. И в Южной Америке государственный департамент домогался особых привилегий, якобы вытекающих из «доктрины Монро».

Когда началось строительство Панамского канала, президент Теодор Рузвельт заявил: «Мы начали овладевать континентом». А его преемник Тафт уже мечтал: «Может быть, недалек тот день, когда три знамени звезд и полос, установленных в трех одинаково отстоящих точках: на Северном полюсе, у Панамского канала и на Южном полюсе, отметят нашу расширившуюся территорию; все полушарие «де-факто» будет нашим, подобно тому как в силу нашего расового превосходства оно уже наше «де-юре»[129].

В Латинской Америке не без оснований с подозрением и тревогой смотрели на растущие аппетиты «северного хищного орла». В памяти народов еще была свежа «большая дубинка» Теодора Рузвельта, отторжение Панамы от Колумбии, поправка Платта и другие агрессивные, насильственные действия Вашингтона.

В Вашингтоне стремились использовать доктрину панамериканизма как орудие своей экспансии и господства в Западном полушарии. Там утверждали, что панамериканские конференции (периодические съезды представителей США и стран Латинской Америки, созываемые с 1889 г. по инициативе США) осуществляют мечту Симона Боливара (Боливар возглавлял в начале XIX в. борьбу за освобождение колоний из-под владычества Испании в северной части Южной Америки). Но Боливар проектировал периодические конференции лишь латиноамериканских государств с целью решения спорных вопросов и обеспечения мира в Западном полушарии. Он имел в виду совместные встречи представителей американских республик, как собрания равных. Между тем США использовали панамериканские конференции в интересах своей экспансионистской политики, в тех же целях они старались создавать межамериканские органы под своей эгидой. Влиятельный государственный деятель Аргентины сказал: «В Южной Америке нет никакого панамериканизма, он существует только в Вашингтоне»[130].

С 12 июля по 30 августа 1910 г. в Буэнос-Айресе состоялась четвертая панамериканская конференция, на которой было решено переименовать Бюро американских республик, существовавшее в Вашингтоне с 1889 г., в Панамериканский союз. Деятельность этой организации под руководством генерального директора Джона Баррета намного активизировалась: расширились полномочия панамериканской железнодорожной комиссии, созданы под руководством Баррета новые отделы, в частности таможни, статистики, было решено организовать обмен профес-

[129] *Ugarte M.* The Destiny of a Continent, p. 134—135.
[130] «North American Review», December 1913, p. 788.

сорами и студентами между университетами американских государств.

США старались различными путями распространять влияние и господство доллара в расположенных к югу странах. В Вашингтоне, в частности, большое значение придавали «доктрине Монро», которую толковали как «Латинская Америка для США». Еще в 1895 г. государственный секретарь Олни заявил, что «в настоящее время Соединенные Штаты практически властвуют на континенте» [131].

После испано-американской войны и отторжения Панамы от Колумбии в общественно-политических кругах Латинской Америки укреплялось убеждение, что «доктрина Монро» полезна для США и вредна для государств, лежащих к югу от них. Известный в Аргентине общественный деятель, внук бывшего президента страны, Лючио Кинтана выразил мнение, преобладающее в Латинской Америке, следующими словами:

«Смысл «доктрины Монро»—не «Америка для американцев», а «Америка для североамериканцев». Она служит превосходным инструментом для разобщения Европы и Америки и установления над последней своей гегемонии. Соединенные Штаты поглощены только тем, чтобы вырвать для себя всевозможные уступки в ущерб суверенитету других американских государств. Доктрина опасна потому, что она скрывает североамериканский империализм под прикрытием норм международного права» [132].

С выходом Соединенных Штатов на мировую империалистическую арену «доктрина Монро» предстала перед государствами Латинской Америки как проводник «дипломатии доллара», как доктрина, с помощью которой в Вашингтоне пытались отстранить европейские государства от вмешательства в политическую жизнь стран Нового Света и усилить собственное грубое вмешательство в дела других народов Западного полушария.

В XIX в. «доктрина Монро» обычно рекламировалась государственным департаметом как принцип внешней политики США, установленный с целью защиты американских институтов и территорий от притязаний со стороны великих держав Европы. К началу XX в. взгляды на эту доктрину изменились. Но не сами по себе. Политика «большой дубинки» дала наглядные уроки народам Латинской Америки. Теодор Рузвельт откровенно утверждал, что «доктрина Монро» представляет ему право пускать в ход «дубинку» в Западном полушарии по его усмотрению.

В своем ежегодном послании конгрессу в 1904 г. президент заявил: «Каждое государство, население которого ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу сердечную дружбу. Если народ показывает, что он знает, как поступать разумно, умело и благопристойно в социальных и политических делах, если он

[131] *Stuart G.* Latin America and the United States. N. Y., 1928, p. 52.
[132] Ibidem.

сохраняет порядок и выполняет взятые на себя обязательства, он не должен опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Хронические правонарушения или проявление бессилия, имеющие своим результатом потерю связи с цивилизованным обществом, может в Америке, как и в любом другом месте, в конце концов вызвать необходимость интервенции со стороны какого-нибудь цивилизованного государства. В Западном полушарии приверженность Соединенных Штатов к «доктрине Монро» может заставить их в вопиющих случаях правонарушения или бессилия стать международной полицейской силой»[133].

Равным образом Тафт, как мы видели, недвусмысленно пояснял, что его «дипломатия доллара» должна подкрепляться силой[134]. А государственный секретарь Нокс в своем выступлении 19 января 1912 г. перед нью-йоркской ассоциацией адвокатов утверждал, что «доктрина Монро» возлагает на США ответственность за улучшение деятельности правительств в странах Латинской Америки[135].

На основании такого толкования доктрины Рузвельт, а вслед за ним Тафт оправдывали интервенцию США в страны Латинской Америки. Тафт, хотя обещал заменить штыки долларами, отнюдь не отказался от них. Вернее было бы сказать, что он больше, чем его предшественник, совмещал и то и другое.

Возмущение толкованием «доктрины Монро» Теодором Рузвельтом чувствовалось во всей Латинской Америке. Особенно оно проявлялось в Аргентине, Бразилии и Чили, в так называемых государствах АВС.

Интерпретация Рузвельтом «доктрины Монро» подвергалась резкой критике даже в сенате США. Там утверждали, что его интерпретация искажает и извращает содержание и смысл этой доктрины, так как она оправдывает войну из-за невыполнения каким-либо латиноамериканским государством обязательств по выплате долгов. В результате вопросы войны и мира, говорили в сенате, будут зависеть не от конгресса США, как предусмотрено федеральной Конституцией, а от банков, предоставивших займы неплатежеспособным государствам. Сенатор Рейнер от штата Мерилэнд, например, заявил в свом выступлении 13 апреля 1911 г., что Монро перевернулся бы в своем гробу, если бы знал, что сделали с его доктриной[136]. «Армия США,— продолжал сенатор,— не предназначена для взыскания частных долгов»[137].

Такой ярый защитник «доктрины Монро», как генеральный директор Панамериканского союза Баррет, признал в 1914 г., что интерпретация этой доктрины в Вашингтоне «не приемлема

[133] *Commager H.* Document of American History. N. Y., 1945, vol. II, p. 255.
[134] *Goebel D.* American Foreign Policy. A Documentary Survey. N. Y., 1961, p. 176.
[135] Ibidem.
[136] «Congressional Record», 13.VI 1911, p. 197.
[137] Ibid., p. 198.

для большинства стран и государственных деятелей Латинской Америки»[138].

В том же году известный историк внешней политики США профессор Латанэ писал: «Первоначально доктрина Монро объявила нашей целью защиту всех независимых латиноамериканских государств от политического вмешательства европейских держав. Мы сейчас сделали дальнейший шаг и с помощью официальных договоров установили протектораты над Кубой и Панамой, предоставив им гарантии не только против иностранного вмешательства, но и против внутренних беспорядков. Такой же протекторат предполагается установить и над Никарагуа»[139].

Латанэ привел следующие слова известного латиноамериканца: «От северных границ Мексики до Панамы, на Антильских островах, в Колумбии и Венесуэле ненависть к Соединенным Штатам стала всеобщей»[140].

В представлении народов Западного полушария «доктрина Монро» начала ассоциироваться с военными кораблями США. Ходячей стала поговорка: «Доктрина Монро так же сильна, как и морской флот Соединенных Штатов».

Накануне первой мировой войны журнал Американской академии политических и социальных наук в статье под названием «Доктрина Монро и внешняя политика Соединенных Штатов в Западном полушарии» писал: «Те, кто знаком с воззрениями ведущих стран Южной Америки, не сомневаются, что в большинстве своем они действительно гораздо больше опасаются возможной агрессии со стороны США, чем со стороны любой европейской державы... Не может быть ни малейшего сомнения в том, что применение Соединенными Штатами «доктрины Монро» к испано-американским государствам служило скорее для отталкивания наших соседей, чем для превращения их в наших друзей»[141].

Тогда же журнал «Норт американ ревью» в статье, посвященной «доктрине Монро», говоря об отношении латиноамериканцев к этой доктрине, писал: «Народы уверены, что она делает дядю Сэма отчимом их республик, который не только отгораживает их от Европы, но следит за их важными действиями и часто указывает им, что они должны и чего не должны делать. Это вмешательство вызывает всеобщее возмущение... Но еще более печально убеждение многих в том, что и «доктрина Монро» в конечном счете угрожает завоеванием их континента Соединенными Штатами»[142].

[138] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 3.
[139] Ibid., p. 85.
[140] Ibid., p. 91.
[141] Ibid., p. 125, 128.
[142] «North American Review», December 1913, p. 779—780.

В то же время другой известный журнал США, отметив, что для населения Латинской Америки «одна лишь мысль о существовании «доктрины Монро» не только противна, но и безусловно оскорбительна», писал: «С точки зрения наших соседей сами слова доктрины Монро имеют неприятный смысл. Нет такого действия или совокупности действий, которые мы могли бы совершить для увеличения шансов на мир и гармонию в Западном полушарии, которые были бы равносильны определенному заявлению, что мы покончили с доктриной Монро»[143]. Но Тафт, напротив, старался максимально эксплуатировать эту доктрину.

В послании конгрессу от 3 декабря 1912 г. Тафт утверждал, что «доктрина Монро» в его толковании более жизненна в Центральной Америке, в странах, ближе расположенных к США[144]. Самый близкий южный сосед США — Мексика. Оба государства имеют общую границу на всем протяжении от Атлантического до Тихого океана. Мексика раньше всех и больше всех пострадала от агрессивного соседа. Она не забыла, что США вооруженным путем, жестоко и безжалостно отторгли более половины и лучшую часть ее территории.

Враждебные действия США давали повод мексиканским парламентариям утверждать, что государства, соседи, как правило, конфликтуют и что народы северных стран обязательно нападают на южные[145]. Вторжение североамериканского капитала, естественно, раздражало и настораживало мексиканцев.

Однако капиталы США продолжали устремляться в Мексику. В 1902 г. капиталы США в Мексике составляли около 0,5 млрд. долл., в 1910 г. они достигли по некоторым данным суммы в 1 млрд. долл.[146] В 1912 г. все национальное богатство Мексики, согласно данным комиссии сената США, оценивалось в 2434 млн. долл. Из них мексиканцам принадлежали лишь 792 млн. долл. Американцы владели в Мексике собственностью на 1058 млн. долл., англичане — на 321 млн. долл., французы — на 143 млн. долл.[147]

Инвестиции США были равны $^1/_3$ национального богатства Мексики и намного превышали американские капиталовложения в любой другой латиноамериканской стране. Они были в три раза больше английских, хотя во всем Западном полушарии

[143] «Atlantic Monthly», June 1912, p. 727, 733.
[144] «Congressional Record», 3.XII 1912, p. 9.
[145] *Winker M.* Op. cit., p. 32.
[146] *Pringle H.* The Life and Times of W. H. Taft, vol. I, p. 462.
[147] Investigation of Mexican Affairs. 66th Congress 2d Session. Senate Document N 285, vol. II. Washington, 1920, p. 3322. Эта оценка национального богатства Мексики принадлежала консулу США в Чиуауа Летчеру. Она, видимо, значительно занижена, судя по тому, что по официальным данным в 1926 г. это богатство равнялось 6 млрд. долл. («World Almanach», 1930, p. 295). Но оценка Летчера дает правильное представление о том, кому и в каких размерах принадлежало богатство Мексики.

британские инвестиции намного превышали американские[148]. К 1910 г. американцам принадлежало в Мексике 78% рудников, 72% металлургических заводов, 58% нефтяной промышленности и 68% резиновой промышленности[149].

В 1910 г. в Мексике началась революция. В ней проявилась глубокая ненависть широких масс не только к собственным, но и к иностранным эксплуататорам, особенно к американским.

В ходе революции был свергнут диктатор Порфирио Диас, проамериканская политика которого привела к широкому проникновению капитала США в страну. Были открыты двери и для капиталов других империалистических держав.

В награду за услуги иностранный капитал предоставлял президенту Диасу займы прежде всего на содержание армии, которая была основой его тирании. Диас тратил много средств на показное строительство, на возведение лакированного фасада, на украшение столицы роскошными казенными зданиями, бульварами и площадями. Желая превзойти Нью-Йорк и Париж, он построил оперный театр, облицованный таким мрамором, который считался самым ценным на всем Американском континенте.

Недовольство в стране накапливалось десятилетиями. С развитием капитализма рос рабочий класс, который подвергался жестокой эксплуатации. Малейшее выражение недовольства беспощадно подавлялось. Аресты и расстрелы были обычными средствами в руках хранителей порядка. «Режим Диаса покоился на методичном и систематическом терроре»[150].

Несмотря на известное развитие промышленности и транспорта, Мексика оставалась аграрной страной. Подавляющее большинство населения влачило жалкое, нищенское существование. Около 80% сельских тружеников были батраками (пеонами)[151]. Пеонаж мало чем отличался от рабства. Периодически вспыхивали крестьянские волнения. Пеоны не желали оставаться безземельными рабами. Они хотели стать полноправными гражданами.

Специфический состав населения способствовал продолжительному существованию военной диктатуры. В 1912 г. население Мексики насчитывало 15,5 млн. человек. Из них лишь около 1 млн. были креолами — мексиканцами испанского происхождения. Остальные относились к индейцам и метисам. От 6 до 8 млн. считались чисто индейцами[152]. Жизнь индейцев за 300 лет испанского владычества и за 100 лет независимости Мек-

[148] *Faulkner H.* Op. cit., p. 75.
[149] Ibid., p. 76, 77; Investigation of Mexican Affairs. 66th Congress 2d Session. Senate Document N285, vol. II, p. 3322.
[150] *Tannenbaum F.* Mexico. N. Y., 1950, p. 18.
[151] *Stuart G.* Op. cit., p. 138—139.
[152] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 12, 137.

сики почти не изменилась. Они продолжали оставаться неграмотными, нищими.

До первой мировой войны около 90% населения Мексики было неграмотно[153]. Выборы в стране превращались в фарс. Более 90% населения страны в них не участвовало. Один член конгресса от штата Юкатан, например, пробывший в этом звании 20 лет, никогда не был в Юкатане и не знал ни размеров, ни расположения своего избирательного округа. Единственное, что он твердо знал,— это извещения, получаемые им каждые два года от повелителя Мексики — Диаса о том, что он снова «избран» членом конгресса[154].

Феодалы вели себя в своих владениях как неограниченные властелины. Так, например, латифундист Террасас, владевший 40 млн. акров земли в Чиуауа, был полным хозяином этого большого штата. Ему подчинялись суд, полиция и другие органы местной власти. Латифундисты выжимали из пеонов все, что могли. Пеонами были почти исключительно индейцы и метисы. Они испытывали двойной гнет: социальный и расовый. Равным образом мексиканский рабочий должен был трудиться и на местных, и на иностранных эксплуататоров.

Президента Тафта, проявлявшего особую заботу о прибылях американских капиталистов за границей, правление Диаса в Мексике вполне устраивало.

В октябре 1909 г. Тафт встретился с Диасом на границе. Диалог между главами соседних государств происходил под аккомпанемент орудийных залпов. Торжественная встреча должна была поднять авторитет восьмидесятилетнего мексиканского диктатора и укрепить его власть в обстановке нарастающего недовольства в стране. В письме к жене Тафт, в частности, сообщал, что встреча «укрепит его (Диаса.— *Авт.*) положение в глазах его собственного народа и расхолодит революционеров, пытающихся создать другое правительство»[155]. Еще более откровенно президент США выразил свои чувства к правителю Мексики накануне встречи: «Встреча с Диасом будет исторической... Я рад помочь ему... ввиду того, что наше капиталовложение в Мексике составляет 2 млрд. долл., которые окажутся под большой угрозой, если Диас умрет и его правительство распадется. Неизвестно, что случится, если он умрет. Он назначил своего преемника, но это, вероятно, поведет к революции. Мне остается только надеяться и молиться, чтобы его кончина не наступила до конца моего президентства»[156].

[153] Ibid., p. 227.
[154] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 188.
[155] Цит. по: *Pringle H.* The Life and Times of William Howard Taft, vol. I, p. 462.
[156] Ibidem.

Публичная демонстрация президентом США дружбы оказалась на деле медвежьей услугой Диасу. Оппозиция обвиняла его в том, что он отдал страну на откуп Соединенным Штатам. Она намекала на то, что правителю и старикам — членам его кабинета пора на покой.

В этих условиях Диас пытался доказать, что он не находится всецело на поводу у американцев. Он предоставил большие нефтяные и железнодорожные концессии англичанам, в частности лорду Кaудрею, чем, между прочим, восстановил против себя рокфеллеровский «Стандард ойл», претендовавший на монопольную эксплуатацию богатых нефтяных источников, открытых в 1906 г. на побережье Мексиканского залива близ Тампико. «Стандард ойл» начал финансировать противников Диаса [157].

На страже интересов нефтепромышленников США стоял официальный Вашингтон. Посланник США в Мексике с 1909 по 1913 г. Генри Вильсон в своих показаниях перед сенатской комиссией признавал: «Конечно, бывали случаи, когда мне приходилось выступать перед мексиканским правительством в качестве представителя каких-либо важных интересов, но почти без исключения это делалось всегда по распоряжению государственного департамента» [158]. А специальный уполномоченный президента США в Мексике в 1913 г. Джон Линд констатировал, что «все, у кого были нефтяные интересы, стояли за интервенцию. Они хотели, чтобы дядя Сэм, как они обычно выражаются, пришел, навел порядок в Мексике и защитил их лично, их товары или полученные ими концессии» [159].

Для защиты интересов монополий США, орудовавших в Мексике, Тафт поручил военному министру Диккинсону и начальнуку штаба сухопутных сил Вуду сосредоточить 20-тысячную армию у границы с Мексикой (Теодор Рузвельт предложил сформировать под его командованием специальную кавалерийскую дивизию.— *Авт.*).

Однако Тафт вынужден был воздержаться от вторжения. Как писал журнал «Норт американ ревю», к тому были веские причины. Во-первых, против интервенции, несмотря на ее одобрение нефтяными компаниями, возражали 50 тыс. граждан США, проживавших в Мексике и опасавшихся, что гнев мексиканского народа обрушится прежде всего на них. Во-вторых, война против Мексики восстановила бы против США всю Латинскую Америку. В-третьих, Тафт, учитывая опыт Филиппин, считал, что США не готовы к тому, чтобы оккупировать Мексику и вести войну против партизан, которые безусловно появились бы, чтобы начать борьбу против оккупантов.

[157] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 209, 222—223; «Investigation of Mexican Affairs», vol. II, p. 2636. 2639.

[158] *Ниринг С., Фримэн Д.* Дипломатия доллара. Л., 1926, с. 214.

[159] Там же.

Как бы то ни было, американскому президенту не удалось сохранить власть мексиканскому диктатору. В 1911 г. Диас был свергнут. Он бежал в Веракрус, откуда на пароходе отправился во Францию. Президентом Мексики стал лидер буржуазной оппозиции Франсиско Мадеро. Характеризуя нового президента, посланник Вильсон в донесениях в Вашингтон утверждал, что, хотя формально правительство Мадеро расценивается как проамериканское, в действительности его программа и намерения сугубо вредны интересам США. Касаясь положения в стране с приходом к власти Мадеро, он писал: «Для официальных представителей правительства США в Мексике и всех иностранных наблюдателей стало очевидным, что в широких кругах неграмотного населения Мексики существуют сильные антиамериканские настроения, настроения, которые если и не полностью разделяются мексиканским правительством, то не были им, по крайней мере, осуждены... Во многих случаях официальные ораторы, пресса и другие органы, оказывающие влияние на общественное мнение, разжигали антиамериканские страсти и создавали впечатление о ненадежности положения американцев и их собственности в Мексике» [160].

8 февраля 1913 г. в столице Мексики вспыхнуло восстание, которым руководил племянник бывшего диктатора Феликс Диас и которое поддерживали США. Через 6 дней Вильсон пригласил к себе в посольство английского, французского и германского посланников. По его предложению они вместе известили Мадеро о том, чтобы тот немедленно подал в отставку. Мадеро ответил, что скорее умрет на своем посту, чем подчинится иностранному диктату.

17 февраля Вильсон телеграфировал командующему вооруженными силами генералу Уэрта и просил известить его о возможности смещения Мадеро в любую минуту. Мадеро, его заместитель Суарес и его брат Густав Мадеро были арестованы. «В полночь,— продолжал свое донесение посланник США,— я пригласил генерала Уэрта и Феликса Диаса... в посольство. Я дал им... понять, что Уэрта должен стать временным президентом республики, Диас — образовать кабинет, а потом при помощи Уэрты стать постоянным президентом» [161].

В ночь на 22 февраля Мадеро и вице-президент Суарес были убиты, когда их переводили из дворца, где они содержались под домашним арестом, в тюрьму. Уэрта объяснил, что их убили при «попытке к бегству» [162]. Вильсон, не оспаривая слова генерала, добавил: «Я передал копию правительственной версии убийства президента и вице-президента агентству Ассошиэйтед

[160] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 150—151.
[161] *Tannenbaum F.* Op. cit., p. 255.
[162] Ibidem.

пресс и буду просить департамент принять ее как исходящую от посольства»[163].

Вслед за расправой с президентом и правительством Уэрта арестовал не внушавших ему доверия 110 членов мексиканского конгресса[164]. «После свержения Мадеро,— писал спустя больше года Генри Вильсон,— гражданская власть прекратила полностью свое существование. Две враждующие армии заняли город Мехико, разорив его десятидневной бомбардировкой, в течение которой жертвами стали от 5 тыс. до 7 тыс. человек»[165].

Таковы «подвиги» и «заслуги» проводников «дипломатии доллара» в соседней Мексике.

Между Мексикой и Панамой расположены пять малых государств: Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика. Эти небольшие страны занимают выгодное географическое и стратегическое положение.

США с давних пор взирали на Центральную Америку. В 1912 г. журнал «Атлэнтик мансли» писал: «С тех пор как была куплена Луизиана, обитатели долины Миссисипи мечтали о расширении власти Соединенных Штатов над всей Центральной Америкой и Мексиканским заливом. Измена Бурра во время мексиканской войны, флибустьерская экспедиция Уокера, договор Клейтона-Бульвера, защита «доктрины Монро» в связи с вторжением Наполеона III в Мексику были только предшественниками событий, давших нам полный контроль над Центральной Америкой теми же методами мирного проникновения, которыми Англия, Франция и Германия расширяли свои колониальные империи»[166].

С сооружением Панамского канала стратегическое значение этих государств для США неимоверно выросло. Вашингтон — как мы уже отметили — стал претендовать на роль арбитра в разногласиях, возникающих между государствами Центральной Америки.

Важность Центральной Америки для США не ограничивается стратегическими соображениями. Со строительством Панамского канала вырастало экономическое значение государств, богатых плодородными землями и ископаемыми и расположенных вблизи межокеанской торговой магистрали. Американские компании завладели в этих странах обширными плантациями и рудниками, установили свой контроль над их финансами и сбором таможенных пошлин. Перед испано-американской войной, в 1897 г., инвестиции США в Центральной Америке равнялись

[163] *Tannenbaum F.* Op. cit., p. 256.
[164] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 140.
[165] Ibid., p. 155.
[166] «Atlantic Monthly», March 1912, p. 453—454

21 млн. долл. Накануне первой мировой войны, в 1914 г., они превысили 93 млн. долл.[167]

Наряду с этим США усиливали идеологическое проникновение в страны Центральной Америки. В 1905 г. орган Американской академии политических и социальных наук писал: «Пятьдесят лет тому назад население Латинской Америки находилось под влиянием главным образом испанской и французской культуры и образования. С тех пор многое изменилось. В настоящее время население Мексики и стран Центральной Америки и население Южной Америки в возрастающей степени попадает под влияние американской культуры»[168].

Вместе с ростом экономической и идеологической экспансии США в страны Латинской Америки увеличивались претензии Вашингтона на опеку над ними. «Республиканские институты,— продолжал цитируемый журнал,— не действуют должным образом во многих странах Латинской Америки. Мы не можем избежать ответственности, чтобы не попытаться исправить по крайней мере некоторые правонарушения этих стран»[169].

Еще до испано-американской войны капиталисты США, имевшие дела в Центральной Америке, предъявляли претензии на особые привилегии. Еще более заносчиво они вели себя после этой войны. Государственный департамент вмешивался каждый раз, когда нью-йоркские банкиры не получали очередных взносов по предоставленным ими займам.

Летом 1906 г. Рузвельт активно вмешался в качестве «арбитра», когда возникла война между Гватемалой и Сальвадором, на стороне которого выступил Гондурас. По его настоянию в мирном договоре, подписанном в 1907 г. между Никарагуа и Сальвадором, говорилось, что разногласия, которые возникнут между этими двумя государствами, подлежат принудительному арбитражу президентов США и Мексики.

На конференции пяти стран Центральной Америки, состоявшейся в Вашингтоне в 1907 г., был создан «Центральноамериканский суд справедливости», который в обязательном порядке должен был решать споры между этими странами. Суд был учрежден на 10 лет. На этой же конференции, проходившей под руководством государственного департамента, решено было основать Центральноамериканское международное бюро, которое должно было заниматься вопросами развития сельского хозяйства и промышленности, улучшения торговли, реформ кредитно-денежных систем и таможен, а также улучшения системы образования. Создавая бюро, США преследовали прежде всего свои интересы. Развития промышленности практически не происходило, а сельское хозяйство ориентировалось в значительной

[167] *Faulkner H.* Op. cit., p. 74.
[168] «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July, 1905, p. 30.
[169] Ibidem.

степени на рынок США, внешняя торговля все больше подпадала под контроль американских монополий.

Благодаря в первую очередь политике американских империалистов центральноамериканские страны и до сих пор остаются сельскохозяйственными странами, а само сельское хозяйство монокультурным. В этих странах культивируются преимущественно бананы, кофе. В 1911 г. США потребляли 85% всего экспорта бананов из этого района [170]. Для перевозки этого быстропортящегося продукта были созданы специальные пароходы, так называемый «белый флот» — рефрижераторы. Американские компании, и прежде всего «Юнайтед фрут», захватили обширные земельные площади. Капитал США глубоко проник во все отрасли экономики, в торговлю, транспорт.

По численности населения первое место в Центральной Америке занимает Гватемала, где с благословения США долго диктаторствовал Эстрада Кабрера [171].

Коротко о политике Вашингтона в отдельных странах Центральной Америки, о его проникновении в эти государства.

В иностранном капитале в Гватемале первое место до 1914 г. занимала Германия. Но уже с 1903 г. ее займы гарантировали США. Воспользовавшись обращением английского правительства к США с просьбой о защите интересов британских держателей облигаций займов Гватемалы, США усилили свой контроль над финансами Гватемалы. В послании конгрессу в 1912 г. Тафт сообщал, что американские банкиры ведут переговоры с гватемальским правительством, чтобы помочь финансовому состоянию страны. Если договориться не удастся, правительство США должно будет принимать меры, которые оно сочтет необходимыми [172].

В сельском хозяйстве, как и во всей экономике Гватемалы, первое место занимало кофе. До первой мировой войны немцы

[170] «North American Review», August 1913, p. 190.

[171] Если говорить о диктаторах в Центральной Америке того времени, то это были тираны особой категории. До появления фашизма им трудно было найти равных в любой другой стране. Автор книги об этих республиках Д. Мунро в свое время писал: «Способный президент в Центральной Америке осуществляет абсолютную власть, которой трудно найти параллель где-нибудь в цивилизованном мире. Он не ограничен, как абсолютные монархи Европы и Азии, династическими традициями или религиозными соображениями. Его мало интересует общественное мнение, пока он сохраняет расположение к себе армии и чиновников, обязанных ему своим положением. Он может себя переизбирать срок за сроком. Он не ответствен ни перед кем за осуществление своей власти и за распоряжение государственными доходами. Страна так мала, что он может и распространяет свой контроль на второстепенные дела, имеющие чисто местное значение, вмешиваясь даже в личные и семейные дела граждан, пренебрегая неприкосновенными правами человека. В его власти изгнать, арестовать и умертвить своих врагов и конфисковать их имущество. В то же время он может обогащать и продвигать своих друзей». (*Munro D.* The Five Republics of Central America. N. Y., 1918, p. 39).

[172] «Congressional Record», 3.XII 1912, p. 14.

владели плантациями, производившими одну треть всего урожая. 50% всего экспорта Гватемалы в 1913 г. направлялось в Германию, на долю же США пришлось лишь 23%. Однако вскоре США заняли первое место в торговле Гватемалы.

Президент Тафт относился дружественно к деспотическому режиму в Гватемале, а тот платил тем, что поощрял деятельность «Юнайтед фрут» и других компаний США. Так жили в дружбе вашингтонская «демократия» и гватемальская тирания.

Такой же была политика официального Вашингтона и к Гондурасу. В экономическом и культурном отношении Гондурас был самой отсталой страной Центральной Америки. До первой мировой войны расходы гондурасского крестьянина на одежду составляли в среднем менее 1,5 долл. в год [173].

Внутреннее положение Гондураса в конце прошлого и начале нынешнего века отличалось крайней неустойчивостью. В стране часто происходили государственные перевороты, в которых неоднократно были замешаны США. Открытые интервенции США происходили в 1907, 1910 и 1911 гг. Особенно активно они вмешивались во внутренние дела в 1911 г., во время переворота генерала Бониллы. На борту корабля США «Токома», стоявшего у берегов Гондураса, было решено, чтобы временным президентом республики стал угодный Вашингтону Франсиско Бертранд.

Гондурас был обременен непосильным, самым большим в странах Центральной Америки государственным долгом, который в 1913 г. превысил 121 млн. долл.— по 205,88 долл. на человека [174].

Более 40 лет Гондурас не выплачивал своих долгов и процентов по ним, достигших 10% в год [175]. Займы, которые привели к такому огромному долгу, составляли всего 27 млн. долл., полученных Гондурасом в 1867—1870 гг.

С 1904 г. представители кредиторов занимались проблемой возмещения займов, предоставленных ими Гондурасу. В 1906 г. уполномоченный Моргана и других банкиров предложил заменить старые облигации новыми, 4-процентного займа, и передать кредиторам землю в Гондурасе общей площадью в 200 тыс. акров. В 1911 г. государственный секретарь Нокс докладывал Комиссии по иностранным делам сената США о соглашении, предусматривающем консолидацию долгов Гондураса. По этому соглашению предполагалось, что США предоставят Гондурасу заем, погашение которого будет обеспечено таможенными сборами, что сборщик пошлин будет утвержден президентом США. Конгресс Гондураса отказался ратифицировать это грабительское, оскорбительное соглашение.

[173] *Gantenbein J.* The Evolution of Our Latin-American Policy. A Documentary Record. N. Y., 1950, p. 74.
[174] *Lloyd-Jones C.* Op. cit., p. 152.
[175] *Gantenbein J.* Op. cit., p. 74, 75.

Все проекты регулирования задолженности Гондураса предусматривали надзор США над его финансами. Гондурас сопротивлялся, но в конце концов согласился обеспечить выплату процентов по займам таможенными сборами порта Пуэрто-Кортес. Это еще более усилило экономическую зависимость Гондураса от США. В 1913—1914 гг. США занимали 79,4% в импорте и 85% в экспорте Гондураса [176].

Объектом хищнической экспансии был и маленький Сальвадор, население которого в 1913 г. составляло 1210 тыс. Замечательный климат и плодородная земля привлекали в Сальвадор европейцев больше, чем в расположенные по соседству с ним страны. Индейцы составляли лишь около 20% населения.

Может быть, поэтому из всех государств Центральной Америки Сальвадор проявлял наибольшую неприязнь к Соединенным Штатам. Не случайно, когда Сальвадор, которому угрожала Гватемала, в 1910 г. обратился к США за помощью, правительство Тафта отказалось удовлетворить его просьбу.

Экономические позиции США в Сальвадоре были не столь сильны, как в других центральноамериканских республиках. Значительная часть торговли страны приходилась на Европу. Так, кофе, составлявшее от $^2/_3$ до $^3/_4$ сальвадорского экспорта, в начале нынешнего столетия шло главным образом в Германию и во Францию. Однако «дипломатия доллара» сказалась и здесь. Уже накануне первой мировой войны США занимали первое место во внешней торговле Сальвадора [177].

Щупальцы американского империализма глубоко проникли и в экономику Коста-Рики. Ее население, составлявшее в 1913 г. 411 тыс. человек, было более однородно, чем в других государствах Центральной Америки, и состояло в основном из креолов. Среди стран этого района Коста-Рика была наиболее состоятельной и ее население наиболее грамотным.

Главным продуктом сельского хозяйства страны являлись бананы, которые в 1913 г. составляли около половины всего экспорта Коста-Рики. Экспорт бананов находился в руках «Юнайтед фрут компани» США. В 1913 г. США занимали 51% в экспорте и 53% в импорте Коста-Рики [178].

Коста-Рика, страдая от экономического хозяйничанья «дяди Сэма» на своей территории и будучи свидетелем того, как Теодор Рузвельт бесцеремонно отторг от Колумбии Панаму, всячески избегала коллизий с государственным департаментом. Тем более ее насторожила «дипломатия доллара» в соседней Никарагуа.

Что касается Никарагуа, то она занимала особое место в политике США по отношению к странам Центральной Америки.

Никарагуа стоит на первом месте по территории среди рас-

[176] *Lloyd-Jones C.* Op. cit., p. 173.
[177] Ibid., p. 160.
[178] Ibid., p. 157—158.

сматриваемых пяти стран. По численности населения это государство занимало в 1913 г. третье место. Население состояло в подавляющем большинстве из метисов, индейцы составляли 3% населения [179].

В экономическом и культурном отношении Никарагуа не намного опережала самый отсталый в Центральной Америке Гондурас. Хотя 75% территории Никарагуа пригодны для сельского хозяйства, в 20-х годах обрабатывались лишь 5%. Во внешней торговле первое место занимали США. В 1913 г. на долю США приходилось 35% экспорта и 56% импорта Никарагуа [180]. Как уже говорилось, США проектировали строительство межокеанского канала через Никарагуа. От этой мысли они не отказывались и тогда, когда уже строился Панамский канал. В Вашингтоне строили планы о прорытии второго канала между Атлантическим и Тихим океанами. Вот почему история Панамы стала повторяться на никарагуанской земле. В 1907 г. Рузвельт направил к берегам Никарагуа эскадру из четырех крейсеров и других военных кораблей. Ее командующий Мур получил инструкцию быть готовым при соответствующем предлоге высадить десант [181].

Диктатор Никарагуа Селайя, который на протяжении многих лет угождал поползновениям Вашингтона, не был в восторге от стоянки военной эскадры США у берегов его владений. Тем не менее он старался сохранять с Муром корректные отношения, не давая ему повода для интервенции, но ничто не помогло.

В 1909 г. на атлантическом побережье Никарагуа вспыхнуло «восстание».

Такие восстания в Никарагуа считались обыденным явлением. Только за 10 лет, с 1900 по 1910 г., в этой стране было 16 восстаний, которые именовались там революциями. Во многих «восстаниях» был замешан государственный департамент. Но на сей раз, когда военная эскадра США стояла в никарагуанских водах, коварные помыслы Вашингтона обнаружились с еще большей ясностью. Государственный секретарь Нокс объявил «революцию» законной и на этом основании выслал представителя неугодного правительства Никарагуа в Вашингтоне из США.

Компания «Юнайтед фрут», недовольная отношением к себе диктатора Никарагуа Селайи, активно приняла сторону его противников. Ее корабли, как, впрочем, и другие американские суда, «пользуясь никарагуанским флагом, доставляли революционной партии и людей, и оружие с ведома и с помощью представителей государственного департамента в Центральной Америке» [182].

[179] *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. N. Y., 1927, p. 4.
[180] *Lloyd-Jones C.* Op. cit., 184; *Winkler M.* Op cit., p. 254.
[181] *Ugarte M.* Op. cit., p. 106.
[182] *Ниринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., стр. 124.

Селайя также пожелал аннулировать концессию на разработку горных богатств, предоставленную одной американской корпорации. Он, вероятно, не знал, что Нокс, до того, как стать государственным секретарем, служил в ней юрисконсультом [183] и имел крупный пакет акций корпорации, а его племянник был ее управляющим в Блуфилдсе [184].

Когда в 1909 г. против Селайи было поднято восстание, США поддержали восставших и таким образом обеспечили им победу [185].

«Позиция США,— писал журнал «Норс американ ревью»,— диктовалась исключительно своекорыстием. Политика государственного департамента состояла в том, чтобы секретно помогать так называемой революционной партии в захвате власти; он был уверен, что эта партия отблагодарит принятием финансового плана, рекомендуемого государственным департаментом для восстановления финансов страны, и созданием условий для обеспечения инвестиций американского капитала, а в конечном итоге поставит страну под фактический протекторат США. Слабость революционной партии делает ее абсолютно зависимой от американской помощи. Без этой помощи она бы не продержалась у власти ни одной недели. Банкротство государства и разруха, причиненная «революцией», подготовила почву для проведения того, что называется «дипломатией доллара», осуществляемой по инициативе государственного секретаря Нокса, сопротивление которой безнадежно» [186].

Подобно тому как 3 ноября 1903 г. американский консул в Панаме сообщил заранее срок восстания, 7 октября 1909 г. американский консул в Блуфилдсе Моффат телеграфировал государственному департаменту, что восстание начнется на следующий день и что революционное правительство немедленно обратится за признанием к Вашингтону.

Восстание вспыхнуло в Блуфилдсе 8 октября, как сообщил Моффат. Губернатор города Эстрада, считавшийся одним из лучших и преданных генералов Селайи, перешел на сторону повстанцев и возглавил новое правительство. Новое правительство распространяло свою власть на узкую полоску вдоль Атлантического побережья. Почти вся страна и армия остались под властью Селайи, поэтому он без особого труда мог бы сокрушить восстание в Блуфилдсе. Но, видя, что Эстраду поддерживают США, и помня об их роли в панамской «революции», Селайя передал власть Мадризу и покинул страну.

Конгресс Никарагуа одобрил назначение Мадриза президентом страны. Вашингтон отказался признать правительство Мад-

[183] *Bemis S.* The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1943, p. 162.
[184] *Callcott W.* The Carribean Policy United States, 1890—1920. Baltimore, 1942, p. 279.
[185] «North American Review», January 1913, p. 53.
[186] Ibidem.

риза, так как его войска боролись с повстанцами, терпевшими поражение за поражением, пока у них остался лишь Блуфилдс, который они тоже вряд ли бы удержали. Но в это время в борьбу вмешались вооруженные силы США. Они высадили десант и взяли под свою охрану таможню у Блуфилдса.

Блуфилдс фактически удержали военно-морские силы США. Бои за город продолжались около 10 дней. Генерал Лара, наступавший на Блуфилдс, видя позицию, занятую американцами, с которыми воевать он считал бесполезным, отступил. Повстанческие силы, почти не встречая сопротивления, стали продвигаться на запад. Президент Мадриз, убежденный, что повстанцы получат от США любую необходимую им помощь, что продолжение борьбы означало бы превращение гражданской войны в безнадежную войну против США, 26 августа 1910 г. отказался от власти и уехал в Мексику, где вскоре умер.

С благословения Вашингтона президентом Никарагуа стал генерал Эстрада, а вице-президентом — Адольфо Диас, который служил секретарем в упомянутой горной концессии США. Однако как бы Эстрада ни угождал Ноксу, государственный департамент ему, как бывшему верноподданному Селайи, полностью не доверял. По настоянию посланника США в Манагуа генерал Эстрада покинул страну. Президентом стал Диас. Эстрада опубликовал в «Нью-Йорк таймс» список американских компаний и те суммы, которые они выделили для финансирования «революции» в Никарагуа.

С приходом Диаса «дипломатия доллара» заработала бесперебойно. Прежде всего с помощью займов банкиров Уолл-стрита таможни Никарагуа были поставлены под американский контроль для того, чтобы гарантировать выплату процентов по займу. Банкирам были предоставлены важные железнодорожные концессии с обширными земельными участками...[187] Кандидатура сборщика пошлин должна была быть названа банкирами США и одобрена государственным департаментом.

В январе 1912 г. в Манагуа прибыл новый посланник США Вейзель. В это время в Никарагуа обсуждался проект новой Конституции. Вейзель, грубо вмешиваясь в дела страны, в частности, возражал против второго параграфа Конституции, гласившего, что страна «не должна заключать никаких договоров или пактов, которые несовместимы с независимостью и национальным единством или которые в какой бы то ни было мере затрагивают ее суверенные права».

Вейзель действовал не только согласно инструкции государственного департамента, но в соответствии с просьбой президента Диаса, который считал, что может удержаться у власти лишь с помощью американских штыков. В письме поверенному в делах США в Манагуа Диас писал, что Конституция Никара-

[187] «North American Review», January 1913, p. 58.

гуа должна быть так дополнена, чтобы Соединенные Штаты могли вмешиваться во внутренние дела страны для поддержания мира и существования законного правительства»[188].

Империалистическая политика США и угодничество правителей Никарагуа перед Вашингтоном усилили протесты населения против империализма янки. Особенно большого накала они достигли в 1912 г.; возникла идея «выкупа независимости государства» с оплатой всех предъявленных Соединенными Штатами счетов и претензий, лишь бы освободить города страны от американских оккупационных гарнизонов. Был объявлен сбор средств. В марте газеты сообщали о случаях, когда поденные рабочие отдавали в фонд независимости двухнедельный заработок, крестьяне — свой скот, а некоторые — все свое состояние[189]. Ставленники США приняли все меры к тому, чтобы прекратить эту кампанию.

В связи с этим «дипломатия доллара» в Никарагуа подвергалась критике в конгрессе США. В сенат была даже внесена резолюция с требованием расследования Комиссией по иностранным делам интервенции вооруженных сил США[190]. Сенатор Бекон из Джорджии заявил: «Вооруженные силы США ведут войну в Никарагуа без полномочий конгресса; как следует из информации государственного департамента, по-видимому, полномочие начать войну передано им американскому посланнику в Никарагуа»[191]. Напомнив, что сенат отклонил договор, который предусматривал, чтобы американец занимался таможенными сборами в Никарагуа, Бекон продолжал: «Цель этого договора, как мы его понимаем,— предоставить некоторым американским капиталистам возможность извлекать высокую прибыль из предприятия, которое обычно рассматривалось бы как рискованное, но которое совершенно безопасно, когда оно гарантировано правительством США, когда правительство обязуется охранять американского сборщика пошлин в Никарагуа с помощью армии и флота США и обеспечивать направление поступающих таким путем средств на погашение финансовой задолженности этой страны»[192].

Эти слова Бекона вольно или невольно, но красноречиво разоблачают сущность «политики доллара».

Против Диаса поднял восстание бывший военный министр генерал Мена. Он захватил несколько городов и пытался овладеть столицей. Но присутствие в Манагуа американской морской пехоты обрекло попытки Мены на неудачу. В подавлении восстания участвовали военные корабли США. Адмирал Судер-

[188] *Stuart G.* Op. sit., p. 350.
[189] *Ugarte M.* Op. cit., p. 107.
[190] «Congressional Record», 21.VIII 1912, p. 11 430.
[191] Ibid., p. 11431.
[192] Ibidem.

ленд заставил восставших сложить оружие. Правительство Тафта цинично заявило: «США имеют моральный мандат на осуществление своего влияния для сохранения общего мира в Центральной Америке»[193].

В 1913 г. государственный секретарь Брайан внес в сенат проект соглашения о постройке канала через Никарагуа, ставший известным как «договор Брайана — Чаморро». За 3 млн. долл. правительство Диаса предоставило Соединенным Штатам право на сооружение канала в неограниченный срок и на аренду на неограниченное время морских баз в заливе Фонсека и у островов Большой и Малый Рог в Карибском море.

«Договор Брайана — Чаморро» был составлен так, что он открыто и цинично лишал Никарагуа независимости не только во внешней, но и во внутренней политике. В нем было зафиксировано, что Никарагуа не имеет права объявлять войну и заключать мирные договоры, затрагивающие ее независимость или территориальную неприкосновенность, а также получать займы, не соответствующие платежеспособности страны. Соединенным Штатам было предоставлено право вмешательства в ее дела под предлогом поддержания независимости страны и защиты жизни и собственности ее населения.

Договор носил до того откровенный колониалистский характер, что даже сенат США отказался его ратифицировать. Текст договора был пересмотрен в сторону смягчения его непрекрытого империалистического содержания. Но даже в пересмотренном виде «договор Брайана — Чаморро», вступивший в силу 24 июня 1916 г., расценивался в Латинской Америке как установление протектората США над Никарагуа.

Президентство Тафта завершилось, когда подходило к концу сооружение Панамского канала. Океанский пароход впервые прошел через канал 3 августа 1914 г.— спустя несколько дней после возникновения первой мировой войны. Канал обошелся Соединенным Штатам в 366 млн. долл.

Прошло около 10 лет со времени отторжения перешейка от Колумбии, но не только в Латинской Америке, но и в самих США не забывали о скандальном акте, совершенном правительством Рузвельта в 1903 г., причем бывший президент не уставал напоминать об этом.

Он открыто хвастался, что в вопросе о захвате территории для строительства канала не советовался даже с членами своего кабинета и игнорировал конгресс США. Рузвельт заявил: «Если бы я, подчиняясь законности, смотрел безучастно на то, что происходило на перешейке, если бы я предоставил все естественному ходу вещей, а затем представил подробный доклад об этом конгрессу, я дал бы повод для еще более ожесточенных

[193] *Lloyd-Jones C.* Op. cit., p. 178.

дебатов, которые продолжались бы и теперь, и нас по-прежнему отделяли бы от канала 50 лет» [194].

Об империалистической политике Рузвельта в вопросе о канале либеральный журнал «Нэйшн» писал: «Мы должны признать, что существуют люди, не только колумбийцы, а добропорядочные и интеллигентные американцы, которые считают наши действия в Панаме непростительным нарушением договорных обязательств и позорным преступлением перед основными принципами честного поведения» [195]. И еще: «Строительство канала стало возможным в результате нападения на беззащитную республику, с которой мы вели переговоры. Его фортификация стала возможна вследствие нарушения обязательств не укреплять его» [196].

Особенно сильное возмущение циничные признания Рузвельта вызвали в Колумбии. Колумбийский посланник в Вашингтоне писал государственному департаменту, что бывший президент США подтверждает, что Колумбии «без всяких причин был неожиданно нанесен большой вред». Когда Нокс, собираясь в поездку по странам Карибского моря, дал знать о своем намерении посетить Колумбию, ему ответили, учитывая настроения в стране, что такой визит «был бы несвоевременным» [197].

Еще Рузвельт до своего ухода из Белого дома добился соглашения с представителем Колумбии. Но когда его содержание стало известно в Боготе, оно вызвало такую бурю возмущения в стране, что колумбийское правительство вынуждено было подать в отставку, а посланник, ведший переговоры с представителем США, должен был бежать из страны.

Попытки Тафта договориться с Колумбией также ни к чему не привели. Колумбийский конгресс требовал либо передачи всего вопроса на арбитраж, либо полной компенсации за моральный, материальный и территориальный ущерб, нанесенный Колумбии отторжением Панамы. Переговоры продолжались и после ухода Тафта из Белого дома. Колумбия требовала, чтобы США выразили прежде всего сожаление о случившемся, предоставили ей право свободного пользования каналом и его зоной и выплатили компенсацию в 50 млн. долл.

Против этих требований резко выступил Теодор Рузвельт, заявив, что «их оправдание означает осуждение США за бесчестье». С началом первой мировой войны дальнейшее обсуждение претензий Колумбии отошло на задний план. Соглашение было достигнуто лишь спустя 2,5 года, после окончания войны. Колумбия согласилась сократить сумму денежной компенсации до 25 млн. долл.

[194] *Ниринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., стр. 73.
[195] «The Nation», 22.II 1912, p. 179.
[196] «The Nation», 20.VI 1912, p. 604.
[197] *Callcott W.* Op. cit., p. 269.

Сооружение канала привело к закабалению Панамы, к усилению зависимости всей Центральной Америки от Вашингтона.

«Независимая» Панама могла устанавливать у себя лишь такие порядки, какие нравились Вашингтону. Известный латиноамериканский писатель Угарте рассказывал, что во время посещения Панамы президент этой страны говорил ему: «Положение Панамы становится все труднее. Мое правительство не в состоянии создать себе мало-мальски реальный авторитет. У меня нет средств для проведения в жизнь его постановлений. Я встречаю затруднения даже в вооружении должным образом полиции, которая часто становится жертвой таинственных преступлений. Люди из зоны канала приходят, нападают на полицейских агентов и безнаказанно возвращаются на территорию, принадлежащую Северной Америке, после нарушения местных законов и порядков [198].

О какой в самом деле независимости могла идти речь, если президент Тафт неоднократно подчеркивал, что выборы в Панаме должны проходить обязательно под наблюдением представителей США? [199] Об этом же говорит и такой факт: в 1910 г. Нокс настоял, чтобы в споре о границе с Коста-Рикой Панама согласилась с его предложением, которое в действительности было направлено на удовлетворение претензий «Юнайтед фрут компани». «Независимая» Панама очутилась в таком положении, что не могла строить предприятия, железные дороги, радиостанции или производить другие более или менее важные работы без учета желания США [200].

Свою колониалистскую политику США вершили и на Кубе. Ставленники США — кубинские президенты правили страной под зорким наблюдением государственного департамента. В ноябре 1911 г. известный американский журнал «Харперс уикли» писал: «Когда республика Куба вступила на международную арену, сразу же стало ясно, что она не свободна и не независима. Ее так сковали условия и ограничения, что она оказалась вассалом» [201].

С помощью угодных Вашингтону правительств увеличивались капиталы США на Кубе. После окончания испано-американской войны инвестиции США на Кубе оценивались в 50 млн. долл. В 1906 г. они выросли до 120 млн долл., в 1912 г.— до 220 млн., а в 1929 г. они превысили 1 млрд. 500 млн. долл. Капиталовложения США на Кубе были больше, чем в любой другой латиноамериканской стране [202].

[198] *Ugarte M.* Op. cit., p. 146.
[199] *Collcott W.* Op. cit., p. 265.
[200] Ibid., p. 266—267.
[201] *Ugarte M.* Op. cit., p. 39.
[202] *Guggenheim H.* The United States and Cuba. N. Y., 1934, p. 113. *Winkler M.* Op. cit., p. 939, 275, 1034.

Капитал США глубоко проник в экономику страны. За шесть лет, прошедших со времени войны с Испанией, 13 тыс. американцев купили земли на Кубе на общую сумму в 50 млн. долл.[203]

Внешняя торговля Кубы ориентировалась почти исключительно на США, занимая в 1913 г. шестое место в экспорте США после Англии, Германии, Канады, Франции и Нидерландов и пятое место в американском импорте. В 1913 г. экспорт Кубы в США оценивался в 131 млн., а импорт из США — в 75 млн. долл. Кубинский экспорт состоял почти исключительно из сахара и табака.

Экономическая зависимость сопровождалась усилением политического господства Вашингтона на Кубе. «Дипломатия доллара» сочеталась с периодическими высадками десантов вооруженных сил США.

Первый посланник США в Гаване Сквайрс давал бесцеремонно понять, что он считает себя не обычным дипломатическим представителем, а своего рода наместником. Он об этом заявил кубинскому министру иностранных дел Салдо, когда тот возражал против непосредственного общения Сквайрса с президентом Пальмой, игнорируя министерство иностранных дел[204].

В стране и в конгрессе Кубы нарастало недовольство диктатом США. В 1905 г. палата представителей Кубы постановила опубликовать Конституцию государства без поправки Платта, принятой в 1901 г. в качестве приложения к Конституции. В Вашингтоне этот акт расценили как вызов США.

Соединенные Штаты Америки бесцеремонно вмешивались во внутренние дела Кубы. Так, во время восстания на Кубе в 1906 г., направленного против американского ставленника президента Пальмы, генеральный консул США на Кубе Штейнгарт, который возглавлял «Гаванскую электрическую компанию» с капиталом в 36 млн. долл., энергично выступил в поддержку Пальмы. 8 сентября Штейнгарт отправил в Вашингтон государственному секретарю секретную телеграмму, в которой говорилось: «Куба обратилась ко мне от имени президента Пальмы с просьбой, чтобы президент Рузвельт немедленно послал два военных корабля, один в Гавану, другой в Сьенфуэгос; они должны прибыть сразу. Государственные власти не в состоянии подавить восстание... Просьба Пальмы о кораблях должна сохраняться в строгом секрете. Никто здесь, кроме президента, министра иностранных дел и меня, не знает об этом»[205]. 12 сентября корабли «Денвер» и «Мариэтта» прибыли в Гавану и Сьенфуэгос.

Через месяц сам Пальма в письме личному другу по поводу своего предательского поведения заявлял, что он готов жертво-

[203] *Jenks L.* Our Cuban Colony. N. Y., 1928, p. 144.
[204] *Guggenheim H.* Op. cit., p. 193—194.
[205] *Jenks L.* Op. cit., p. 89.

вать суверенитетом страны. Он писал: «Я никогда не опасался считать и не боюсь громко сказать, что политическая зависимость, обеспечивающая нам блага свободы в 100 раз предпочтительнее для нашей любимой Кубы, чем суверенная и независимая республика, дискредитированная и несчастная в результате губительных последствий периодических гражданских войн»[206].

Сразу же после прибытия военных кораблей Штейнгарт в донесении в Вашингтон требовал, чтобы «Денвер» высадил десант, утверждая при этом, что, «вероятно, 80 тыс. повстанцев стоят у Гаваны. Сьенфуэгос также отдан на милость бунтовщиков. Три сахарные плантации уничтожены».

В 1906 г. в Гавану прибыли, как уже отмечалось, военный министр Тафт и заместитель государственного секретаря Бекон. Понимая, что Пальма не пользуется поддержкой в стране, Тафт обвинял его в том, что его руководство «расстроило финансовый кредит Кубы и отпугивало капитал» и дал понять, что его дальнейшее пребывание на посту президента нежелательно[207]. Пальма подал в отставку. Тафт от имени президента США объявил себя временным правителем Кубы. Одновременно была совершена интервенция вооруженных сил США на остров. В октябре 1906 г. Тафт передал управление Кубой губернатору зоны строящегося Панамского канала Могуну.

Очередная военная оккупация Кубы затянулась до начала 1909 г. Три года, в течение которых хозяйничал Могун, расценивались как годы, «самые ужасные в истории острова»[208].

В ноябре 1908 г. под наблюдением и контролем оккупационных властей были проведены выборы. Президентом Кубы стал Гомес. «Уладив» дела, оккупационные войска покинули Кубу. Но «дипломатия доллара» продолжалась, продолжались и интервенции.

Нокс утверждал, что концессия на мелиоративные работы на Кубе находится в противоречии с американо-кубинским договором и добавлением Платта, и на этом «основании» угрожал применить санкции. Он постоянно подчеркивал, что США имеют право на «превентивную интервенцию».

Очередная интервенция была совершена в 1912 г., во время восстания негров. Восставшие требовали прекращения дискриминации, предоставления политических прав, которых они были лишены правительством Гомеса. Он заверял американцев, что сам справится с восстанием. Но Вашингтон тем не менее послал на остров свои вооруженные силы: военные корабли и морскую пехоту. Вашингтон позаботился прежде всего о том, чтобы его вооруженные силы заняли и охраняли заводы и рудники,

[206] Ibid., p. 90.
[207] Ibid., p. 92—93.
[208] *Ниринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., с. 145.

принадлежавшие «Бетлхэм стил корпорейшн», а также обширные сахарные плантации «Юнайтед фрут компани» США.

Гомес под давлением общественного мнения внутри страны заявил официальный протест против иностранного вторжения. В телеграмме президенту Тафту он писал: «Решение такого серьезного характера тревожит и оскорбляет чувство народа, который горячо любит свою независимость и дорожит ею, тем более когда такие мероприятия не были предварительно согласованы обоими государствами»[209]. Это, однако, не помешало правительству Гомеса использовать морскую пехоту США для жестокого подавления восстания, завершившегося в июле 1912 г. убийством около 3 тыс. негров.

Гомес на очередных «выборах» был заменен более подходящим для государственного департамента генералом Менокалем[210].

В Гаити и Доминиканской Республике «дипломатия доллара» выражалась в том, что Тафт и Нокс неуклонно и энергично проводили политику Теодора Рузвельта, направленную на превращение этих стран в протектораты США. К концу президентства Тафта на долю США приходилось $^2/_3$ импорта Доминиканской Республики и около $^3/_4$ импорта Гаити.

Контроль Вашингтона над таможнями Доминиканской Республики, установленный Рузвельтом в 1904—1905 гг., сенат США вначале не одобрил. Но контроль продолжал действовать под охраной военного флота США.

В 1907 г. американский сенат санкционировал соглашение, предусматривающее назначение президентом США сборщика таможенных пошлин в Доминиканской Республике и запрещение изменять таможенные тарифы или увеличивать долги этой республики без согласования с представителем Вашингтона. Банкирский дом «Кун-Леб энд компани» предоставил Доминиканской Республике заем в 20 млн. долл. на уплату ее долгов. Погашение займа и выплата процентов заимодавцам гарантировались таможенными сборами республики, которые были отданы Соединенным Штатам на 50 лет.

Кабальный заем, сбор пошлин означали контроль над экономикой этой республики, политическое подчинение Вашингтону[211]. Установление фактического протектората США над Доминиканской Республикой вызвало недовольство и активное сопротивление[212]. Доминиканцы утверждали, что таможни страны в руках эмиссаров Вашингтона превращают их родину в аграр-

[209] *Jenks L.* Op. cit., p. 118.

[210] Кандидат консервативной партии Менокаль получил образование в США. Ко времени его избрания президентом он являлся директором кубино-американской сахарной компании и считался одним из самых богатых плантаторов на Кубе.

[211] *Lloyd-Jones C.* Op. cit., p. 121, 123—124.

[212] *Knight M.* The Americans in Santo-Domingo. N. Y., 1928, p. 43.

но-сырьевой придаток США, лишая их возможности наладить какую бы то ни было собственную промышленность. Они спрашивали: почему страна с развитым скотоводством вывозит шкуры и ввозит обувь и другие кожаные изделия; почему страна, владеющая самыми ценными породами дерева, импортирует нужную ей мебель из США?[213] В 1910 г. с благословения США в Доминиканской Республике вступил в силу новый таможенный тариф. Но он почти ничего не сделал для поощрения развития национальной промышленности[214]. Но зато был принят закон (1911 г.), предоставивший особые льготы иностранным концессионерам. Им разрешалось строить фабрики, железные дороги, мосты, доки, телеграфные и телефонные станции и линии, электростанции и другие предприятия, а также разводить плантации. Закон гарантировал экспроприацию нужных концессионерам земельных участков. Он освободил их на 8 лет от налогов на экспорт.

Соглашение 1907 г. и закон о концессиях 1911 г. справедливо расценивались в туземных кругах как установление полного господства доллара над их страной, как превращение ее в колонию США. Недовольство империалистической политикой США нередко переходило в открытые выступления.

В 1911 г., чтобы утихомирить остров, Тафт послал в Доминиканскую Республику двух специальных уполномоченных. Они отправились туда на военном корабле, на борту которого находилось 750 солдат морской пехоты. Уполномоченные заставили подать в отставку преемника убитого Касереса. Конгресс республики в 1912 г. избрал президентом архиепископа Ноуеля, который, казалось, устраивал и американцев, и повстанцев. Но Ноуель продержался недолго, через четыре месяца он подал в отставку.

Восстание продолжалось. Оккупация Доминиканской Республики была отложена ввиду смены президентов США и была осуществлена в 1916 г., после избрания Вильсона президентом на второй срок. Командующий оккупационными войсками капитан Нэпп объявил себя правителем страны с неограниченной законодательной, судебной и исполнительной властью.

Гаити постигла участь Доминиканской Республики на год раньше: она была оккупирована вооруженными силами США в 1915 г. К этому неизбежно вела «дипломатия доллара».

В 1910 г. в связи с реорганизацией с помощью французского займа Национального банка Гаити Нокс заявил, что при такой реорганизации игнорировались интересы американских банкиров. В результате нью-йоркские банкиры получили в 1911 г. часть акций, а позже «Нэшнл сити бэнк» Нью-Йорка целиком овладел Национальным банком Гаити.

[213] Ibid., p. 44.
[214] Ibidem.

По мере увеличения американских капиталов в Гаити государственный департамент все настойчивее требовал их обеспечения путем установления контроля США над таможнями республики. Сопротивление Гаити американским требованиям завершилось интервенцией вооруженных сил США. В 1914 г. отряд американских моряков устроил налет на Национальный банк Гаити, захватил его золотые запасы на сумму в 500 тыс. долл. и переправил их в Нью-Йорк. Спустя 7 лет, в 1921 г., в комиссии сената США констатировали, что этот налет был совершен по указанию госдепартамента.

В 1915 г. Вашингтон предложил Гаити заключить соглашение, по которому США будут защищать эту карибскую республику от внешнего нападения и помогать ее правительству подавлять восстания внутри страны [215]. Правительство Гаити не приняло целиком предложения, низводившего страну на положение колонии, но вместе с тем не отказалось от переговоров по этому вопросу. Однако это не удовлетворило Вашингтон, и он решил действовать в одностороннем порядке. Морские десанты под командованием адмирала Кэпертона, высадившиеся под предлогом защиты порядка от восстания, вспыхнувшего в столице Порт-о-Пренсо, приступили к оккупации Гаити. Были заняты главные города и захвачены таможни — в соответствии с приказом морского министра США — в десяти основных портах республики. В устроенной ими резне погибло свыше 3 тыс. жителей Гаити [216].

16 сентября 1915 г. правительство Гаити вынуждено было подписать договор, который не только узаконил контроль нью-йоркских банкиров над таможнями и финансами, но и фактически установил протекторат США над страной [217]. США «выговорили» себе решающее слово не только во внешней, но и во внутренней политике оккупированной республики. Десятая статья договора требовала, чтобы полиция Гаити возглавлялась американцами.

Американский генерал Батлер, восхваляя «заслуги» морской пехоты США в Центральной Америке, писал: «Я помог сделать Мексику надежной для американских нефтяных интересов в 1914 г. Я помог сделать Гаити и Кубу подходящим местом для таможенных сборов ребятами из банка «Нэшнл сити». Я помог расчистить Никарагуа для операций международного банкирского дома братьев Браун... Я помог сделать Гондурас удобным для «Юнайтед фрут компани» [218].

«Дипломатия доллара» не ограничивалась странами, примыкающими к бассейну Карибского моря. Она активно проникала

[215] *Stuart G.* Op. cit., p. 306.
[216] *Ниринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., стр. 119; *Callcot W.* Op. cit., p. 417.
[217] *Lloyd Jones C.* Op. cit., p. 142—143; *G. Stuart.* Op. cit., p. 307.
[218] *Gunter J.* Inside South America. N. Y., 1967, p. 138.

и на Дальний Восток. «Доктрина Хея», рассчитанная на то, что «открытые двери» и равные возможности обеспечат Америке ведущее место в эксплуатации Китая, прежде всего и главным образом имела в виду могущество доллара.

Тафт, как и его предшественники, рассматривал наступавшую «тихоокеанскую эру» как такое время, когда история, по их убеждению, возложила на США «особую миссию». Как и Рузвельт, он высоко ценил советы и прогнозы Брукса Адамса и следовал им. Адамс же утверждал, что географическое положение и богатство США позволяют им включить Восточную Азию в свою экономическую систему. Строительство Панамского канала усиливало уверенность Тафта в правильности курса, взятого Рузвельтом на распространение влияния американского капитала в Китае.

Тафт приступил к проведению «дипломатии доллара» в Китае подготовленным, преисполненным желания и надежд. И если его мечты, как и планы Рузвельта в Небесной империи, не сбылись, то это объясняется тем, что там действовали и другие империалистические хищники, преодолеть противодействие которых президент Соединенных Штатов оказался не в силах.

В США со времени их появления на империалистической арене строили большие расчеты на будущие выгоды, на потенциальные возможности Китая. В 1914 г. орган Американской академии политических и социальных наук писал: «Из всех районов земного шара Китай обещает наибольшие возможности. Китай — ключ ко всему политическому положению в Тихом океане. Он один из главных факторов, формирующих политику великих держав, а их усилия обеспечивать торговые преимущества вызывали острейшее соперничество между ними»[219].

Ни при Рузвельте, ни при Тафте США не добились в Китае существенных экономических успехов. Наоборот, стоимость американского экспорта в Китай сократилась, как уже говорилось, с 53 млн. долл. в 1905 г. до 16 млн. долл. в 1910 г. В 1914 г. эта сумма увеличилась до 25 млн., но она уступала почти в 3 раза размеру экспорта США на Кубу и в 14 раз — их экспорту в Канаду.

Инвестиции США в Китае в 1914 г. оценивались по самым максимальным подсчетам в 50 млн. долл.[220] Эта сумма была тогда в 20 раз меньше американских капиталовложений в Мексике. За 30 лет, с 1885 г., за исключением периода русско-японской войны, доля США во внешней торговле Китая никогда не превышала 10%. С 1900 г. до конца первой мировой войны американскому торговому флоту принадлежало не более 1% пере-

[219] «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 245.
[220] *Remer C.* Foreign Investments in China, p. 263, 265.

возок во внутренней и внешней торговле Китая. Даже в период русско-японской войны эта цифра не превышала 2% [221].

В странах «американского средиземноморья» Тафт сочетал «дипломатию доллара» с силой штыков морской пехоты. По ту сторону Тихого океана, в далеком Китае, такое сочетание оказалось слишком рискованной задачей, хотя сам Тафт и признавал, что одни доллары, не подкрепленные силой, не оправдают в Китае возложенных на них надежд. Так, вступая в должность президента в 1909 г., Тафт произнес речь, в которой заявил: «В международных осложнениях, которые весьма легко могут возникнуть на Востоке из-за вопроса об «открытых дверях» и по другому поводу, Соединенные Штаты сумеют отстоять свои интересы и обеспечить внимание к своим справедливым требованиям. Однако они не смогут добиться этого, если станет известно, что подкрепить свои права и защитить свои интересы они могут только словесным протестом и дипломатической нотой» [222].

Правительство США в своей экспансионистской политике в Китае, в проведении доктрины «открытых деверей» наталкивалось на сопротивление других империалистических держав и самого Китая.

Американские банкиры, не уверенные в том, что их капиталы всегда будут должным образом защищены, совершали инвестиционные операции в Китае осторожно, с оглядкой. Как уже говорилось, в 1905 г. Рузвельт обещал Моргану, что его капиталы в Китае не пострадают. Но Морган не был уверен в этом. Тафт, как и Рузвельт, поощрял активность нью-йоркских банкиров в Китае. Он сделал все, что мог, для проведения «дипломатии доллара» в Китае. Его «деятельность» детально описана, в частности, в объемистой книге Кроли под названием «Уиллард Стрэйт» [223].

В целях соблюдения принципа «открытых дверей» на северо-востоке Китая Стрэйт, будучи консулом, упорно продвигал идею

[221] *Remer C.* Foreign Investments in China, p. 261, 262.

[222] *Ниринг С., Фримэн Д.* Указ. соч., стр. 43.

[223] *Croly H.* Willard Straight. N. Y., 1924. Стрэйт в 1904 г. был военным корреспондентом в Маньчжурии, где в то время развивалась русско-японская война. После войны он стал вице-консулом в Сеуле, а в 1908 г.— генеральным консулом в Мукдене. Молодой консул, не достигший еще и 30 лет, оказался лично связанным не только с государственными секретарями Рутом и Ноксом, но и с крупнейшими американскими банкирами: Морганом, Гарриманом, фирмой «Кун-Леб» и др. В 1909 г. Стрэйт был назначен представителем международной группы банкиров в Китае. Как генеральный консул и как их представитель он проявлял необычайную энергию и настойчивость, старался распространять и укреплять влияние США на северо-востоке Китая. Он ездил в Пекин и Токио, в Париж и Лондон в поисках путей к реализации американских планов в Маньчжурии. 20 июня 1910 г. Стрэйт прибыл в Петербург. Его принимали царские министры, а также председатель совета министров. Моргана особенно интересовали беседы Стрэйта в Петербурге с министром иностранных дел Извольским и министром финансов Коковцевым.

государственного департамента о нейтрализации маньчжурских железных дорог. Это должно было способствовать покупке банкирами США и других стран Восточно-Китайской железной дороги у России и Южно-Маньчжурской железной дороги у Японии.

6 ноября 1909 г. Нокс официально выдвинул план, по которому эти железные дороги должны были считаться формально собственностью Китая, а на деле — находиться под контролем представителей стран-кредиторов до выплаты займа, полученного Китаем на приобретение этих дорог[224]. Однако Рузвельт, считая, что экспансия США должна развиваться не на севере, а в центре и на юге Китая, выступал против предложения Нокса. В письме Тафту он заявлял, что интересы США в Маньчжурии незначительны, а интересы Японии так велики, что, по его мнению, в этом районе можно заставить уступить, лишь идя на риск войны, а успешная война за Маньчжурию потребует такого флота, как английский, и такой армии, как германская. В подкрепление своего мнения он привел ковбойскую поговорку: «Никогда не угрожай, пока ты не намерен стрелять»[225].

Нокс ничего не добился не только в Токио, но и не встретил сочувствия в Лондоне, где не хотели портить отношения с японским союзником. Стрэйт оставил 25 июня 1910 г. Петербург также с пустыми руками. В своем отчете Моргану он писал, что из разговоров с Коковцевым и Извольским он убедился, что на Дальнем Востоке Россия больше предпочитает действовать совместно с Японией, чем с США[226].

Планы государственного департамента в Маньчжурии содействовали дальнейшему сближению России с Японией. Оба эти государства, как известно, заключили еще в 1907 г. соглашение, разделившее Маньчжурию на русскую и японскую сферы влияния. 4 июля 1910 г. они подписали конвенцию о сохранении статус-кво в Маньчжурии. Конвенция была направлена своим острием против американских планов в этой части Китая. Однако и после этого Тафт и Нокс продолжали «дипломатию доллара» на северо-востоке Китая. В президентство Тафта Маньчжурия занимала особое место во внешней политике США.

Еще при Рузвельте нью-йоркские банкиры проектировали создание маньчжурского банка с капиталом в 20 млн. долл. с целью финансирования промышленного и железнодорожного строительства на севере Китая. Был даже выработан проект соглашения. Однако смерть китайского императора и «соглашение Рута-Такахира» в ноябре того же года помешали созданию задуманного маньчжурского банка[227].

[224] *Goebel B.* American Foreign Policy. A Documentary Survey. N. Y., 1961, p. 192.
[225] Ibid., p. 193—194.
[226] *Croly H.* Op. cit., p. 326—327, 329—330.
[227] Ibid., p. 271—274.

Ничего не вышло и в дальнейшем, когда Стрэйт был представителем Моргана и других банкиров в Китае. Он стал автором соглашения о займе в 50 млн. долл. для создания единой стабильной валюты в Китае. Заем должен был обеспечить консорциум банков США, Англии, Франции и Германии. Американскую группу в консорциуме представлял партнер Моргана Дэвисон. В эту группу вошли фирмы «Джон Пирпонт Морган энд компани», «Кун-Леб энд компани», «Нэшнл сити бэнк» и «Ферст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк»[228]. Соглашение было подписано в 1911 г. Но его проведение в жизнь откладывалось. Япония и Россия протестовали, требуя своей доли в этой сделке.

Тем временем в Китае вспыхнула революция, «Небесная империя» стала республикой. Новое правительство во главе с Юаншикаем обратилось к банкирам с предложением о предоставлении ему займа в 125 млн. долл. На этот раз в консорциуме участвовали также русские и японские банки. Переговоры затянулись до 1913 г. В конце концов условия соглашения были одобрены правительствами шести государств, а также Китая.

В это время в США сменился президент.

Новый президент Вильсон, видя, что соотношение сил в консорциуме складывается не в пользу США, что Вашингтону не удается использовать заем банков шести государств так, как планировали Нокс и Стрэйт, сообщил, что его правительство не будет поддерживать этой финансовой операции.

Сообщение Белого дома последовало через две недели после въезда в него нового президента. Вильсон объяснил свое решение тем, что «условия займа, кажется нам, затрагивают очень близко независимость самого Китая. Правительство считает, что оно не должно быть в какой бы то ни было мере причастным к этому делу... Ответственность нашего правительства, вытекающая из поощрения займа, обеспеченного и реализуемого таким образом, достаточно ясна. Принятие такой ответственности несовместимо с принципами, на которых покоится государственный строй нашего народа»[229]. Заявление президента США сразу после его прибытия в Белый дом было рассчитано, надо полагать, на должное впечатление внутри страны и в Китае. Но как бы то ни было, не получив поддержки своего нового правительства, американские банкиры вышли из консорциума шести держав.

Стрэйт с благословения Моргана и Нокса, а также самого Тафта добивался осуществления широкого железнодорожного строительства в Китае с помощью американского капитала. В Маньчжурии проектировалось построить железную дорогу от Цзиньчжоу до Айгуна на Амуре. В Центральном Китае предполагалось участие американских банкиров вместе с английскими, французскими и немецкими в сооружении Хукуанских линий —

[228] *Lamont T.* Across World Frontiers. N. Y., 1950, p. 228.
[229] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 265.

железных дорог, соединяющих Ханькоу с Чунцином и с Кантоном. В 1911 г. банкиры четырех государств подписали с китайским правительством соответствующее соглашение[230]. Ранее, в 1909 г., было подписано соглашение о финансировании Морганом строительства Цзиньчжоу-Айгунской железной дороги. Но противодействие царской России и Японии заставило США отказаться от осуществления этого строительства.

В годы президентства Тафта правительство США возлагало большие надежды на Китай, стремясь, как советовал Брукс Адамс, вовлекать Восточную Азию в свою экономическую орбиту. Хотя США своего не добились и их планы не были реализованы, они демонстрировали свое упорство в проведении «дипломатии доллара» в Китае.

5. Раскол республиканцев

Тарифы, монополии и цены. Дело Баллинджера. Выборы в 62-й конгресс. «Разумные» и «неразумные» тресты. «Новый национализм». Национальная прогрессивная республиканская лига. Страх за судьбу капитализма. Национальный конвент республиканцев. Прогрессивная партия. Национальный конвент демократов. Социалистическая партия на выборах 1912 г. Итоги выборов. Конец «прогрессивного периода».

Бурная президентская кампания 1912 г. ясно продемонстрировала, куда привел республиканскую партию и страну 27-й президент США. От Тафта широкие круги избирателей ожидали выполнения многочисленных либеральных обещаний его предшественника, а он показал себя во главе государства и правительства как ярый сторонник махрового консерватизма.

На выборах 1912 г. были подведены прежде всего итоги внутренней политики Тафта. За 11 месяцев до выборов журнал «Нэйшн» писал: «Тафт не обнаружил ни проницательности, ни должной энергии, необходимых для решения стоящих перед страной задач... Он часто занимался исправлением просчетов, которых при дальновидном и умелом руководстве могло и не быть»[231]. Тафт, как его характеризовал профессор Калифорнийского университета Моури, не был политиком в обычном американском понимании, а сам Тафт писал: «Я не люблю политики. Я не люблю быть в центре внимания». Он неохотно выступал на массовых предвыборных собраниях. Лето 1908 г., когда он проводил свою президентскую кампанию, представляло «один из наиболее неприятных четырех месяцев в моей жизни»,— вспоминал Тафт[232]. «Тафт,— писал тот же Моури,— был консерватором инстинктивно, эмоционально и идеологически. Он уважал закон,

[230] *Croly H.* Op. cit., p. 325—326, 407.
[231] «The Nation», 7.XII 1911, p. 539.
[232] *Mowry G.* The Era of Theodore Roosevelt. N. Y., 1958, p. 233.

судебный процесс и сопровождающий его порядок. Он почитал прошлое и его институты, не любил перемен, особенно если эти перемены вводились в результате политического давления снизу»[233].

В отношениях с конгрессом Тафт сильно отличался от Рузвельта и напоминал Маккинли. Вудберн писал: «Тафт стоял на той точке зрения, что президент не имеет права вмешиваться в работу конгресса, что конгрессу следует быть вполне независимым и вести работу по выбранному им самим направлению, а роль президента должна сводиться к тому, чтобы принимать или отвергать готовый билль, что исполнительная власть не может оказывать давление на конгресс или пытаться контролировать его деятельность»[234].

С этой точки зрения небезынтересно проследить за отношениями самого Тафта с конгрессом, особенно по вопросу о тарифах. В 61-м конгрессе, заседавшем в 1909—1910 гг., республиканцам принадлежало подавляющее большинство. Но их раздирали внутренние разногласия. «Старая гвардия» и «инсургенты» в республиканской партии враждовали между собой больше, чем с демократами.

«Инсургенты» во главе с Лафоллетом и Доливером, представлявшие в конгрессе аграрные западные штаты, выступали против протекционных тарифов. Они утверждали, что запретительные таможенные пошлины, ограждающие американскую промышленность от иностранной конкуренции, порождают тресты и монополии, грабящие широкие массы потребителей, особенно фермеров. Они также протестовали против захвата и расхищения природных богатств Запада капиталистами Востока.

Споры по этим проблемам занимали большое место и во время президентской кампании 1908 г. Особое место занимал вопрос о таможенных тарифах. С ним связывали рост цен, тяжесть которого остро ощущали широкие круги населения. Со времени испано-американской войны, со времени вступления США в эпоху империализма непрерывно дорожала жизнь. С 1898 по 1912 г. индекс стоимости жизни повысился на 36%[235].

Обычно рост цен в США объясняли открытием золотоносных земель на Аляске и в Австралии и применением процесса цианирования при извлечении золота из руд, что снижало стоимость этого драгоценного металла. Снижение стоимости всеобщего эквивалента автоматически вызывает рост товарных цен. Однако такое объяснение было несостоятельным. Дело в том, что рост производительности труда в золотодобывающей промышленности — явление не изолированное, одновременно он происходил

[233] *Mowry G.* The Era of Theodore Roosevelt. N. Y., 1958, p. 234.
[234] *Woodburn G.* Political Parties and Party Problems of the United States. N. Y., 1924, p. 185.
[235] Historical Statistics of the United States. Washington, 1961, p. 127.

во всех отраслях производства. Выпячивание на первый план влияния золота на рост дороговизны заслоняло роль монополий, монопольных цен.

Движение против монополий вылилось в кампанию за снижение таможенных пошлин (которые тем не менее были повышены в 1897 г. и в дальнейшем оставались на высоком уровне.— *Авт.*). В 1908 г. на национальном партийном конвенте республиканцев «инсургенты» добились включения в платформу обещания о пересмотре таможенных пошлин.

Тафт и сам высказывался за пересмотр тарифов. С этой целью он, едва став президентом, созвал специальную сессию конгресса.

Установление новых таможенных пошлин в США всегда протекало в конгрессе в условиях острой борьбы. Выдвижение этого вопроса считалось политическим риском. Даже такой напористый президент, как Рузвельт, всячески обходил эту проблему, не доводил ее до обсуждения в конгрессе. В конце 1911 г. журнал «Нэйшн», касаясь нового тарифного закона, подписанного Тафтом, отмечал: «Тафт играет с огнем и не сознает этого. Тариф Пэйна — Олдрича был явно огнеопасным, политической взрывчаткой. Но президент США оказался единственным человеком, не сознававшим этого» [236].

Тафт же отправил послание специальной сессии конгресса, в котором предложил пересмотреть таможенные тарифы. Вслед за тем Пэйн, будучи председателем финансовой комиссии, внес в конгресс новый законопроект о тарифах, который в целом предусматривал сокращение таможенных пошлин. Билль Пэйна прошел в палате представителей 217 голосами против 171. Вопрос был перенесен в сенат, деятельность которого контролировалась самыми реакционными республиканцами во главе с Олдричем.

Лидер большинства в сенате Олдрич внес в сенат свой тарифный билль, полностью расходившийся с биллем Пэйна. Олдрич предложил 847 поправок к биллю Пэйна. Содержание поправок заключалось главным образом в том, что они восстанавливали пошлины там, где они были сняты, и повышали там, где они были снижены. В частности, Олдрич предлагал сильно увеличить пошлины на изделия из железа, стали, цветных металлов и дерева, а также на текстиль.

Началась острая борьба. «Инсургенты» утверждали, что если Тафт не наложит вето на тарифный законопроект, то этим он подтвердит свое единство с консерваторами, нарушит решения партийного съезда 1908 г. и выступит против интересов массового потребителя.

Лидеры «старой гвардии» — сенаторы Олдрич, Лодж и другие — доказывали в конгрессе, что они не нарушают партийных решений, что в платформе, принятой на съезде республиканцев

[236] «The Nation», 7.XII 1911, p. 539.

в 1908 г., говорилось о пересмотре, а не о снижении или повышении тарифных ставок.

Трудным оказалось положение Тафта. В его речи 2 сентября 1908 г., в которой он официально принял предложение Национального конвента, избравшего его кандидатом в президенты от республиканской партии, а также в речи, произнесенной по поводу вступления в должность президента, он уверенно обещал сократить таможенные пошлины.

Горячие дебаты по тарифному вопросу раскрывали интересы различных представителей и их сторонников. Сенатор Уоррен из Уайоминга страстно отстаивал запретительные пошлины на шерсть, так как, по словам сенатора Доливера, он был крупнейшим владельцем отар со времен библейского Авраама.

В конце концов оба билля были примирены на объединенном заседании комиссий обеих палат. Билль прошел в конгрессе как «тариф Пэйна — Олдрича» незначительным большинством. Он был немедленно подписан Тафтом.

Крупнейший знаток развития борьбы вокруг таможенных пошлин в США профессор Гарвардского университета Тауссиг в шестом издании его книги «История тарифов в США», подробно описывая «тариф Пэйна — Олдрича», заключил: «В общем акт 1909 г. не внес существенных изменений в нашу тарифную систему...» [237] Газеты утверждали, что новый тариф в целом повысил таможенные пошлины. Печать аграрных штатов приводила подробные сведения, иллюстрирующие, как пошлины выросли на промышленные изделия и сократились на продукты, производимые фермами.

Широкое недовольство в стране «тарифом Пэйна — Олдрича» было направлено против президента. Тафт, желая поправить свою пошатнувшуюся репутацию, решил совершить турне по западным штатам, где его позиция по вопросу о таможенных тарифах вызвала особенно сильные протесты. Первую речь он произнес в небольшом городке Виноне (штат Миннесота). Президент США демонстративно «засвидетельствовал почтение» этому городку, потому что житель Виноны Тоуни был единственным представителем Миннесоты в конгрессе, голосовавшим за «тариф Пэйна — Олдрича». В своем выступлении он заявил, что «если страна заинтересована в свободной торговле» и в установлении низких цен в ущерб промышленности, «то она должна об этом ясно заявить и поставить у власти демократическую партию... В целом, однако, я должен сказать, что считаю тарифный билль Пэйна лучшим тарифным биллем, который республиканская партия когда-либо проводила» [238].

Речь в Виноне вызвала бурю протестов на Западе. И до этой речи газеты «Чикаго Трибюн», «Канзас-Сити стар» и др. «требо-

[237] *Taussig F.* The Tariff History of the United States, N. Y., 1914, p. 407—408.
[238] *Commager H.* Op. cit. vol. II, p. 235.

вали, чтобы Олдрич и его коллеги-сенаторы — «слуги трестов» — были лишены руководящих постов в партии, даже если это приведет к гражданской войне»[239]. После же выступления в июне выпады против «слуг трестов» усилились, а газета «Де Мойн реджистер энд лидер», издающаяся в Айове, упрекала Тафта в том, что он «явно за Олдрича и Кэннона, за Восток и за монополистические корпорации», и выступила против выдвижения кандидатуры Тафта на следующих президентских выборах[240].

Президент США подлил масла в огонь тем, что, пытаясь оправдаться, «разъяснил», что текст речи он диктовал в вагоне между двумя станциями и просмотрел ее только для того, чтобы выправить стилистически[241].

Авторитет Тафта был одновременно подорван и нашумевшим тогда делом его министра внутренних дел Баллинджера. Назначение Баллинджера на пост министра сразу вызвало недоумение. Рузвельт просил оставить на этом посту его министра внутренних дел, активного сторонника защиты природных богатств Гарфилда. Тафт не согласился.

Когда Тафт стал президентом, его министр внутренних дел Ричард Баллинджер заявил, что он отменяет решение предыдущего правительства о включении в состав государственных резервов земельной площади в Монтане и Юте, так как считает это незаконным.

Мероприятия Рузвельта по сохранению природных богатств были популярны в стране. В этом деле его поддержали «инсургенты» и другие группы в конгрессе. В 1907 г. он созвал по этому вопросу специальную конференцию в Вашингтоне, после чего назначил комиссию для защиты и расширения резервов лесов и минеральных ресурсов, находящихся в ведении государства. Перед своим уходом из Белого дома он присоединил к этим резервам около 1,5 млн. акров земли в Монтане и Юте, богатой лесом и источниками водной энергии.

В печати и в конгрессе заговорили, что Тафт, выступая против расширения государственных лесных и других земельных угодий, ревизует политику Рузвельта, которую он клялся соблюдать. Сторонники защиты природных богатств признавали, что действительно в США не существует закона, уполномочивающего президента расширять государственные земельные фонды. Но вместе с тем, говорили они, нет закона, запрещающего это делать. Рузвельт постоянно твердил, что президент должен проявлять инициативу и делать все то, что считает полезным для государства, за исключением того, что определенно запрещено Конституцией. Противник всего нового, Тафт не поощрял инициативы. Он предпочитал действовать в пределах устава, в рамках писаного закона.

[239] *Mowry F.* The Era of Theodore Roosevelt, p. 248.
[240] Ibid., p. 249.
[241] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 372.

Отмена Баллинджером решения Рузвельта насторожила многих. Министр внутренних дел Тафта привлек к себе большое внимание, заинтересовались его деятельностью.

17 августа 1909 г. сотрудник министерства внутренних дел Глэйвис передал Тафту материал, полученный от главного лесничего США Пинчота о том, что Баллинджер непристойно содействует овладению синдикатом Моргана — Гуггенгейма 100 тыс. акров земли на Аляске, богатой залежами каменного угля.

Баллинджер отрицал выдвинутые против него обвинения. Тафт взял его под свою защиту и велел Глэйвиса уволить. За Глэйвиса заступился Пинчот, который апеллировал к сенатору Долливеру. Тот зачитал апелляцию в сенате. Тогда Тафт приказал министру сельского хозяйства Вильсону уволить Пинчота.

В защиту Пинчота и Глэйвиса выступила пресса. Журнал «Колльерс уикли» опубликовал обвинения, выдвинутые Глэйвисом, под заголовком: «Разве министерство внутренних дел находится на попечении Гуггенгеймов?». Этот журнал нанял одного из крупнейших адвокатов страны, будущего члена Верховного суда США Брандиса для защиты интересов Глэйвиса перед специальной объединенной комиссией конгресса, созданной по делу Баллинджера.

Комиссия запросила у Тафта объяснение его позиции. Объяснение, в котором подробно было изложено все дело, написал генеральный прокурор Тафта Викершем, претендовавший на то, чтобы этот объемистый документ (около 50 тыс. слов) помог Тафту выгородить Баллинджера. Между тем Брандис с помощью секретаря Викершема доказал, что этот документ был сочинен лишь после того, как комиссия конгресса обратилась к Тафту за объяснениями.

В комиссии мнения разошлись. Большинство, принадлежавшее к консервативным республиканцам, выгораживало Баллинджера, уверяло, что обвинения против него вытекают из пристрастных политических разногласий по вопросу о природных ресурсах. Но член комиссии Рут голосовал за большинство с оговоркой, что он не одобряет отмены Баллинджером решения правительства Рузвельта о консервации. Демократы и один республиканец-«инсургент»—члены комиссии составили отдельные отчеты о ее работе. Они осуждали Баллинджера и требовали снять его с поста министра внутренних дел, против чего не возражало даже большинство комиссии.

Баллинджер подал в отставку 7 марта 1911 г. Его дело служило темой для дискуссий, диссертаций и печатных работ в дальнейшем. Независимо от того, виновен ли был Баллинджер, или нет, от его дела значительно пострадал престиж Тафта.

Авторитету президента США был нанесен удар также ниспровержением спикера палаты представителей Кэннона в 1910 г.

Кэннон из Иллинойса, выбранный на должность спикера в 1903 г., диктаторствовал в палате представителей еще более, чем

Олдрич в сенате. Его называли «хозяином». Ультраконсервативный Кэннон «был одним из самых верных слуг, какими только располагали капиталисты Соединенных Штатов в обеих палатах конгресса»[242]. Период его диктаторства в высшем законодательном органе многие в США называли «кэннонизмом». Внешне подражая Линкольну, выдавая себя за человека из народа, на деле он был реакционером, верой и правдой служившим монополиям, крупному капиталу.

Кэннон зарекомендовал себя как один из самых ловких боссов в истории республиканской партии. О нем говорили, что он считал всякие предложения о пересмотре конгрессом сложившегося порядка вещей в интересах масс наполовину вредными и наполовину бесполезными. В этом взгляды Кэннона и Тафта совпадали. Однако в целях сохранения личной власти и большинства своей партии в конгрессе прожженный политик и циник Кэннон иногда высказывался за некоторые уступки общественному мнению.

«Секрет» силы изворотливого Кэннона состоял в том, что он ловко использовал существовавшие правила и сложившиеся традиции в палате представителей. К началу XX в. установившиеся правила и накопившиеся прецеденты о порядке принятия решений, обсуждений в конгрессе были зафиксированы в восьми объемистых томах, которые для обычного конгрессмена считались китайской грамотой. Ими должна была руководствоваться и их толковала комиссия процедур палаты[243]. Большинство этой, как и других комиссий, назначал спикер. Сам он состоял членом процедурной комиссии. Спикер назначал в комиссии проверенных, надежных и преданных ему лиц, обеспечивавших его переизбрание каждые два года.

С помощью комиссий, особенно комиссии процедур, Кэннон распоряжался палатой представителей как своей вотчиной. Каждый конгрессмен-республиканец знал, что если он не удовлетворит всесильного спикера, то останется в палате незамеченным. В результате в его избирательном округе создастся впечатление, что он не оправдал себя в Вашингтоне, и на ближайших выборах местная партийная организация не будет больше выставлять его кандидатуру в Капитолий.

Однако в 61-м конгрессе «инсургенты» активизировались, стали громче протестовать против всевластия Кэннона. Они открыто утверждали, что он использует большую власть спикера в интересах богачей и в ущерб нуждам народа.

[242] *Петиеру Р.* Указ. соч., стр. 253.

[243] Комиссия процедур решает прежде всего судьбу любого билля, внесенного в конгресс. Она может ставить его на обсуждение, устанавливать при этом регламент и выносить заключение о том, что тот или иной законопроект не достоин внимания палаты представителей.

Используя падение авторитета Тафта и возросшее недовольство Кэнноном, член палаты представителей от Небраски Норрис решил предложить такое изменение порядка образования комиссии процедур, какого никто в течение полувека не осмеливался предлагать. Он внес резолюцию, согласно которой комиссия процедур должна избираться палатой, а не назначаться спикером. Резолюция лишала также спикера права состоять членом этой комиссии.

Газеты писали о резолюции Норриса, как о важном политическом событии. Горячие дебаты о ее принятии продолжались непрерывно 29 часов. Блок «инсургентов»-республиканцев и демократов победил: резолюция Норриса получила 191 голос против 156. Пресса отмечала, что это был самый сильный удар, нанесенный спикеру со времени существования Конгресса.

Кэннон не мог перенести такого удара и подал в отставку, которая, однако, не была принята. Он оставался спикером до марта 1911 г., когда его место занял демократ. Лишившись власти, Кэннон в дальнейшем играл второстепенную роль в конгрессе, а деятельность республиканской фракции в конгрессе больше не ассоциировалась с «кэннонизмом».

В схватке 1910 г. между Норрисом и спикером президент США встал на сторону Кэннона. Тафт с первого дня появления в Белом доме принимал руководство Кэннона — Олдрича в конгрессе как должное, само собой разумеющееся, не подлежащее сомнению[244]. Поэтому падение Кэннона не могло не сказаться на репутации Тафта. Вообще нужно сказать, что неудачи правительства Тафта, связанные с «тарифом Пэйна — Олдрича», делом Баллинджера и крушением Кэннона, имели серьезные последствия для республиканской партии, в частности это отразилось на результатах выборов в конгресс в 1910 г. Тогда республиканцы потерпели сильное поражение. Впервые за 16 лет они потеряли большинство в палате представителей. Число их депутатов сократилось с 219 до 161. В старой палате представителей республиканцы имели на 47 мест больше, а в новой — на 67 меньше, чем демократы. В 1910 г. в сенат было избрано демократов в 2 раза больше, чем республиканцев. В сенате республиканской партии принадлежали 55% мест. Оппозиция правительству в новом конгрессе имела большинство не только в палате представителей, но и в сенате, так как «инсургенты»-республиканцы по важным вопросам постоянно блокировались с демократами.

Успех демократов в 1910 г. повлиял также на результаты местных выборов. В большинстве штатов губернаторами стали демократы. В восьми штатах — Нью-Йорке, Нью-Джерси, Массачусетсе, Мэне, Коннектикуте, Огайо, Северной Дакоте и Орегоне — на выборах губернаторов, которые раньше, как правило,

[244] *White W.* Op. cit., p. 336.

принадлежали к республиканской партии, в 1910 г. одержали победу демократы. Особенно сильно задела президента США победа демократов в его родном штате — Огайо.

Итоги выборов 1910 г. расценивались в США как выражение недоверия населения страны консервативной политике правительства Тафта. Больше всего подвергался критике «тариф Пэйна — Олдрича». Олдрич, понимая настроения избирателей, сам снял свою кандидатуру с дальнейшей баллотировки в сенат.

Тафт решил «доказать», что он совсем не такой реакционер, каким его рисуют, что он не во всем согласен с Олдричем и Кэнноном, что он способен выступать против монополий более энергично, чем Рузвельт.

Тафт возбудил почти в два раза больше дел по обвинению в нарушении антитрестовского закона Шермана, чем Рузвельт. В этом отношении 27-й президент США установил «рекорд». Рузвельт за 7,5 лет возбудил 25 дел, а Тафт за три года — 45 [245]. Конечно, все эти дела были третьестепенными и совершенно не затрагивали монополии по существу.

Рузвельт, обвиняя монополии в нарушении законов, публично высмеивал антитрестовское законодательство, говорил, что оно так же эффективно, как «папская булла против кометы». Тафт же делал вид, что серьезно относится к обвинению монополий. Более того, он даже ставил под сомнение определение Верховного суда США, сформулированное в духе Рузвельта, о том, что акт Шермана направлен не против трестов вообще, а лишь против «плохих» трестов, против монополий, которые «неразумно» и «чрезмерно» ограничивают конкуренцию. Тафт, рассуждая чисто юридически, считал, что подобная интерпретация закона меняет его содержание, является существенным добавлением к нему, а добавление к закону не входит в компетенцию Верховного суда, составляет прерогативу конгресса.

«Антитрестовская» шумиха имела больше показной характер. Тафт, как и Рузвельт, признавал, что при существующих экономических условиях большие корпорации необходимы и неизбежны. Но вместе с тем он отдавал должное конкурентам, говорил, что единственная альтернатива конкуренции — социализм [246].

До Тафта в течение ряда лет в конгресс США вносили билли о дополнении и улучшении антитрестовского законодательства. Однако в феврале 1903 г., после образования Бюро по делам корпораций, в течение 6 лет лишь один билль, касающийся трестов, обсуждался палатой представителей, и то. после долгого обсуждения в соответствующих комиссиях, но сенат отверг его.

[245] *Beard Ch.* Op. cit., p. 331.
[246] *Mowry G.* The Era of Theodore Roosevelt, p. 286.

В 1908 г. под влиянием «инсургентов» избирательная программа, принятая Национальным съездом республиканской партии, обязала президента и большинство республиканцев в конгрессе улучшить закон Шермана таким образом, чтобы усилить федеральный контроль над трестами. Однако внесенные законопроекты по этому вопросу оказались бездейственными. Предложенное добавление о разделе трестов на «хорошие» и «плохие», на «разумные» и «неразумные» не прошло. Сенатор Нельсон в своем отчете о рассмотрении вопроса в юридической комиссии доказывал, что предлагаемое добавление внесет полную неразбериху в действующий антитрестовский закон: «То, что один суд или присяжные сочтут неразумным, другой суд или присяжные найдут вполне разумным» [247].

После неудачи республиканской партии на выборах 1910 г. генеральный прокурор США Викершем усилил наблюдение за трестами. Тафт в свою очередь всячески старался показать, что он в своих действиях руководствуется положениями партийной платформы. Он, конечно, не провел антитрестовское законодательство в конгрессе. Правда, в его президентство Верховный суд принял решения о роспуске треста «Стандард ойл» и Табачного треста, дела о незаконных действиях которых рассматривались в судебных органах уже в течение более четырех лет. Обвинения против Рокфеллера и его компаньонов в том, что «Стандард ойл» нарушает антитрестовский закон Шермана, окружной суд Сент-Луиса выдвинул еще в конце 1906 г. В ноябре 1909 г. суд решил, что этот нефтяной трест оперирует незаконно, как монополия, и поэтому подлежит роспуску. «Стандард ойл» обратился в Верховный суд США. Генеральный прокурор Викершем и его представители доказывали в Верховном суде, что Рокфеллер и его партнеры «пользовались дискриминационными ценами, скидками на железнодорожные тарифы, взяточничеством и другими средствами, рассчитанными на то, чтобы сокрушить своих конкурентов, что действия этой организации явно противоречат закону» [248].

В 1911 г. Верховный суд утвердил решение окружного суда и предоставил тресту «Стандард ойл» шесть месяцев на реорганизацию дел соответственно этому решению. При этом председатель Верховного суда Уайт поспешил разъяснить, что подобные меры направлены не против трестов вообще, а лишь против тех трестов, которые чрезмерно ограничивают торговлю между штатами и с иностранными государствами» [249].

Формально «Стандард ойл» был реорганизован в 38 самостоятельных корпораций. Между этими корпорациями распределили акции, которые раньше сосредоточивались в одной ру-

[247] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 236.
[248] *Ogg F.* National Progress. 1907—1917. New York — London, 1918, p. 68—69.
[249] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 237.

ководящей держательской компании. Но в результате реорганизации различные нефтяные компании, оперировавшие под эгидой рокфеллеровского «Стандард ойл оф Нью-Джерси», отнюдь не стали между собой конкурировать, а продолжали действовать сообща.

После формального роспуска «Стандард ойл» курс акций этого треста резко повысился. Это убедительно свидетельствовало о том, что решение Верховного суда никак не повлияло на доходы рокфеллеровского треста. В 1930 г. некоторые корпорации, официально входившие до 1911 г. в «Стандард ойл оф Нью-Джерси», снова объединились. Судебные органы санкционировали такое слияние как законное, а министерство юстиции не возражало против этого.

Решение о роспуске Табачного треста было принято также в 1911 г. Иск против этого треста был предъявлен еще в 1907 г. Он заключался в том, что объединяемые им 67 компаний, из которых две английские, образуют незаконную монополию. В ноябре 1908 г. окружной суд постановил, что Табачный трест должен быть распущен. В мае 1911 г. Верховный суд утвердил решение окружного суда. Но как и в случае со «Стандард ойл», компании, объединенные в Табачный трест, не стали после их формального разъединения конкурировать между собой, все руководящие должности были сохранены за теми же лицами.

Викершем предъявил иск также Стальному тресту, Сахарному тресту, Международному обществу жатвенных машин, компании «Дженерал электрик» и другим. Но добиться решения о роспуске этих монополистических объединений «не удалось». Дело о Стальном тресте, как об этом уже говорилось, затянулось до 1920 г. и в конце концов ни к чему не привело: было решено сохранить ему жизнь «на том основании, что этого требуют государственные интересы».

Тафт, идя навстречу «инсургентам» в вопросе об антитрестовском законодательстве, больше для сохранения престижа, защищал и отстаивал «тариф Пэйна — Олдрича».

На собравшейся весной 1911 г. сессии 62-го конгресса был поставлен вопрос о снижении таможенных тарифов. Палата представителей, где в результате выборов 1910 г. демократы имели значительное большинство, приняла решение об отмене таможенных пошлин на сельскохозяйственные машины и ряд других товаров, покупаемых фермерами, и снижении тарифов на импорт хлопчатобумажных, химических, металлических и некоторых других изделий. Блок демократов и «инсургентов» обеспечил этому решению большинство и в сенате. Но Тафт наложил вето на принятый законопроект. В 1912 г. обе палаты конгресса приняли билль о снижении таможенных пошлин на черный металл и на шерстяные изделия. Тафт снова наложил вето.

Президент США пробовал в 1911 г. совершить шаг, который должен был, по его мнению, восстановить отношение к нему фер-

меров, недовольных поддержкой, оказанной Тафтом «тарифу Пэйна — Олдрича». Он заключил соглашение с Канадой о взаимном освобождении от таможенных сборов или снижении таможенных тарифов. Но, как мы видели; здесь Тафт потерпел фиаско, что еще больше ухудшило его репутацию в фермерских районах США и было отвергнуто в Канаде.

Как уже было сказано, иск, предъявленный Викершемом на роспуск Стального треста, обострил и углубил разногласия, возникшие между Тафтом и Рузвельтом. Этому способствовали также разногласия в рядах республиканцев, отражавшие в значительной мере социальные противоречия в стране и приведшие в 1912 г. к расколу партии.

Обычно американские историки и биографы Рузвельта и Тафта объясняют причину разрыва между бывшими друзьями их разногласием в вопросе о Стальном тресте. В действительности охлаждение между ними наступило после выборов 1908 г. Тафт, который не мог не признать, что он своим пребыванием в Белом доме обязан всецело своему предшественнику, тем не менее, после своего избрания президентом США отказался от выполнения желаний Рузвельта.

Когда в 1908 г. Тафт, будучи военным министром, подал в отставку в связи с избранием на Национальном конвенте республиканцев кандидатом в президенты, Рузвельт нашел нужным из тактических соображений в ходе президентской кампании назначить на этот пост южного демократа Райта из Теннесси. Такой шаг был рассчитан на прорыв республиканцами цитадели демократической партии — «прочного Юга». Рузвельт понимал, что Райт согласится стать военным министром лишь в том случае, если его заверят, что он останется на этом посту и после смены президентов в 1909 г. Поэтому президент спросил Тафта: может ли он от его имени дать такое заверение Райту? Тафт сказал, что может. Но, как только он стал президентом, Тафт тут же заменил Райта Диккинсоном.

Кроме того, Тафт обещал Рузвельту сохранить в правительстве его кабинет министров. Рузвельт информировал об этом членов своего кабинета. Но Тафт, став президентом, свое обещание нарушил, а ушедший президент, естественно, чувствовал себя неловко перед своими ближайшими помощниками. Рузвельт особенно был заинтересован в сохранении в правительстве Тафта министра внутренних дел Гарфилда — сторонника его программы консервации природных ресурсов, которую бывший президент рекламировал как одно из самых крупных своих достижений. И в данном случае Тафт не пошел навстречу своему покровителю. Наконец, Тафт не посчитался с просьбой Рузвельта о назначении его секретаря, помощника и друга Лэба военным министром, когда убедился, что Райт не будет оставлен на этом посту [250].

[250] *White W.* Op. cit., p. 334.

Рузвельт, выражая сожаление по поводу вынужденного ухода Райта, сказал ему: «Боюсь, вы были слишком мне близки...» [251] Военный помощник Рузвельта и Тафта Батт, присутствуя при этом разговоре, записал: «Рузвельт очень болезненно воспринимает факт, что Тафт, кажется, решил порвать все нити, связывавшие их в прошлом. Рузвельт оказался единственным человеком, который этого не предвидел. Я думаю, что он будет горько разочарован, когда увидит многие изменения в его политике» [252]. Уайт утверждал: «Тафта окружали враги Рузвельта, но он им верил» [253]. Батт писал в 1910 г.: «Президент выслушивает сейчас каждого, кто заискивает перед ним, наговаривая на Рузвельта, и сам высказывает много такого, что лучше было бы ему не говорить» [254].

«Президент становится все более сердитым на бывшего президента. Меня не удивит, если он скоро открыто выступит против своего предшественника, как многие убеждают его делать... Президент даже обвиняет Рузвельта в намерении вернуться к власти и добиваться своего переизбрания...» [255]

20 сентября Тафт сообщил Батту дошедший до него разговор между Рузвельтом и редактором газеты «Нью-Йорк таймс», в котором полковник — как часто именовали Рузвельта — сказал, что «он чувствует себя вынужденным заявить американскому народу, что новый президент не подходит для повторного выставления его кандидатуры и что ему (Рузвельту.— *Авт.*), возможно, придется в силу необходимости принять президентство снова» [256].

О существовании неприязни президентов говорит такой факт. После официальной церемонии и присяги по поводу смены президентов Рузвельт не провожал — как принято — Тафта из Капитолия в Белый дом. Он спешил на вокзал, отбыл в Нью-Йорк, откуда отправился на охоту в Африку.

Таким образом, разногласия, взаимное недоверие и подозрительность во взаимоотношениях Тафта и Рузвельта установились с самого начала президентства Тафта и постепенно переросли во взаимную неприязнь, и началось это задолго до иска, предъявленного правительством Стальному тресту. Обоюдная неприязнь президентов — это в первую очередь отражение борьбы различных групп в республиканской партии, ставшей опорой крупного капитала. Между тем в ее составе по традиции оставались представители аграрного запада и населения других районов, недовольных разгулом монополий.

Вернувшись через год в Нью-Йорк, Рузвельт убедился, что

[251] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 325.
[252] Ibid., p. 325.
[253] *White W.* Op. cit., p. 339.
[254] *Вин А.* Op. cit., vol. II, p. 502.
[255] Ibid., p. 514—515.
[256] Ibid., p. 525.

слухи, доходившие до него в Африке, подтверждаются. Тафт не оправдал возложенных на него Рузвельтом надежд: не пользовался авторитетом в стране, вызывал в широких слоях населения недовольство, которое распространилось в целом на республиканскую партию и, конечно, на Рузвельта за то, что последний поставил во главе государства недалекого, негибкого политика. В 1910 г. Рузвельт в письме Руту отметил, что он горько разочаровался в Тафте [257].

Разногласия между консерваторами и «инсургентами» все более нарастали и в конце концов довели республиканскую партию до фактического раскола [258].

Рузвельт считал, что необузданный произвол отдельных монополий опаснее для капитализма, чем действия социалистов. Поэтому он присоединился к тем, кто утверждал, что такой опасности к тому же способствуют неумелые действия, неуместные выступления Тафта. В 1911 г. консервативная газета «Нью-Йорк сан» жаловалась, что правительство Тафта «наносит больше вреда существующим институтам, чем даже социалисты и анархисты» [259].

В такой обстановке разногласия между Рузвельтом и Тафтом в области антитрестовского законодательства и по тарифному вопросу были вынесены на всеамериканскую политическую арену. В частности, иск, предъявленный Викершемом Стальному тресту, обвинение и мотивировка, содержавшиеся в нем, послужившие материалом для «сенсационного» сообщения в газетах, привели в ярость Рузвельта. Из обвинительной части иска комментаторы, естественно, заключили, что либо Рузвельта одурачили в 1907 г. при приобретении Стальным трестом Теннессийской компании, либо он виновен в содействии увеличению колоссальной монополии.

Комиссия конгресса, обследовавшая Стальной трест, пригласила Рузвельта дать показания о его отношении к поглощению этим трестом Теннессийской компании. Он, как уже говорилось, заявил комиссии, что никогда не имел ни малейшего сомнения в разумности своих действий в этом вопросе.

Рузвельт утверждал, что об операции Стального треста по приобретению Теннессииской компании неоднократно говорил Тафту, который тогда эту операцию с восторгом одобрял. Он писал, что «вынужден заключить, что Тафт и Викершем ведут низкую, нечестную и глупую политику» [260].

В статье, опубликованной в ноябре 1911 г. в журнале «Аутлук», Рузвельт взял под свою защиту Стальной трест, заявив, что представители треста говорили ему в 1907 г. правду. Он повторил свой старый тезис, что крупная корпорация, как бы ни

[257] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 305.
[258] *Thayer W.* Op. cit., p. 335.
[259] *Mowry G.* The Era of Theodore Roosevelt, p. 288.
[260] Ibid., p. 290.

были велики ее размеры,— не преступление. Ее следует преследовать не за масштабы деятельности, а лишь за злоупотребления, если она их совершает.

«Дело» о Стальном тресте разжигало политические страсти, придавало особый характер событиям, разыгравшимся в республиканской партии со времени возвращения Рузвельта из Африки.

Рузвельт понимал, что нужно что-то делать, что нельзя спокойно сидеть и безучастно наблюдать, как все более горячими становятся споры, как разгораются страсти в его партии.

Бывший президент не сразу решился на разрыв с Тафтом. Ведь он не только сделал его президентом, но и в свое время утверждал: «Он и я рассматриваем вопросы совершенно одинаково... Я убежден, что, за исключением Вашингтона и Линкольна, Тафт как президент может быть равным любому другому человеку, который когда-либо занимал Белый дом»[261]. Однако через два месяца после возвращения из Африки Рузвельт отправился в поездку по ряду штатов, в которых он произносил речи, свидетельствовавшие о его расхождении с правительством Тафта и официальным партийным руководством. Его выступления и речи во время этого тура (в августе-сентябре 1910 г.) опубликованы в книге «Новый национализм». (Такое название вызвало недоумение и недовольство в кругах «старой гвардии» республиканцев, но импонировало «инсургентам», которых все чаще стали именовать «прогрессистами».)

Особенно нашумело выступление Рузвельта 31 августа 1910 г. в Осаватоми[262].

Свою речь Рузвельт приурочил к годовщине битвы при Осаватоми. В этой речи Рузвельт произнес слова, которые расценивались как «нападки на собственность», как самые радикальные, которые когда-либо бывший президент США изрекал. Он сказал: «Собственность должна быть слугой, а не хозяином общества... Творение человеческих рук должно служить человеку, а не господствовать над ним. Граждане Соединенных Штатов должны эффективно контролировать могущественные коммерческие силы...»[263]

Столь «радикальные» слова — не более, чем демагогия. Такой же демагогией было и заявление Рузвельта, что труд всегда являлся основой богатства. Определенно рассчитывая завоевать симпатии среди рабочих, он цитировал в этой речи вы-

[261] Цит. по: *Schlesinger A.* The Rise of Modern America. N. Y., 1954, p. 215.

[262] Осаватоми — маленький городок в штате Канзас. Он насчитывал по переписи 1920 г. 3300 человек. В 50-х годах прошлого века у этого городка сражались со сторонниками рабства борец за освобождение негров в США Джон Браун и его сыновья. Гражданская война в Канзасе предшествовала общей войне между Севером и Югом. Ее знаменуют в Канзасе как великое событие в истории штата.

[263] *Roosevelt T.* The New Nationalism. Englewood Cliffs. N. Y., 1961, p. 27, 33—34.

сказывание Линкольна: «Труд предшествует капиталу и независим от него, капитал лишь продукт труда, без которого он никогда бы не существовал. Труд стоит выше капитала и заслуживает гораздо большего уважения» [264].

Рузвельт, как уже говорилось, выдвинул заимствованный у Кроли «новый национализм» в качестве программы смягчения социальных конфликтов, в качестве пути к миру в промышленности. После Мэхэна Кроли оказывал наибольшее влияние на Рузвельта. Многое из того, что было сказано в Осаватоми, взято из его книги «Перспективы американской жизни» [265]. Перед поездкой по штатам Рузвельт писал Кроли: «Я не знаю, читал ли я когда-нибудь книгу, которая дала мне так много, как ваша книга об американской жизни... Я широко использую ваши идеи в своих будущих речах» [266].

В Осаватоми Рузвельт излагал ту же позицию, которую он пытался в какой-то мере проводить в жизнь в бытность свою президентом. Он говорил о важности государственного регулирования и контроля над корпорациями, улучшения отношений между капиталистами и рабочими, а также повышения роли трудящихся в обществе.

Речь в Осаватоми, особенно та ее часть, которая касалась собственности, обеспокоила даже его старого близкого друга Лоджа. В этой связи Лодж писал Рузвельту, что «люди поражены тем, что ты сказал на торжественном собрании, посвященном памяти Джона Брауна» [267]. Оправдываясь, Рузвельт отвечал Лоджу, что своим высказыванием о собственности он повторил лишь слова Линкольна [268]. Все остальные заявления, сделанные им в Осаватоми, продолжал Рузвельт, содержались в то или иное время в его посланиях конгрессу, но только в данной речи он их «несколько усилил или изложил их немного яснее».

Выступление в Осаватоми, еще больше отдалившее Рузвельта от Тафта и вызвавшее негодование в рядах «старой гвардии» республиканцев, сблизило его с «прогрессистами».

Содержание других выступлений Рузвельта во время этой поездки также напоминало высказывания Кроли: он говорил о национализме, ратовал за эффективные вооруженные силы, крепкое правительство и за сильного главу государства, высказывал страх перед революцией и скептицизм по отношению к демократическим традициям Джефферсона. Скептицизм также позаимствован у Кроли, который рисовал Джефферсона «интел-

[264] *Roosevelt T.* The New Nationalism. Englewood Cliffs. N. Y., 1961, p. 24.
[265] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 146.
[266] *Roosevelt T.* The New Nationalism, p. 11.
[267] «Selections From the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge 1884—1918», vol. II. N. Y., 1925, p. 388.
[268] Ibid., p. 390.

лектуально поверхностным и неискренним», «направившим страну на неверный путь»[269], считавшим, что «народ должен руководить своими лидерами, а не лидеры народом»[270].

Рузвельт в очередном турне по штатам стремился убедить слушателей в том, что народ нуждается в авторитетном, сильном лидере, за которым население страны должно следовать. Только под руководством такого лидера активное и инициативное федеральное правительство, по его словам, будет в состоянии подходить к новым современным вопросам так, как Линкольн в свое время решал новые проблемы[271].

«Новый национализм» в трактовке Рузвельта означал по существу такое федеральное правительство, которое в состоянии балансировать отношения между корпорациями капиталистов и профессиональными союзами рабочих, бороться с коррупцией и создавать нужные вооруженные силы.

На словах Рузвельт даже ратовал за то, чтобы корпорациям не было дозволено «стать правителями государства», но в то же время превозносил заслуги их владельцев: «Великие капитаны индустрии делают хорошее дело и заслуживают большого вознаграждения, пока они оказывают громадные услуги»[272].

С одной стороны, выдавая себя за друга трудящихся, а с другой—озабоченный будущим капитализма в Америке, Рузвельт в своей речи 5 сентября 1910 г. сказал: «В Соединенных Штатах находятся еще большие массы квалифицированных и неорганизованных рабочих, условия труда и жизни которых суровые и жалкие... Такие условия плохи для них и в конечном итоге плохи для всех нас»[273].

Во время своей пропагандистской поездки Рузвельт говорил о коррупции. Выступая в Канзас-Сити перед 18 тыс. слушателей, Рузвельт сказал: «Каждый сознательный человек знает, что в стране существует много корпораций, которые процветают благодаря подкупу законодателей, благоденствуют в результате надувательства публики; каждый сознательный человек должен знать, что имеется множество продажных людей мелкого масштаба, которые в законодательных собраниях и других учреждениях стараются шантажировать как корпорации, так и отдельных лиц. Если кто-нибудь сомневается в этом, пусть познакомится с разоблачением коррупции в моем собственном

[269] *Roosevelt T.* The New Nationalism, p. 11.
[270] *Croly H.* The Promise of American Life. N. Y., 1914, p. 46.
[271] *Roosevelt T.* The New Nationalism, p. 165.
[272] Ibid., p. 171.
[273] Ibid., p. 104. В этой же речи он говорил, что присоединяется к следующим требованиям Американской федерации труда: обязательное образование, 8-часовой рабочий день, 6-дневная рабочая неделя, ликвидация потогонной системы, санитарная инспекция на заводах, фабриках и шахтах, возмещения за ушибы, ранения или потерю жизни на производстве, запрещение детского труда (Ibid., p. 106—107).

штате — в Нью-Йорке и в вашем — в Миссури; пусть посмотрит что произошло в Калифорнии и что случилось в Иллинойсе»[274].

В Иллинойсе, в частности, было установлено, что чикагские корпорации потратили 100 тыс. долл. на подкуп членов законодательного собрания штата с целью избрания Лоримера сенатором США. Четыре члена законодательного собрания признали, что они получили взятку. (Лоример был намечен председателем собрания в Чикаго, на котором должен был выступить Рузвельт. Когда об этом узнал докладчик, он настоял на том, чтобы Лоример вообще не присутствовал на собрании.)

Рузвельт в своих выступлениях «обрушивался» на партийных боссов, как на мастеров темных дел, вредных и продажных. Но больше всего он ратовал за большую морскую программу. В речи в Омаге он сказал: «В течение истекших 15 лет мы построили наш флот. Построение этого флота было наиболее убедительным средством, принесшим США уважение за границей... За последние 10 лет американский флот увеличился примерно в 3 раза по своей мощи и вырос в еще большей мере по своей боеспособности»[275]. Он также остановился на вопросе о Панамском канале, который, по его словам, умножит морское могущество США, который они сами построили, сами будут вооружать и защищать.

Таковы основные компоненты, в совокупности составлявшие «новый национализм» Рузвельта — Кроли.

«Новый национализм», провозглашенный Рузвельтом, вызвал отрицательную реакцию Белого дома. Тафт писал своему брату, что предложения Рузвельта не имеют практического значения, «потому что они никода не смогут быть достигнуты без революции или пересмотра Конституции». Он также сказал, что Рузвельт позволяет себе выступать в такой манере, как будто он все еще президент Соединенных Штатов[276].

После выборов в 62-й конгресс «прогрессисты» старались занимать все более самостоятельное положение в республиканской партии. В конце декабря 1910 г. группа «инсургентов» во главе с Лафоллетом обратилась к своим сторонникам во всех штатах с призывом участвовать в национальной конференции. Конференция состоялась в январе 1911 г. в доме Лафоллета в Вашингтоне. На ней было объявлено о создании Национальной прогрессивной республиканской лиги. В организации лиги участвовали шесть губернаторов, группа сенаторов и значительное число членов палаты представителей, бывший министр внутренних дел при Рузвельте Гарфилд, друг Рузвельта редактор газеты Уайт, будущий член Верховного суда Брандис и др.

[274] *Roosevelt T.* The New Nationalism, p. 123—124.
[275] Ibid., p. 110—111.
[276] *Wilensky N.* Conservatives in the Progressive Era. University of Florida, 1965, p. 10.

Лига приняла Декларацию принципов, согласно которой выборы сенаторов должны производиться непосредственно населением, оно должно выдвигать кандидатов в президенты и на другие выборные должности, выбирать делегатов на национальные конвенты. В Декларации содержалось добавление к конституциям штатов о референдуме, с помощью которого можно было отменять решения судебных органов и законодательных собраний и отзывать неоправдывающих себя выборных лиц.

В Декларации подвергалась критике система власти. В ней говорилось: «Народная власть в Америке уничтожена, а прогрессивное законодательство подавлено специальными силами, контролирующими делегатов, съезды и партийные организации. Контролируя государственный аппарат, эти силы определяют выдвижение кандидатов и содержание платформ, избрание администрации и законодательных собраний штатов, членов палаты представителей и сенаторов США. Они также контролируют членов федерального правительства»[277].

Численность и влияние Национальной прогрессивной республиканской лиги быстро росли. Стали возникать лиги «прогрессистов» в отдельных штатах. К весне 1911 г. они существовали в Висконсине, Миннесоте, Мичигане, Небраске, Южной Дакоте и Вашингтоне. В помощь Национальной лиге была организована Прогрессивная федерация редакторов и публицистов «с целью выдвижения и избрания прогрессивного президента».

Президент лиги сенатор Борн из Орегона резко критиковал Тафта с трибуны конгресса. Выступая в Бостоне в начале февраля 1911 г., Борн публично говорил о Лафоллете как о кандидате в президенты США на выборах 1912 г.

В начале работы 62-го конгресса 46 членов палаты представителей от республиканской партии, примкнувших к «прогрессистам», объявили, что в дальнейшем решения фракции республиканской партии они не будут считать для себя обязательными. В сенате 13 республиканцев-«прогрессистов» объявили себя сепаратным меньшинством и требовали, чтобы партийная фракция выделила им соответствующее число мест в комиссиях сената. Таким образом, в 62-м конгрессе оказались не две, а три партийные фракции.

Национальная прогрессивная лига пригласила Рузвельта присоединиться к ней. Но он тогда еще не пожелал отождествлять с ней свою деятельность. Он предпочитал до поры до времени, как выразился историк прогрессивного движения в США Моури, «флиртовать и с консервативными силами, и с прогрессивными»[278]. Он высказывался против других кандидатур в президенты от республиканцев помимо Тафта. Он был уверен, что в 1912 г. на президентских выборах победят демократы, и желал

[277] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 239—240.
[278] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 181.

провала именно Тафту, а не кому-либо другому. «Лишь после провала,— говорил Рузвельт,— станет возможным поставить во главе партии способное, разумное и прогрессивное руководство» [279].

В апреле 1911 г. на собрании сенаторов, членов палаты представителей, журналистов и т. д., происходившем в кабинете Борна в здании конгресса, большинство высказалось за выдвижение кандидатуры Лафоллета в президенты США. Позднее его кандидатуру поддержала национальная конференция «прогрессистов», состоявшаяся в Чикаго. Но Лафоллет понял, что приближенные Рузвельта, присутствовавшие на конференции (Гарфилд, Пинчот и др.), настроены против выдвижения его кандидатуры и убедился, что в конце концов именно Рузвельт намерен соревноваться в 1912 г. с Тафтом на Национальном съезде республиканцев.

В лагере «прогрессистов» столкнулись две группы: одни — сторонники выдвижения Лафоллета кандидатом в президенты, другие высказывались за кандидатуру Рузвельта, доказывая, что Лафоллет не столь силен и популярен в стране, чтобы одержать победу на президентских выборах, что такую победу прогрессивному движению способен принести лишь Рузвельт, который может рассчитывать на поддержку и во влиятельных кругах крупного капитала.

И действительно, к началу 1912 г. немало представителей большого бизнеса, недовольных «неуклюжей», «вредной», как они считали, кампанией Тафта против трестов, приняли сторону Рузвельта. Мотивы у них были разные. Некоторые из них были уверены, что в 1912 г. на президентских выборах неизбежна победа кандидата от прогрессистов, а Рузвельт для крупного капитала был, безусловно, более подходящей кандидатурой, чем Лафоллет. Президент железной дороги Балтимор — Огайо Виллард говорил, что «из всех так называемых прогрессивных Рузвельт наиболее безвредный» [280]. Другие сильные мира сего рассматривали рузвельтовскую программу федерального регулирования крупных корпораций, его деление трестов на «хорошие» и «плохие» как вполне устраивающую их, как курс на узаконение величайших монополий. При этом они с полным основанием ссылались на защиту Рузвельтом Стального треста, «Харвестер» треста и др. Несмотря на «радикальные» речи Рузвельта, 20% республиканцев — членов нью-йоркской биржи, представлявших руководящий монополистический капитал США, высказались в феврале 1912 г. за кандидатуру Рузвельта в президенты [281].

Лафоллет энергично боролся за выдвижение своей кандидатуры и пытался помешать Рузвельту. Вот почему он поддержал резолюцию сената, уполномочивавшую комиссию по обследова-

[279] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 177, 182.
[280] Ibid., p. 203.
[281] Ibidem.

нию пожертвований в пользу избирательных кампаний заняться денежными суммами, внесенными в свое время представителями Стального треста и других трестов в фонд кампаний, проведенных Рузвельтом. Он предупредил: «Если Рузвельт станет на моем пути, я будут сражаться с ним»[282]. Лафоллет решительно отклонил предложение уступить место кандидата в президенты Рузвельту, а самому баллотироваться кандидатом в вице-президенты.

В защиту своей кандидатуры в президенты США Лафоллет активно выступал уже с середины 1911 г. Он достиг заметных успехов в среднезападных штатах, где особенно чувствовалось недовольство Тафтом. По мере того как усиливалось подозрение Лафоллета, что Рузвельт сам намерен снова овладеть Белым домом, он обращал оружие своего ораторского искусства от настоящего президента против бывшего.

Во время выступления в Нью-Йорке в январе 1912 г. Лафоллет утверждал, что 7 лет правления Рузвельта принесли мизерные результаты. Он обвинял Рузвельта в активной поддержке «тарифа Пэйна — Олдрича» и в том, что в годы его президентства гигантские корпорации росли с небывалой ранее быстротой. Лафоллет подчеркивал также, что Рузвельт, критикуя тресты за их злоупотребления, «тут же брал их под свою защиту, называя действительных противников монополий демагогами и опасными элементами; осуждая «плохие» тресты, он тут же компенсировал осуждение восхвалением «хороших» трестов; он, как и Тафт, сотрудничал с Олдричем и Кэнноном; заигрывая и с радикалами и с консерваторами, он бросался из одной крайности в другую, критикуя то тех, то других, засоряя эфир шумом и дымом, но, когда крик прекращался и дым рассеивался, всегда оставалось только удивление, что так мало в действительности сделано». «Героико-комический стиль» Рузвельта, заявил в заключение Лафоллет, гораздо хуже «открыто реакционной политики Тафта»[283].

В отличие от речи в Нью-Йорке неудачное выступление Лафоллета перед журналистами в Филадельфии месяцем позже облегчило задачи сторонников Рузвельта. В Филадельфии он критиковал журналистику и журналистов за их службу капиталу. Когда аудитория начала редеть, он, потрясая кулаком, сказал: «Уходят некоторые парни, коих я критикую. Они не хотят слушать о себе»[284]. Лафоллет говорил два с половиной часа. Но за час до окончания его речи зал почти опустел. Ушли как раз «парни», которые служили капиталу, которые создавали общественное мнение через «большую прессу». И эта пресса, и

[282] *McCaleb W.* Theodore Roosevelt. N. Y., 1931, p. 315.
[283] *La Follete R.* Autobiography. N. Y., 1913, p. 480, 453, 551, 700, 740; *Beard C.* Contemporary American History, p. 347—349.
[284] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 474.

эти журналисты не поддержали выступления Лафоллета. Сторонники Рузвельта не преминули воспользоваться неудачей Лафоллета. Они старались поднять шансы бывшего президента.

С конца октября 1911 г., со времени предъявления Викершемом иска Стальному тресту, Рузвельт все больше склонялся к тому, чтобы занять в марте 1913 г. место Тафта в Белом доме. Но для Рузвельта это был щекотливый вопрос. Согласие на выдвижение своей кандидатуры в президенты представляло большой риск. Провал на выборах мог навести тень на его прошлое, сильно ухудшил бы суждения, сложившиеся о нем, как о президенте США. А такому самоуверенному, самонадеянному и самолюбивому политическому деятелю, как Теодор Рузвельт, на подобный риск нелегко было решиться. Во всяком случае, объявление о выдвижении своей кандидатуры в президенты Рузвельт задумывал обставить так, будто это выдвижение происходит не по его инициативе, даже вопреки его желанию, будто он уступает давлению общественного мнения и готов на самопожертвование в интересах государства.

Процедура выдвижения кандидатуры Рузвельта в президенты и его официальное согласие на это были вместе с ним выработаны по всем полагающимся в аналогичных случаях канонам [285].

10 февраля 1912 г. губернаторы семи штатов обратились к Рузвельту с просьбой стать кандидатом в президенты от республиканской партии. В своем обращении губернаторы, перечислив основные вехи из истории прогрессивного движения, заключили, что только Рузвельт способен эффективно направлять это движение по пути «нового национализма». Они утверждали, что выражают мнение подавляющего большинства избирателей, что Рузвельт, как никто другой, отстаивает политику и принципы, необходимые для счастья и процветания США, что, обращаясь к нему с данной просьбой, авторы письма руководствуются общенациональными интересами и что если он отклонит их просьбу, то покажет себя человеком, отказывающимся выполнять «свой прямой общественный долг» [286].

Рузвельт, соблюдая этикет, не сразу ответил губернаторам.

Тафт рассматривал действия Рузвельта как покушение на его место в Белом доме. Выступая в республиканском клубе в Нью-Йорке, президент США сказал: «Имеются такие, кто смотрит на настоящее положение, как на сплошное зло и коррупцию, как на тиранию концентрированного богатства... Такие экстремисты затащат нас в условия, сравнимые лишь с Французской революцией или с той шумливой анархией, которая одно время характеризовала южноамериканские республики. Такие экстре-

[285] *Pringle H.* Theodore Roosevelt. N. Y., 1931, p. 555.
[286] *Bishop J.* Theodore Roosevelt. Op. cit., vol. II, p. 316—317.

мисты не прогрессивны; они политически эмоциональны или невротики»[287].

Речь Тафта в Нью-Йорке расценивалась не только как нападки на бывшего президента, но и как вызов, брошенный Рузвельту[288].

На конференции, состоявшейся в Колумбусе (штат Огайо) и созванной для принятия новой Конституции штата, с речью выступил Рузвельт. Он назвал свою речь «хартией демократии». Орган демократической партии нью-йоркская газета «Уорлд», перефразировав рузвельтовское определение, назвала эту речь «хартией демагогии». Газета конкурирующей партии, обвинявшая Рузвельта в том, что он прибегал к демагогии как средству завоевания популярности у избирателей, конечно промолчала, что так она сама поступает, а также кандидаты, защищаемые ею на выборах. В Кливленде, отвечая на вопросы журналистов, Рузвельт со свойственной ему театральностью бросил крылатые слова: «Моя шляпа на ринге». Так он заявил о своем участии в состязании за президентское кресло.

В феврале 1912 г. Рузвельт официально ответил семи губернаторам о согласии стать кандидатом в президенты от республиканской партии. Оправдываясь, он утверждал, что не изменил своего решения, что, заявляя в свое время о том, что никогда не согласится быть президентом третий срок, он имел в виду третий раз подряд, а здесь, мол, был четырехлетний перерыв[289].

Речь Рузвельта в Колумбусе рассматривалась как программа «нового национализма»[290]. В этой речи он усердно доказывал важность пересмотра и отмены путем референдума решений судебных органов. Он повторил то, что постоянно твердил в прошлом о государственном регулировании деятельности крупных корпораций, высказался за улучшение условий труда, в частности труда женщин и подростков.

Больше всего пугал консерваторов-республиканцев призыв к отмене судебных решений, пусть даже референдумом. Этот вопрос оттолкнул от него таких старых его сторонников, как Лодж, Рут, Нокс и др. Биограф Рузвельта Бишоп писал в этой связи, что если он хотел сделать невозможным свое избрание кандидатом в президенты от республиканской партии на национальном съезде, то лучшим средством для этого была его речь в Колумбусе[291].

Сенатор Лодж сделал публичное заявление, в котором сказал: «Я против конституционных изменений, рекомендуемых полковником Рузвельтом в его последней речи в Колумбусе... Я должен продолжать сопротивление политике, на которой он

[287] Ibid., p. 317.
[288] Ibidem.
[289] *Duffy H.* Op. cit., p. 280.
[290] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 246.
[291] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 318.

настаивал в Колумбусе. Но я не могу лично выступать против него, так как он всю жизнь был моим другом. Поэтому я не приму никакого участия в кампании за выдвижение кандидатов в президенты» [292].

В Бостоне Рузвельт в течение пяти часов обсуждал со своим многолетним другом историком Тэйером проблемы, стоявшие перед очередной президентской кампанией. Тэйер утверждал, что платформа Рузвельта ведет к уничтожению представительного государства. Рузвельт возразил, сказав, что США — не такое государство: «Я могу,— утверждал он,— назвать 46 сенаторов, которые обеспечили свои места и сохраняют их милостью магнатов Уолл-стрита и их партнеров во всех частях страны. Это вы называете народным, представительным государством?» [293]

Тэйер, полемизируя с Рузвельтом по вопросу о пересмотре судебных решений, говорил, что американский народ должен быть больше всего воспитан в духе уважения к суду. Рузвельт сказал, что отмена судебных решений не означает, как толкуют его противники, отзыва судей. Он добавил: «Я хочу вовлекать в одно главное течение все интеллектуальные и патриотические силы, чтобы быть готовым выступить против социального переворота, который в противном случае сокрушит нас» [294].

В этих словах, как в свое время и в диалоге с Морганом, Рузвельт выразил свои сокровенные мысли — преследовавший его страх за судьбу капитализма в Америке. В этом, собственно, весь «радикализм» этого верного слуги империализма.

Тэйер спросил Рузвельта, думает ли он создать «большую централизованную партию наподобие той, которую Кавур основал для освобождения Италии?» Рузвельт ответил: «Совершенно верно» [295].

После официального ответа семи губернаторам состязание внутри лагеря «прогрессистов» между Лафоллетом и Рузвельтом отошло на задний план. Всеобщее внимание привлекла схватка между Рузвельтом и Тафтом. Еще до ответа Рузвельта губернаторам, в январе 1912 г., Тафт, не сомневаясь в его намерениях, говорил Батту: «Он сможет помешать и, вероятно, помешает моему переизбранию. Но я собираюсь провалить его на съезде» [296].

Позднее Тафт признавался: «Я мирный человек. Я не люблю драться. Но, когда сражаюсь, я желаю быть сильным. Даже крыса, загнанная в угол, будет бороться» [297]. «Ничего, кроме

[292] «Selections From the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge 1884—1918», vol. II, p. 423.
[293] *Thayer W.* Theodore Roosevelt. Boston — New York, 1919, p. 352.
[294] Ibid., p. 353.
[295] Ibidem.
[296] *Butt A.* Op. cit., vol. II, p. 814.
[297] *Pringle H.* Theodore Roosevelt, p. 561.

смерти,— высказался он,— не удержит сейчас меня от борьбы» [298].

Крепким ударом по сопернику Тафт считал свою речь в Бостоне в апреле 1912 г., когда он утверждал, что Рузвельт пытается его дискредитировать, ловко апеллируя к недовольству населения, искажая его слова, представляя в ложном свете его действия.

На речь Тафта Рузвельт ответил в своем выступлении в Вустере. Ссылаясь на то, что президент США назвал его «опасным» и «невротиком», он сказал, что Тафт это открыл лишь тогда, «когда я обнаружил, что он бесполезен для американского народа... Я считаю, что он уступает боссам и тем, каторые пользуются большими привилегиями. Каждый босс в стране заодно с мистером Тафтом; отрицать это — смехотворная ложь». Напомнив, что сам Тафт признавал, что он своим пребыванием в Белом доме обязан ему, Рузвельт заключил: «Мистер Тафт является президентом только потому, что я сдержал свое обещание, несмотря на бесконечное давление нарушить его. Это плохая черта — кусать руки, которые кормят вас» [299].

В дальнейшем оба претендента на высшую должность в стране соревновались в подборе наиболее оскорбительных слов и выражений [300]. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что подобная перебранка между настоящим и бывшим президентом США «представляет один из самых плачевных случаев в нашей политической истории» [301].

Предвыборная борьба между Рузвельтом и Тафтом не ограничивалась словесной дуэлью. Тафт в целях дискредитации своего соперника снова поднял прекращенное в 1907 г. по указанию Рузвельта после его встречи с партнером Моргана Перкинсом дело о «Харвестер» тресте. Сторонники Тафта в конгрессе добились того, что палата представителей затребовала бумаги, касающиеся внезапной приостановки обвинения, выдвинутого 5 лет тому назад генеральным прокурором США против незаконных операций «Харвестер» треста. Викершем немедленно отправил в конгресс папку документов, свидетельствовавших о сотрудничестве Рузвельта с домом Морганов. В стране быстро распространились слухи, что Рузвельт в бытность его президентом США незаконно покровительствовал «Харвестер» тресту. Для подтверждения этих слухов Тафт опубликовал письмо Рузв-

[298] *Duffy H.* Op. cit., p. 280.
[299] *Sullivan M.* Op. cit., vol. IV, p. 484—485
[300] В речи в середине мая Тафт называл Рузвельта «опасным эгоистом», «демагогом», «народным льстецом». На следующий день Рузвельт, платя своему бывшему другу той же монетой, охарактеризовал его как «сбитого с толку», как «олуха», «интеллект которого почти такой же, как у морской свинки» (*Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Mevement, p. 234).
[301] *M. Sullivan.* Op. cit., vol. IV, p. 482.

вельта генеральному прокурору Бонапарту, в котором автор предложил прекратить дело об иске против «Харвестер» треста.

Сильно раздраженный, Рузвельт немедленно обвинил президента в недостойном поведении, в том, что Тафт, присутствуя в 1907 г. на заседании правительства, когда решался вопрос о прекращении иска против «Харвестер» треста, одобрил это мероприятие. Но тут же Тафт, бывшие министр сельского хозяйства Вильсон и государственный секретарь опубликовали опровержение. Они публично заявили, что вопрос о «Харвестер» тресте никогда не обсуждался на заседании правительства, членами которого они тогда состояли. Еще более важным оказался другой факт. Было установлено, что до того, как в конце августа 1907 г. Перкинс обратился к Рузвельту по делу о «Харвестер» тресте, Тафт отправился на Филиппины и что дело было прекращено задолго до возвращения Тафта в Вашингтон. В добавление ко всему сторонники Тафта сообщили, что компаньон Моргана Перкинс, по просьбе которого в 1907 г. был прекращен иск против указанного треста, стал в 1912 г. крупнейшим жертвователем в фонд президентской кампании Рузвельта [302].

Вопрос о «Харвестер» тресте занимал немалое место в конфликте между претендентами на президентское кресло. В споре Тафт оказался в более выгодном положении. Тем не менее широкие круги избирателей, примыкавших к республиканцам, пошли за Рузвельтом. Это показали вначале первичные, а затем общие выборы.

Однако кандидатов в президенты США выбирают не широкие круги избирателей, а партийный съезд. Делегации на съезд комплектовал в основном партийный аппарат. Аппарат республиканской партии выступал за президента США, за Тафта.

В тех штатах, где делегаты на Национальный конвент выбирались на предвыборных собраниях избирателей, голосующих за республиканцев, на так называемых «праймериз», подавляющее большинство высказалось за сторонников Рузвельта. Но на таких собраниях выбирались делегаты лишь в 13 из 48 штатов. Эти 13 штатов дали всего 388 делегатов. Из них 281 делегат был за Рузвельта, 71 — за Тафта и 36 делегатов за Лафоллета. В таком крупном штате, как Иллинойс, Рузвельт получил 56 из всех 58 голосов делегатов. В другом крупном штате, в Пенсильвании, сторонниками Рузвельта оказались 67 делегатов, а Тафта — лишь 9. Ожесточенная борьба развернулась на первичных выборах в родном штате президента — Огайо. Тафт выступал в этом штате более 100 раз, а Рузвельт — 75 раз. В итоге из 42 делегатов 34 оказались сторонниками Рузвельта [303].

[302] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 221—222; *Colko G.* The Triumph of Conservatism. London, 1963, p. 191.
[303] *Wilensky M.* Op. cit., p. 58—63.

В 35 штатах делегатов на Национальный конвент послали местные партийные конференции, где решающее слово принадлежало партийному аппарату, остававшемуся верным Тафту. Национальный конвент республиканцев открылся 18 июня 1912 г. в Чикаго. На нем присутствовали 1078 делегатов. Для того чтобы стать кандидатом в президенты от республиканской партии, достаточно было получить простое большинство — 540 голосов. Вначале казалось, как подсчитал орган республиканцев газета «Трибюн», что у Рузвельта больше голосов, чем у Тафта [304]. Но 252 голоса оказались спорными. Спорные голоса подлежат решению Национального комитета республиканской партии. В Национальном комитете преобладала «старая гвардия», оплот Тафта, которому были отданы 233 спорных голоса. В результате Тафт получил 561 голос, на 21 голос больше, чем было необходимо для того, чтобы стать официальным кандидатом в президенты от своей партии в 1912 г.

Рузвельт утверждал, что боссы, руководящие национальным комитетом, отвели законно избранных делегатов и создали таким образом искусственное большинство в пользу Тафта, что Национальный комитет республиканцев, игнорируя волю народа, используя «грязные средства», «украл 80—90 делегатов в пользу Тафта», что полученные президентом таким путем голоса представляют «ворованный товар» [305]. Его сторонники указывали, что Тафт победил с помощью делегатов из южных штатов [305а].

Сторонники Рузвельта делали упор на то, что большинство в пользу Тафта было достигнуто главным образом благодаря допущению на конвент делегатов южных штатов, не представлявших сколько-нибудь значительного числа избирателей, голосующих за республиканцев. Совершенно очевидно, утверждали они, что приверженцы Тафта поставили себе целью во что бы то ни стало добиться поражения Рузвельта и сохранить руководство «старой гвардии» в партии, не считаясь ни с желаниями народа, ни с успехом партии на президентских выборах.

Сторонники же Тафта резонно возражали, что приемы Рузвельта раньше ничем не отличались от тех, которые сейчас так сильно ему не нравятся, что подобные приемы обычны в республиканской партии, что четыре года тому назад сам Рузвельт не задумался использовать делегатов Юга в своих интересах. Они также говорили, что если бы Рузвельт был в состоянии в 1912 г., как и в прошлом, подчинить своему влиянию Национальный ко-

[304] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 323.

[305] *Wilensky M.* Op. cit., p. 68; *Duffy H.* Op. cit., p. 284.

[305а] Южане составляли около трети всех делегатов на съезде, но на президентских выборах они, за исключением штата Мерилэнд, не приносили республиканцам ни одного выборщика. Большое число представителей Юга на съезде объяснялось давно установившейся практикой, согласно которой число делегатов на партийный съезд определяется в каждом штате не влиянием республиканцев, а общим количеством его жителей.

митет и конвент, то внутрипартийные разногласия не имели бы такого острого характера, не привели бы к расколу республиканцев и к созданию отдельной новой партии.

Национальный конвент в Чикаго принял трафаретную платформу. Отдавая дань духу времени, в платформе говорилось в общих чертах, что республиканская партия будет проводить программу социального законодательства. Республиканцы обещали более эффективно бороться с незаконными действиями трестов, ограничить взносы корпораций в избирательные фонды и принять новое банковское законодательство, вытекавшее из уроков биржевой паники 1907 г. Они высказались за более строгое регулирование иммиграции и против пересмотра судебных решений путем референдума, как «ненужного и неразумного», обещали поддержать политику арбитража в конфликтах между государствами. Наконец, республиканцы отрицали, что они являются реакционной партией. В 1912 г. даже «старая гвардия» цеплялась за Тафта и, оставаясь на сугубо консервативных, реакционных позициях, нашла необходимым навести на себя лоск либерализма.

Большинство сторонников Рузвельта, видя, как заправилы конвента, не брезгуя никакими средствами, подтасовывают выборы, бойкотировало голосование. Делегаты, стоявшие за Рузвельта, организовали в Чикаго собрание, на котором была принята резолюция о том, что избрание Тафта кандидатом в президенты на выборах 1912 г. есть мошенничество. Рузвельт, выступая на этом собрании, заявил: «Я думаю, что пришло время, когда не только сторонники прогрессивных действий, но все верящие в элементарные принципы морали в общественной и личной жизни, которые должны лежать в основе каждой свободной формы правления, должны включиться в наше движение»[306].

Делегаты выбрали комитет для организации новой партии и созыва ее съезда. 8 июля комитет обратился ко всем прогрессивно мыслящим американцам, независимо от их прошлых политических взглядов, с призывом прислать своих делегатов на первый Национальный конвент «прогрессистов».

Конвент открылся 5 августа в Чикаго. На нем присутствовало около 2 тыс. человек. Впервые на таком съезде профессиональные политики составляли меньшинство. Впервые также на съезде были женщины-делегаты (18 делегатов). Рузвельт был представлен как «гость» съезда. Целый час делегаты аплодировали ему, скандировали: «Мы хотим Тедди!». Конвент утвердил официальное название новой партии—«Прогрессивная партия». Рузвельт был избран кандидатом в президенты, а губернатор Калифорнии Хайрам Джонсон — кандидатом в вице-президенты США.

Хотя партия была названа прогрессивной, она не признала негритянских делегатов, прибывших на ее национальный съезд

[306] *Bishop J.* Op. cit., vol. II, p. 334.

в Чикаго из южных штатов. По совету Рузвельта было решено, что Прогрессивная партия на Юге будет рассматриваться как организация белых, которые сами должны решать вопрос, насколько приемлемо участие негров в их организации [307].

Другой парадокс новой партии сказался в том, что, несмотря на ее резкие нападки на «грабительское богатство», многие финансовые и промышленные тузы предпочли оказать денежную помощь не республиканской, а прогрессивной партии. Так, дом Морганов, внесший в 1908 г. в пользу кампании Тафта 150 тыс. долл., не пожелал так поступить в 1912 г. Республиканцы обратились к директору Стального треста Фрику за финансовой поддержкой. Фрик ответил, что он всегда был готов жертвовать почти любую сумму для обеспечения победы республиканской партии на выборах, но не в 1912 г., так как правительство Тафта «совершенно не сумело справедливо обращаться со многими его сердечными друзьями» [308]. В результате республиканцы израсходовали в президентской кампании 1912 г. в 3—3,5 раза меньше средств, чем в прошлом [309].

В то же время немало крупных капиталистов внесли солидную сумму в избирательный фонд Рузвельта. Владелец ряда газет крупный миллионер Менси внес 118 тыс. долл., а директор Стального и «Харвестер» трестов Перкинс — свыше 250 тыс. долл. Организаторы президентской кампании Тафта утверждали, что «Харвестер» трест покрывал львиную долю расходов на проведение выборной кампании Рузвельта [310]. Во всяком случае, новая прогрессивная партия не чувствовала недостатка в денежных средствах.

Перкинс не только сам внес солидную сумму и содействовал тому, чтобы другие капиталисты последовали его примеру, но и сыграл большую роль в организации прогрессивной партии и в принятии ее программы, которая вызвала споры и обнаружила серьезные разногласия внутри новой партии. Фактически прогрессивный лагерь раскололся еще до возникновения этой партии. Ветеран прогрессивного движения Лафоллет продолжал выступать и против Тафта, и против Рузвельта. На президентских выборах 1912 г. он предпочитал им обоим кандидата демократической партии Вильсона [311]. Многие активные деятели прогрессивного движения были против создания отдельной партии. Такими оказались шесть из семи губернаторов, обратившихся в феврале 1912 г. к Рузвельту с предложением согласиться на выдвижение его кандидатуры в президенты от республиканцев. Сенаторы Норрис из Небраски, Бора из Айдахо, Борн из Орегона,

[307] *Thayer W.* Op. cit., p. 374.
[308] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 279.
[309] *Wilensky M.* Op. cit., p. 70.
[310] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 292; *Kolko G.* Op. cit., p. 202.
[311] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 257.

который к тому же являлся президентом Национальной прогрессивной республиканской лиги, и другие, с именами которых ассоциировалось прогрессивное движение в конгрессе, заявили, что они против Тафта, но не за создание отдельной третьей партии [312].

Даже те пять сенаторов из западных штатов, которые активно участвовали в создании прогрессивной партии — Бристоу из Канзаса, Биверидж из Индианы, Пойндекстер из Вашингтона, Клапп из Миннесоты и Диксон из Монтаны,— вскоре убедились, что их и Рузвельта разделяют существенные противоречия.

Противоречия выявились прежде всего при обсуждении платформы прогрессивной партии. По вопросу о монополиях Рузвельт занимал примерно такую же позицию, как Перкинс: тресты неизбежны и необходимы, они форсируют индустриальный прогресс. Федеральное же правительство должно за ними лишь наблюдать и регулировать их деятельность с тем, чтобы они не злоупотребляли своим положением.

Подобные взгляды вызывали опасение представителей аграрных западных штатов. Они настаивали на восстановлении с помощью государственных мероприятий конкуренции в промышленности и на железных дорогах. Бристоу прямо поставил вопрос перед Рузвельтом: «Не заложена ли в этой программе регулирования серьезная опасность, что крупный капитал будет скорее регулировать правительство, чем правительство — крупный капитал?» [313]

На национальном съезде прогрессивной партии комиссия по резолюциям после острой борьбы приняла антитрестовскую формулировку, в которой говорилось, что объявляются незаконными соглашение о разделе рынков и сокращении производства, продажа товаров по низким ценам в одних районах и по высоким ценам — в других, использование транспорта в пользу одних и во вред другим фирмам и другие нечестные действия [314].

Когда эта антитрестовская формулировка, включенная в платформу, зачитывалась на заседании конвента, Перкинс запротестовал и демонстративно покинул зал заседания. Немедленно было созвано совещание лидеров новой партии. Рузвельт распорядился вычеркнуть антитрестовский параграф [315]. Более того, по его настоянию Перкинс был избран председателем Национального исполнительного комитета прогрессивной партии.

В принятой национальным конвентом прогрессивной партии платформе говорилось о выдвижении кандидатов на выборные должности и избрании делегатов конвентов на первичных собраниях избирателей; об избрании сенаторов населением, о передаче на референдум судебных решений, отменяющих принятые в

[312] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 257, 263.
[313] Ibid., p. 270.
[314] Ibid., p. 270—271.
[315] Ibid., p. 271.

законодательных собраниях штатов законы; о равноправии женщин; о минимальной зарплате и 8-часовом рабочем дне для женщин; о запрещении детского труда; о социальном страховании; об образовании министерства труда и др.

Партия в своей платформе не одобряла «тарифа Пэйна — Олдрича», но вместе с тем высказалась за протекционные таможенные пошлины, необходимые для обеспечения конкурентоспособности американского производства. По вопросу о трестах она ограничивалась общими словами об усилении закона Шермана и создании федеральной комиссии для наблюдения за корпорациями, ведущими торговлю за пределами одного штата.

Статьи о тарифах и трестах в платформе явно не устраивали представителей аграрных западных штатов, а параграфы, касающиеся положения рабочих и условий труда, их мало интересовали. В целом «новый национализм» Рузвельта не вызывал восторга и не удовлетворял чаяний населения на Западе, там, где в свое время зародилось и развивалось прогрессивное движение.

К тому же в западных штатах влияние Перкинса в прогрессивной партии вызывало большое недовольство. Недовольные, учитывая сложную ситуацию, создавшуюся для молодой, еще не окрепшей партии, в целях сохранения единства решили во время проведения выборной кампании сохранять молчание. «Но подчеркнутое молчание,— как писал профессор Моури,— не приносит согласия»[316].

Раскол республиканцев и отсутствие единства в лагере прогрессивного движения создали благоприятные условия для демократической партии на выборах 1912 г. Ее вес в политической жизни страны увеличился со времени выборов в 62-й конгресс. Вначале ее сильным кандидатом считался губернатор Огайо Гармон, который был известен как консерватор. Но дух времени предостерег демократов от совершения роковой ошибки. Ко времени национального съезда наиболее вероятными кандидатами в президенты остались спикер палаты представителей Кларк и губернатор Нью-Джерси Вильсон. Оба они старались выдавать себя за «прогрессистов». Но Вильсону, который был искусным оратором, это лучше удавалось.

Вильсон «был долго известен, как стойкий консерватор старой школы... Его друзья утверждали, что практический опыт сделал консервативного ученого «прогрессивным»; его враги заявляли, что он играет в политику, а управляющие его делами были в состоянии эффективно использовать одни итоги его деятельности на Западе и другие на Востоке»[317].

Национальный съезд демократов открылся 25 июня в Балтиморе и продолжался 8 дней. Он считается самым продолжитель-

[316] Ibid., p. 272.
[317] *Beard C.* Contemporary American History. Op. cit., p. 366.

ным и одним из наиболее бурных в истории этой партии со времени гражданской войны. На нем присутствовали 1092 делегата. Одно время Кларк набрал больше половины всех голосов. Но для победы на конвенте требовались голоса двух третей всех делегатов — 728. Нью-йоркская делегация, стоявшая за Гармона, перешла при десятом голосовании на сторону Кларка, у которого появились шансы стать кандидатом в президенты. Но в это время Брайан в своем выступлении заявил, что он не станет больше поддерживать Кларка, если последний будет пользоваться голосами нью-йоркской делегации, находящейся под влиянием плутократии.

Хотя карьера Брайана окончилась еще в 1908 г., он все же сохранил в известной мере свою популярность в западных фермерских штатах. С помощью делегатов этих штатов ему удалось провести на конвенте, хотя не полностью, нашумевшую резолюцию, в которой говорилось, что конвент, во-первых, заверяет американский народ, что партия Джефферсона и Джексона является еще борцом за народное правительство и равенство перед законом.

Во-вторых, конвент заявляет, что он против выдвижения в президенты лица, связанного в какой бы то ни было мере с Морганом или другими представителями привилегированного класса. В-третьих, конвент удаляет из своего состава всех делегатов, принадлежащих к этому классу или представляющих его[318].

После бурных дебатов были приняты первые два пункта резолюции, а третий отклонен.

С помощью поддерживавших его делегатов Брайану удалось постепенно увеличивать число голосов, поданных за Вильсона. При 28-м голосовании Вильсон впервые оставил позади себя Кларка. Когда голосовали в 46 раз, губернатор Нью-Джерси получил 990 голосов. На 5-й день баллотировки сторонники Кларка, убедившись в бесполезности их потуг, примирились с кандидатурой Вильсона. Кандидатом в вице-президенты избрали губернатора Индианы Маршалла.

В платформе демократической партии, принятой в Балтиморе, бросался в глаза почерк Брайана. В ней прежде всего осуждались «тариф Пэйна — Олдрича» и вето Тафта, наложенное на решение конгресса о снижении таможенных пошлин. В ней утверждалось, что по Конституции в США могут существовать лишь фискальные тарифы, а не запретительные или протекционистские. Она содержала обещание немедленно снизить таможенные пошлины, но с оговоркой, что это должно быть сделано без ущерба для промышленности. Платформа требовала усиления антитрестовского законодательства, чтобы сделать «невозможной частную монополию в Соединенных Штатах», денежной

[318] *Commager H.* Documents of American History, vol. II, p. 253.

и кредитной реформ, закона против «инджанкшн», ограничения пребывания каждого президента в Белом доме одним сроком и декларации о предоставлении независимости Филиппинам, как только они смогут образовать устойчивое правительство.

Однако Вильсон в первой своей речи в качестве официального кандидата демократов в президенты США отклонил брайановские требования, зафиксированные в платформе конвента. Он заявил: «Платформа — не программа... Я не один из тех, кто думает, что конкуренция может быть установлена законом, вопреки всемирной экономической тенденции... Я осмелюсь утверждать, что мы никогда не вернемся к старому порядку индивидуальной конкуренции и что организация хозяйства на основе сотрудничества в большом масштабе до известной степени нормальна и неизбежна»[319].

Так Вильсон успокоил те круги крупного капитала, у которых формулировки Брайана, записанные в платформе демократов, вызвали раздражение.

После Национального конвента демократической партии борьба за президентское кресло сосредоточилась между Рузвельтом и Вильсоном, Тафт, не надеясь на победу, остыл; он говорил, что любой исход кампании его устроит, лишь бы провалить Рузвельта. Он считал своей главной целью «нанести поражение Рузвельту и сохранить силы «старой гвардии» для победы консерваторов в будущем»[320].

В отличие от Тафта Рузвельт в последние три месяца перед выборами с удвоенной энергией проводил свою кампанию. После ряда выступлений в августе в Новой Англии он отправился в среднезападные штаты, оттуда на Тихоокеанское побережье, затем на Юг, а потом он снова появился на северо-западе. 14 октября в Милуоки, когда он направился на очередное выступление, в него стреляли в упор. Рана в груди оказалась не опасной для жизни, и Рузвельт проявил свой актерский талант. Он спас покушавшегося на него от расправы толпы и отказался отменить назначенную речь. Лишь после окончания своей речи он согласился, чтобы его увезли в госпиталь.

Полемика Рузвельта с Вильсоном в отличие от его схватки с Тафтом не носила характера личных оскорблений. Но все же каждый из них старался как можно чувствительнее уколоть своего соперника. Вильсон утверждал, что избрание Рузвельта президентом будет означать, что Соединенными Штатами управляет через посредничество Перкинса Стальной трест[321], что программа регулирования деятельности корпораций, выдвинутая Рузвельтом, будет на деле сводиться к санкционированию государством монополий.

[319] *Beard M.* Op. cit., p. 368.
[320] *Wilensky N.* Op. cit., p. 69, 70.
[321] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 276.

Ссылаясь на Джефферсона, Вильсон выступал против усиления власти федерального правительства над экономической жизнью страны: «Такое бюрократическое государство, какого желает Рузвельт, положит конец человеческой свободе». «История свободы,— подчеркнул Вильсон,— это история ограничения государственной власти»[322].

Свою «антитрестовскую» политику Вильсон считал основой программы, названной им «Новой свободой». Он выступал против трестов, но за большой бизнес, за крупные корпорации, за абсолютную свободу предпринимательства, за неограниченную конкуренцию, которую, по его словам, тресты уничтожают, применяя нечестные методы. Утверждая, что нынешнее правительство Соединенных Штатов является выкормышем определенных групп, он писал: «Трест — соглашение с целью избавления от конкуренции... Трест вовсе не продукт конкуренции, а результат того, что бизнесмены не желают ее... Я за большой бизнес, но против трестов»[323].

Предложенное Рузвельтом регулирование деятельности корпораций Вильсон назвал партнерством государства и трестов, которое необходимо ликвидировать, иначе тресты возьмут верх над государством.

На вопросы его оппонентов, как можно ликвидировать тресты, сохраняя большой бизнес, как можно сохранить крупные корпорации и создать условия полной свободы конкуренции для мелких фирм, Вильсон отвечал, что он не обсуждает конкретных «мероприятий и программ», что он только пытается «выразить новый дух в нашей политике»[324].

В решении внутренних проблем и во внешнеполитической деятельности на посту президента Вильсон оказался «сильным» только теоретически, способным принять декларацию общих принципов, но весьма слабым в конкретных действиях, необходимых для воплощения ее принципов в жизнь. Рузвельт назвал Вильсона «искренним доктринером, наслаждающимся профессорской риторикой».

Последний ответ критикам «нового национализма» Рузвельт дал в эмоциональной, но демагогической речи, произнесенной им за несколько дней до выборов в Мэдисон-сквер Гарден в Нью-Йорке. Он заявил: «Мы за свободу. Но мы за свободу для угнетенных, а не за свободу угнетателя притеснять слабого и привязывать ношу к тяжело нагруженным плечам. Неразумно говорить, что нельзя осуществлять государственную власть тогда, когда только с помощью этой власти мы можем обуздать алчность в высоких сферах. Мы — за Конституцию. Но мы не согласимся превратить Конституцию в фетиш для защиты закостенелой несправедливости... Мы не признаем ни за судом,

[322] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 277.
[323] *Beard C.* Op. cit., p. 374—375.
[324] Ibid., p. 378.

ни за конгрессом, ни за президентом какого-то божественного права игнорировать волю народа»[325].

Выступление Рузвельта вызвало резкую реакцию печати. На него ополчились и реакционные газеты, поддерживавшие Тафта, и пресса, выступавшая за Вильсона. Еще за несколько месяцев до выборов еженедельник «Харперс уикли» «предупреждал», что «избрание Рузвельта приведет в течение 10 лет к кровавой революции, которая завершится властью деспота». А вслед за ней газета «Нью-Йорк сан» утверждала, что платформа новой партии является не обычной программой реформ, а призывом к восстанию: «Это манифест революции. Это программа буйных и опасных изменений. Она предлагает огульное аннулирование Конституции. Она предлагает государственный социализм».

Так реагировала капиталистическая Америка даже на такую в общем-то бесплотную «программу», за которой нет ничего конкретного.

Борьба между двумя течениями, между правыми и левыми происходила в 1912 г. и внутри социалистической партии, влияние которой к этому времени возросло.

В 1910 г. в конгресс от штата Висконсин был избран социалист Бергер. Другой представитель партии — Зейдель стал мэром столицы штата г. Милуоки. На муниципальных выборах 1911 г. 435 кандидатов социалистической партии одержали победы в 33 штатах[326]. В 1912 г. социалистическая партия издавала пять ежедневных и 262 еженедельных газет на английском языке и 8 ежедневных и 36 еженедельных газет на других языках, 12 ежемесячных журналов. Ее главный орган «Призыв к разуму» имел полумиллионный тираж[327].

В мае 1912 г. делегаты социалистической партии (в рядах которой насчитывалось около 150 тыс. человек)[328] собрались на свой национальный съезд в Индианаполисе. На съезде развернулись споры об отношении к ИРМ. Правые социалисты во главе с Бергером и Хилкуитом выступали против совместной работы с ИРМ. Они пригласили гостившего в США секретаря Всеобщего объединения германских профсоюзов Карла Легина для выступления на съезде. Легин, высказываясь против забастовок, против революционных действий, не скрывал своей неприязни к ИРМ. Он сообщил в своем выступлении, что «германская социал-демократическая партия исключила из своих рядов всех членов профсоюзов с синдикалистскими тенденциями»[329].

Легин помог Бергеру и Хилкуиту провести на съезде поправку к Уставу партии, гласившую: «Всякий член партии, являю-

[325] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 278.
[326] *Morgan H.* Eugene V. Debs — Socialist for President. Suracuse, 1962, p. 118; *Morais H., Cahn W.* Gene Debs. N. Y., 1948, p. 86.
[327] *Morgan H.* Op. cit., p. 132—133.
[328] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США, т. IV. М., 1969, стр. 394.
[329] *Фонер Ф.* Указ. соч., т. IV, стр. 384.

щийся противником политических действий и сторонником правонарушителей, саботажа и других насильственных методов в качестве средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, подлежит исключению из партии»[330]. Эта поправка была явно направлена против ИРМ, против их прямых действий. Бергер не скрывал, что ему не по пути с Хейвудом, и сказал делегатам: «Нам еще предстоит размежеваться, и лично я готов пойти на этот раскол хоть сейчас»[331].

Раскол произошел после съезда и после президентских выборов, когда Хейвуд и его сторонники в качестве протеста против интриг правых и их раскольнических действий вышли из социалистической партии. В результате число ее членов сократилось к июню 1913 г. почти наполовину по сравнению с тем, что партия насчитывала к открытию ее съезда в мае 1912 г.[332]

Однако на съезде и во время избирательной кампании удалось сохранить формальное единство. Хейвуд был избран членом Национального исполкома партии. Съезд принял резолюцию, удовлетворившую представителей ИРМ. В ней отмечалось, что важно вовлекать в профсоюзы неорганизованных и неквалифицированных рабочих, в частности иммигрантов.

Платформа, принятая в Индианаполисе, подчеркивала классовую борьбу, происходящую в американском обществе. В ней говорилось: «Общество разделено на непримиримые группы и классы, преследующие свои материальные интересы. В основном борьба выражает конфликт между двумя главными классами, один из которых капиталистический класс, владеющий средствами производства, а другой — рабочий класс, вынужденный пользоваться этими средствами производства на условиях, диктуемых их владельцами. Капиталистический класс, хотя он малочислен, абсолютно контролирует государство, законодательство, исполнительную и судебную власть»[333].

По своим требованиям, в частности в отношении улучшения условий труда, платформа социалистической партии напоминала платформы демократической и прогрессивной партий. Отличие сводилось, в частности, к требованию установления 5,5-дневной рабочей недели, организации общественных работ для безработных, необходимости пересмотра Конституции США, ликвидации сената и права отмены законов, принятых конгрессом.

Бергер и Хилкуит, проповедовавшие вместо революции эволюцию, были против кандидатуры Дебса в президенты. Они желали заменить его лидером крайне правых Зейделем. Но при первом же голосовании Дебс получил абсолютное большинство. Зейдель должен был удовлетвориться избранием его кандидатом в вице-президенты.

[330] *Фонер Ф.* Указ. соч., т. IV, стр. 386—387.
[331] Там же, стр. 386.
[332] Там же, стр. 392, 394.
[333] *Commager H.* Op. cit., vol. II, p. 250.

Дебс во время своей четвертой по счету президентской кампании совершил, хотя не в «красном поезде», как в 1908 г., но успешный тур по стране. Он открыл свою очередную кампанию речью в Чикаго, в которой утверждал, что социалистическая партия — «единственная партия народа, единственная партия, сопротивляющаяся власти плутократии». Рузвельта Дебс характеризовал как обманщика, «как шарлатана, фигляра и мошенника»[334]. Вообще он не видел разницы между Рузвельтом, Тафтом и Вильсоном.

В конце октября Дебс прибыл в Нью-Йорк. Здесь он должен был выступить с речью в Мэдисон-сквер Гарден. Интерес к этой речи был настолько велик, что 15 тыс. билетов были проданы за несколько недель до этого.

В своем выступлении Дебс утверждал, что «демократы, прогрессисты и республиканцы одинаково финансируются трестами» и защищают интересы монополий, что «социализм — единственная надежда для Америки»[335]. С неменьшим интересом американцы слушали лидера социалистов и в других городах. Так, в Филадельфии на его выступление собралось 18 тыс. человек, в Питтсбурге на митинге в связи с его приездом присутствовало 10 тыс. человек, несмотря на то, что лил проливной дождь.

Как и в 1908 г., Дебс в своих выступлениях высказывался за общественную форму собственности в основных отраслях народного хозяйства, находящихся в руках монополий, он возражал против иммиграционных ограничений, указывал на то, что из всех высокоразвитых промышленных стран США — единственное государство, в котором отсутствует система социального страхования. Он выступал за установление такой системы и за принятие закона о 8-часовом рабочем дне.

В 1912 г. избирательная кампания проводилась в условиях, когда в моде были такие лозунги, как «прогресс и демократия», а слово «консерватор», а тем более «реакционер» звучало позорно, как ругательство, равно как и слова «монополия», «плутократия», «босс» и «коррупция». Все кандидаты рядились в тогу либерализма.

Такая обстановка благоприятствовала социалистам. Вместе с тем настроения в стране, побудившие Рузвельта и Вильсона включить в свои предвыборные платформы положения, заимствованные у социалистов, нейтрализовали еще в большей мере, чем в 1908 г., сильное оружие Дебса.

На президентских выборах 1912 г. за Дебса голосовало почти 6% от общего числа избирателей, что превысило более чем в 2 раза количество голосов, полученных им на выборах в 1908 г. Это был, как уже отмечалось, самый большой процент избирателей, когда-либо голосовавших за социалистическую партию

[334] *Morgan H.* Op. cit., p. 134.
[335] Ibid., p. 132.

В выборах 1912 г., происходивших 5 ноября, в которых участвовало 15 млн. 037 тыс. избирателей, голоса распределялись следующим образом:

Партия	Число голосов, тыс.	Процент всех голосов	Число выборщиков	Число штатов, где получено большинство
Демократическая . .	6297	41,9	435	40
Прогрессивная . . .	4119	27,4	88	6
Республиканская . .	3487	23,2	8	2
Социалистическая . .	897	5,9	—	—
Другие мелкие партии	237	1,6	—	—
Всего . . .	15037	100,0	531	48

Одновременно с избранием президента происходили выборы в 63-й конгресс, укрепившие позиции демократической партии. Число их представителей увеличилось с 228 до 291, а количество голосов республиканцев сократилось с 161 до 127. В сенате численность демократов увеличилась с 41 до 50, а республиканцев уменьшилась с 51 до 44. Таким образом, демократы располагали большинством в обеих палатах конгресса.

Президентская кампания 1912 г. разожгла политические страсти больше, чем другая избирательная кампания после 1896 г. Ее итоги расценивались прежде всего как сильное поражение реакции, которую олицетворял Тафт. Более $^3/_4$ избирателей, участвовавших в выборах, голосовали против кандидата республиканской партии. Тафту удалось удержать на своей стороне лишь два штата — Вермонт и Юту. В Юте ему помогли мормоны. Но и там он набрал лишь 38% голосов. Консервативный Вермонт и четверть века спустя был одним из двух штатов, в которых на президентских выборах большинство избирателей голосовало за кандидата реакции.

Выборы 1912 г. показали, что партийный аппарат отнюдь не выражает мнений и настроений основной массы, примыкавшей к той или другой из двух больших партий, что избиратели, голосующие как за республиканцев, так и за демократов, в своем подавляющем большинстве идут за теми, кто обещает прогрессивную политику.

Рузвельт рекламировал «новый национализм», а Вильсон «новую свободу». Оба они в своих платформах отмежевывались от консерватизма и реакции. Оба они выдавали себя за носителей прогресса и демократии. Оба они получили на выборах около 70% всех голосов.

Вильсон победил благодаря расколу в лагере республиканцев. Он получил на 2,5 млн. голосов меньше, чем его противники. Еще более знаменательно то, что Вильсон набрал в 1912 г. меньше голосов, чем Брайан в любой из трех президентских кампаний. Вильсон получил в 1912 г. на 170 тыс. голосов меньше, чем

Брайан в 1896 г. Между тем, за 16 лет, истекших с 1896 г., население и избирательный корпус США значительно выросли. Однако в силу особенностей избирательной системы США Вильсон, набравший на президентских выборах лишь 42% всех голосов, получил 82% всех выборщиков.

Демократы в 1912 г. не только сами выступали сплоченно, но за Вильсона голосовали и многие республиканцы, противники и Тафта, и Рузвельта, а также те прогрессивные республиканцы, которые возражали против раскола и образования самостоятельной партии под руководством Рузвельта и Перкинса. По оценкам, опубликованным в США, в 1912 г. 1 млн. 500 тыс. республиканцев либо голосовали за Вильсона, либо бойкотировали выборы [336].

В прогрессивной партии все надежды возлагались на авторитет Рузвельта. На выборах губернаторов и членов конгресса в 1912 г. она потерпела полную неудачу. Ей удалось провести лишь одного губернатора и около дюжины конгрессменов. Еще более неудачными для новой партии оказались муниципальные выборы в 1912 г. Она выдвинула тысячи кандидатов, а прошли лишь около 250 [337]. Сенаторы Диксон, Биверидж, Борн и другие, считавшиеся долгие годы оплотом прогрессивного движения в конгрессе, потерпели поражение на выборах 1912 г.

Сам Рузвельт оценивал итоги выборов в ряде штатов как несчастье в результате раскола республиканской партии [338]. Он сразу потерял энтузиазм и веру в новую партию. Но другие ее деятели старались продолжать борьбу.

В прогрессивной партии после президентской кампании 1912 г. обнажились и усилились внутренние противоречия. После выборов молчание недовольных Перкинсом сменилось громкими протестами, требованиями его ухода. Но Рузвельт всячески отстаивал Перкинса, заявил, что если Перкинс вынужден будет оставить партию, то он уйдет вместе с ним [339].

Под руководством Перкинса официальный орган партии «Прогрессивный бюллетень» помещал статьи, защищающие Стальной трест, «Харвестер» трест и «Стандард ойл». Перкинс публично восхвалял Гарримана, Моргана и других капитанов индустрии, назвал Моргана «лучшим другом трудового человека» [340]. Сам Рузвельт в своих заявлениях и выступлениях все меньше стал упоминать о «новом национализме», все настойчивее утверждал, что «постоянно в этой стране могут существовать лишь две национальные партии», давал понять, что придется вернуться обратно в лоно республиканцев. В ноябре 1914 г.

[336] *Wilensky N.* Op. cit., p. 73.
[337] *Mowry G.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 281—282.
[338] Ibid., p. 283.
[339] Ibid., p. 298.
[340] Ibid., p. 296.

прогрессивная партия потерпела поражение на выборах в конгресс.

В 1916 г., после неудачных попыток объединения обеих партий на основе выдвижения кандидатуры Рузвельта на Национальном конвенте республиканцев в Чикаго, прогрессивная партия выбрала его кандидатом в президенты на своем конвенте, состоявшемся одновременно в том же городе. Но Рузвельт, учитывая бесполезность этой затеи, отказался.

В Рузвельте прогрессивная партия видела в 1912 г. источник своей силы. Впоследствии он стал олицетворением ее слабости. С его отходом от нее новая партия распадалась. Большинство ее членов вернулось в лагерь республиканцев. Оставшиеся неболвшие группы провели свою последнюю конференцию в апреле 1917 г. в Сент-Луисе, где они слились с так называемой партией «сухого закона».

Прогрессивное движение в 1912 г. по своему составу, по своим целям и задачам существенно отличалось от движения, охватившего аграрные штаты Запада и Юга в 1896 г. Но, как и в конце прошлого столетия, перед первой мировой войной новое движение, по крайней мере до перехода руководства им к Рузвельту и Перкинсу, носило сугубо антитрестовский, антимонополистический характер.

Прекращение деятельности прогрессивной партии нанесло удар всему прогрессивному движению в США. В 1912 г. «старая гвардия» республиканцев предпочла поражение на выборах сохранению прогрессистов в своих рядах. Она видела в своем поражении выигрыш: спасение и укрепление основы организации преданного ей партийного аппарата. Для нее оказалось лучше то, что Рузвельт был кандидатом в президенты не от республиканской партии.

Рузвельт, повторяем, отнял руководство прогрессивным движением у Лафоллета, а потом сокрушил это движение. Вся «прогрессивность» Рузвельта сводилась к тому, чтобы удержать выросшее антимонополистическое движение под своим контролем, чтобы с этой целью реорганизовать республиканскую партию, приспособить ее к новым условиям.

Со смертью Рузвельта в январе 1919 г. исчезла надежда на завоевание лидерами прогрессивного движения руководства в республиканской партии.

Более $^3/_4$ избирателей голосовали в 1912 г. за перелом, за новое прогрессивное направление в политической жизни США. Но перелома не получилось. Ни Рузвельт, ни Вильсон не были способны и по настоящему не желали его совершить.

Находясь на распутье, переживая то, что американские историки называют обычно «прогрессивным периодом», Соединенные Штаты пошли дальше по выбранной банками и трестами дороге. Через 5 лет после бурной избирательной кампании 1912 г. от прогрессивной партии остались лишь упоминания в истории.

Указатель имен

Аарон Д. 107, 108
Агинальдо Э. 38, 120—123, 249
Агонсильо (филиппинский дипломат) 120
Адамс Б. 108—110, 165, 177, 313, 317
Адамс Г. 29, 31
Адамс Дж. К. 127
Адамс С. 105
Адамс (офицер) 123
Алжер Р. 28
Альверстон Р. 178, 179
Аллистон У. 227
Альтгельд Дж. 115
Амадор (глава сепаратистов Панамы) 138—141, 143, 145
Амайя (генерал) 140
Араквистан Л. 130, 147
Артур Ч. 155
Арчбелд Дж. 82, 83, 156

Баллинджер Р. 317, 321, 322
Бальфур А. 179
Барер Б. 115
Барн (конгрессмен) 223
Барней Ч. 213
Баррет Дж. 287, 289
Батлер Дж. 312
Батт А. 241, 247, 329, 340
Бейли Т. 285
Беккер Дж. 218, 252, 266, 270, 271, 273
Бекон О. 182, 183, 304
Бекон Р. 251, 309
Белл Дж. 123
Белл А. 9, 69, 258
Белл Ш. 123, 195
Беллами Э. 205
Бенц К. 60
Бергер В. 236, 351, 352
Бертранд Ф. 299
Биверидж А. 28, 30, 31, 100, 123, 346, 355
Бирд М. 73, 164
Бирд Ч. 73, 164
Бирс 124
Бисмарк О. 110
Бишоп Дж. 183, 339
Бланд У. 24
Бланко (испанский губернатор на Кубе) 35
Блисс К. 28
Блэйн Дж. 33
Богарт Е. 62
Болдуин Д. 219, 272
Боливар С. 287
Бонапарт Ч. 220, 231, 342
Бонилла (генерал) 299
Бопре (посланник США в Колумбии) 136, 138, 142
Бора У. 203, 204, 345
Борн (сенатор) 335, 336, 345, 355
Борней (банкир) 216
Брайн У. 14, 22, 24—27, 41—44, 89, 95, 113, 115, 125, 151, 153, 159, 160, 222, 225, 228, 232, 234, 235, 237—239, 249, 285, 305, 348, 349, 354, 355
Брандис Л. 258, 322, 334
Браун Г. 312
Браун Дж. 331, 332
Бриссендоен П. 199
Бристоу (конгрессмен) 223, 346
Брут Д. 109
Бульвер Л. 131, 132, 296
Бурр Дж. 296
Бьюкенен Дж. 34
Бюно-Варилья Ф. 127, 134, 138—140, 142, 144, 146

Вандербильт К. 64, 69, 70, 218, 269
Ванцетти Б. 240, 244
Вашингтон Б. 102
Вашингтон Дж. 174, 177, 331
Вебстер (сенатор) 162
Верн Ж. 45

Вестингауз Дж. 9, 213
Вейзель (посланник) 303
Вейлер (генерал-губернатор Кубы) 34, 35
Викершем Дж. 246, 322, 326—328, 330, 338
Виленский Н. 242
Виллард Г. 336
Вильгельм II 175, 176, 181, 183—186, 275
Вильсон В. 52, 311, 316, 345, 347—351, 353—356
Вильсон Г. 294—296
Вильсон Ч. 116
Вильсон Дж. 322
Витте С. Ю. 171, 172
Вуд Л. 128—130, 205, 294
Вудбёрн Дж. 152, 155, 318
Вудфорд С. 37

Гамильтон А. 15, 107, 108
Гарленд Х. 105
Гармон Дж. 347, 348
Гари Ю. 89
Гарриман Э. 64, 70, 98, 104, 161, 162, 165, 215, 216, 229, 314, 355
Гаррисон У. 114, 125, 248
Гарфилд Дж. 321, 328, 334, 336
Гейдж Л. 28
Гейнц Г. 212, 216, 221, 222
Гейт (губернатор) 78
Геллвиг Р. 267
Гендерсон А. 199
Гери Э. 67, 107, 219, 220, 230
Геррик Р. 105
Гибсон Г. 28, 30, 31
Гильфердинг Р. 268
Гиммер Г. 277, 278
Гленн (офицер) 123
Глуховский П. 10
Глэйвис (чиновник) 322
Гобарт Г. 26, 40
Гобин (генерал) 96
Голлебен (германский посол) 149
Гомес Х. 309, 310
Гомперс С. 16, 51, 92, 95, 96, 99, 168, 190, 192, 193, 198, 199, 206, 209, 235, 238
Гор (сенатор) 85, 143
Горький М. 103, 190, 203
Гоуэн Ф. 85
Грант У. 29, 148, 247
Грей Э. 174, 180—182, 187
Грин У. 192
Губер А. 125
Гувер Г. 240
Гувер Э. 231
Гуггенгейм М. 322
Гуддинг (губернатор) 202
Гульд (миллионер) 64, 69, 70, 86, 146

Даллес А. 134
Даллес Дж. Ф. 6, 134
Дарроу К. 203—205
Дауэс Ч. 28, 29
Дебс Ю. 18, 19, 44, 88, 115, 163, 190, 195, 196, 202, 203, 209, 236—238, 243, 248, 352, 353
Ле Леон Д. 44, 190, 199, 200, 205—208
Де Ломе (испанский посланник) 36
Делькассе 181
Депью Ч. 41, 161, 162
Джеймс У. 100, 111
Джексон Э. 348
Джефферсон Т. 15, 29, 102, 107, 108, 112, 126, 332, 348, 349
Джонс (профсоюзный деятель) 96
Джонс (профсоюзная деятельница) 99, 195
Джонсон Т. 23
Джонсон Х. 344
Джонсон Э. 148, 155
Джордж Г. 205
Джуссеран (французский посол в США) 183—185
Диас А. 303—305
Диас П. 150, 285, 292—295
Диас Ф. 295
Диккенс Ч. 103
Диккинсон Дж. 294, 328
Диксон (конгрессмен) 223, 346, 355
Дингли Ф. 28, 33
Додд С. 65
Доливер (сенатор) 223, 318, 320, 322
Доненли И. 22
Драйзер Т. 105, 208
Дьюи Джордж 38, 41, 42, 117, 120, 125, 149
Дьюи Джон 100, 111
Дэвис Г. 160
Дэвисон Г. 269, 271, 316
Дюпон А. 92, 258

Жуо Л. 199

Зейдель (мэр) 351, 352
Зингер (промышленник) 167
Золя Э. 103
Зорге Ф. 16, 207
Зубок Л. 115

Иелн С. 93
Извольский А. П. 314, 315
Изли Р. 98
Иенкс (юрист) 88

Кавур К. 340
Калберсон Ч. 220
Камбон Ж. 182
Камминс А. 223
Кан (бизнесмен) 272

Канако (японский журналист) 172
Кандлер А. 102
Кармак Э. 146
Карнеги Э. 18, 56, 67
Касерес (глава правительства Доминиканской Республики) 311
Кастро (президент Венесуэлы) 149
Каудрей (английский бизнесмен) 294
Каутский К. 206
Кацура Т. 164, 171, 172, 251
Квей М. 158
Кеннеди Дж. 106
Керн Дж. 234
Киддер (банкир) 252, 265, 272, 273
Кинтана Л. 288
Киплинг Р. 245
Кирпичев В. Л. 9, 10
Клайн Г. 83, 84
Клапп М. 223, 346
Кларк Ч. 347, 348
Клейтон Дж. 131, 132, 296
Кливленд Г. 8, 14, 19, 35, 51, 125, 159, 190
Кодак И. 258
Коковцев (министр финансов России) 314, 315
Кокси (деятель рабочего движения) 115
Коммаджер Г. 47, 48
Комура Д. 171, 172
Конча (колумбийский посланник) 135
Корей Л. 275
Кортелью Г. 159, 161, 162, 218
Кроли Г. 109—111, 314, 332, 334
Кромвель У. 134—138, 140, 143, 145, 146
Кук В. 85
Куллом 138
Кун (миллионер) 64, 70, 252, 265, 272, 273, 310, 314, 316
Купер Ф. 112
Кэмбелл (нефтепромышленник) 78, 79
Кэннон Дж. 223, 321—324, 337
Кэпертон У. 312

Ламотн (банкир) 269, 271
Ламсдорф В. Н. 173
Лара (генерал) 303
Латанэ Дж. 290
Лафоллет Р. 74, 102, 216, 217, 223, 226, 228, 233, 258, 275, 276, 318, 334—338, 340, 342, 345, 356
Леб Дж. 64, 70, 252, 265, 272, 273, 310, 314, 316
Лев XIII (папа) 250
Легин К. 199, 351
Ленин В. И. 15—17, 28, 32, 49, 62, 71, 102, 111, 198, 199, 206, 207, 209, 257—259, 275, 278—284
Лессепс Ф. 133
Летчер (американский консул) 291
Ливингстон Д. 112
Линд Дж. 294
Линкольн А. 28, 31, 49, 101, 107, 143, 166, 323, 331, 332
Линкольн-Стеффенс Дж. 90, 105, 236, 238
Линч (политический деятель) 113
Липпман У. 101
Ли Сын Ман 174
Ли-Хиггинсон (банкир) 252, 272, 273
Личауко М. 123
Ллойд Г. 75, 76, 102—105
Лодж Г. 7, 10, 12, 14, 19, 29, 30, 34, 35, 38, 51, 52, 92, 94, 97, 98, 100, 109, 116, 117, 119, 123, 136, 154, 158, 159, 169, 178, 180, 183, 227, 232, 319, 332, 339
Лонг Дж. 35, 116, 117
Лондон Дж. 105, 208, 236
Лоример У. 334
Лоусон (бизнесмен) 106
Лумис Ф. 140
Луна А. 121
Люис С. 208
Лэб (советник президента) 328

Магеллан Ф. 42
Мадеро Г. 285, 295, 296
Мадриз (глава правительства Никарагуа) 302, 303
Майерс Г. 105
Макартур А. 249
Макгрегор Г. 82, 83
Макдональд У. 202
Маккалеб У. 230
Маккенон (член Верховного суда) 202
Маккинли У. 14, 26—29, 31—33, 35—37, 40—42, 44, 58, 86, 95, 100, 104, 115—117, 119, 121, 125, 126, 128, 129, 133, 144, 152, 153, 158, 159, 176—178, 201, 223, 232, 240, 246, 249, 318
Макклюр А. 105
Маккол (конгрессмен) 215
Макпарлан 202
Максвелл (банкир) 213
Марат Ж. 115
Маркс К. 16, 214, 278
Маррокин (президент Колумбии) 137
Маршалл Дж. 5
Маршалл Т. 348
Меллон Р. 273
Мена (военный министр Никарагуа) 304
Менокаль М. 310
Менси (миллионер) 345
Меттерних (германский посол) 181, 182
Миллер А. 82, 83
Милс Р. 56
Митчелл Дж. 95 96, 98, 99, 190
Могун Ч. 251, 309

Моейер (профсоюзный деятель) 195, 202, 204, 205
Монро Дж. 132, 148, 150, 177, 188, 285, 287—291, 296
Монтескье Ш. 164
Морган Дж. П. 62, 64, 65, 67, 69, 70—72, 92, 94, 95, 98, 107, 145, 146, 153—155, 158, 161, 165, 166, 210, 211, 214, 218—222, 229, 230, 246, 252, 259, 261, 265—275, 299, 314—317, 322, 340, 341, 345, 355
Морган Дж. П. (младший) 269, 270
Морган Дж. (сенатор) 133, 138
Морз (банкир) 212, 216, 221
Моррисон У. 60
Моури Г. 317, 335, 347
Моффат (американский консул) 302
Муди Дж. 62—67, 70—72, 220
Мунро Д. 298
Мур У. 60, 70
Мур Ф. 301
Мэдисон Дж. 113
Мэйер (посол США в России) 173, 183, 189
Мэтьюс (нефтепромышленник) 82, 83
Мэхэн А. 7, 10—15, 29, 56, 100, 116, 169, 179, 188, 332
Мюлхалл (экономист) 7

Наполеон I 12, 48, 126, 220
Наполеон III 296
Невинс А. 73
Нельсон Г. 41
Нельсон Н. 326
Николай II 171, 172
Нобели (семья шведских изобретателей, банкиров и промышленников) 67
Нокс Ф. 227, 229, 232, 286, 299, 301—303, 306, 307, 309—311, 314—316, 339
Норрис Ф. 105, 324, 345
Ноуель (президент Кубы) 311
Ньюкомб С. 46
Нэпп 311

Обальдия (губернатор Панамы) 137, 140
Оделл Б. 158
Олдс (бизнесмен) 60
Олдрич Н. 223, 226, 319—321, 323—325, 327, 328, 337, 347, 348
Олни Р. 288
Орчард 201, 202, 204

Пальма Э. 130, 308, 309
Паркер Ч. 159—162, 222, 223
Паунсфот (английский посол в США) 132, 177
Пекк 46
Перкинс Дж. 230, 265, 270, 341, 342, 345—347, 349, 355, 356
Першинг Дж. 151
Петигру Р. 24, 86, 89, 103, 119, 121, 147, 192, 201, 221, 223, 275
Петтибон (рабочий) 202, 204, 205
Пеффер У. 21
Пибоди Дж. 252, 265, 272, 273
Пинчот Дж. 322, 336
Писарро Ф. 207
Платт Т. 103, 118, 119, 129, 130, 158, 287, 308, 309
Пойндекстер (сенатор) 346
Полк Дж. 37
Портер (банкир) 269
Прингл Г. 169, 243
Пуджо А. 252, 258—260, 262, 263, 266, 268—275
Пулитцер У. 145, 146
Пульман (миллионер) 18, 44, 115, 248, 270
Пэйн Г. 84, 85, 319, 320, 325, 327, 328, 337, 347, 348
Пэйн О. 84

Райд У. 184
Райс (нефтепромышленник) 77
Райт О. и У. 46
Райт Л. 328, 329
Рейн (бизнесмен) 216
Рейнер (сенатор) 289
Рид Джон 208
Рид М. 112
Робеспьер М. 115
Робинсон (бизнесмен) 146
Роджерс Г. 82, 83, 161
Рожественский З. П. 171, 175
Розен Р. Р. 171
Рокфеллер Дж. 56, 62—67, 69—86, 88, 90, 156, 161, 190, 215, 216, 218, 229, 259, 271, 272, 326
Рокхилл У. 166
Ротшильды (банкирский дом во Франции) 67
Роу (комиссар США на Пуэрто-Рико) 147
Рузвельт К. М. ван 112
Рузвельт Т. 7, 10, 12—15, 19, 26, 30, 35, 37, 38, 40—42, 44, 90, 100—119, 124—128, 130—139, 141, 143—166, 168—180, 182—189, 202, 203, 214—216, 218—221, 223, 225—233, 236, 239—243, 246—248, 250—252, 260, 285, 287—289, 294, 297, 300, 301, 305, 306, 308, 310, 313—315, 318, 319, 321, 322, 325, 328—347, 349—351, 353—356
Рузвельт Т. (младший) 122
Рузвельт Ф. Д. 101
Рут Э. 96, 98, 123, 124, 129, 145, 159, 164, 166, 176, 178, 183, 219, 249, 314, 315, 322, 330, 339

Сакко Н. 240, 244
Салдо (министр иностранных дел Кубы) 308
Саломонс Д. 60
Селая Х. 301—303
Селливан М. 224, 225, 247
Сервер (адмирал) 38
Сибли Дж. 156
Синклер Э. 105, 208
Сквайрс Г. 308
Скофилд (нефтепромышленник) 76, 77
Смит А. 124
Смит Ч. 146
Солсбери Р. 37
Спарго Дж. 236
Спенсер Г. 180
Спринг-Райз А. 183
Спунер Дж. 134—137, 144
Стивенсон Э. 43
Стил (бизнесмен) 269, 270
Стиллмен Дж. 218, 266, 271
Стори М. 123
Стрэйт У. 314—316
Стуненберг (губернатор) 201, 202, 204
Сьюолл А. 25

Тайлер Дж. 155
Такахира К. 164, 171, 176, 315
Тарбелл А. 75, 76, 105
Тарнер (сенатор) 178
Тауэр Ч. 173
Тауссиг Ф. 320
Тафт А. 247
Тафт Г. 146
Тафт Р. 247
Тафт У. 52, 104, 117, 164, 168, 171, 172, 180, 233, 237—239, 240—252, 259, 285—287, 289, 291, 293, 294 298—300, 305—307, 309—311, 313—332, 334—346, 349—351, 353—355
Твен М. 102, 105, 122, 125, 203
Террасас (мексиканский латифундист) 293
Тийгл (нефтепромышленник) 76, 77
Тиллмен Б. 102, 226, 227
Тирпиц А. 175
Тит 42
Тобару (генерал) 140
Толстой Л. Н. 103
Томас (миллионер) 212
Томас Р. 219
Торрес (колумбийский полковник) 140
Тоуни (конгрессмен) 320
Туган-Барановский М. И. 214
Тэйер У. 115, 145, 340
Тэйлор Ф. 257
Тэрстон (сенатор) 36

Уайт Г. 178, 242, 326, 329, 334
Угарте М. 307
Уивер (генерал) 22
Уокер У. 133, 134, 296
Уолл М. 92, 190
Уоллер (офицер) 124
Уорбург Ф. 272
Уоррен Ф. 320
Уотсон Т. 25, 163
Уэллс Г. 45, 46
Уэртас (панамский генерал) 141
Уэрта В. 295, 296

Фейрбенкс Ч. 159
Фелан (деятель рабочего движения) 248
Фенстон (генерал) 122, 123
Филлипс Д. 105
Филмор М. 155
Фонер Д. 96, 97
Форд Г. 9, 60, 61, 72, 252, 255, 256
Форд Дж. 240
Форейкер Дж. 227
Форейнер (сенатор) 147
Фостер У. 197
Фрик Г. 107, 219, 220, 345
Фрэй (сенатор) 84
Фулбрайт У. 146, 147

Ханна М. 26, 28, 31, 32, 92, 94—97, 103, 115, 116, 134, 135, 155, 157—159, 190
Харлоу Р. 23
Хаскелл (губернатор) 235
Хаяси (японский посол в Великобритании) 170
Хевмейер Г. 86
Хепбёрн У. 225—228
Херст У. 33, 36, 105, 159, 160, 235, 245
Херрон (судья) 248
Хей Дж. 28, 33, 36, 39, 40, 116, 127, 132, 135—138, 141—146, 165, 166, 172, 177, 188, 313
Хейвуд Б. 190, 191, 194—196, 198—205, 236, 352
Хейс Р. 31, 132, 248
Хиггинс Ф. 161
Хилкуит М. 55, 92, 194, 195, 209, 351, 352
Хилл Дж. 26, 56, 229
Хоган (см. Орчард)
Холл (ученый) 241
Холмс О. 178, 179
Хорслей (см. Орчард)
Хуббард 140

Цезарь К. Ю.

Чаморро Э. 151, 285, 305
Чемберлен Дж. 36, 178, 181

Шармер (нефтепромышленник) 76, 77
Шваб (предприниматель) 67
Шиф (предприниматель) 272
Шерман (председатель ИРМ) 199
Шерман Дж. 28, 29, 63, 66, 88, 89, 98, 119, 121, 155, 215, 229, 233, 325, 326, 347
Шлезингер А. 55, 107
Шлютер Г. 16
Шоу Б. 139
Штейнгарт (консул США на Кубе) 308, 309
Штернбург (германский посол в США) 183, 185
Эверест (менеджер) 82, 83
Эдисон Т. 9, 10, 47, 258
Элиот (президент Гарвардского университета) 190
Элкинс С. 226
Энгельс Ф. 16, 69
Эндруз В. 8
Эрман (консул США в Панаме) 140, 141
Эрран (колумбийский дипломат) 135—138, 142, 144
Эстрада Х. 302, 303

Юз Ч. 233, 261

Предметный указатель

Автомобильная выставка 60
Аграрный кризис 20, 284
Акты
— о Бюро корпораций 157
— о «золотой валюте» 40
— Спунера 134, 135—137, 144
— Форейнера 147
— Шермана см. законы антитрестовские
Акции (см. тресты, компании)
Американская Федерация Труда (АФТ) 5, 14—18, 51, 92, 93, 99, 157, 168, 190—193, 196, 198, 200, 206, 207, 235, 238, 333.
«Американский век» 14, 108, 164, 169.
Американский индивидуализм 54
«Американское Средиземноморье» 127, 150, 286, 314
«Андеррайтер» 252, 267, 268, 274
Аннексия (см. также интервенция) 11, 12, 15, 25, 29, 30, 34, 36, 39, 48, 187, 305
Антиамериканизм, антиамериканские демонстрации 150, 168, 295
Антиамериканский бойкот 164, 166—168
Антиимпериалистическая лига 119, 125
Антиимпериалисты 14, 15
Антифедералисты 15
Арбитаж 32, 98, 142, 149, 188, 189, 246, 344
Арбитр Центральной Америки 127, 150—152, 296, 297, 306
Архимиллионеры 62, 71, 86, 161
Ассоциации
— адвокатов 289
— американо-азиатская 166
— предпринимателей 91—92
— расчетных палат 260

Банки 26—29, 112, 165, 212—214, 216—219, 222, 235, 240, 258—260, 262—272, 276, 311, 312, 314—316
Банкирские дома 62, 65, 67, 70, 71, 217—218, 221, 252, 259, 263, 265, 267, 270, 272—275, 310, 312, 341, 345
Банковские крахи 214, 221
Банкротства 212—213, 222, 269—270
Безработица 214, 352
Билли
— Пэйна 319
— Хепбёрна 226—228
Биметаллизм 14, 22—24, 43, 159
Биржа Нью-йоркская 211—212, 216, 218, 219, 252, 259—262, 264, 265, 336
Биржевая паника 210, 211—216, 218, 222, 235, 258, 344
Биржевой пул 262
«Большой дубинки» политика 13, 100, 111, 113, 119, 131, 143, 178, 285, 287, 288
Боссы партийные 95, 103, 105, 106, 118, 153, 157, 158, 161, 223—225, 240, 323, 334, 341, 353
«Брайанизм» 24, 222, 239
«Буйные всадники» 37, 100, 118
Бюро
— американских республик 287
— по делам корпораций 152, 156, 157, 220, 230, 325
— поощрения иммиграции 50

«Веление судьбы» 30, 164
Венесуэльский конфликт 127
Верховный суд 77, 88, 146, 178, 202, 205, 221, 229, 243, 244, 248, 249, 251, 325—327
Вето президентское 51, 319, 327, 348
Вмешательство государства в хозяйство 101, 107, 109—111, 229, 252
Войны
— англо-бурская 132, 144, 178
— гражданская 8, 31, 34, 55, 103, 112, 115, 148, 157, 272, 331, 348
— с индейцами 48
— испано-американская 15, 30, 33, 36, 37, 39, 41, 48, 103, 108, 117, 118, 120, 125, 127, 133, 147, 152, 177, 178, 217, 286, 288, 296, 297, 307, 308, 318
— с Мексикой 29, 131
— за независимость 31, 45, 107, 247
— первая мировая 5, 52, 74, 83, 87, 88, 209, 210, 221, 240, 254—255, 259, 275—277, 285, 286, 297, 298, 300, 305, 306, 356
— русско-японская 164, 169, 170, 171, 176, 178, 314
— филиппинская 38, 119—126
— японо-китайская 165
Восстания
— на Гавайских островах 25
— в Гаити 312
— в Доминиканской Республике 311
— Ихтуаньское 39, 168
— на Кубе 34, 35, 308, 309, 310
— в Мексике 295
— в Никарагуа 301—304
— на Филиппинах 38, 120—126, 249
Выборы президентские
— 1896 г. 14, 15, 19, 22, 23, 25, 27—29, 33, 87, 115, 116, 159, 176
— 1900 г. 33, 41, 44, 95, 119, 125, 134, 159, 222, 239, 248
— 1904 г. 143, 152, 155, 157, 161—164, 166, 222, 223, 232, 234, 238
— 1908 г. 146, 208, 222, 231, 233, 234, 236—239, 240, 242, 252, 317, 318, 328
— 1912 г. 246, 317, 335, 336, 339—342, 344, 345, 347, 352, 356
Вымирающие племена 53
Выставки всемирные
— в Сент-Луисе (1904 г.) 45, 48, 167
— Чикагская (1893) 7—10
Вытеснение мелких ферм — см. фермеров дифференциация.

Гомстэды 283
Городов рост 45, 53, 54
«Государственный социализм» 109
«Гражданский промышленный союз» 91, 92, 190

Дело
— Баллинджера 317, 321, 322, 324
— Буффало 62, 75, 82, 83
— Сакко и Ванцетти 240, 244
— Северной гарантийной компании 229
— Стального треста 215, 246, 327—331, 336, 338
— о захвате Теннессийской компании 220, 221, 330
— «Харвестер» трест 30, 327, 336, 341, 342
— Хейвуда 190, 201—205
Держательские компании 87, 88, 229, 326
Десанты США в Центральной Америке 303, 309, 312
Диктатура
— Диаса 292—295
— Зелайи 301—303
Дипломатия доллара 5, 285, 286, 288, 296, 300, 302—304, 308—315, 317
Дискриминация расовая 13, 50—53, 57, 102, 166, 168, 293
«Добавление Платта» 129, 130, 287, 308, 309
Договоры
— Брайана-Чаморро 151, 285, 305
— с Гаити 312
— испано-американский 38, 119, 120, 125, 127, 128
— Клейтона — Бульвера 131, 132, 296
— с Кубой 129, 130
— Хея — Бюно-Варильи 127, 142, 143, 146
— Хея — Паунсфота 132, 177
— Хея — Эррана 135—138, 142, 144
Доктрины
— Монро 127, 132, 148, 150, 177, 188, 285, 287—291, 296
— Хея («открытых дверей») 33, 39, 40, 165, 169, 176, 177, 313, 314

Железнодорожная концессия в Китае 164—166
Железнодорожные пассы 224—226
Железнодорожные тарифы 19, 67, 76—77, 87, 216, 227, 233, 326
Железнодорожные фрахты 21, 80

Забастовки — см. стачки
Законы
— «антитрестовские» 29, 62, 63, 66, 86—90, 98, 155, 156, 157, 215, 219—221, 228, 229, 233, 246, 325—327, 330, 348
— иммиграционные 45, 51, 52, 167, 253, 353
— о партийных фондах 229

— о приеме на государственную службу 114
«Закрытая мастерская» 92, 94
Западная федерация горнорабочих 190, 194—195, 199—201, 204—205
Заработная плата 10, 16, 61, 63, 93, 95, 96, 99, 201, 252, 256, 347

«Измена сената» 105
Изоляционизм 11, 125
Иммиграция, иммигранты (см. также законы иммиграционные) 10, 16, 17, 42, 49—53, 61, 93, 99, 168, 191, 209, 211, 252—253, 344
Инвестиционный банкир 252, 263—266
«Инджанкшн» 157, 231, 233, 234, 243, 248, 348
Индустриализация 59, 109
Индустриальные рабочие мира (ИРМ) 190, 195—201, 205, 209, 351, 352
Иностранный капитал
— в Мексике 127, 150, 291—293
— в США 127
— в Центральной Америке 127, 296, 298, 310, 312
«Инсургенты» 222, 223, 226, 241, 244, 318, 319, 321—324, 326, 327, 330, 331, 334
Инструментализм 111
Интенсификация земледелия 275, 276, 279, 281—282, 284
Интервенция (оккупация)
— в Гаити 127, 148, 151, 285, 311, 312
— в Гондурас 151, 152
— в Доминикскую Республику 127, 148, 149, 151, 152, 285, 311
— на Кубу 36, 38, 127, 128, 130, 151, 152, 251, 285, 309
— в Мексику 150, 151
— в Никарагуа 151, 304

Китайский вопрос 165
Комиссии
— англо-американская 178
— биржевая 261
— по выборам 84
— Калберсона 220
— Лоджа 123
— по межштатной торговле 226
— президентские 91, 98
— природных ресурсов 231, 321
— промышленная 81, 82
— процедур 323, 324
— Пуджо 252, 258—275
— путей и средств 32
— по расследованию деятельности трестов 77, 81, 276
— по резолюциям 24, 159, 234
— по реформе гражданской службы 114, 248
— Тафта 249—251
— Уокера 133, 134
— Шермана 119, 121
— Элкинса 226
Компании
— автомобильные 72, 252, 255—256
— «Американ телефон энд телеграф» 69, 72, 270, 272
— Вестингауза 213
— железнодорожные 18, 21, 27, 62, 64, 67, 69, 70, 76, 78, 94, 104, 211—212, 215, 222—229, 233, 240, 261, 262, 264, 265, 268—271, 273
— кубино-американская сахарная 310
— панамская 133—135, 137, 145, 146
— по развитию Китая 165
— Северная гарантийная (см. дело Северной гарантийной компании)
— страховые 71, 231
— угля и железа 107, 210, 219
— швейных машин 167
Конгрессы международные
— социалистический 1904 г. 206
— социалистический 1907 г. 111
Консервация природных ресурсов 322, 328
Консорциум шести держав 285, 316
Контроль над кредитом 259, 262
Контроль над таможнями и финансами других стран 131, 149, 285, 296, 299, 303, 310
Конференции
— Алхесирасская 176, 182—187
— мирные в Гааге 176, 188, 189
Концентрация производства 69, 106, 190, 211, 264, 284
Концессии 164—166, 176, 294, 302, 303, 309
Корпорации (см. компании, тресты)
Коррупция 62, 83, 105, 106, 111, 113, 114, 133, 207, 240, 333, 353
«Красный поезд» Дебса 222, 237—238, 353
Кризис экономический 1907—1908 гг. 213, 214, 236, 252
Кругосветный рейс флота 164, 175, 176
Кубинский вопрос 33
«Кэннонизм» 324

Личная (персональная) уния 252, 268, 270, 271
«Лобби» 134

Макабеби 122
Макрейкеры 100, 105, 106, 240, 275
Марокканский кризис (см. Алхесирасская конференция)
Массовое производство 59, 258
Международное общество рабочих 50

Международные полицейские силы 101, 150, 289
Международный суд 188
Мексиканская революция 292
Мировое господство 13, 41
Монашеские ордена на Филиппинах 249—250
Монокультуроное сельское хозяйство 45, 298
Монометаллизм 14, 22, 23, 25, 159
Монополии см. компании, тресты
Морская программа 12, 334

Надзор над трестами 107, 111, 154—157, 226—228, 230, 233, 235, 239, 332, 336, 339, 346, 349, 350
Население
— рост 45, 48, 49, 53, 59, 252, 355
— состав 15, 49, 50, 57, 253, 276, 279
— движение на Запад (см. свободные земли)
Научная организация труда 256, 257, 258
Научные исследования 8, 252, 257, 258
Национальная академия наук 258
Национальная ассоциация промышленников (НАП) 91, 99, 190
Национальная гражданская федерация 91—93, 95, 98, 99, 190
Национальная прогрессивная республиканская лига 317, 334, 335, 346
Национальное богатство 7, 8, 21, 59, 106, 211, 253
Национальный доход 7, 8, 253
Национальный конгломерат 14, 16, 253
Национальные партийные конвенты (съезды)
— 1884 г. 113
— 1888 г. 114
— 1896 г. 14, 23, 25
— 1900 г. 40, 41, 43, 119, 134
— 1904 г. 152, 157—160
— 1908 г. 231—236, 242, 319, 320, 326, 328
— 1912 г. 317, 336, 342—344, 346—349
Негритянский вопрос см. дискриминация расовая
Нейтрализация железных дорог Маньчжурии 315
«Непобедимая армада» 38
Никарагуанский проект канала 25, 133—135, 144, 301, 305
«Новая свобода» 350, 354
«Новый национализм» 106, 110, 317, 331—334, 338, 339, 347, 350, 354, 355

«Обезьяний процесс» 24, 203
Образовательный ценз 51—53
Общества
— межуниверситетское 236
— историческое 11
— страховые (см. также полисы страховые) 216, 224, 263—266, 268, 269, 271
Оккупация (см. интервенция)
Освоение Запада (см. свободные земли)
«Открытая мастерская» 99

Панама «независимая» 138—141, 143—145, 152, 307
Панамская афера, «панама» 127, 133, 145
Панамский канал, зона 131—137, 142—147, 151, 176, 285—287, 296, 301, 305—307, 309, 313
Панамериканские конференции 287
Панамериканский конгресс 33
Панамериканский союз 285, 287, 289
Партии
— демократическая 14, 22—26, 32, 41—43, 86, 94, 97, 113, 125, 126, 158—159, 161, 163, 222—224, 226, 227, 235, 238—239, 241, 245—246, 248, 258, 317, 320, 322, 325, 327, 328, 335, 339, 345, 347, 349, 353—355
— популистская 22, 23, 25, 26, 40, 66, 95, 109, 163, 244
— прогрессивная 317, 344—347, 353—355
— республиканская 14, 22, 25—27, 31, 32—34, 40, 41, 43, 44, 86, 94, 97, 103, 113, 115, 116, 125, 126, 152, 153, 155—163, 177, 222—227, 231—232, 238—240, 245—246, 248, 250, 317, 319, 320, 322—325, 328—332, 334—336, 338, 339, 342—345, 347, 353—356
— социалистическая 43, 44, 152, 163, 194, 195, 202, 208—210, 236—238, 317, 351—354
— социалистическая рабочая 43, 190, 200, 205—208, 210
Партийный аппарат 91, 113, 118, 153, 157, 190, 331, 342, 343, 354
Патенты 254
Пеонаж 292, 293
Переписи см. цензы
Переплетающиеся директораты 252, 268
Платформы партий (предвыборные)
— демократической 43, 159, 160, 234, 238, 348, 349, 352
— прогрессивной 346—347, 351, 352
— республиканской 14, 25, 26, 33, 86, 134, 233, 319, 326, 340
— социалистической 236, 352
Поглощение компаний 210
Покупка
— Луизианы 48, 126, 167
— Филиппин 120, 126
Полисы страховые 263, 265

Поправка Платта (см. «добавление Платта»)
Портсмутский мир 164, 171—174, 176, 178, 315
Потогонная система 256, 257, 333
«Похищение Панамы» 143, 145
Поход Кокси на Вашингтон 115
Прагматизм 111
Прибыль см. компании, тресты
Прогнозы на XX век 45, 47
Прогрессивное движение 102, 108, 239, 335, 347, 356
«Прогрессивный период» 276, 317, 356
«Прогрессисты» 331, 332, 334—336, 340, 344, 347
Промышленный рост 7, 8, 59—61, 210, 252, 254
Протекторат
— над Гавайскими островами 15
— над Гаити 310, 312
— над Доминиканской Республикой 310
— над Кубой 285, 290
— над Никарагуа 290, 305
— над Панамой 290
«Прочный юг» 328

Рабочее время 45, 61, 93, 95, 96, 99, 194, 204, 234, 256, 333, 347, 352, 353
Разводнение акций 43, 65, 216, 217, 240, 262
Разоблачающая литература см. макрейкеры
Раскол республиканской партии см. партия республиканская
Расчетные палаты 252, 259—262
«Рыцари труда» 205, 207

Свободные земли 10, 19, 51, 54—56, 103, 104, 106, 253, 276, 282
Сельскохозяйственная техника, механизация сельского хозяйства 58, 275—277, 279, 280, 283
Синдикализм 195, 197, 200, 206, 207
Система Белла 69, 258
Система Тэйлора 252, 257
Соглашения
— англо-французское 1904 г. 180, 181, 186
— Бурлингамское 51
— с Ватиканом 240, 249
— о границах (Аляски) 176, 178—179
— о строительстве железных дорог 165, 166
— о тарифах (с Канадой) 240, 244—246—328
— Кацура — Тафта 164, 171, 172, 251
— русско-японское см. Портсмутский мир
— Рута — Такахира 164, 176
Социальная статистика 278
Социальное законодательство 344
Социальное страхование 263, 353
«Старая гвардия» республиканцев 152, 153, 155, 157, 222—223, 226, 231, 318, 319, 331, 332, 343, 344, 356
Стачки
— антрацитовая 91, 93—99, 153, 157, 242
— Гомстэдская 14, 18, 19, 115
— железнодорожников 18, 32, 44, 88, 94, 98, 115, 243, 248
— текстильщиков 200
— шахтеров 32, 94, 194, 195
— Чикагская 14, 18, 19

Тайна гибели «Мэн» 33, 35, 116, 117
Тайна 40 млн. долл. 127
Тарифы
— Дингли 28, 33, 43
— Маккинли 28, 32, 33, 86
— Пэйна — Олдрича 319, 320, 324, 325, 327, 328, 337, 347, 348
— Протекционистские 25, 32, 44, 86, 152, 159, 160, 233, 239, 244, 317, 318, 347, 348
Технический прогресс 7—9, 46—47, 252, 254
Техническое образование 45, 57
Традиция двух президентских сроков 163, 232
Трансконтинентальные железные дороги 55, 59
Тресты
— Медный 64, 212, 262
— Сахарный 64, 86, 327
— «Стандарт ойл» 26, 64—67, 71—85, 88, 89, 156, 161, 167, 216, 218, 222, 235, 294, 326, 327, 355
— Стальной (см. также — дело Стального треста) 64, 65, 67, 68, 72, 88, 89, 155, 210—212, 214, 217, 219, 230, 246, 258, 262, 265, 268, 270, 272, 274, 327, 337, 345, 349, 355
— Табачный 64, 326, 327
— Фруктовый 298—301, 307, 310, 312
— «Харвестер» (см. также—дело «Харвестер» треста) 265, 270, 272, 355
Тресты «хорошие» и «плохие» 155, 325, 326, 336, 337
Трибунал (смешанная комиссия) 178, 179

Убийства
— Касереса 311
— Мадеро 285, 295
Уолл-стрит 63, 95, 158, 159, 161, 204, 214—215, 222, 232, 262, 273, 303, 340
Утопический социализм 44, 54, 55

Федералисты 15, 108
Федеральное бюро расследований 231
Фермеров дифференциация 275, 276, 278, 281—285
Фермерский вопрос 284
Фермерское движение 19, 21, 22, 58, 104, 239
Фермы «семейные» 279
Фиктивный капитал 217
Филиппин захват, усмирение 117, 119—126, 152, 249
Филиппин независимость 43, 120, 125, 249, 349
Филиппинская республика 119, 120, 121, 250
Финансовая олигархия 67, 210, 214, 216, 221, 258—260, 262, 263, 274, 275
Фонды избирательные 26, 27, 83, 161, 162, 337, 342, 344, 345
«Фордизм» 252, 256
Фундаменталисты 255

Ценз
— общий 7, 15, 45, 47, 52, 61, 62, 253, 278—281, 331
— промышленный 190
Централизация капитала 211, 252, 266
Центрально-Американский суд справедливости 151, 297
Цены
— монопольные 63, 66, 74, 79, 81, 85—87, 210, 317, 319
— оптовые 210
— сельскохозяйственные 20, 21, 58
Цусимское сражение 171

«Штурм» банков 210, 212, 213

Экспериментальные сельскохозяйственные станции 57
Экспорт
— бананов 300
— капитала 127, 150, 166, 173, 177, 285, 286, 291, 302, 307, 313
— товаров 57, 66, 67, 168, 177, 211, 286, 308, 313
Экстенсивное сельское хозяйство 58, 275, 276, 281, 284
Эмиграция см. иммиграция
Эра
— Атлантики 13, 14
— Средиземного моря 13
— Тихого океана 13, 14, 164, 169, 313
Эскадра Дьюи 38, 117, 149

Японо-американское соперничество 164, 174—176

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. На рубеже веков 7
1. Зарождение империализма 7
2. Президентская кампания 1896 г. 14
3. Маккинли и «предначертание судьбы» 28
4. «Блестящая маленькая война» 38

II. Вступление в двадцатое столетие 45
1. Двенадцатый ценз 45
2. Правда о трестах 62
3. Антрацитовая стачка 91

III. Теодор Рузвельт и его политика «большой дубинки» 100
1. Теодор Рузвельт 100
2. Усмирение Филиппин 119
3. «Американское Средиземноморье» 127
4. Избирательная кампания 1904 г. 152

IV. Республика-империя 164
1. Портсмутский мир 164
2. Алхесирасская конференция 176
3. Рабочее и социалистическое движение 190
4. Биржевая паника 1907 г. 210
5. Конец брайанизма 222

V. На перепутье 240
1. Уильям Тафт 240
2. Комиссия Пуджо 252
3. Дифференциация фермеров 275
4. «Дипломатия доллара» 285
5. Раскол республиканцев 317

Указатель имен 357
Предметный указатель 362

Вениамин Израилевич Лан.

США: от испано-американской до первой мировой войны

Утверждено к печати Институтом мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. С. Тихонов*, Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Л. В. Каскова*. Корректоры *Е. И. Кореневская, А. Д. Полосова*

Сдано в набор 11/V 1975 г. Подписано к печати 26/IX 1975 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 5400 экз. Т-15353. Тип. зак. 4549.
Цена 1 р. 89 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-63, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	12 св.	до первой мировой войны — с зарождения империализма США.	— с зарождения империализма США до первой мировой войны.
102	примечание, 4 сн.	Jood	good
116	7 сн.	ıа ней стоит	за ней не стоит
132	12 св.	Хей	Хейс
157	21 сн.	АТФ·	АФТ
224	18 сн.	«пассивы»	«пассы»
329	примечание, 3 сн.	Вин	Butt
363	20 св., 2-й столбец	Зелайи	Селайи